

"Росс Полдарк (ЛП)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Группа “Исторический роман”, 2015 год.

Перевод: gojungle, david_hardy, Oigene, linaalina, olesya_fedechkin, Blangr, Sam1980 и Снрум .

Редакция: Oigene, gojungle, david_hardy, Sam1980 и linaalina .

Домашняя страница группы В Контакте: http://vk.com/translators_historicalnovel

Поддержите нас: подписывайтесь на нашу группу В Контакте!

mir-knigi.org

УИНСТОН ГРЭМ

Росс Полдарк

КОРНУОЛЛСКАЯ ИСТОРИЯ

1783–1787

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
ГРУППА „ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН“
https://vk.com/translators_historicalnovel

Джошуа Полдарк скончался в марте 1783 года. В феврале того же года, чувствуя, что его пребывание на этой земле уже подходит к концу, он послал за своим братом в Тренвит.

Холодным серым днем Чарльз неторопливо явился на огромной чалой кобыле, и Пруды Пэйнтер, смуглая толстуха с неприбранными волосами, провела его прямо в спальню, где в большом алькове, обложенный подушками и подушечками, лежал Джошуа. Чарльз мельком оглядел комнату своими маленькими водянистыми голубыми глазками - грязь и беспорядок - а затем приподнял фалды и уселся в плетеное кресло, скрипнувшее под его весом.

- Что ж, Джошуа.

- Что ж, Чарльз.

- Плохи дела.

- Плохи.

- Когда ты поднимешься, как думаешь?

- Никто не знает. Мне кажется, кладбище не за горами.

Чарльз выпятил нижнюю губу. Он бы отмел это замечание, если бы сам не был в этом уверен. Гость икнул - от езды верхом в последнее время его мучили газы, и ему полегчало.

- Ерунда. Подагра в ногах никого никогда не убивала. Вот если поднимается к голове, тогда это опасно.

- Чоук говорит мне другое: что есть еще одна причина для опухоли. На этот раз я подозреваю, что старый дурак прав. Хотя, видит Бог, это тебе следует лежать здесь, поскольку я вполнину тоньше тебя.

Чарльз посмотрел на свой черный вышитый жилет, выпирающий под подбородком.

- Моя-то плоть здорова. Каждый набирает вес в зрелые годы. Я бы не хотел быть похожим на жердь, как кузен Уильям-Альфред.

Джошуа насмешливо выгнул бровь, но ничего не сказал. Наступила тишина. Братья не часто общались в течение многих лет, и при этой последней встрече поддерживать светский разговор оказалось нелегко. Чарльз, старший и более преуспевающий - ему достался семейный особняк, земли и большая часть шахт, глава семьи и уважаемый человек в округе, никогда не мог избавиться от подозрения, что младший брат его презирает. Джошуа всегда был занозой. Он никогда не довольствовался одними лишь поступками, которых от него ждали: пойти в священники или в армию, жениться как положено и оставить Чарльза управлять округой.

Не то чтобы Чарльз возражал против нескольких грешков, но существовала определенная грань, и Джошуа преступил её. Тот факт, что последние годы он вел себя должным образом, не перечеркивал его прежних прегрешений.

Что до Джошуа, человека с циничным складом ума и безо всяких заблуждений, то он не

жаловался на жизнь или брата. Он взял от жизни всё и не обращал внимания на других. Была доля правды в его ответе на замечание Чарльза.

- Ну почему, старина, ты еще достаточно молод. На два года младше меня, а я здоров и прекрасно себя чувствую. Так вот.

На что Джошуа ответил:

- Может, нас и разделяют два года, но ты и половины моей жизни не прожил.

Чарльз погрыз набалдашник своей трости и, нахмурившись, посмотрел вглубь комнаты.

- Проклятая война еще не закончилась. Цены ползут вверх. Зерно идет по семь-восемь шиллингов за бушель. Масло по девяти пенсов за фунт. Хотелось бы того же и для цен на медь. Мы подумываем проложить новый штрек в Грамблере. Восемьдесят сажений. Возможно, он окупит наши затраты, хотя сомневаюсь в этом. А как у тебя в этом году с полями?

- Именно о войне я и хотел с тобой поговорить, - сказал Джошуа, подтянувшись вверх на подушках и учащенно дыша. - В считанные месяцы подпишут предварительное мирное соглашение. Тогда Росс вернется домой, но меня он может не застать. Ты мой брат, хоть мы и не слишком ладили друг с другом. Я хочу ввести тебя в курс дел, чтобы ты занимался ими до возвращения Росса.

Чарльз отнял трость ото рта и настороженно улыбнулся. Выглядел он так, словно у него попросили денег в долг.

- Ты знаешь, у меня нет свободного времени.

- Времени мои дела у тебя не отнимут. Мне почти нечего оставлять. На столе возле тебя лежит копия моего завещания. Прочти на досуге. Оригинал хранится у Пирса.

Чарльз пошарил пухлой рукой и взял свиток с хлипкого трехногого столика за спиной.

- Когда ты в последний раз получал от него письмо? - спросил он. - Что надлежит сделать, если он не вернется?

- Поместье отойдет к Верити. Если будут покупатели, продай его, получишь немного денег. Это записано в завещании. Верити также получит мою долю в Грамблере, поскольку она единственная из всей твоей семьи навещала меня после отъезда Росса.

Джошуа вытер нос грязной простыней.

- Но Росс вернется. Он написал мне после прекращения сражений.

- На пути немало опасностей.

- У меня предчувствие, - возразил Джошуа. - Даже уверенность. Не желаешь поспорить? Рассчитаемся при встрече. На том свете найдется чем.

Чарльз вновь пристально посмотрел на землистое морщинистое лицо, некогда столь привлекательное. У него слегка отлегло от сердца, что пожелания Джошуа не простираются дальше, но он не ослаблял бдительности. Непочтительность на смертном одре казалась ему дерзкой и неуместной.

- На днях нас навестил кузен Уильям-Альфред. Он справлялся о тебе.

Джошуа скривился.

- Я сообщил ему, сколь тяжело ты болен, - продолжил Чарльз. - Он намекнул, что если ты не захочешь позвать преподобного мистера Оджерса, то, может, пожелаешь принять духовное утешение от одного из членов семьи.

- Имея виду себя.

- Что ж, после смерти мужа Бетти теперь он всем заправляет.

- Я не нуждаюсь ни в одном из них, - произнес Джошуа. - Хотя, несомненно, предложено это с добрыми намерениями. Но если он полагает, что мне полегчает, если я исповедуюсь в своих грехах, неужели он подумал, что я поведаю секреты кому-то из своего рода? Нет, я лучше поговорю с Оджерсом, этим полуголодным чибисом. Но мне никто из них не нужен.

- Если передумаешь, - произнес Чарльз, - отправь с Джудом весточку.

- Скоро узнаем, - буркнул Джошуа. - Но даже если и есть что-то во всей их суете и молитвах, стоит ли мне призывать их в этот час? Я прожил жизнь, и видит Бог, получил от нее сполна! Не стоит сейчас распускать нюни. Сам я себя не жалею и не желаю, чтобы жалел кто-нибудь другой. Неизбежное я приму. Вот и всё.

В комнате воцарилась тишина. Снаружи по стенам и черепице гулял ветер.

- Пока я отсутствовал, - сказал Чарльз, - эти Пэйнтеры устроили в доме редкостный кавардак. Почему ты не нанял кого-нибудь понадежней?

- Я слишком стар, чтобы менять ослов. Предоставь это Россу. Он быстро наведет порядок.

Чарльз недоверчиво хмыкнул. Он был невысокого мнения о способностях Росса.

- Он теперь в Нью-Йорке, - продолжил Джошуа. - Гарнизонный фронт. И уже почти оправился после ранения. Ему посчастливилось избежать осады Йорктауна. Знаешь, он теперь капитан и по-прежнему в 62-ом пехотном. Я затерял его письмо, а то бы показал тебе.

- Фрэнсис для меня большое подспорье в эти дни, - произнес Чарльз. - Росс тоже мог бы стать им для тебя, останься он дома, вместо того, чтобы гоняться за французами и колонистами.

- Да, вот еще что, - добавил Джошуа. - Ты случаем не видел или не получал вестей об Элизабет Чайновет?

После плотной трапезы смысл вопросов не сразу доходил до Чарльза. К тому же, когда дело касалось его брата, следовало искать в словах скрытый подвох.

- А это кто еще? - буркнул он.

- Дочь Джонатана Чайновета. Ты знаешь её. Худенькое белокурое дитя.

- И что? - спросил Чарльз.

- Я спрашивал, видел ли ты её. Росс постоянно ее упоминает. Он надеется, что застанет её, когда вернётся, и видится мне, это достойная партия. Ранняя женитьба его отрезвит, а ей не

найти человека пристойней, хоть и не следует мне, как отцу, так говорить. Два древних славных рода. Будь я на ногах, сам бы навестил Джонатана на Рождество, чтобы уладить дело. Мы и прежде об этом говорили, но он настаивал повременить до возвращения Росса.

- Мне пора, - заявил Чарльз, со скрипом поднявшись. - Надеюсь, что парень в любом случае здесь устроится, женится он или нет. Прежде он водил дурные знакомства, которые ему не следует возобновлять.

- Ты видишься с Чайноветами? - Джошуа отказывался отступить от своего даже при намеках на собственные недостатки. - Я теперь отрезан от всего мира, а Пруды только и знает, что сплетничать о склоках в Соле.

- Да, мы видим их время от времени. Верити и Фрэнсис встречали их на празднествах в Труро этим летом, - Чарльз выглянул в окно. - Разрази меня гром, если это не Чоук. Что ж, тебе будет с кем побеседовать, а ты говорил, что к тебе никто больше не приходит. Мне пора.

- Он только приходит проверить, как скоро прикончат меня его пилюли. Или его политика. Словно мне есть дело до того, ушел ли Фокс в подполье или охотится на цыплят-тори.

- Тебе видней.

Для человека своей комплекции Чарльз передвигался весьма проворно, успев нацепить шляпу и перчатки, и приготовился отбыть. Напоследок он неловко остановился у кровати, обдумывая, как бы поделикатнее уйти, в то время как под окном раздавался цокот копыт.

- Скажи, что я не желаю его видеть, - раздраженно буркнул Джошуа. - Скажи, пусть пичкает своими пилюлями свою глупую женушку.

- Успокойся, - произнёс Чарльз. - Да, чуть не позабыл. Тетушка Агата шлет тебе свои приветствия и советует принимать подогретое пиво, заправленное сахаром и яйцами. Она говорит, это тебя излечит.

Раздражение Джошуа достигло предела.

- Тётушка Агата - мудрая старая дура. Скажи ей, что последую её совету. И да, передай, что приберегу ей местечко рядом со мной.

Он закашлялся.

- Да пребудет с тобой Господь, - поспешно сказал Чарльз и бочком выскользнул из комнаты.

Джошуа остался в одиночестве.

После отъезда Росса он провел в одиночестве немало часов, но почти не замечал этого до того, как слег месяц назад. Теперь оно его тяготило и отравляло сознание мечтами. Для активного человека, смысл всей жизни которого состоял в движении, это болезненное, тусклое и прикованное к постели существование вовсе не было жизнью. Ему оставалось лишь размышлять о прошлом, а прошлое отнюдь не всегда - самая приятная пища для размышлений.

Он не переставал думать о Грейс, своей давно преставившейся жене. Она была его светочем. Пока она была жива, всё шло хорошо. Рудник, который он открыл и назвал в честь жены, приносил щедрый доход; с гордостью и надеждой был отстроен этот дом; родились два сильных сына. Покончив с глупостями юности, Джошуа остепенился, пообещав себе соперничать с

Чарльзом во многих смыслах. Свой дом он строил с мыслью, что когда-нибудь его ветвь Полдарков станет на ноги не менее прочно, чем основная ветвь дома Тренвитов.

Вместе с Грейс исчезла его удача. Дом был достроен лишь до половины, а рудник истощился. Со смертью Грейс у него исчезло желание тратить на всё это деньги и усилия. Здание кое-как закончили, но многое осталось неосуществленным. Затем пришлось закрыть Уил-Вэнити, а маленький Клод Энтони умер.

Он слышал, как доктор Чоук с его братом разговаривают у парадной двери; смутно раздавался раскатистый бас брата. Глубокий голос Чоука звучал мерно и напыщенно. Джошуа кипел от злости и бессилия. Какого черта им понадобилось сплетничать у порога его дома? Несомненно, они обсуждают его, кивают головами и говорят, что вот, мол, чего еще следовало ожидать. Он дернул звонок возле кровати и раздраженно ждал, когда наконец раздастся шарканье тапочек Пруды.

Наконец, в дверном проеме показалась нескладная и смутно различимая Пруды. Джошуа близоруко сощурился в тусклом свете.

- Принеси свечи, женщина. Ты хочешь, чтобы я умер в темноте? И скажи тем двум старикам, чтобы проваливали.

Пруды сжалась, как предвестник несчастья.

- Вы имеете в виду доктора Чоука и мистера Чарльза?

- А кого же еще?

Она вышла, и Джошуа снова разозлился, поскольку приглушенный разговор велся где-то недалеко от его двери. Он огляделся в поисках трости, решив сделать еще одну попытку встать и выйти к ним. Но тут вновь прозвучали слова прощания и послышалось цоканье копыт по булыжникам в сторону ручья.

Это был Чарльз. Что же касается Чоука...

Раздался громкий стук хлыстом в дверь, и вошел доктор.

Томас Чоук был из Бодмина, практиковал в Лондоне, но женился на дочери пивовара и вернулся в родное графство, купив небольшое имение рядом с Солом. Это был высокий неуклюжий человек с громовым голосом, соломенно-серыми бровями и беспокойными губами. В кругу мелкопоместного дворянства лондонская практика сослужила ему хорошую службу, все считали, что он в курсе современных методов лечения. Чоук практиковал на нескольких шахтах графства, и как со скальпелем в руке, так и на охоте придерживался одного и того же подхода: "всё или ничего".

Джошуа считал, что Чоук - профан, и несколько раз подумывал позвать доктора Прайса из Редрата. Только тот факт, что он верил доктору Прайсу не больше, чем доктору Чоуку, его удерживал.

- Ну-ну, - произнес доктор Чоук. - Так у вас были посетители, а? Мы несомненно чувствуем себя лучше, раз даже приняли брата.

- У меня есть неулаженные дела, - ответил Джошуа. - Это и явилось целью визита.

Доктор Чоук пощупал пульс больного своими крепкими пальцами.

- Покашляйте.

Джошуа с ворчанием повиновался.

- Наше состояние всё то же, - сообщил доктор. - Болезнь не прогрессирует. Вы принимали пилюли?

- Чарльз вдвое толще меня. Почему бы вам им не заняться?

- Вы больны, мистер Полдарк, а ваш брат - нет. Я не даю рекомендаций, пока меня об этом не попросят. Чоук откинул постельное белье и начал щупать опухшую ногу пациента.

- Он же просто как гора, - проворчал Джошуа, - даже ноги свои увидеть не в состоянии.

- Ой, да ладно. Ваш брат ничем таким не выделяется. Я хорошо помню, что в Лондоне...

- Ох!

- Тут болит?

- Нет.

Чоук снова пощупал, чтобы убедиться.

- Налицо явное улучшение состояния нашей левой ноги, но еще слишком много жидкости в обеих. Если бы мы могли заставить сердце ее откачать. Я хорошо помню, как в Лондоне меня вызвали к жертве драки в таверне в Вестминстере - он поссорился с итальянским евреем, который выхватил кинжал и вонзил его по самую рукоятку в живот моему пациенту. Но слой защитного жира оказался настолько толстым, что, как я обнаружил, острие даже не повредило кишечник. Здоровенный малый. Напомните, пускал ли я вам кровь, когда был здесь в последний раз?

- А то как же.

- Думаю, в этот раз не будем. Наше сердце склонно к возбуждению. Контролируйте себя, мистер Полдарк. Уравновешенное поведение помогает организму вырабатывать надлежащие соки.

- Скажите, вы видели кого-нибудь из Чайноветов? Чайноветов из Касгарна? Я спросил брата, но он ответил уклончиво.

- Чайноветов? Я вижу их время от времени. Полагаю, они в добром здравии. Я, конечно, не их врач, дружески мы не общаемся.

"Нет, - подумал Джошуа. Миссис Чайновет об этом позаботилась".

- Я чувствую, Чарльз что-то скрывает, - сварливо сказал он вслух. - Вы видели Элизабет?

- Дочь? Она в добром здравии.

- Имелась договоренность в отношении Элизабет между мной и её отцом.

- Интересно. Я ничего не слышал об этом.

Джошуа приподнялся на подушках, почувствовав угрызения совести. Сегодня было уже поздно задумываться об этих давным-давно спящих планах, но он любил Росса и в долгие часы своей болезни начал задаваться вопросом, что ему следовало бы сделать больше, и получше печься об интересах сына.

- Думаю, может, я пошлю завтра Джуда, - пробормотал он. - Попрошу Джонатана меня навестить.

- Сомневаюсь, что мистер Чайновет будет свободен - на этой неделе квартальная сессия мировых судей. Ах, вот желанное зрелище!

Враскорячку вошла Пруды Пайнтер с двумя свечами. В желтом свете виднелось её потное красное лицо с копной черных волос.

- У вас осмотр, да? - хрипло прошептала она.

Джошуа раздраженно повернулся к врачу.

- Я уже говорил вам раньше, Чоук, пилюли я проглочу, Боже, помоги мне, но микстуры и отвары не стану.

- Я хорошо помню, - тяжело вздохнул Чоук, - когда я еще будучи молодым человеком практиковал в Бодмине, один из моих пациентов, пожилой джентльмен, сильно страдал от болей при мочеиспускании и камней...

- Не стой там, Пруды, - рявкнул Джошуа служанке, - выйди.

Пруды перестала чесаться и неохотно вышла из комнаты.

- Так вы думаете, что я иду на поправку, а? - спросил Джошуа, до того как доктор смог продолжить. - И как скоро я встану на ноги?

- Хм. Небольшое улучшение, я бы сказал. Вы будете на ногах еще до возвращения Росса. Регулярно выполняйте мои предписания, и вы обнаружите себя исцеленным.

- Как ваша жена? - злорадно спросил Джошуа.

Поскольку его снова перебили, Чоук нахмурился.

- Хорошо, спасибо.

Тот факт, что пухлая, картавая Полли, хотя и вполонину его моложе, к приданому не добавила наследника, являлось причиной постоянного недовольства доктора - пока она сама оставалась бесплодной, он никак не мог убедить женщин не покупать пустырьник и другие настойки у странствующих цыган.

***

Доктор ушел, и Джошуа снова остался один. На этот раз до утра. Он мог, упорно дергая шнур колокольчика, позвать неохотно откликавшихся Джуда или Пруды, пока те не пошли спать, но потом не оставалось никого. Да и до этого времени они притворялись глухими, по мере того, как его болезнь становилась всё более явной. Джошуа знал, что слуги проводили большую

часть каждого вечера за выпивкой, а как только они достигали определенной степени опьянения, ничто не могло их стронуть с места, да и у него уже не было сил гонять их, как в старые времена.

Всё было бы иначе, если бы здесь оказался Росс. На сей раз Чарльз прав, но лишь отчасти. Именно Джошуа добился, чтобы Росс уехал. Он не видел смысла держать дома сыновей в качестве дополнительных лакеев. Пусть сами найдут собственные хомуты. Кроме того, он не мог допустить, чтобы сына приволокли в суд за участие в нападении на акцизных чиновников и связанные с этим обвинениями в контрабанде бренди и тому подобном. Вряд ли мировые судьи Корнуолла его бы осудили, но они могли поднять вопрос карточных долгов.

Нет, это Грейс следовало бы здесь находиться. Грейс, которую похитили у него тринадцать лет назад.

Ну а теперь он остался один и вскоре воссоединится со своей женой. Ему не приходило в голову удивляться, что он едва вспоминал других женщин в своей жизни. Они были созданиями для приятной и увлекательной игры, чем смелее, тем лучше, но стоило их только укротить, как они сразу и забывались.

Пламя свечей дрожало из-за сквозняка из-под двери. Ветер усиливался. Джуд сказал, что утром было сильное волнение - после спокойных холодов начинались дожди и шторма.

Джошуа хотел бы еще разок взглянуть на море, которое даже сейчас лизало скалы позади дома. Он не питал к морю сентиментальных чувств, его не волновали опасности или красоты - для него это был близкий друг, каждую добродетель и недостаток, каждую улыбку и каприз которого он понимал.

Земля тоже. Вспахали ли Длинное поле? Женится Росс или нет, без земли прожить трудно.

С достойной женой, чтобы вести хозяйство... Элизабет была единственным ребенком, эту редкую добродетель стоило иметь в виду. Чайноветы немного бедноваты, но кое-что имелось. Нужно увидеть Джонатана и всё устроить. "Послушайте, Джонатан," - скажет он. - "У Росса не будет много денег, но есть земля, а это всегда имеет значение в перспективе..."

Джошуа задремал. Ему снилось, что он гуляет по краю Длинного поля. Справа от него море, сильный ветер толкает в плечо. Яркое солнце нагревает спину, а у воздуха вкус вина из холодного погреба. Прилив на пляже Хендрона заканчивается, и солнце бросает изменчивые отражения на мокрый песок. Длинное поле не только вспахали, но уже засеяли, и оно дало всходы.

Он огибал поле, пока не достиг дальнего конца Дамсел-Пойнт, где низкий утес, весь в выступах и валунах, опускался к морю. Волны набегали и откатывались, меняя цвет на отрогах мокрых скал.

По какой-то причине он спустился со скал вниз, пока холодное море вдруг не обхватило его колени, причиняя ногам такую же сильную боль, как и ту, что он чувствовал от опухоли последние несколько месяцев. Но это ему не помешало, и он позволил себе соскользнуть в воду, пока она не достигла шеи. Затем он энергично заработал руками и ногами, плывя прочь от берега. По прошествии двух лет он снова очутился в море, и был рад этому. Он выдыхал своё удовольствие длинными прохладными вздохами, позволяя воде приблизиться к глазам. Вялость овладела его конечностями. Вместе со звуками волн в ушах и сердце он позволил себе дрейфовать и тонуть в прохладной, пушистой темноте.

Джошуа спал. Снаружи последние полосы дневного света медленно спускались с неба, погружая дом, деревья, ручей и скалы во тьму. Ветер посвежел, постоянно и сильно налетая с запада, завывая среди разрушенных помещений шахты на холме, шурша верхушками укрывшихся яблонь, приподнимая угол рыхлой соломенной крыши на одном из сараев, задувая брызги холодного дождя через разбитые ставни библиотеки, где две крысы осторожными рывками вынюхивали что-то среди рухляди и пыли. Ручей шипел и булькал в темноте, а над ним раскачивались на петлях давно несмазанные ворота. На кухне Джуд Пэйнтер откупорил вторую бутылку джина, а Пруды бросила свежее полено в огонь.

- Проклятье, ветер поднимается, - выругался Джуд. Вечно здесь ветер. Вечно здесь ветер, когда не надо.

- До утра нам потребуется еще дрова, - сказала Пруды.

- Возьми стул, - ответил Джуд. - Дрова сырые, дымить будут.

- Дай мне глотнуть, червяк чернявый.

- Сама налей.

Джошуа спал.

Книга первая

Октябрь 1783 - апрель 1785

Глава первая

Стоял ветреный день. Бледное полуденное небо затянули рваные облака, покрытая шелестящей палой листвой дорога за последний час стала еще более пыльной и ухабистой.

В дилижансе ехало пятеро: худой мужчина с узким лицом, облаченный в лоснящийся костюм, с виду - чиновник, его жена - толстая настолько, насколько был худ её муж, прижимающая к груди спутанный ком розовых и белых пеленок, с одного конца которых выглядывало сморщенное и красное личико младенца. Оставшиеся путешественники были молодыми мужчинами, один - священник лет тридцати пяти, другой на пару лет моложе.

Практически с тех пор как дилижанс отъехал от Сент-Остелла, внутри стояла тишина. Ребенок крепко спал, несмотря на подпрыгивание кареты, дребезжание стекол и лязг осей. Даже остановки его не разбудили. Время от времени пара вполголоса обменивались репликами, но тощий муж явно не желал разговаривать, немного пасуя перед представителями высшего общества, с которыми оказался в дилижансе. Младший из двух мужчин всю поездку читал книгу, а старший наблюдал за проплывающим мимо пейзажем, одной рукой придерживая выцветшую пыльную занавеску из коричневого бархата.

Это был невысокий худощавый мужчина, выглядящий сурово в черном одеянии священнослужителя, с волосами, зачесанными назад и завитыми над ушами и за ними. Его одежда была сшита из ткани превосходного качества, а чулки - из шелка. Лицо же - вытянутое, фанатичное, без намека на улыбку, с тонкими губами, энергичное и жесткое. Невысокий чиновник узнал это лицо, но не мог вспомнить имя.

Священник сидел прямо напротив другого пассажира кареты - с полдюжины раз его взгляд останавливался на густой, ненапудренной шевелюре и лице попутчика.

Когда до Труро оставалось не более пятнадцати минут, и лошади перешли на шаг, взбираясь на крутой холм, тот оторвался от книги, и их глаза встретились.

- Простите меня, сэр, - произнес священнослужитель резким, энергичным голосом. - Черты вашего лица мне знакомы, но не могу вспомнить, где мы встречались. Не в Оксфорде ли?

Молодой человек был высок, худ и широк в кости, со шрамом на щеке. Он носил двубортный сюртук для верховой езды, укороченный спереди, так что виднелись жилет и бриджи из плотной светло-коричневой ткани. Темные волосы с медным отливом были бесхитростно зачесаны назад и перехвачены коричневой лентой.

- Вы ведь преподобный доктор Холс, не так ли? - спросил незнакомец.

Мелкий чиновник, следивший за этим разговором, выразительно глянул на жену. Приходской священник Тауэрдета, викарий Сент-Эрме, директор гимназии Труро, видный горожанин и предыдущий мэр Труро, доктор Холс являлся персоной важной. Этим объяснялись его манеры.

- Так вы меня знаете, - удовлетворенно произнес доктор Холс. - У меня, как правило, хорошая память на лица.

- У вас было много учеников.

- А, это всё объясняет. Зрелость меняет внешность. Мммм, гм... Позвольте предположить... Хоуки?

- Полдарк.

- Фрэнсис, не так ли? - священник прищурился, вспоминая. - Я думал...

- Росс. Вы лучше помните моего кузена. Он продолжил обучение. А я почувствовал, совершенно ошибочно, что в тринадцать лет мое образование уже вполне завершено.

- Росс Полдарк, - вспомнил он наконец. - Ну-ну. Вы изменились. Теперь я вспомнил, - слегка насмешливо произнес доктор Холс, - вы были непокорным. Мне приходилось частенько вас пороть, а потом вы сбежали.

- Да, - Полдарк перевернул страницу книги, - дрянное дельце. И ваши лодыжки болели так же, как и мои ягодицы.

На щеках священника заалели два небольших пятна. Он уставился на Росса, а потом отвернулся к окну.

Невысокий чиновник слышал о Полдарках, слышал о Джошуа, от которого, как говорили, в пятидесятые и шестидесятые годы ни одна красивая замужняя или незамужняя женщина не чувствовала себя в безопасности. Это, должно быть, его сын. Необычное лицо с выступающими скулами, крупным ртом и большими, крепкими белыми зубами. Прозрачные серо-голубые глаза под тяжелыми веками придавали большинству Полдарков обманчиво сонный взгляд.

Доктор Холс возобновил нападки.

- С Фрэнсисом, я полагаю, всё хорошо? Он женился?

- Когда я в последний раз слышал о нем - нет, сэр. Я какое-то время провел в Америке.
- Боже мой. Плачевная ошибка, вся эта заваруха. Я был полностью против. Вы видели войну?
- Участвовал.

Они достигли вершины холма и, наконец, кучер ослабил вожжи на спуске.

- Вы тори? - доктор Холс наморщил тонкий нос.
- Солдат.
- Ну, в том, что мы проиграли, нет вины солдат. Англия без энтузиазма ко всему этому отнеслась. У нас нерадивый старик на троне. Он протянет недолго, а у принца другие взгляды.

Дорога в самой крутой части холма была сильно разбита, и карета тряслась и опасно раскачивалась. Ребенок заплакал. Они достигли подножья, и спутник кучера затрубил в рожок. Карета повернула на Сент-Остелл-стрит. Вечером во вторник возле лавок народу толклось немного. Два полуголых малолетних оборванца бежали рядом с каретой на всем протяжении улицы, клянча медяки, но отказались от погони, когда карета влетела в грязь на Сент-Клемент-стрит. Под громкий скрип и крики она завернула под острым углом, по узкому мосту пересекла реку, затряслась по гранитной брусчатке, накренилась, снова повернула и, наконец, остановилась перед постоянным двором "Красный лев".

В последовавшей суете преподобный доктор Холс, холодно попрощавшись, вышел первым и исчез, быстро перейдя между лужами дождевой воды и лошадиной мочи на другую сторону узкой улицы. Полдарк встал, чтобы тоже выйти, и чиновник впервые заметил, что молодой человек прихрамывает.

- Сэр, я могу вам помочь? - предложил он, спуская вниз пожитки.

Молодой человек, поблагодарив, отказался. Форейтор помог ему спуститься.

***

Когда Росс вышел из кареты, пошел дождь, редкий мелкий дождь, приносимый ветром, который здесь, во впадине между холмами, свободно гулял, налетая порывами.

Полдарк огляделся и фыркнул. Всё вокруг было так знакомо, совсем как в родном доме. Эта узкая мощеная улица с ручейком воды с пузырями бегущим вниз, вплотную стоящие приземистые дома с арочными окнами и кружевными занавесками, за многими из которых скрывались лица, наблюдающие за прибытием почтовой кареты. Казалось, даже крики форейторов зазвучали на другой, более знакомой ноте.

В былые времена Труро являлся центром «жизни» для него и его семьи. Порт и монетный двор, центр торговли и популярное место встреч. Город быстро вырос за последние несколько лет: новые величественные дома возвышались среди беспорядочной кучи старых, что отмечало город как зимнюю и городскую резиденцию некоторых старейших и влиятельнейших семей Корнуолла. Новая аристократия тоже оставила свой след: Лемоны, Треворты, Уорлегань - семейства, выбившиеся из низов на волне развития новых отраслей промышленности.

Странный город. По возвращении он почувствовал это сильнее. Скрытый, важный маленький городок, кучкующийся в лоне холмов по обоим берегам многочисленных ручьев, почти

полностью окруженный водой и связанный с остальным миром бродами, мостами и камнями для пешего перехода. Миазмов и прочих лихорадок тут всегда было хоть отбавляй.

...И никаких признаков Джуда.

Росс захромал на постоялый двор.

- Мой слуга должен был меня встретить, - сказал он, - Пэйнтер. Джуд Пэйнтер из Нампары.

- А, Джуд Пэйнтер, - хозяин близоруко посмотрел на Росса. - Да, мы хорошо знаем его, сэр. Но сегодня не видели. Говорите, он должен был встретить вас здесь? Эй, парень, сходи узнай насчет Пэйнтера, знаешь его? Нет ли его на конюшне, или был ли он там сегодня.

Росс заказал стаканчик бренди, а когда его принесли, мальчишка вернулся с сообщением, что мистера Пэйнтера сегодня не видели.

- Указания были вполне определенными, но это уже неважно. У вас можно нанять верховую лошадь?

- Ну, у нас есть кобыла, - хозяин почесал кончик длинного носа, - что оставили здесь три дня назад. Вообще-то, мы оставили её в удержание долга. Не думаю, что кто-то будет возражать, если вы представитесь.

- Моя фамилия Полдарк. Я племянник мистера Полдарка из Тренвита.

- Боже мой... ну конечно, я должен был сразу вас узнать, мистер Полдарк. Кобылу немедленно оседлают.

- Нет, подождите. Пока на улице еще светло. Подготовьте её через час.

Снова выйдя на улицу, Росс свернул в узкую щель переулка Чёрч-лейн. В его конце он повернул направо, и, пройдя мимо школы, где так резко прервалось его образование, остановился перед дверью с надписью "Нат. Г. Пирс. Нотариус и уполномоченный по удостоверению юридических действий". Росс какое-то время трезвонил в колокольчик, прежде чем его впустила прыщавая женщина.

- Мистер Пирс нынче болен, - сказала она. - Гляну, примет ли он вас.

Служанка поднялась по деревянной лестнице и через некоторое время, перегнувшись через источенные древоточцем перила, крикнула ему, чтобы поднимался. Росс забрался наверх, и его провели в гостиную.

Мистер Натаниэль Пирс - человек мощного телосложения с широким лицом, приобретшим от переедания легкий сливовый оттенок - сидел в кресле перед большим камином, закинув на другое забинтованную ногу.

- О, какой сюрприз, должен заметить, мистер Полдарк. Очень приятно. Простите меня, я не встаю - застарелая болячка, и каждый новый приступ хуже предыдущего. Присаживайтесь.

Росс пожал влажную руку и выбрал стул как можно дальше от огня, насколько позволяли приличия - стояла невыносимая духота, а воздух был спертый и затхлый.

- Помните, - сказал он, - я писал вам, что возвращаюсь на этой неделе.

- О да, мистер... э-э-э... капитан Полдарк, на мгновение это выскочило у меня из головы. Как приятно, что вы заехали по дороге домой, - мистер Пирс поправил свой коротко завитый парик, который, по традиции его профессии, открывал лоб, а сзади имелась длинная косичка, перевязанная посередине. - Я брошен здесь, капитан Полдарк, моя дочь не составляет мне компанию - она обратилась в какую-то методистскую конфессию и почти каждую ночь присутствует на молитвенных собраниях. Она говорит так много о Боге, что это меня даже как-то смущает. Выпейте стаканчик канарского.

- Я ненадолго, - ответил Росс. Конечно, ненадолго, подумал он, иначе я поджарюсь, а вслух продолжил: - Хочу оказаться снова дома, но подумал, что поведу вас по дороге. Ваше письмо дошло до меня за две недели до того, как мы отплыли из Нью-Йорка.

- Боже мой, какая задержка, какой же это оказался для вас удар, и вы были ранены. Тяжело?

- Я понял из вашего письма, - Росс вытянул ногу, - что отец умер в марте. Кто управлял поместьем с тех пор, мой дядя или вы?

- Знаю, вы бы хотели, чтобы я был откровенен, - мистер Пирс рассеянно почесал кружева на груди.

- Разумеется.

- Что ж, когда мы разобрали его дела, мистер... э-э-э... капитан Полдарк, оказалось, что он оставил не так много, чтобы кто-либо из нас этим управлял.

Медленная улыбка скользнула по губам Росса - это сделало его моложе и смягчило черты лица.

- Всё, разумеется, оставлено вам. Я дам вам копию завещания перед уходом. Если бы вы умерли раньше него, то всё отошло бы к его племяннице Верити. Помимо недвижимости мало что осталось. Ох, эта штука болит чертовски сильно!

- Я никогда не считал своего отца богатым человеком. Хотя задал вопрос и очень хотел бы знать ответ, по особой причине. Его похоронили в Соле?

Адвокат перестал чесаться и проницательно взглянул на посетителя.

- Вы решили поселиться в Нампаре, капитан Полдарк?

- Да.

- В любое время, когда я смогу оказать вам услугу, буду только рад. Я должен сказать, - поспешно продолжил мистер Пирс, поскольку молодой человек поднялся со стула, - я должен сказать, что вы можете найти вашу собственность немного в запущенном состоянии.

Росс обернулся.

- Сам я туда не ездил, - продолжил мистер Пирс, - нога, знаете ли, сильно беспокоит, а ведь мне еще нет и пятидесяти двух, но ездил мой клерк. Ваш отец какое-то время болел, а хозяйство не ведется так же опрятно и аккуратно, как хотелось бы, когда хозяин не приглядывает, не так ли? И ваш дядя не так молод, как привык себя считать. Пэйнтер встречает вас с лошастью?

- Должен был, но не явился.

- Тогда, мой дорогой сэръ, почему бы вам не остаться на ночь у нас? Моя дочь будет дома после молебна, как раз, чтобы приготовить мне ужин. У нас есть свинина, точно знаю, что есть и отличная кровать, да, она отлично подойдет.

Росс достал носовой платок и вытер лицо.

- Очень любезно с вашей стороны. Но, полагаю, что раз уж я сегодня так недалеко от своего дома, то предпочту добраться до него.

Мистер Пирс вздохнул и постарался принять вертикальное положение.

- Тогда подайте мне руку, а? Я дам вам копию завещания, чтобы вы могли дома на досуге его почитать.

Глава вторая

Обед в Тренвит-хаусе был в самом разгаре.

Обычно к этому времени он бы уже закончился - если Чарльз Полдарк и его семья обедали в одиночестве, то еда редко занимала больше двух часов, но это был особый случай. И из-за гостей трапеза проходила в зале в центральной части дома - слишком большое помещение со множеством сквозняков, чтобы обедать там, когда нет гостей.

За длинным узким дубовым столом сидели десять человек. Во главе стола сам Чарльз с дочерью Верити по левую руку. Справа от него - Элизабет Чайновет, а рядом с ней - Фрэнсис, его сын. Потом мистер и миссис Чайновет, родители Элизабет, а в конце стола крошила мягкую пищу и жевала ее беззубым ртом тетушка Агата. По другую сторону стола кузен Уильям-Альфред беседовал с доктором Чоуком и его супругой.

С рыбой, дичью и мясными блюдами покончили, и Чарльз приказал нести сладкое. Его постоянно пучило, и он пускал газы, что смущало женскую половину.

- Проклятье, - произнес он в тишине разморенной от насыщения компании, - я не знаю, почему вы, два голубка, не поженитесь завтра, вместо того, чтобы ждать еще месяц. Пфф! Чего тебе не хватает? Боишься, что передумаешь?

- Со своей стороны, я бы последовал твоему совету, - сказал Фрэнсис. - Но это день как мой, так и Элизабет.

- Один короткий месяц - это недолго, - вмешалась миссис Чайновет, играя медальоном поверх красивого кружева своего платья. Ее привлекательное лицо портил длинный тонкий нос, и, встретив ее впервые, можно было ощутить шок от того, что загублена такая красота.

- Как можно ожидать, что я успею подготовиться, не говоря уже о бедной девочке? Во время свадьбы единственной дочери сама словно переживаешь заново день собственной свадьбы. Я лишь хочу, чтобы наши приготовления могли быть более энергичными, - она кинула взгляд на мужа.

- Что она сказала? - переспросила тетушка Агата.

- А, вот оно что, - произнес Чарльз Полдарк. - Вот оно что. Тогда, полагаю, мы должны быть терпеливы. Предлагаю тост. За счастливую пару!

- Ты уже пил за это трижды, - возразил Фрэнсис.

- Неважно. Четыре - еще более счастливое число.

- Но я не могу с тобой выпить.

- Пфф, мой мальчик, это неважно.

Все посмеялись и выпили за провозглашенный тост, а когда с грохотом поставили бокалы обратно на стол, внесли свечи. Затем экономка, миссис Табб, принесла пирожки с яблоками, сливовый кекс и желе.

- А теперь, - сказал Чарльз, размахивая ножом и вилкой над самым большим яблочным пирогом, - я надеюсь, что он окажется столь же вкусным, сколь и аппетитным. А где крем? Ага, вон там. Положи-ка его мне, Верити, дорогая.

- Я прошу прощения, - заявила Элизабет, нарушив молчание, - но я совершенно не в состоянии съесть что-либо еще.

Элизабет Чайновет была изящнее, чем её мать, а лицо обладало той красотой, которой так не хватало матери. Когда желтый свет свечей отогнал темноту вверх, к высокому потолку с балками, прекрасная и чистая белизна ее кожи на фоне теней и темной спинки высокого стула привлекла всеобщее внимание.

- Ерунда, дитя моё, - сказал Чарльз. - Ты худа, как привидение. Нужно влить в тебя немного крови.

- Конечно, я...

- Уважаемый мистер Полдарк, - жеманно произнесла миссис Чайновет, - глядя на нее, невозможно поверить, какой упрямой она может быть, - двадцать лет я пыталась заставить ее есть, но она просто отворачивалась от отборнейших яств. Может быть, ты сможешь уговорить ее, Фрэнсис?

- Я очень доволен тем, какая она сейчас, - ответил Фрэнсис.

- Да-да, - поддержал его отец. - Но ест мало... Проклятье, это же никому не навредило. Жена должна быть сильной и цветущей.

- Хм, она на самом деле очень сильная, - поспешила продолжить миссис Чайновет. - Вы удивились бы этому. Это всё порода, ничего больше, порода. Разве в девичестве я не была такой же тонкой, Джонатан?

- Да, мой птенчик.

- Слушайте, как же ветер усиливается! - произнесла тетушка Агата, мусоля свой кекс.

- Вот чего я понять не могу, - сказал доктор Чоук, - мистер Полдарк, так это как ваша тетя, хотя и глухая, всегда замечает звуки природы.

- Полагаю, в половине случаев она просто их выдумывает.

- Вот и нет! - вмешалась тетушка Агата. - Как ты смеешь, Чарльз!

- Кажется, в дверь постучали? - вмешалась Верити.

Табб отсутствовал, а миссис Табб ничего не услышала. Свечи колыхались на сквозняках, и тяжелые красные шторы на высоких окнах шелестели, будто их двигала невидимая рука.

- Кого-то ждете, моя дорогая? - спросила миссис Чайновет.

Верити не смутилась. Ей не досталось приятной внешности брата. Она была невысокой и темноволосой, с желтоватой кожей и крупным ртом, отличительной чертой некоторых Полдарков.

- Полагаю, это дверь коровника, - произнес Чарльз, отхлебнув портвейн. - Табб должен был заняться ею вчера, но поехал вместе со мной в Сент-Агнесс. Я прибью юного Бартла, что прогулял работу.

- Знаете, люди говолят, - прокартавила миссис Чоук миссис Чайновет, - говолят, что плинц - стлашный мот. Я плочитала в "Мелкулии", что мистел Фокс пообещал ему годовую ленту в сто тысяч фунтов, и тепель, когда он у власти, он намелен исполнить свое обещание.

- Кажется маловероятным, - сказал мистер Чайновет, - что это сильно обеспокоит мистера Фокса. За щитом напыщенности этот маленький человечек с шелковистой белой бородой скрывал тот факт, что никогда в жизни ни о чем особо не задумывался. Супруга женила его на себе, когда ей было восемнадцать лет, а ему тридцать один. С тех пор и Джонатан, и его доход значительно сдали свои позиции.

- А что не так с мистером Фоксом, я вас спрашиваю? - громко спросил доктор Чоук, глядя исподлобья.

- Я думал, это очевидно, - мистер Чайновет поджал губы.

- Мнения могут разниться, сэр. Можно сказать, что если я...

Доктор замолчал - его жена взяла на себя редкую смелость, наступив ему на ногу. Сегодня Чоуки и Чайноветы впервые встретились в обществе, и ей казалось безумием зачинать политическую перебранку с этим всё еще влиятельным семейством.

Томас Чоук резко повернулся, чтобы осадить Полли взглядом, но она оказалась спасена от его раздражения: на этот раз ошибки быть не могло - кто-то стучал в наружную дверь. Миссис Табб поставила поднос с пирогами и пошла к двери.

Сквозняк взметнул шторы, а со свечей на серебряные подсвечники закапал жир.

- Боже, помоги мне! - воскликнула экономка, как будто увидела привидение.

***

Росс ворвался в компанию, как выяснилось, совершенно неподготовленную к его приезду. Когда его фигура показалась в дверях, собравшиеся один за другим удивленно охнули. Элизабет, Фрэнсис, Верити и доктор Чоук вскочили на ноги, Чарльз, хрюкнув, откинулся на стуле, застыв от удивления. Кузен Уильям-Альфред протирал очки в стальной оправе, в то время как тетушка Агата, дернув его за рукав, пробормотала:

- Что случилось? Что делать? Обед еще не закончился.

Росс прищурился, пока глаза не привыкли к свету. Тренвит-хаус находился почти на пути к его дому, и он не подозревал, что тут гости.

Первой его поприветствовала Верити. Она пробежала по комнате и обняла его за шею.

- Росс, дорогой! Чудесно! - всё, что она смогла сказать.

- Верити! - он обнял ее. А потом увидел Элизабет.

- Лопни моя селезенка, - выговорил Чарльз. - Так ты, наконец, вернулся, мальчик. На обед ты опоздал, но осталось еще немного яблочного пирога.

- Они побили нас, Росс? - спросил доктор Чоук. - Чума на всю эту войну. Злополучную войну. Слава Богу, всё кончено.

Фрэнсис после некоторого колебания быстро обогнул стол и пожал руку гостю.

- Хорошо, что ты вернулся, Росс! Мы скучали по тебе.

- Приятно оказаться дома, - ответил Росс. - Чтобы увидеть всех вас и...

Цвет глаз под теми же самыми тяжелыми веками - единственное, что говорило об их родстве. Невысокий, худощавый и аккуратный Фрэнсис, юноша со свежим цветом лица и привлекательной внешностью, был именно тем, кем казался - беззаботным, спокойным, уверенным в себе молодым человеком, который никогда не знал, что значит оказаться в опасности или не иметь в достатке денег, ни с кем не мерился силами, кроме как в азартных играх или на скачках. Кто-то в школе окрестил их "светлый Полдарк и темный Полдарк". Они всегда были хорошими друзьями, что удивительно, поскольку их отцы - нет.

- Это торжественное событие, - произнес кузен Уильям-Альфред, схватившись костлявыми руками за спинку стула. - Воссоединение семьи, не менее. Надеюсь, что вы не серьезно ранены, Росс. Этот шрам прилично вас уродует.

- Ах, это, - ответил Росс. - Не имеет никакого значения, раз я не хромаю, как старый осел.

Он обошел стол, приветствуя остальных. Миссис Чайновет холодно поздоровалась, издали протянув руку.

- Ласкайте нам, - пролепетала Полли Чоук, - ласкайте нам немного о своей жизни там, капитан Полдалк, как мы плоиглали войну, какие они, эти амеликанцы, и...

- Совсем как мы, мэм. Вот потому мы и проиграли.

- Росс подошел к Элизабет.

- Росс, - тихо сказала она.

- Это так удачно, - Росс любовался её лицом, - я не мог бы желать чего-либо другого.

- А я бы могла, - откликнулась она. - О, Росс, я бы могла.

- И что же ты собираешься теперь делать, мой мальчик, - спросил Чарльз. - Самая пора

остепениться. Собственность сама о себе заботиться не станет, а наемным управляющим доверять нельзя. Твой отец мог вызвать тебя еще в прошлом году и даже раньше...

- Я почти решил увидеться с тобой сегодня вечером, - сказал Росс Элизабет, - но отложил на завтра. Сдержанность вознаграждается.

- Я должна объяснить. Я писала тебе, но...

- Так ведь, - сказала тетушка Агата, - Боже, порази меня, если это не Росс! Иди сюда, мальчик! Я думала, ты погиб, чтобы стать одним из святых на небесах.

Росс неохотно прошел к концу стола, чтобы поздороваться со своей двоюродной бабушкой. Элизабет осталась, где была, сжимая спинку стула так, что ее пальцы стали белее лица.

Росс поцеловал морщинистую щеку тетушки Агаты.

- Я рад видеть, тетушка, что вы всё еще одна из святых на земле, - прошептал ей Росс на ухо.

- Может, и не настолько святая, - довольная тетушка усмехнулась, показав бледные коричнево-розовые десны, - но я и не хотела бы сейчас сильно меняться.

Теперь к разговору присоединились все остальные, каждый спрашивал, когда Росс приплыл, что делал и видел, находясь на чужбине.

- Элизабет, - произнесла миссис Чайновет, - принесешь мне сверху мою шаль? Я немного замерзла.

- Да, мама.

Девушка повернулась и вышла. Высокая, с девичьей хрупкой фигуркой, нащупывая рукой дубовые перила.

- Этот парень, Пэйнтер, просто плут, - заметил Чарльз, вытирая руки о штаны. - На твоём месте, я бы вышвырнул его и нанял надежного человека.

Росс наблюдал, как Элизабет поднимается по лестнице.

- Он был другом моего отца.

- Ты увидишь, что дом не в лучшем состоянии, - Чарльз слегка раздраженно пожал плечами.

- Когда я уезжал, было не так.

- Что ж, нынче стало хуже. Я не был там какое-то время. Ты помнишь, что твой отец говаривал о пути в том направлении: "Слишком далеко, чтобы идти, и недостаточно далеко, чтобы ехать".

- Отведай это, Росс, - предложила Верити, принеся ему доверху наполненную тарелку, - садись вот сюда.

Росс поблагодарил и сел на предложенное ему место между тетушкой Агатой и мистером Чайноветом. Росс предпочел бы сидеть рядом с Элизабет, но это может подождать. Он был удивлен, обнаружив здесь Элизабет. Ни она, ни ее мать, ни отец ни разу не посетили Нампару за те два года, что он знал Элизабет. Два или три раза, пока он насыщался, капитан поднял взгляд, узнать, не возвращается ли она.

Верити помогала миссис Табб унести пустые тарелки, Фрэнсис стоял у входной двери, пальцами теребя губу, остальные оставались на своих местах. Наступило молчание.

- Не всё в округе так просто, - сказал мистер Чайновет, поглаживая бороду.

- Недовольства хоть отбавляй. Налоги высокие, жалованье упало. Страна истощена многочисленными войнами, а теперь еще и виги. Хуже даже и придумать сложно.

- Если бы виги оказались у власти пораньше, - заявил доктор Чоук, отказываясь быть тактичным, - ни одной из этих печалей не случилось бы.

- Я прервал праздничный обед, - обратился Росс к Фрэнсису. - Он в честь мира или в честь будущей войны?

Так Росс приблизил объяснения, которые они колебался ему дать.

- Нет, - ответил Фрэнсис. - Я...э-э-э... дело в том...

- Мы празднуем нечто совсем другое, - сказал Чарльз, жестом попросив снова наполнить ему бокал. - Фрэнсис намерен жениться. Вот что мы празднуем.

- Жениться, - удивился Росс, нарезая еду. - Что ж... И на...

- На Элизабет, - продолжила его реплику миссис Чайновет.

Наступило молчание.

- На... - Росс отложил нож.

- На моей дочери.

- Тебе налить что-нибудь выпить? - прошептала Верити Элизабет, которая только что спустилась вниз.

- Нет-нет... Пожалуйста, нет.

- Ох, - выдохнул Росс. - На... Элизабет...

- Мы очень рады, - сказала миссис Чайновет, - что два древних рода объединятся. Очень рады и очень горды. Я уверена, Росс, что и вы присоединитесь к нашим пожеланиям счастья Фрэнсису и Элизабет в их союзе.

Элизабет очень осторожно приблизилась к миссис Чайновет.

- Твоя шаль, мама.

- Спасибо, моя дорогая.

Росс продолжил есть.

- Не знаю, что вы думаете, - искренне произнес Чарльз после паузы, - но я обожаю этот портвейн. Его привезли из Шербура осенью 79-го. Когда я продегустировал образец, то сказал себе: "Это слишком хорошо, чтобы повториться" и скупил всю партию. С тех пор этот вкус не повторился, не повторился, - Чарльз опустил руки, чтобы отодвинуть свой большой живот от

стола.

- Думаю, ты теперь остепенишься, да, Росс? - спросила тетушка Агата, вцепившись сморщенной рукой в его рукав. - Как насчет женушки, а? Мы уж подыщем.

Росс глянул через стол на доктора Чоука.

- Вы лечили моего отца?

Чоук кивнул.

- Он сильно страдал?

- В самом конце, но недолго.

- Странно, что он умер так рано.

- Ничего невозможно было поделаться. Справиться с этими отеками человеку не подвластно.

- Я заезжал к нему повидаться, дважды, - сказал кузен Уильям-Альфред. - Но к сожалению, он был... хмм... не в том настроении, чтобы воспользоваться тем духовным утешением, что я мог предложить. Для меня весьма печально, что я так мало чем мог помочь своей кровной родне.

- Ты должен отведать яблочного пирога, Росс, - произнесла Верити за его спиной, понизив голос и глядя на вены на его шее. - Я сама его приготовила нынче вечером.

- Мне не стоит здесь задерживаться. Я заехал лишь на несколько минут, дать отдых лошади, она охромела.

- О, но нет никакой нужды отпраиваться сегодня же. Я велю миссис Табб приготовить комнату. А то лошадь может в темноте споткнуться и сбросить тебя.

Росс посмотрел на Верити и улыбнулся. В этом обществе они не могли переговорить с друг другом откровенно.

Теперь к уговорам присоединились Фрэнсис и его отец, хотя и в меньшей степени. Однако Фрэнсис был довольно сдержан, его отец говорил не вполне от чистого сердца, а Росс был настроен решительно.

- Что ж, как пожелаешь, мальчик мой, - сказал Чарльз. - Я бы не жаждал прибыть нынче вечером в Нампару. Там холодно, сыро и, возможно, никто не встретит. Выпей-ка еще горячительного, чтобы сохранить тепло.

Росс повиновался, влив в себя один за другим три бокала. С четвертым он поднялся на ноги.

- За Элизабет, - медленно объявил он, - и за Фрэнсиса... За их счастье.

Бокал был выпит в полной тишине, в отличие от предыдущих. Элизабет по-прежнему стояла позади матери, Фрэнсис наконец-то отошел от двери, чтобы взять невесту под руку.

Миссис Чоук прервала последовавшее за этим молчание:

- Как мило, навелное, снова оказаться дома. Я никогда не уезжала, даже недалеко, не почувствовав тоску по дому. А какие они, амеликанские колонии, капитан Лосс? Говолят, там

даже солнце встает и заходит не там, где положено.

Глупость Полли Чоук, похоже, сняла напряжение, и все снова начали болтать, пока Росс приканчивал свой обед. Многие вздохнули с облегчением, что он так легко воспринял новости.

Росс, однако, не стал задерживаться и распрощался.

- Ты же заедешь через день-другой, правда? - с теплотой в голосе спросил Фрэнсис. - Мы так ничего и не услышали, ничего, кроме голых подробностей - что ты пережил, или как получил ранение, или про твоё путешествие домой. Элизабет завтра вернется домой. Мы планируем пожениться через месяц. Если тебе нужна моя помощь в Нампаре, то пришли мне весточку, ты ведь знаешь, что я с удовольствием приеду. Что ж, это ведь как в старые добрые времена, ты снова здесь! Мы боялись за твою жизнь, правда, Элизабет?

- Да, - ответила Элизабет.

Росс взял шляпу. Они стояли рядом у двери, дожидаясь, пока Табб приведет кобылу Росса. Он отказался взять свежую лошадь ради последних трех миль.

- Он сейчас придет, если только сможет с ней справиться. Я предупредил его, чтобы вел себя аккуратней.

Фрэнсис открыл дверь и тактично вышел - посмотреть, не идет ли Табб. Ветер принес несколько капель дождя.

- Надеюсь, мое несвоевременное воскрешение не испортило вам вечер, - сказал Росс.

Свет из дома лег на лицо Элизабет, высветив серые глаза. Из-за длинных теней лицо выглядело усталым.

- Я так счастлива, что ты вернулся, Росс. Я боялась, мы все боялись... Что ты обо мне думаешь?

- Два года - долгий срок, не так ли? Возможно, даже слишком долгий.

- Элизабет, - позвала миссис Чайноват. - Смотри не простудись на ночном ветру.

- Хорошо, мама.

- До свидания, - Росс взял её за руку.

Вернулся Фрэнсис.

- Вот и он. Ты купил эту кобылу? Прелестное создание, но весьма дурного нрава.

- Дурное обращение делает даже добрейших из нас злобными, - ответил Росс. - Дождь прекратился?

- Не совсем. Ты знаешь дорогу?

Росс широко улыбнулся.

- Каждый камешек. Она ведь не изменилась?

- Ничего такого, чтобы ты сбился с пути. Не пересекай Меллингей по мосту, доска в середине

сгнила.

- Это случилось еще до моего отъезда.

- Не забудь, ждем тебя в ближайшее время, - напомнил Фрэнсис. - Верити хочет тебя вновь увидеть. Если у нее будет свободное время, мы заедем завтра.

Но ему ответили лишь ветер и дождь, да стук копыт кобылы, которая неохотно свернула на подъездную дорожку.

***

Темнота уже спустилась, хотя на западе мерцало пятно исчезающего света. Ветер задул сильнее, и теплый дождь порывами накрапывал ему на голову.

На его лице сложно было что-то прочесть, и никто бы не сказал, что в последние полчаса он испытал худший удар в своей жизни. Кроме того, что он больше не насвистывал и не разговаривал с сноровистой кобылой, ничто не свидетельствовало о случившемся.

В раннем возрасте он заразился от своего отца такими представлениями о жизни, что крайне редко что-то дается просто так, но в отношениях с Элизабет Чайновет он попал в своего рода ловушку, которую подобная философия должна была помочь избежать. Они влюбились друг в друга, когда ей было шестнадцать, а ему едва исполнилось двадцать. Когда Росса настигли его собственные злоключения, он подумал, что решение отца купить ему офицерский патент в армии - это хорошая идея на то время, пока проблемы не рассосутся. Он уплыл, предвкушая новые приключения, уверенный, что только единственное обстоятельство его возвращения действительно имеет значение.

Росс не сомневался сам и не думал, что она считает иначе.

Спустя какое-то время впереди показались огни шахты Грамблер, вокруг которой вокруг которой вертелись жизненные интересы основной ветви Полдарков. От её капризов зависело не только процветание Чарльза Полдарка и его семьи, но и существование почти трехсот шахтеров и их семей, рассеянных в хижинах и коттеджах прихода. Для них шахта являлась благосклонным Молохом, которому они с раннего возраста отдавали на съедение своих детей, и который давал им хлеб насущный.

Росс увидел колеблющиеся огни приближающихся фонарей и свернул на обочину, чтобы дать пройти каравану мулов, навьюченных корзинами с медной рудой. Один из погонщиков подозрительно глянул на него, а затем разразился приветствиями. Это оказался Марк Дэниэл.

Теперь перед ним раскинулись основные строения шахты, большинство - скученные вместе и неузнаваемые, но там и сям выделялись крепкие леса шахтного копра и внушительные каменные здания подъемных машин, в арочных верхних окнах виднелся желтый свет - теплый и загадочный на фоне низкого ночного неба. Росс проехал рядом с одним из строений и услышал стук и лязг большого насоса, откачивающего воду с нижних уровней шахты.

Встречались группки шахтеров с фонарями. Некоторые разглядывали всадника, и хотя парочка и пожелала ему доброй ночи, он подумал, что никто из них его не узнал.

Затем в одном из строений с подъёмниками довольно приглушенно зазвонил колокол - закончилась смена, вот почему наверху крутилось так много людей. Они собирались спускаться вниз. Другие сейчас поднимались, карабкаясь, как муравьи, по сотне саженей

шатких лестниц, потные, покрытые ржавыми отметинами от породы или черными пятнами от подрыва пороховых зарядов. Им потребуется полчаса или даже больше, чтобы выйти на поверхность, неся свои инструменты, и всё это время их будет поливать вода из протекающих насосов. Выйдя на поверхность, многим еще предстояло пройти три-четыре мили сквозь ветер и дождь.

Росс двинулся дальше. Теперь его чувства настолько обострились, что причиняли прямо физическую боль.

Вот уже Меллингей перейдён вброд, и лошадь вместе со всадником начали усталый подъем по узкой дорожке к последнему еловому леску. Росс набрал глубоко в легкие тяжелый от дождя и пропитанный запахом моря воздух. Ему показалось, что он слышит, как разбиваются волны. На вершине подъема кобыла (весь её дурной нрав испарился), споткнулась и чуть не упала, поэтому Росс неловко спрыгнул и пошел рядом. Поначалу он едва мог ставить ногу на землю, но с радостью поприветствовал боль в лодыжке, поглотившую теперь его мысли, которые могли быть заняты другим.

В леске было темно, как в бочке с дегтем, и ему пришлось буквально нащупывать уже частично заросшую тропинку. На другой стороне его приветствовали разрушенные здания шахты Уил-Мейден - уже сорок лет как заброшенной. Мальчишкой он карабкался по заброшенным лебедкам и конным воротам, исследовал неглубокую штольню, что сбегала сквозь холм и около ручья выходила на поверхность.

Теперь он чувствовал, что и в самом деле находится дома - через мгновение начнутся его земли. Сегодня в полдень эта перспектива наполняла его радостью, но теперь, казалось, ничто не имело значения. Росс лишь был рад, что его путешествие окончено, и он может лечь и отдохнуть.

В низине воздух был свежее. Бульканье и журчание ручья Меллингей осталось позади, но теперь слышалось вновь, как старушечье бормотание. В темноте перед его лицом бесшумно прошелестела сова. С полей шляпы капала вода. Там, впереди, в мягкой и шепчущей темноте выделялся четкий силуэт Нампары.

Дом показался ему меньше, чем он помнил - ниже и приземистее, как один из шахтерских домов, отбившийся от остальных. Ни лучика света. Он привязал кобылу к сирени, которая так разрослась, что закрывала окна, и постучал хлыстом во входную дверь.

Здесь прошёл сильный дождь: в нескольких местах с крыши стекала вода, образуя лужи на заросшей песчаной дорожке. Росс толкнул дверь, которая со скрипом распахнулась, отодвинул кучу мусора, скопившуюся у порога, и взгляделся в низкую, увенчанную балками прихожую.

Его встретила только темнота. Мрак, по сравнению с которым даже ночь казалось серой.

- Джуд! - позвал он. - Джуд!

Снаружи заржала и ударила копытом кобыла, что-то зашуршало под деревянными панелями стенной обшивки. Потом Росс увидел глаза. Поблескивающие искринками зелено-золотые глаза, немигающе уставившиеся на него из глубины прихожей.

Росс прохромал в дом, ощущая под ногам палую листву и грязь. Он нащупывал путь направо, вдоль панелей, пока не подошел к двери, ведущей в гостиную, повернул ручку и вошел.

Немедленно послышалась возня и шелест потревоженных зверушек. Его нога поскользнулась

на чем-то склизком, и, протянув руку, Росс опрокинул подсвечник. Он взял его, вставил свечу обратно в гнездо, нащупал кремень и кресало. После двух или трех попыток вылетела искра, свеча зажглась.

Это была самая просторная комната в доме, наполовину обшитая темным красным деревом, а в дальнем углу располагался большой камин в половину ширины комнаты, утопленный в стену и окруженный низкими скамьями. В этой комнате семья проводила большую часть времени. Достаточно большая и просторная для самой шумной компании в самые жаркие дни, но с теплыми уголками и удобной мебелью, чтобы обмануть зимние сквозняки. Но всё изменилось. Камин опустел, а на скамьях гнездились куры. Пол завален старой соломой и пометом. Со стенного подсвечника его раздраженно рассматривал петушок. На одном из подоконников валялись двадохлых цыпленка.

Слева от прихожей располагалась спальня Джошуа, и Росс прошел туда. Он заметил признаки жизни: одежду, которая никогда не принадлежала его отцу - грязные старые юбки, потрепанную треуголку, незакрытую бутылку, из которой тянуло джином. Но альков был закрыт, а три дрозда, сидевших в клетке перед закрытыми ставнями окна, не могли ему ничего сообщить о той парочке, что искал Росс.

В дальнем конце комнаты располагалась еще одна дверь, ведущая в ту часть дома, которая так и не была закончена, но туда он не пошел. Оставалось посмотреть в спальне наверху в глубине дома, где всегда спали Джуд и Пруды.

Он развернулся обратно к двери, остановился и прислушался. Его слуха достиг характерный звук. Куры закончили копошиться, и тишина, как занавес, снова накрыла дом. Россу показалось, что он услышал скрип узких ступеней, но, когда он выглянул с высоко поднятой свечой, то ничего не увидел.

Не этого звука ждал Росс, как и не топотка крыс, не слабого шипения ручья, не похрустывания обугленных бумаг под сапогом.

Он посмотрел на потолок, звук шел не от балок или половиц. Что-то потерлось о ногу. Это была кошка, чьи яркие глаза он видел раньше: котенок отца, Табита Бетиа, выросшая в большое серое животное, вся в колтунах. Она, казалось, признала его, и Росс с благодарностью коснулся рукой её пытливых усов.

Затем звук повторился, и на этот раз Росс уловил направление. Он подошел к алькову и откинул дверцу. В нос ударила мощная смесь застарелого пота и джина. Росс сунул свечу внутрь. Там валялись в объятиях друг друга мертвецки пьяные Джуд и Пруды Пэйнтеры. Женщина была облачена в длинную фланелевую ночную сорочку, рот открыт, ноги с выступающими венами раскинуты. Джуд в раздевании не преуспел, и храпел рядом с ней в бриджах и подштанниках.

Росс какое-то время их рассматривал.

Потом отшатнулся и поставил подсвечник на большой низкий сундук возле алькова, вышел из комнаты и прошел на конюшню около восточной части дома. Там он нашел деревянную бадью, подтащил к водокачке, наполнил и пронес вокруг дома, через прихожую и в спальню. И выплеснул воду в постель.

Затем снова вышел. На западе показалась парочка звезд, задувал освежающий ветер. В конюшне, отметил Росс, находились всего две истощенных лошади. Рамут, да, один из них - двенадцатилетний Рамут, полуслепой от катаракты еще до его отъезда.

Росс пронес через прихожую и спальню второе ведро и снова выплеснул его на кровать.

Когда проходил во второй раз, заржала кобыла. Темноте и таинственности сада она предпочитала хотя бы его компанию.

Когда он принес третье ведро, Джуд стонал и что-то бормотал - его лысая голова виднелась в проеме алькова. Росс вылил это ведро на него.

К тому времени, когда он вернулся с четвертым, Джуд вылез из кровати и попытался стряхнуть воду, ручьем стекавшую с одежды. Пруды еще только ворочались, поэтому это ведро досталось ей. Джуд начал ругаться и вытащил карманный нож. Росс сбил его с ног ударом в висок. И пошел за очередной порцией воды.

В свое пятое появление Росс заметил проблески сознания в глазах слуги, хотя тот по-прежнему лежал на полу. Увидев его, Джуд начал ругаться, потеть и угрожать. Но через мгновение его лицо приняло озадаченное выражение.

- ...О Боже!... Это вы, мистер Росс?

- Прямым из могилы, - сказал Росс. - Там лошадь, которая требует ухода. Вставай, пока я тебя не прибил.

Росс за воротник рубашки поднял его на ноги и подтолкнул в сторону двери.

Глава третья

Мокрый октябрьский вечер действует угнетающе, но укутывает мягкими тенями рваные края руин и запустения. Не то что утренний свет.

Даже когда его горное дело процветало, Джошуа всегда обрабатывал несколько полей, дом был чист и уютен, хорошо меблирован, в погребе имелись неплохие запасы, учитывая местность. После экскурсии по дому, которая продлилась с восьми до десяти, Росс вызвал Пэйнтеров из дома и устался на них, расставив ноги. Они сопели, чувствуя себя неловко под его взглядом.

Джуд был на четыре дюйма ниже жены. Ему слегка перевалило за сорок, а кривые ноги придавали ему вид жеребца и силу бульдога. За последние десять лет ироничная природа выбрила ему тонзуру на макушке, словно монаху. Он жил в этом округе всю жизнь, сначала как вольный рудокоп на Грамблере, а потом на Уил-Грейс, откуда Джошуа забрал его, несмотря на его слабости.

Пруды Джуд подобрал в Бедратане десять лет назад. Их первую встречу Джуд поминал добрым словом даже во время своих попок. Они не были официально женаты, но она как ни в чем не бывало носила его фамилию. Ей теперь было сорок лет - шести футов ростом, со спутанными и безнадежно завшивленными волосами, собранными в пучок на затылке, широкая в плечах, с мощным телом и выпуклостями даже в тех местах, где их быть не должно.

- Я смотрю, вы утомились после тяжелых утренних трудов, - сказал Росс.

Джуд покосился на него из-под облысевших бровей. Джошуа всегда одергивал слугу, но Росса тот совсем не боялся. Легкомысленный, вечно взвинченный долговязый юнец - нечего было в нем бояться. Но два года воинской службы изменили мальчишку.

- Чисто, как только что отдраили, - заявил Джуд слегка недовольным тоном. - Цельных два часа надрывались. Я весь в занозах от старого пола, чтоб он провалился. Может, кровь отравлена уже. Как пробежит по рукам да по венам, а потом - хрясь! И ты уже копыта отбросил.

Росс повернул сонные встревоженные глаза к Пруды.

- А твоя жена не пострадала от мытья полов? Чтобы не позабыть вкус воды. А то в тюрьме ее мало.

Джуд вскинул голову.

- Кто сказал в тюрьме? Пруды ни в какую тюрьму не пойдет. Что она такого сделала?

- Не больше, чем сделал ты. Какая жалость, что вас не посадят в одну камеру.

Пруды хихикнула.

- Вот же шутник.

- Шутниками были вы в прошлую ночь и все пятьдесят до этого, - отозвался Росс.

- Вы не можете нас обвинить за то, что мы были малость под мухой, - сказал Джуд. - Нету такого закона. Несправедливо. Неправильно. Бесмысленно. Недружелюбно. Не говоря уж о том, что мы для вас сделали.

- Вы были личными слугами моего отца. Когда он умер, вас оставили здесь, как доверенных людей. Что ж, можете получить гинейю за каждое поле, которое не заросло сорняками и не оставлено невспаханым, за каждый амбар, который не обвалился из-за не сделанной вовремя починки. Даже яблоки в саду гниют посреди опавших листьев из-за того, что кто-то поленился их собрать.

- Дык то ж плохое лето было, для вспашки-то. А яблоки то ж осы поели, вот и гниют. Пряма беда. Когда в яблоке дырка, тут уж ничего не поделать. Только прибить осу и схомячить яблоко, дык сколько ж тех яблок двое сожрать могут.

- Хорошо еще, что я осу не проглотила! - сказала Пруды. - Жевала с умным видом, вроде вашего, а потом - бац, и зубами прямо в нее. Слышу "жжжжж", а потом, чтоб мне лопнуть, это ж она! Спереди-то не видать, а на заду-то жало с овечьим хвостом, и ножищами-то шевелит, а полосатая, словно флаг. Если б я сразу не...

- Попадет одна такая в глотку, высунет свое жало, и - хрясь! И ты уже копыта отбросил, - мрачно добавил Джуд.

- Ленивые ужасно, но всегда найдут оправдания, - заявил Росс. - Как две старые свиньи в хлеву, а ползают так же медленно, как дерьмо из их задниц.

Пруды приподняла передник и стала тереть нос.

Росс немного оттаял. Он и сам натерпелся обид от начальства, пока был на чужбине. Но также он знал и своих слушателей.

- Подозреваю, что было очень легко превратить все запасы в дешевый джин, - заключил он. - Людей вешают и за меньшее.

- Мы думали... ходили слухи... - Джуд задумчиво пососал губу. - Люди говорили...

- Что я погиб? Кто это сказал?

- Ну все, в общем... - мрачно заявила Пруди.

- Но я узнаю об этом только в собственном доме. Может, это вы пустили слух?

- Нет, это неправда. Нисколечки. Мы дык наоборот, говорили, что враки это всё. Враки, так я и говорю. Чистые враки. Я всегда верил, точно, вот Пруди не даст соврать. Разве ж мы верили в такую наглуую ложь, Пруди?

- Да не в жисть! - заявила Пруди.

- Дядя всегда считал вас бездельниками и паразитами. Думаю, что смогу уладить ваше дело до его прибытия.

Они стояли на дрожащих ногах, наполовину обиженные, наполовину встревоженные. Он не мог понять их трудностей, а им не хватало слов, чтобы объяснить. Даже та вина, которую они чувствовали, давно утонула под объяснениями, которые они так и не могли как следует сформулировать. Теперь они просто негодовали, что на них так набросились. На всё, что они делали или не делали, имелись веские причины.

- У нас только четыре пары рук, - сказал Джуд.

Чувство юмора Росса не сработало, а может, он просто выдохся.

- В этом году в тюрьме бушует лихорадка, - заявил он. - Недостаток дешевого джина будет не единственной вашей бедой.

Он развернулся и оставил их наедине со своими страхами.

***

В сумраке конюшни "Красного льва" он подумал, что у нанятой им кобылы поврежден сустав, но при свете дня увидел, что ее хромота - не более чем результат плохой работы кузнеца. Копыто лошади было почти открыто, а подкова слишком маленькая и тесная.

На следующий день Росс поскакал в Труро на почти слепом Рамуте, чтобы узнать, сможет ли он поладить с хозяином "Красного льва".

Тот слегка засомневался, прошло ли достаточно времени, чтобы дать ему право распоряжаться залогом, но законность никогда не была сильной стороной Росса, и он настоял на своем.

Находясь в городе, он взял в банке Паско денег и потратил часть своего жалкого капитала на двух молодых волов, которых должен был забрать Джуд. Если уж обрабатывать поля, то придется потратиться на рабочий скот.

Перекинув всякие мелкие покупки через седло, он вскорости вернулся обратно домой и обнаружил поджидающую Верити. На одно волнующее мгновение он подумал, что это Элизабет.

- Ты не приехал со мной повидаться, кузен, - сказала она, - так что мне пришлось тебя подождать. Я тут уже сорок минут.

Росс наклонился и поцеловал ее в щеку.

- Тебе следовало прислать записку. Я ездил в Труро. Джуд тебе, наверное, сказал.

- Да. Он предложил мне шезлонг, но я побоялась на него сесть, потому что он мог провалиться под моим весом. О, Росс, твой несчастный дом!

Он окинул взглядом дом. Оранжевая скрылась в зарослях вьюнка, который перекинулся через нее, расцвел и уже начал гнить.

- Всё можно поправить.

- Мне так стыдно, - сказала Верити, - что мы не заходили сюда. Что я не заходила сюда чаще. Эти Пэйнтеры...

- Вы были заняты.

- О, да. Только теперь, когда собран урожай, у нас есть время оглянуться вокруг. Но всё равно это не оправдание.

Он посмотрел на нее. Верити стояла совсем рядом. По крайней мере, она не изменилась, со своей маленькой аккуратной фигуркой, растрепанными волосами и крупным ртом. Она пришла из Тренвита в повседневном платье и без шляпки, а серый плащ беспечно болтался на плечах.

Они направились к конюшне.

- Я только что купил кобылу, - сказал Росс. - Тебе стоит на нее взглянуть. Старый Сквайр уже никуда не годится, а у большого Рамута нет глаз, чтобы избежать камней и рытвин.

- Расскажи мне про свою рану, - попросила она. - Она до сих пор сильно болит? Когда это произошло?

- О, давно. На реке Джеймс. Так, ерунда.

Верити взглянула на него.

- Ты ведь всегда был из тех, кто скрывает свою боль, да?

- Вот кобыла, - произнес Росс. - Я только что заплатил за нее двадцать пять гиней. Выгодная сделка, правда?

Она поколебалась.

- А разве она не хромая? Фрэнсис говорил... А ее правая нога, где у нее...

- Заживет гораздо быстрее, чем моя. Хотел бы я, чтобы любую рану можно было вылечить сменой обуви.

- Как ее зовут?

- Никто не знает. Я ждал тебя, чтобы дать ей имя.

Верити откинула волосы и нахмурилась.

- Хмм... Я бы назвала ее Брюнетка.

- По какой причине?

- У нее довольно темная полоса. А еще чтобы отдать дань ее новому хозяину.

Росс засмеялся, снял седло с Рамута и начал его чистить, пока кузина прислонилась к двери конюшни и что-то щебетала. Ее отец часто жаловался, что ей "не хватает изящества", это означало, что она не умеет поддерживать цветистые и приятные беседы ни о чем, которые столь многое добавляют к вкусу жизни. Но с Россом она всегда болтала без умолку.

Он пригласил Верити на ужин, но она отказалась.

- Мне нужно идти. Теперь, когда отец уже не так ловок, мне приходится о многом заботиться.

- И полагаю, тебе это нравится. Сначала давай прогуляемся к морю. Может быть, ты снова придешь только через несколько дней.

Она не стала спорить, поскольку ей льстило, что ее общество доставляет удовольствие. Они тронулись, держась рука об руку, как в детстве, но так его хромота стала заметней, и Росс выпустил руку и положил длинную худощавую ладонь ей на плечо.

Скорейшим способом добраться от дома до моря было взобраться на каменную стену и спуститься оттуда на пляж Хендрона, но сегодня они поднялись на лежащее за домом Длинное поле и пошли по той тропе, которой ходил в своих снах Джошуа.

- Дорогой, тебе придется тяжело потрудиться, чтобы привести дела в порядок, - сказала Верити, оглядываясь вокруг. - Тебе понадобится помощь.

- Вся зима впереди.

Она попыталась прочесть по лицу его мысли.

- Ты подумываешь о том, чтобы снова уехать, Росс?

- И очень скоро, если бы у меня были деньги или я не хромал, но учитывая и то, и другое...

- Так ты оставишь Джуда и Пруды?

- Они согласны работать без жалования. Я оставлю их, пока из них не выветрится джин. А еще нынче утром я нанял мальчишку по фамилии Картер, который искал работу. Ты его знаешь?

- Картера? Один из сыновей Конни Картер из Грамблера?

- Думаю, что да. Он был в Грамблере, но работа под землей оказалась для него слишком тяжелой. На глубине в шестьдесят саженей мало воздуха, чтобы осела пыль после подрывных работ, и он говорит, что начал харкать по утрам чернотой. Так что ему пришлось искать работу на свежем воздухе.

- О, это, наверное, Джим, ее старший. Его отец умер молодым.

- Что ж, я не могу позволить себе платить калекам, но он кажется вполне приемлемым. Он приступает завтра в шесть.

Они добрались до края утеса и теперь стояли в семидесяти или восьмидесяти футах над морем. Слева утесы спускались к бухточке Нампара-Коув, а потом снова вздымались, еще круче, в сторону Сола. На востоке, у пляжа Хендрона, море сегодня было спокойным: дымчато-серым, с проблесками фиолетового и живого, трогательного зеленого. Волны как тени змеей скользили под лоскутным покрывалом, почти невидимые, пока на их краю не показывались молочно-белые барашки.

Лицо Росса оведал легкий бриз, едва прикасаясь к волосам. Пока они смотрели, зеленое море начало волноваться и ускорять свой бег под надвигающимися облаками.

Росс плохо спал прошлой ночью, и теперь его лицо с серо-голубыми полузакрытыми глазами и шрамом, казавшемся белым на загорелой коже, выглядело на удивление тревожным. Верити отвернулась и вдруг произнесла:

- Ты, наверное, удивился, узнав... узнав про Фрэнсиса и Элизабет...

- Мы не были помолвлены.

- Это так странно, - сбивчиво продолжала Верити, - как всё произошло. Фрэнсис почти с ней не виделся до конца прошлого лета. Они встретились у Паско. А потом он не мог... не мог больше говорить ни о чем другом. Я сказала ему, как ты был с ней дружен, но она и сама ему в этом уже призналась.

- Как мило с ее стороны...

- Росс... Уверена, что ни один из них не желал поступить нечестно. Просто так случилось. Ты же не споришь с тучами, дождем или молнией. Ну и тут нечто вроде этого. Произошло помимо их воли. Я знаю Фрэнсиса, он просто не мог с собой совладать.

- С тех пор, как я уехал, цены так сильно поднялись, - сказал Росс. - Я заплатил три шиллинга и три пенса за ярд голландского полотна. Все мои сорочки проела моль.

- А потом, - продолжала Верити, - пошли слухи о том, что ты убит. Я не знаю, откуда это взялось, но думаю, что это Пэйнтеры, они выигрывали больше всего.

- Не больше, чем Фрэнсис.

- Да. Но это был не он.

Росс не сводил с моря наполненного мукой взгляда.

- Не очень-то приятная мысль, - произнес он через некоторое время.

Верити слегка сжала ему руку.

- Хотела бы я тебе помочь, дорогой. Может, ты бы заходил почаще? Почему бы тебе не ужинать у нас каждый день? Моястряпня получше, чем у Пруды.

Он покачал головой.

- Я должен найти свой путь. Когда они собираются пожениться?

- Первого ноября.

- Так скоро? Я думал, больше, чем через месяц.

- Это решили вчера вечером.

- Ах вот как...

- Свадьба будет в Тренвите, он подходит лучше всего. Касгарн почти в руинах, протекает и полон сквозняков. Элизабет с родителями приедут утром в экипаже.

Верити продолжала болтать, понимая, что Росс почти ее не слушает, но горя желанием помочь ему пройти через этот сложный период. Теперь она замолчала и последовала его примеру - устремила взгляд на море.

- Если бы я была уверена, что это тебе поможет, то зимой я бы заходила, как только выдаться минутка. Если...

- Это помогло бы больше всего на свете, - ответил Росс.

Они направились обратно к дому. Росс не заметил, что Верити покраснела, вспыхнув до корней волос.

Значит, это случится первого ноября, меньше, чем через две недели.

Он немного прошелся с кузиной, а когда они расстались, то остановился на краю соснового бора и смотрел, как она быстрым решительным шагом удаляется в сторону Грамблера. Дым и пар от шахты стелился облаком по пустынной, усеянной булыжниками вересковой пустоши до самого Тренвита.

***

За возвышенностью, составляющей юго-восточную сторону долины Нампара, следовала низменность, где сгрудилась кучка коттеджей, известных под названием Меллин.

Это была земля Полдарка, и в этих шести коттеджах, построенных в форме прямого угла, так что каждый мог с легкостью наблюдать за приходом и уходом соседей, жили Триггсы, Клеммоу, Мартины, Дэниэлы и Вайгасы. Сюда и отправился Росс в поисках дешевой рабочей силы.

Полдарки всегда были в хороших отношениях со своими арендаторами. Не то чтобы не существовало классовых различий - они были настолько очевидны, что просто никто не видел нужды их подчеркивать, но в тех местах, где жизнь сконцентрирована вокруг ближайшего рудника, политесу не дозволено стоять на пути здравого смысла. Мелкие землевладельцы со своими длинными родословными и тощими кошельками воспринимались как часть земли, которой они владели.

На пути к Мартинам Россу пришлось проехать мимо трех коттеджей, пока он не оказался перед дверью того, где сидел, греясь на солнышке и покуривая, Джо Триггс - шахтер лет пятидесяти пяти, скрюченный от ревматизма и живущий на попечении тетушки, которая добывала скудные средства, торгуя рыбой в Соле. Создавалось впечатление, что Триггс так и не сдвинулся с места, с тех пор как Росс уехал двадцать восемь месяцев назад. Англия потеряла часть своей империи на западе и плотнее сжала хватку на востоке, ей пришлось в одиночку бороться с американцами, французами, голландцами, испанцами и Хайдером Али из Майсура. Правительства, флот, целые нации захватывались, восставали и сдавались. Над

Францией поднялся воздушный шар, "Король Георг" [1] перевернулся в Спитхедде, а сын Чэтема [2] впервые возглавил кабинет министров. Но для Джо Триггса ничего не изменилось. Разве что его колено или плечо болели больше или меньше, а за исключением этого все его дни были так похожи, что сливались в один неразличимый узор и проходили мимо, не отмеченные событиями.

вернуться

1

"Король Георг" - стопушечный линейный корабль первого ранга. Третий корабль Королевского флота, названный в честь королей Георгов Ганноверской династии. Перевернулся и затонул в Спитхедде в 1782 году.

вернуться

2

Уильям Питт Младший, граф Чэтем (1759 - 1806) - второй сын Уильяма Питта. На протяжении в общей сложности почти 20 лет был премьер-министром Великобритании, причём впервые возглавил кабинет в возрасте 24 лет, став самым молодым премьер-министром Великобритании за всю историю страны.

Во время разговора со стариком, Росс окинул взглядом остальные коттеджи. Ближайший пустовал, с тех пор как вся семья умерла от оспы в 1779 году, и лишился части крыши, а следующий, принадлежащий Клеммоу, выглядел немногим лучше. А что еще можно ожидать? Илай, самый юный и подающий надежды, отправился работать лакеем в Труро, остался лишь Рубен.

Три коттеджа с противоположной стороны находились в хорошем состоянии. Мартины и Дэниэлы дружили с Россом, а Ник Вайгас присматривал за своим коттеджем, хотя и был скользким мерзавцем.

В коттедже Мартинов миссис Заки Мартин, в очках на приплюснутом приветливом лице, провела его в единственную на первом этаже сумрачную комнату с утопанным земляным полом, на котором гугукали и ползали трое нагих младенцев. Двое появились уже после отъезда Росса, всего детей было одиннадцать, а миссис Мартин уже опять ходила беременной. Четверо мальчиков уже работали под землей в Грамблере, а старшая дочь, Джинни, дробила там руду. Трое следующих по возрасту, от пяти и старше, как раз и были той дешевой рабочей силой, в которой нуждался Росс для расчистки полей.

Этим солнечным утром, война, частью которой Росс был совсем недавно, казалась ему, наполненному запахами, звуками и видом своей земли, далекой и незначительной. Росс размышлял, реален ли тот мир, где люди дрались ради политики и принципов и умирали либо жили со славой (а чаще наоборот, бесславно) ради абстрактного слова вроде патриотизма или независимости, или реальность принадлежит этим скромным людям и простой земле.

Казалось, ничто не остановит болтовню миссис Мартин, она прекратилась, лишь когда со своей смены на шахте вернулась ее дочь Джинни. Похоже, у девушки перехватило дыхание: она уже собралась что-то сказать, распахнув дверь коттеджа, но увидев Росса, прошла вперед,

неуклюже присела в реверансе и замолчала.

- Моя старшенькая, - сказала миссис Мартин, складывая руки на огромном животе. - Семнадцать месяц назад стукнуло. Ты чего это, дитя? Позабыла мистера Росса?

- Нет, мама. Нет, сэр. Вовсе нет.

Она подошла к стене, развязала передник и стянула большой льняной чепец.

- Прекрасная девочка, -- заявил Росс, рассеянно глядя на Джинни. - Вы должны ей гордиться.

Джинни вспыхнула.

Миссис Мартин уставилась на дочь.

- Неужто этот Рубен опять с тобой заигрывает?

В двери появилась тень, и Росс увидел высокую фигуру Рубена Клеммоу, вышагивающего в сторону своего коттеджа. Он по-прежнему был в сырых синих шахтерских куртке и штанах, старой жесткой шляпе с прилепленной с помощью глины свечой спереди и нес инструменты рудокопа, одним из которых был тяжелый железный бур.

- Он каждый день за мной ходит, - призналась девушка со слезами раздражения на глазах. - Навязывается, чтоб я с ним пошла, а когда я иду, то молчит, лишь глазеет. Чего он меня не оставит в покое?

- Ладно, не принимай близко к сердцу, - сказала ее мать. - Пойди скажи мелким бесенятам, чтобы вернулись, если хотят поесть.

Росс нашел в этом возможность распрощаться и встал, как только девушка выбежала из дома, подзывая чистым и пронзительным голосом тех детей Мартинов, что трудились на картофельной грядке.

- Он для нас прям головная боль, - заявила миссис Мартин. - Повсюду за ней таскается. Заки его дважды предупреждал.

- Его коттедж в крайне плохом состоянии. Наверное, пованивает от него, когда ветер в эту сторону.

- О, насчет этого-то нам плевать. Мы лишь о девице тревожимся.

Росс видел, как Рубен Клеммоу стоит у двери своего коттеджа, уставившись на Джинни, провожая ее смущающим взглядом своих маленьких бледных глазенок. Клеммоу всегда приносили соседям одни неприятности. Отец и мать семейства уже несколько лет как умерли. Клеммоу-отец был глухонемым и припадочным, детишки вечно над ним потешались из-за перекошенного рта и мычания, которое он издавал. Клеммоу-мама на вид была вполне ничего, но была в ней какая-то гнильца, эта женщина никогда не довольствовалась обычными человеческими грешками вроде пьянства и похоти. Росс вспомнил, как ее публично выпороли на рынке в Труро за продажу ядовитых порошков для выкидыша. Эта парочка годами доставляла беспокойство, но Илай всегда казался самым проблемным.

- Он доставлял неприятности, пока я отсутствовал?

- Рубен? Неа. Разве что прошлой зимой треснул Ника Вайгаса по башке, когда тот на него

разорался. Но разве ж его в этом можно винить, я и сама так частенько делаю.

Росс решил, что нельзя сбежать от самого себя, вернувшись к простой крестьянской жизни. В собственном случае он обменял заботу о своей роте пехотинцев на эту навязанную ответственность о достатке живущих на его земле людей. Может, он и не был сквайром в полном смысле слова, но не мог избежать этой ответственности.

- Думаете, он может причинить Джинни вред?

- Кто ж знает, - ответила миссис Заки. - Если что и учинит, то в суд его не потащат и к ответу не призовут. Но для матери он - сплошная головная боль, дорогуша, ну вы понимаете.

Рубен Клеммоу заметил, что теперь наблюдают за ним. Он тупо уставился на двоих людей в дверях соседнего коттеджа, повернулся и вошел к себе домой, захлопнув дверь за спиной.

Вернулась Джинни с тремя детьми. Росс посмотрел на девушку с возрастающим интересом. Она была аккуратной и ухоженной, прелестное создание. Замечательные карие глаза, бледная кожа с немногочисленными веснушками на носу, густые каштановые волосы - у нее будет полно обожателей среди молодых людей по всей округе. Неудивительно, что она воротит нос от Рубена, которому почти сорок, и к тому же он слаб на голову.

- Если Рубен будет причинять неприятности, - сказал Росс, - дайте мне знать, я приду и поговорю с ним.

- Спасибочки, сэр. Мы перед вами в долгу. Может, если вы с ним поговорите, он образумится.

***

По дороге домой Росс проехал мимо подъёмника Уил-Грейс, той шахты, что принесла состояние его отцу, и куда оно всё в результате и вернулось. Шахта находилась на холме, на противоположной от Уил-Мейден стороне долины. Примитивная добыча велась уже несколько столетий, а рудник был известен под именем рудник Треворджи. Джошуа воспользовался прежними разработками и назвал предприятие именем жены. Росс подумал, что мог бы этим заняться. Всё лучше, чем слоняться без дела.

На следующий день он надел одежду, в которой ходил на шахту отец, и уже собирался выехать из дома, сопровождаемый бормотанием Пруди относительно гнилых досок и смрадной атмосферы, когда увидел скачущего по долине всадника и понял, что это Фрэнсис.

Он ехал на прекрасной чалой лошади, одетый по последней моде: в темно-желтых бриджах, желтом жилете и зауженном в талии сюртуке из темно-коричневого бархата с высоким воротником.

Фрэнсис осадил коня прямо перед Россом, лошадь встала на дыбы.

- Эй, Руфус, тише, мальчик! Что ж, Росс. - Он спешил, дружелюбно улыбаясь, - тише, мальчик! Ну, и что это? Собираешься отдать дань Грамблеру?

- Нет. Думаю обследовать Грейс.

- Эту старую шлюху? - Фрэнсис удивленно поднял брови. - Уж не надеешься ли ты вновь ее запустить?

- Даже от шлях есть польза. Я обследую всё, что у меня есть, неважно, имеет оно стоимость или нет.

- Весьма разумно, - Фрэнсис слегка покраснел, - может, обождешь часок?

- Пойдем со мной, - предложил Росс. - Но, возможно, тебе больше не интересно подобное приключение, в этой-то одежде.

- Конечно, пойду, - коротко ответил Фрэнсис, покраснев еще сильнее. - Дай мне старую одежду твоего отца.

- Не нужно. Пойду в другой день.

- Мы сможем поговорить по пути, - Фрэнсис передал коня Джуду, который только что вернулся с поля, - это представляет для меня интерес.

Они вошли в дом, и Росс порылся среди вещей отца, которые Пэйнтеры не успели продать. Когда подходящие вещи нашлись, Фрэнсис снял свою красивую одежду и надел их.

Они вышли из дома, и, чтобы преодолеть напряженность, Росс заставил себя говорить о своих приключениях в Америке, куда его послали зеленым прапорщиком всего лишь через месяц нахождения с полком в Ирландии. О тех беспокойных первых трех месяцах под командованием лорда Корнваллиса, когда и произошли почти все бои, которыми ограничилось его участие в войне; о плавании в Портсмурт и внезапном нападении французов, когда они пересекали реку Джеймс; о преследовании Лафайета; мушкетной пуле в лодыжке и своем переводе в Нью-Йорк, что в результате позволило ему избежать осады Йорктауна; об ударе штыком в лицо во время небольшой перестрелки, когда условия предварительного мирного соглашения уже были подписаны.

Они добрались до шахты и подъемных механизмов. Какое-то время Росс рассматривал высокие заросли дрека, затем вернулся к кузену, который всматривался в шахту.

- Насколько глубоко она залегает? - спросил Фрэнсис.

- Полагаю, не более тридцати саженей, и большая часть затоплена, но я слышал, как отец говорил, что большая часть старого рудника Треворджи сама осушилась в процессе работы.

- На Грамблере мы начали разрабатывать штрек на восьмидесяти саженях, и выглядит многообещающе. Когда в последний раз пользовались этой лестницей?

- Лет десять назад, полагаю. Прикрой меня от ветра.

Сильный ветер задувал свечи. Прикрывая их шляпами, они начали спускаться по лестнице. Фрэнсис хотел было пойти первым, но Росс его остановил.

- Погоди. Я сначала ее опробую.

Первая дюжина ступеней выглядела довольно прочной, и Фрэнсис тоже начал спускаться. Ствол шахты оказался довольно широким, с прибитой к стене лестницей, поддерживаемой через определенные интервалы деревянными площадками. Некоторые насосные шестерни всё еще оставались на местах, но дальше вниз поотваливались. Когда они спустились ниже уровня, куда проникал дневной свет, в нос им ударил запах затхлости и застоявшейся воды.

Первого уровня они достигли без происшествий. В дымном колеблющемся свете прикрепленной к шляпе свечи Росс всмотрелся в узкую дыру туннеля и решил попробовать спуститься на следующий уровень. Он крикнул об этом Фрэнсису, и они стали спускаться дальше. Фрэнсис случайно столкнулся с камнем, тот грохнулся об следующую площадку и с мягким плеском булькнул в невидимой воде внизу.

Теперь ступеньки стали коварными. Несколько отсутствовали разом, а затем одна обрушилась, как только Росс перенес на неё свой вес. Его нога провалилась на следующую ступеньку, которая оказалась прочной.

- Если я когда-нибудь открою шахту, - крикнул он вверх, его голос эхом отразился в замкнутом пространстве, - то в основной шахте поставлю железные лестницы.

- В лучшие времена мы намеревались сделать это на Грамблере. Так погиб отец Бартла.

Ноги Росса погрузились в воду. Он наклонил голову, чтобы взглянуть в темную, маслянистую воду, преграждавшую путь. Уровень воды за последние месяцы упал, поскольку стены вокруг покрывала зеленая тина. Из его рта вырывался пар, сливаясь с дымком от свечи. Рядом с ним, примерно на два фута погруженный в воду, открывался вход на второй уровень. Эта была самая нижняя часть старого рудника Треворджи.

Он сделал еще пару шагов вниз, пока вода не поднялась выше колен, а потом сошел с лестницы, ступив в туннель.

- Фу! Ну и вонь! - донеслось со стороны Фрэнсиса. - Интересно, сколько сюда выкинули нежеланных младенцев.

- Думаю, что этот уровень идет на восток под долиной, в направлении Мингуза, - отозвался Росс.

Он двинулся в туннель. Всплеск за спиной возвестил о том, что Фрэнсис тоже сошел с лестницы и последовал за ним.

По стенам сочилась буро-зеленая вода, а в некоторых местах потолок нависал так низко, что приходилось сгибаться. Воздух был промозглым и вонючим, и пару раз свечи заморгали, как будто вот-вот погаснут. Фрэнсис нагнал кузена, когда туннель расширился до пещеры. Росс всмотрелся в ту стену, где начали добычу.

- Посмотри сюда, - указал Росс. - Смотри, это полоска олова между пиритом. Они неправильно выбрали уровень. Мы знаем, насколько большими разрывы между пластами были на Грамблере.

Фрэнсис намочил палец в воде и потер породу, где показались слабые темные вкрапления олова.

- А что потом? Ты еще не видел наших смет на Грамблере, с тех пор как вернулся? Прибыль - всего лишь жалкая иллюзия, прыгающая не на ту сторону гробсбуха.

- На Грамблере вы слишком сильно углубились. Подъемные механизмы обходились в целом состоянии еще когда я уезжал.

- Они не просто жгут уголь. Они пожирают его, как осел пожирает клубнику. Хрум - и они орут "ещёёё".

- А здесь будет достаточно и небольшого подъемника. На этом уровне можно работать даже без откачки.

- Не забывай, сейчас осень.

Росс повернулся и уставился на черную, грязную воду, поднявшуюся выше колен, потом снова посмотрел на потолок. Фрэнсис прав. Они смогли забраться так далеко только благодаря малому количеству осадков летом. Вода сейчас прибывала. Через несколько дней, возможно, даже часов, станет невозможно вернуться назад.

- Росс, - позвал кузен. - Ты слышал ведь, что на следующей неделе я намерен жениться?

Росс прекратил своё исследование стен и выпрямился. Он был примерно на три дюйма выше двоюродного брата.

- Верити мне сказала.

- Хм. Она также сказала, что ты не хочешь присутствовать на свадьбе.

- О... не так многословно. Но то да сё... Мой дом - как разграбленный Карфаген. Кроме того, я никогда не любил церемонии. Давай пройдем еще немного. Интересно, возможно ли осушить все эти старые разработки с помощью штольни в сторону низины за Марасанвосом.

Через пару секунд Фрэнсис последовал за своим кузеном.

Мерцающий, колеблющийся свет двух свечей разрезал тьму то здесь, то там, рисуя смутные, преследующие их тени и странные, гротескные отражения на бутылочного цвета воде.

Вскоре тоннель сузился и принял яйцевидную форму около четырех футов и шести дюймов высотой и не более трех футов в поперечнике в самой широкой части. На самом деле, он был пробит достаточно большим, чтобы мог пройти человек с тачкой и склонив голову. Вода доходила почти до самой широкой части яйца, а стены отполировало трением давно позабытых локтей.

Фрэнсис начал чувствовать нехватку воздуха, необходимость распрямить согнутую спину, вес тысяч тонн породы над головой.

- Ты, разумеется, должен прийти на свадьбу, - сказал он, повышая голос. Его свеча зашипела, когда на неё упала капля воды. - Мы сильно огорчимся, если ты не придешь.

- Чепуха. В округе скоро устанут об этом болтать.

- Ты чертовски обидчив сегодня. Это наше общее желание, чтобы ты пришел. Моё и...

- Элизабет?

- Она особенно просила, чтобы ты пришел.

Росс попытался переварить услышанное.

- Очень хорошо. В котором часу?

- В полдень. Джордж Уорлеган будет моим шафером.

- Джордж Уорлеган?

- Да. Я знаю, что ты...

- Видишь, местность немного поднимается. Мы сейчас поворачиваем к северу.

- Мы не намерены устраивать большую свадьбу, - сказал Фрэнсис. - Только наши семьи и парочка друзей. Кузен Уильям-Альфред совершит обряд, а мистер Оджерс ему поможет. Росс, я хотел объяснить...

- Здесь воздух становится лучше, - мрачно произнес Росс, огибая неудобный угол узкого туннеля и вызвав лавину камней, с плеском шлепнувшихся в воду.

Они поднялись на несколько футов, вода почти пропала. Впереди мелькнул проблеск света. Всё еще поднимаясь, они достигли вентиляционной шахты - одного из многочисленных колодцев, пробитых вниз, чтобы сделать условия работы хотя бы сносными. Как и ствол основной шахты, она шла глубже и была полна воды, - всего в нескольких футах от них ее пересекал узкий деревянный мостик.

Но лестницы не было.

Они всмотрелись вверх - в небольшой кружок дневного света над головой.

- Где мы? - спросил Росс. - Должно быть, рядом с дорогой к Рин-Уоллас.

- Или на краю песчаных холмов. Послушай, Росс, я хотел бы объяснить. Когда я впервые повстречал Элизабет прошлой весной, у меня и в мыслях не было становиться между вами. Это случилось, как удар с небес. И она, и я...

- Какого черта! - Росс повернулся, его лицо было возбужденным и пугающим. - Разве не достаточно...

И таково было выражение его лица, что Фрэнсис сделал шаг назад к деревянному мостику, пересекающему ствол шахты, мостик как сухое печенье рассыпался на куски, и Фрэнсис свалился в воду.

Это произошло так быстро, что ничего нельзя было поделать. Росс подумал: "Фрэнсис не умеет плавать".

В полутьме Росс как-то спустился к поверхности: рука, светлые волосы и шляпа виднелись на поверхности воды - одежда еще поддерживала его на плаву, пока не пропиталась водой. Росс упал на живот, перегнулся над краем, почти потеряв равновесие - не достать. Отчаянное лицо, вязкая вода... Росс схватил кусок прогнившего мостика, размахнулся и большим железным гвоздем зацепился за плечо сюртука кузена, подтянул, и сюртук порвался, рука ухватилась за конец доски, и Росс снова потянул, и, прежде чем деревяшка сломалась, их пальцы встретились.

Лёжа на скользком каменном полу, Росс напряг мышцы и вытащил кузена.

Какое-то время они сидели молча. Фрэнсис часто дышал и отплевывал тухлую воду.

- О Господи! По какой причине ты так разъярился? - гневно спросил он.

- О Господи, почему ты не научился плавать! - парировал Росс.

Они снова замолчали. Вырвавшееся напряжение повисло в воздухе, словно ядовитый газ, имя которому подобрать было нельзя, а игнорировать опасно.

Пока они так сидели, Фрэнсис бросал на кузена косые взгляды. В тот первый вечер по возвращении Росса он ожидал и понимал разочарование и негодование Росса. Но в своей непринужденной, беззаботной манере и не предполагал о степени бушующих эмоций за осунувшимся лицом кузена. Теперь он это знал.

Он также чувствовал, что это падение - не единственная опасность, в которой он очутился... в которой, возможно, он всё еще находился.

Оба потеряли свои свечи и не взяли запасных. Фрэнсис взглянул на пятно света высоко над головой. Жаль, что тут нет лестницы. Обратное путешествие по тому же пути, как они сюда пришли, на ощупь и в темноте - неприятное дело...

Через минуту он отжал сюртук и начал путь обратно. Росс последовал за ним с отчасти мрачным, а отчасти ироничным выражением лица. Инцидент, возможно, и передал Фрэнсису степень обиды кузена, но Росс чувствовал, что также и показал его собственные барьеры.

Это событие многое показало ему самому.

Глава четвертая

На предшествующей свадьбе неделе Росс покидал поместье лишь однажды, чтобы посетить церковь в Соле.

Джошуа пожелал, чтобы его похоронили в одной могиле с женой, так что смотреть было особо не на что.

Священной памяти Грейс-Марии: любимой жене Джошуа Полдарка, которая ушла из жизни 9 мая 1770 года в возрасте тридцати лет. *Quidquid Amor Jussit, Non Est Contemnere Tutum* [3].

А внизу Чарльз велел вырезать: и Джошуа Полдарк из Нампары, графство Корнуолл, эсквайр, умерший 11 марта 1783 в возрасте пятидесяти девяти лет.

Другое изменение заключалось в том, что посаженные Джошуа кусты выкорчевали, и могила немного заросла травой. Рядом на небольшом надгробии значилось: Клод-Энтони Полдарк, умер 9 января 1771 года, на шестом году жизни.

Четыре дня спустя Росс вернулся в церковь, чтобы похоронить надежды, которыми тешил себя более двух лет.

Всё это время в глубине души он был убежден, что свадьба не состоится. В это было также трудно поверить, как если бы кто-нибудь сказал ему, что он умрёт.

Церковь Сола стояла в полумиле от одноименной деревни, в начале ведущей в неё дороги. Сегодня главный алтарь украшали золотистые хризантемы, а четверо музыкантов пикикали на скрипках и виолончелях псалмы. Присутствовало двадцать гостей. Росс сидел ближе к алтарю на одной из высоких и столь удобных для сна скамеек, смотрел на две коленапреклоненные фигуры и слушал монотонный голос Уильяма-Альфреда, скрепляющего и юридические, и духовные узы.

Вскоре, даже, казалось, слишком скоро для столь важного события, они снова вышли на церковный двор, где собралось около четырех десятков жителей Сола, Тренвита и Грамблера, стоявших на почтительном расстоянии и вразнобой выкрикивающих жидкие приветствия, когда жених и невеста появились в дверях.

Стоял погожий ноябрьский день - местами голубое небо, временами проглядывало солнце, а свежий ветер неспешно толкал серо-белые громады облаков. Фата Элизабет из старомодного кружева обволакивала её фигуру, придавая призрачный и бесплотный вид. Она казалась маленьким облачком, сбившимся с пути и затерявшемся среди людей. Вскоре они сели в экипаж, который загрохотали по ухабистой дороге, а за ними верхом потянулась остальная часть свадебной процессии.

Элизабет и ее родители выехали из Кенвина в семейном экипаже семьи Чайновет. Они ехали по узким переулкам с разбитым колеями, трясясь и покачиваясь, поднимая за собой клубы серой пыли, которая оседала на людях, явившихся на них поглазеть. Появление такого транспортного средства в этих бедных краях было событием первостепенной важности. Верхом или с упряжкой мулов - вот все привычные способы передвижения. Весть же об их прибытии разнеслась быстрее, чем большие колеса в железной оправе могли довести сам экипаж. Оловянных дел мастера, работавшие у ближайшего ручья, земледельцы и их жены, поденщики с ферм, отдыхающие шахтеры, бродяги из четырех приходоу пришли посмотреть, как экипаж будет проезжать мимо. Псы лаяли, мулы кричали, голые дети с криками бежали за каретой в клубах поднявшейся пыли.

Когда кортеж доехал до ведущей к дому аллеи, кучер пустил лошадей неспешной рысью. Стоящий сзади Бартл протрубил в рожок, и они красиво подъехали к парадному входу Тренвит-хауса под выкрики всадников, сопровождающих карету по бокам.

В доме был приготовлен банкет, затмивший своим размахом все доселе виданные празднества. Тут присутствовали все, встретившие Росса в вечер его приезда. Миссис Чайновет, столь же милая, как ручная орлица; доктор Чоук и его хорошенькая, но глупенькая жена; Чарльз, вырядившийся по случаю торжества в новый пышный парик, тёмный бархатный сюртук с кружевными манжетами и красную жилетку. Верити почти не сидела за столом, снуя туда и обратно, чтобы убедиться, что всё идет надлежащим образом. Её аккуратно начесанные волосы порядком растрепались после полудня. Кузен Уильям-Альфред, тощий, бледный и неподступный, придавал празднеству определенную торжественность и строгость. Его жена Дороти отсутствовала, сославшись на свою привычную отговорку - беременность. Тетушка Агата, которая занимала привычное место в конце стола, облачилась в старомодное бархатное платье с кринолином из китового уса и кружевной чепец на пыльном парике.

Кроме тех, кто встретил Росса тем вечером, здесь присутствовал Хеншоу, дородный молодой человек с лазоревыми глазами, который, несмотря на свои маленькие руки и ноги, передвигался весьма проворно для человека подобной комплекции. Миссис Хеншоу чувствовала себя здесь не в своей тарелке и в промежутках между вымученными попытками изящно пригубить яства бросала на гостей смущенные взгляды. А вот её муж, который с восьми лет работал в шахте и не умел ни читать, ни писать, чувствовал себя своим в любом обществе, и вскоре уже вовсю ковырял десертной вилкой в зубах.

Напротив них, стараясь не замечать сие непотребство, сидела миссис Тиг, вдова дальнего родственника с небольшим поместьем возле Сент-Агнесс; за столом также сидели через одну её пять незамужних дочерей - Фейт, Хоуп, Пейшенс, Джоан и Рут.

Рядом с ней находился капитан Блейми, которого Росс прежде не встречал. Спокойный,

видный мужчина лет сорока, капитан пакетбота на линии Фалмут-Лиссабон. За весь длинный ужин Росс заметил, что моряк заговорил лишь дважды, и только с Верити, поблагодарив её за угощение. Спиртного он не пил.

Другой священник не оказал кузену Уильяму-Альфреду помощи в придании этому дню торжественности. Преподобному мистеру Оджерсу, высушенному маленькому человечку, была вверена в попечение деревня Сол вкупе с Грамблером и по этому случаю его попечитель, священник, живущий в Пезансе, платил ему сорок фунтов стерлингов в год. На эту сумму Оджерс содержал жену, корову и десять детей. Теперь же, одетый в позеленевший от постоянного ношения сюртук и выцветшей парик из конского волоса, он занял место за столом и постоянно тянул руку с грязной каймой под обгрызенными ногтями за следующим блюдом, пока его узкие челюсти работали, уничтожая еще стоявшее перед ним. Было что-то кроличье в его быстрых вороватых движениях: грызть, грызть, грызть, пока никто не спугнул.

Венчало компанию семейство Николаса Уорлеггана: отец, мать и сын.

Они единственные представляли нуворишей графства. Отец старшего Уорлеггана был деревенским кузнецом, начавшим потихоньку плавить олово. Его сын Николас переехал в Труро и открыл плавильню. На этих корнях и зиждилось их благосостояние. Мистер Николас Уорлегган обладал тяжелой верхней губой, глазами цвета базальта и огромными ручищами, всё еще отмеченными следами его давней профессии. Двадцать пять лет назад он женился на Мэри Лэшбрук из Эджкумба, и первый плод этого союза присутствовал сегодня в виде Джорджа Уорлеггана - имя, приобретающее известность в горнодобывающих и банковских кругах, и уже давшее о себе знать там, где отец его ничем не отметился.

вернуться

3

Не стоит презирать веления Амура (лат.) - цитата из Овидия.

Лицо у Джорджа было крупным, как и все черты лица: резко очерченный ястребиный нос, пронзительные карие глаза, которые он использовал чаще, чем шею, чтобы рассмотреть, что находится сбоку. Эту особенность в Уорлегане подметил Опи [4], нарисовавший в этом году его портрет.

Когда наконец с едой было покончено, большой стол сдвинули в сторону, и усталые гости уселись в кружок, чтобы посмотреть на петушиные бои.

Верити с Фрэнсисом попытались возразить, что подобные развлечения непристойны, но Чарльз резко их оборвал. Ему редко выдавался случай провести бой у себя дома. В основном ему приходилось ехать в Труро или Редрат, довольно утомительное занятие, к которому он становился всё менее расположен. Кроме того, Николас Уорлегган привел Красную Перчатку, бойцового петуха с репутацией, и хотел выставить его против любого желающего. К тому же бойцовые петухи Чарльза потеряют хватку, если им не давать отведать свежего мяса.

Слуга Уорлегганов принес Красную Перчатку и еще одну птицу. Мгновением спустя вернулся доктор Чоук с парочкой своих любимцев. Вслед за ним появился Бартл с тремя петухами Чарльза.

Росс смущенно оглядывался по сторонам в поисках Элизабет. Он знал, что она ненавидит

петушинные бои. И действительно, она ускользнула в угол зала и сидела на диване возле лестницы, попивая вместе с Верити чай. Кузен Уильям-Альфред, который не одобрял азартные игры из религиозных соображений, удалился в другой угол возле лестницы, где на треногом аналое из красного дерева лежала Библия. Сверху же хмуро глядели семейные портреты. Росс услышал, как кузен обсуждает с преподобным Оджерсом плачевное состояние церкви в Соле.

Лицо Элизабет покрылось легким румянцем, когда к ней подошел Росс.

- Скажи, Росс, - произнесла Верити, - разве она не мила в свадебном платье? И разве не шло всё прекрасно до этой минуты? Ох уже эти мужчины со своими петушинными боями! Так нет, еда им не мила, если не увидят, как льется кровь в их глупых забавах. Не желаешь чаю?

Росс, поблагодарив, отказался.

- Прекрасный пир. Но сейчас после него меня лишь тянет в сон.

- Что ж, мне нужно идти, найти миссис Табб, надо еще о многом позаботиться. Половина гостей остается на ночь.

Верити оставила их и на мгновение прислушалась к спорам по поводу места, которое следовало освободить. В предвкушении развлечения гости довольно быстро оправались от сонливости, вызванной обильной едой. Наступил решающий момент.

- Ты тоже остаешься? - спросил Росс.

- Только сегодня. Завтра мы уезжаем в Фалмут на две недели.

Он опустил глаза и наблюдал, как она смотрит на другую сторону комнаты. Ее белокурые волосы были коротко уложены на затылке, уши открыты, и у каждого висела единственная прядь. Всё остальное было завито, собрано на голове и склото небольшим украшением в виде одного ряда жемчужин. Платье с пышными рукавами из тончайшего кружева закрывало шею.

Росс искал этой встречи, а теперь не знал, что сказать. Так часто бывало в те дни, когда они только что познакомились. Ее хрупкая красота часто сковывала ему язык, пока он наконец-то не узнал Элизабет по-настоящему.

- Росс, - сказала она, - должно быть, тебе интересно, почему я хотела, чтобы ты сегодня пришел. Но мы не виделись, поэтому мне показалось, что следует с тобой поговорить.

Она прервалась на мгновенье, прикусив губу, и Росс наблюдал, как она побледнела и снова залилась румянцем.

- Сегодня мой день. Я очень хочу быть счастливой и желаю всем вокруг того же. Нет времени всё объяснять, вероятно, я всё равно не смогла бы объяснить, даже если бы оно было. Но я хочу, чтобы ты попытался простить меня за все несчастье, что я могла тебе принести.

- Не за что прощать, - сказал Росс, - не было никаких формальных обязательств.

Она взглянула мимоходом в его серые глаза, в которых, казалось, виднелся намек на негодование.

- Ты знаешь, что дело не в этом...

Первый петушинный бой закончился, и зрители уже хлопали и кричали, а побежденную птицу,

роняющую перья и кровь, унесли с арены.

- Да что же это, будто и вовсе не было драки, - заявил Чарльз Полдарк. - Пфф! Вот уж редко мне приходилось видеть, чтобы пять гиней зарабатывали так быстро.

- Да, - сказал доктор Чоук, чья птица победила одного из петухов Уорлеганов. - Парацельс недооценил противника. Фатальная ошибка.

- Бысленько! - заговорила Полли Чоук, поглаживая голову победителя, которого держал лакей. - Победитель выглядел вовсе не таким зловещим, пока не взыглал его нлав. Все знают, как я такое люблю!

- Он поранился, мэм, - заметил лакей. - Вы испачкаете перчатки.

- Что ж, тепель я смогу позволить себе купить новую палу! - ответила Полли.

Раздался смех, хотя ее муж нахмурил брови, отметив тем самым бестактность.

- Всё равно, это плохое представление, - настаивал Чарльз. - Многие цыплята могли бы устроить лучшее. Мой Герцог проглотил бы любого из них, а ему и двух лет нет!

- Давайте-ка взглянем на вашего Герцога, - вежливо произнес мистер Уорлеган. - Возможно, вы захотите свести его с Красной Перчаткой.

- С кем? С чем? - спросила тетушка Агата, смахнув слюну с подбородка. - Это будет такой позор, такой позор.

- По крайней мере, увидим, голубая ли у него кровь, - заявил мистер Уорлеган.

- Королевская битва? - спросил Чарльз. - Я не против. Каков вес вашей птицы?

- Ровно четыре фунта.

- Значит, они друг другу подходят! Герцог весит три и тринадцать унций. Пусть их принесут, и поглядим.

Двух птиц вытащили и сравнили. Красная Перчатка выглядел мелким для своего веса - злобное создание, покрытое шрамами, закаленное в двадцати сражениях. Герцог был молодой птицей, дравшейся лишь однажды или дважды, и то лишь с местными.

- А ставки? - спросил Джордж Уорлеган.

- Как пожелаете, - взглянул Чарльз на своего гостя.

- Сто гиней? - предложил Уорлеган.

На мгновение воцарилась тишина.

- ...И целый ряд колонн, поддерживающих крышу, - сказал мистер Оджерс, - ...скрепленных вместе лишь железными прутьями и зажимами, которые постоянно нужно укреплять. Восточные и западные стены практически шатаются.

- Да-да, я так и представлял, - прокричал Чарльз. - Ставьте в поединок.

Подготовка началась с большим вниманием к деталям, чем обычно. Каковы бы ни были привычные ставки Николаса Уорлеggана, не в обычае местных сквайров с финансовым положением как у мистера Полдарка было ставить так много.

- ...Ты знаешь, что дело не в этом, - повторила Элизабет шепотом. - Между нами всё было ясно. Но мы были так молоды...

- Не понимаю, - сказал Росс, - чем поможет твое объяснение. Сегодня всё решилось...

- Элизабет, - произнесла внезапно появившаяся поблизости миссис Чайновет, - ты должна помнить, что это твой день, и присоединиться к обществу, а не отделяться в подобной манере.

- Благодарю, мама. Но ты же знаешь, у меня нет к этому душа не лежит. Уверена, что меня не хватятся, пока всё не закончится.

Миссис Чайновет распрямила спину, и их глаза встретились. Но она почувствовала решительность в тихом голосе дочери и не настаивала, а взглянула на Росса и холодно ему улыбнулась.

- Росс, я знаю, что вы выказываете интерес к такого рода развлечениями. Возможно, вы просветите меня относительно разных тонкостей.

Росс улыбнулся в ответ.

- Я убежден, мэм, что ни в одной схватке нет таких тонкостей, в которых я мог бы предложить вам дельный совет.

Миссис Чайновет окинула его пронзительным взглядом и отвернулась.

- Пришлю к тебе Фрэнсиса, Элизабет, - сказала она и удалилась.

Перед началом поединка повисла тишина.

- И более того, - сказал мистер Оджерс, - хуже всего состояние церковного двора. Там столько могил, что едва ли найдешь клочок земли, чтобы не наткнуться на гниющие кости, черепа или скелет. Даже лопату страшно воткнуть.

- Как ты посмел заявить такое моей матери! - воскликнула Элизабет.

вернуться

4

Джон Опи (1761-1807) - английский живописец. Родился в семье плотника в Сент-Агнесс, в Корнуолле.

- Честность всегда оскорбительна? - ответил Росс. - Мне жаль.

Внезапный шепоток дал понять, что поединок начался. С первых же секунд Красная Перчатка завладел преимуществом. Его глазки блестели, он налетел три или четыре раза, наметив цель и оставив после себя кровь, при этом точно зная, когда отступить, прежде чем другая птица сможет воспользоваться собственными шпорами. Герцог привык к подобным играм, но другого

класса.

Поединок затянулся, и наблюдатели смотрели с возрастающим оживлением. Чарльз и Агата возглавили хор ободрительных и разочарованных выкриков. Герцог лежал под Красной Перчаткой, перья его трепетали, но он чудесным образом избежал смертельного удара, снова поднялся и вступил в драку. Наконец, они разделились, чтобы вновь сцепиться, с опущенными головами и лишившись перьев на шеях. Даже Красная Перчатка устал, а Герцог находился в плачевном состоянии. Перчатка его почти доконал, но так и не прикончил.

- Заберите его! - завопила тетушка Агата. - Чарльз, заведи его! У нас есть победитель. Не позволяй, чтобы его покалечили в первой же схватке!

Чарльз в нерешительности пощипывал верхнюю губу. Еще до того, как он успел принять решение, петухи вновь сошлись. И вдруг, совершенно неожиданно для всех, инициатива перешла к Герцогу. Казалось, триумфальная юность вселила в него новые силы. Красная Перчатка, которого застали врасплох, был повержен.

Джордж Уорлеган вцепился в отцовскую руку, уронив табакерку.

- Прекратите поединок! - резко воскликнул он. - Шпоры уже в голове Перчатки.

Он заметил это первым, а теперь и все остальные увидели, что Герцог с оставшимися силами и долей везения выиграл схватку. Даже если бы Уорлеган не вмешался, Красная Перчатка больше не мог драться. Он катался по земле в отчаянной и слабой попытке сбросить другую птицу.

Мистер Уорлеган жестом остановил лакея, нагнулся за табакеркой и спрятал ее.

- Пусть продолжают, - заявил он. - Мне не нужны пенсионеры.

- У нас есть победитель! - раскудаhtалась тетушка Агата. - Точно, у нас победитель, несомненно. Что ж, разве поединок не окончен? Эта птица выдохлась. Да благословит нас Господь, но как по мне, так она выглядит дохлой. Почему они не остановились?

- Я выпишу чек на сотню гиней, - обратился Уорлеган к Чарльзу ровным тоном, который никого не обманул. - И если вы пожелаете продать вашу птицу, то предложите ее сперва мне. Уверен, из нее выйдет толк.

- Это был удачный удар, - ответил Чарльз, его широкое раскрасневшееся лицо сияло от пота и радости. - На редкость удачный удар. Мало когда я видел лучший поединок с более удивительным концом. Ваша Перчатка - боевая птица.

- В самом деле, - согласился мистер Чайновет. - Королевская битва, как вы и сказали, Чарльз. Кто следующий?

- Кто дерется и сбегает, - произнесла тетушка Агата, пытаясь поправить парик, - сразиться еще один шанс получает, - хихикнула она. - Но не с нашим Герцогом. Он убьет его, если их снова сведут. Должна сказать, это было убийственное представление. Или раздражающее? Вы раздражены? Бедные проигравшие теряют больше, чем нужно.

К счастью, никто ее не слушал, поскольку выпустили еще двух петухов.

- У тебя нет права, - сказала Элизабет, - нет права или причины оскорблять мою мать. Я

поступила так по своей воле и собственному разумению. Если ты и должен кого-то винить, то только меня.

Росс взглянул на стоящую рядом девушку, и весь его гнев внезапно испарился, осталась лишь боль от осознания того, что между ними всё кончено.

- Я никого не виню. Что сделано, то сделано, и я не хочу разрушать твоё счастье. У меня есть собственная жизнь, и... мы будем соседями. Иногда мы будем видеться.

Фрэнсис отделился от толпы и смахнул капельку крови с шелкового галстука.

- Надеюсь, что однажды ты меня простишь, - тихо произнесла Элизабет. - Мы были так молоды. Позже...

С умершим сердцем Росс смотрел, как приближается ее муж.

- Не стал смотреть? - обратился Фрэнсис к кузену. Его привлекательное лицо покраснело от выпитого и съеденного. - Я тебя не виню. Такое разочарование после той схватки. А то было действительно впечатляющее представление. Что ж, дорогая, не чувствуешь ли ты себя покинутой в день свадьбы? Это так постыдно с моей стороны, и я обязан это возместить. Будь я проклят, если еще раз тебя покину.

***

Когда позже вечером Росс покинул Тренвит, то вскочил на лошадь и скакал многие мили, не разбирая направления, пока на небе не взошла луна, пока Брюнетка, не выказывавшая признаков былой хвори, опять не захромала. К тому времени он оказался очень далеко от дома, на голой, обдуваемой ветрами и незнакомой местности. Он развернул кобылу и позволил ей самой найти дорогу домой.

К его прискорбию, она не смогла этого сделать, и к тому времени, как показалась сломанная труба Уил-Грейс, дав понять, что он находится на собственной земле, уже давно настала ночь.

Росс поскакал вниз, в долину, расседлал Брюнетку и вошел в дом. Он выпил стакан рома и направился в спальню, рухнув в постель полностью одетым и обутым. Но когда на заре окна начали светлеть, его глаза еще оставались открытыми. Это был самый мрачный час в его жизни.

Глава пятая

Начало зимы показалось Россу бесконечным. Четыре дня непрерывных туманов наполнили долину, так что даже по стенам Нампары потекли потоки, а желтые воды ручья вышли из берегов. После Рождества морозы очистили воздух, а высокая трава на утесах заиндевела, скалы и отвалы рудников побелели, песок затвердел и окрасился соленой изморосью, пока беспокойные волны его не вылизали.

Часто заходила лишь Верити. Она была его связью с остальной семьей, приносила сплетни и составляла компанию. Они вместе прогуливались многие мили, иногда под дождем, вдоль утесов, когда на небе нависали низкие тучи, а море становилось тусклым и угрюмым, как покинутый любовник, иногда по песку у кромки моря, куда волны приносили всякий мусор и поднимали радужные туманы над своими изломанными вершинами. Росс шагал, иногда

слушая Верити, гораздо реже он говорил сам, а она быстро шла рядом, ветер задувал ей волосы в лицо и окрашивал щеки румянцем.

Однажды в середине марта она пришла в неурочное время и остановилась, наблюдая, как Росс прибывает подпорку к балке в кладовке.

- Как твоя нога, Росс? - спросила она.

- Почти не тревожит.

Росс слегка лукавил, но другим это необязательно было знать. Он почти не хромал, заставляя себя ходить прямо, но боли его часто посещали.

Верити еще раньше принесла несколько банок со своими джемами, и теперь начала снимать их с полок и расставлять заново.

- Отец говорит, что если тебе не хватит фуража для скота, то можешь воспользоваться нашим. А еще у нас есть семена редиса и французского лука, если ты его любишь.

Росс немного поразмыслил.

- Благодарю, - ответил он. - На прошлой неделе я посеял бобы и горох. Места еще хватит.

Верити посмотрела на написанную собственной рукой этикетку.

- Как думаешь, Росс, ты сможешь танцевать?

- Танцевать? О чем это ты?

- О, я не про пляски под волынку, а про настоящий бал, какой будет в Труро в следующий понедельник. На Пасху.

Он перестал работать молотком.

- Может быть, если будет нужда. Да только я такой нужды не вижу.

Верити немного призадумалась, прежде чем снова заговорить. Из-за тяжелой работы за зиму Росс исхудал и стал бледнее. Он слишком много пил и слишком много размышлял. Верити помнила его легким на подъем, чувствительным мальчиком, всегда готовым повеселиться и поболтать. Раньше он пел. Этот же сухопарый, мрачный мужчина остался для нее незнакомцем, несмотря на все усилия узнать его поближе. Винить за это нужно было как войну, так и Элизабет.

- Ты еще молод, - сказала Верити. - Корнуолл полон жизни, если тебе она нужна. Почему бы тебе не пойти?

- Так ты идешь?

- Если меня кто-нибудь отведет.

- Это другое дело, - повернулся к ней Росс. - А Фрэнсис с Элизабет идут?

- Наверное, но еще не решили.

Росс снова взялся за молоток.

- Понятно.

- Это благотворительный бал, - объяснила Верити. - Состоится в зале для приемов. Там ты сможешь встретиться с друзьями, которых не видел с тех пор как вернулся. Развеешься от работы и одиночества.

- Это уж точно, - хотя эта идея его не особо привлекала. - Что ж, возможно, я это обдумую.

- Возможно... Возможно, это и не имеет такого уж значения, - вспыхнула Верити. - Если не хочешь танцевать, если твоя нога еще болит...

Росс сделал вид, что не замечает ее румянца.

- Тебе придется так далеко добираться до дома, да еще в темноте и сырости.

- О, мне предложили провести ночь в Труро. У Джоан Паско, ты ее знаешь. Я спрошу их, не могли бы они приютить и тебя. Это было бы чудесно.

- Не торопись так. Я еще не решил, что поеду. Здесь много дел.

- Да, Росс.

- Вот и теперь мы запаздываем с посевами. Два поля еще под водой. И я не могу доверять Джуду работать в одиночку.

- Конечно, Росс.

- В любом случае, а не могу остаться на ночь в Труро, поскольку собирался поехать на ярмарку в Редрат во вторник утром. Мне нужно купить скот.

- Да, Росс.

Он осмотрел клин, который подсунул под балку, и остался неудовлетворен результатом.

- В котором часу я должен за тобой заехать? - спросил он.

В тот вечер он направился рыбачить на пляж Хендрона с Марком и Полом Дэниэлами, Заки Мартином, Джудом Пэйнтером и Ником Вайгасом. Ему не особо был по вкусу старый образ жизни, но пришлось вновь к нему вернуться под влиянием обстоятельств.

Погода стояла холодная и не подходящая случаю, но шахтеры настолько привыкли к мокрой одежде и низким температурам, что не особо обращали на это внимание, а Россу всегда было наплевать на погоду. Рыбу они так и не поймали, но вечер прошел довольно приятно, поскольку на пляже валялось в достатке плавника, и они устроили в одной из пещер большой костер, сели вокруг, рассказывали истории и пили ром, а из темных глубин пещеры доносилось эхо от их болтовни.

Заки Мартин, отец Джинни и десяти других ребяташек, был тихим и сообразительным коротышкой с веселыми глазами и постоянной седой щетиной на щеках - он никогда не носил бороду, но и не был чисто выбрит. Из-за умения читать и писать соседи считали его ученым человеком. Он приехал в Сол более двадцати лет назад из Редрата, и ему пришлось преодолеть местные предубеждения, чтобы жениться на дочери кузнеца.

Пока они сидели в пещере, он отвел Росса в сторонку и сказал, что миссис Мартин на него всё время наседает по поводу обещания, которое мистер Росс дал, когда заходил к ним в коттедж вскоре после своего возвращения. Это касалось Рубена Клеммоу и того, как он пугает юную Джинни, превратив ее жизнь в сплошное несчастье, повсюду за ней таскаясь, наблюдая за ней, пытаясь увести от братьев и сестер, чтобы переговорить наедине. Конечно, он пока еще не сделал ничего дурного, если бы сделал, они бы ему показали, но они не хотят, чтобы такое случилось, и миссис Мартин всё твердит, что мистер Росс должен поговорить с ним и, может, это приведет его в чувство.

Росс смотрел вверх лысой головы Джуда, которая как раз начала раскачиваться под влиянием рома и жаркого огня. Он глядел, как рябое лицо Ника Вайгаса краснеет и через языки пламени становится прямо демоническим, на мощную спину Марка Дэниэлса, склонившегося над рыболовными снастями.

- Я прекрасно помню свое обещание, - сказал он Заку. - Встречусь с ним в воскресенье, посмотрим, смогу ли я его вразумить. А если нет, то выкину его из коттеджа. Нездоровое семейство, эти Клеммоу, нам будет лучше без последнего из них.

***

Пасхальный понедельник наступил до того, как Россу пришлось исполнить другое обещание. Но под влиянием порыва он решил сопровождать Верити на бал, ради теплых чувств к ней он должен был через это пройти.

Зал собраний был уже полон, когда прибыли Росс и Верити. Сегодня присутствовали многие представители высших слоев корнуольского общества. Когда вошли Росс и Верити, оркестр как раз начал играть первый танец. Помещение заливал свет бесчисленных свечей, выставленных вдоль стен. Их встретил гул голосов, рожденный в волне теплого воздуха, смешивающегося с густым запахом духов. Они протиснулись вперед между группами людей, которые беседовали, постукивали каблуками, щелкали табакерками с нюхательным табаком и шелестели шелковыми платьями.

Находясь среди людей своего класса, Росс всегда одевался тщательно, да и Верити - хотя и немного неожиданно - приложила к этому все усилия. Залитое светом яркое платье из малиновой парчи смягчало загар ее простого, но милого лица, она казалась гораздо прелестней, чем Росс когда-либо ее видел. Это была совсем другая Верити, совсем не та, что в штанах и свободной блузе возилась в грязи Тренвита, несмотря на дождь и ветер.

Здесь присутствовали миссис Тиг и ее пять дочерей, составляя организованную Джоан Паско группку, к ней же собирались присоединиться и Росс с Верити. В самый разгар вежливого обмена приветствиями Росс скользил задумчивым взглядом по пяти девушкам и гадал, почему ни одна из них до сих пор не замужем. Фейт, старшая, была белокурой красоткой, но остальные - темнее и менее привлекательные, словно вдохновение и добродетели покинули миссис Тиг, когда она производила их на свет.

Как только рядом собралось достаточно мужчин, миссис Тиг, в новом завитом парике и золотых серьгах, довольно их оглядела. В их компании было и несколько других кавалеров, Росс оказался старшим среди них. Он это чувствовал: они были так молоды, со своими натужными манерами и банальными комплиментами. Они называли его капитаном Полдарком, обращаясь к нему с уважением, которого он не ждал, все, за исключением Уитворта - самодовольного щеголя, который протирал штаны в Оксфорде с перспективой стать священником, одетого по самой последней моде в расшитый шелковыми цветами сюртук. Он

разговаривал громче всех и явственно желал возглавить их кружок, эту привилегию Росс ему тут же отдал.

Поскольку он находился здесь, чтобы сделать приятное Верити, то решил проникнуться духом бала, насколько сможет, и переходил от одной девушке к другой, раздавая ожидаемые комплименты и получая ожидаемые ответы.

Он поговорил с Рут Тиг, самой юной и наименее привлекательной из квинтета миссис Тиг. Она стояла немного в стороне и на мгновение выпала из поля неусыпного внимания матери. Это был ее первый бал, она выглядела одинокой и встревоженной. Росс обеспокоенно поднял голову и посчитал число молодых людей, которых привели с собой Тиги. Всего четверо.

- Могу я иметь удовольствие пригласить вас на второй танец? - спросил он.

Она стала пунцовой.

- Благодарю вас, сэр. Если матушка мне позволит...

- Буду ждать с нетерпением, - он улыбнулся и двинулся дальше, чтобы выразить свое почтение леди Уитворт, матери щеголя. Чуть позже он поглядел на Рут и увидел, что теперь ее лицо снова побледнело. Неужели он так напугал ее своим лицом со шрамом? Или дело в репутации отца, которая прилипла к его имени, как болезнетворный запах?

Он увидел, как к кружку присоединился еще один мужчина и разговаривает с Верити. Было что-то знакомое в этом коренастом, скромно одетом человеке с собранными в простой хвост волосами. Это был Эндрю Блейми, капитан фалмутского пакетбота, с которым он познакомился на свадьбе.

- О, капитан, - сказал Росс, - я удивлен, увидев вас здесь.

- Капитан Полдарк, - тот сжал руку Росса, но не мог больше выдать ни слова. Наконец, он произнес: - Я не создан для танцев.

Они некоторое время поговорили о кораблях, причем капитан Блейми выражался односложно, поглядывая на Верити. Потом оркестр наконец-то заиграл новый танец, и Росс извинился, отправившись танцевать с кузиной. Они встали в нужную позицию, слегка склонившись.

- Следующий танец ты танцуешь с капитаном Блейми? - спросил Росс.

- Да, Росс. Ты не возражаешь?

- Вовсе нет. Я обещал танец мисс Тиг.

- Что, самой молодой из них? Как это разумно с твоей стороны.

- Долг каждого англичанина, - ответил Росс. Они уже готовы были разойтись, когда он пробурчал, неплохо подражая Блейми: - Я не создан для танцев.

Танец продолжился. Мягкий желтый свет канделябров трепетал на платьях - золотых и кремовых, лососевых и малиновых, придавая красивым и изящным дополнительное очарование, а неграциозных и нескладных делая сносными, сглаживал дешевый шик и отбрасывал мягкие кремово-серые тени. Оркестр пиликал мелодию, фигуры выделявали пируэты, двигались, кланялись и топтались, поворачивались, подавали друг другу руки,

вытягивали носки; тени смешивались и менялись, создавая трансформирующийся узор света и тени, словно плетя тонкую ткань жизни, солнца и теней, рождения и смерти, медленно разворачивающийся и вечный узор.

Настало время для танца с Рут Тиг. Ее рука под розовой кружевной перчаткой казалась холодной, она по-прежнему тревожилась, и Росс гадал, сможет ли помочь ей расслабиться. Бедная простушка, хотя при внимательном осмотре, для которого она предоставила ему все возможности, опустив глаза, в ней можно было найти заслуживающие внимания черты - волевой изгиб подбородка, проблеск жизнелюбия, скрывающийся под бледной кожей, миндалевидные глаза, которые придавали ее лицу некоторую необычность. Не считая кузины, она оказалась первой женщиной из тех, с кем ему довелось говорить, не полагающейся на густой аромат духов, чтобы скрыть запахи собственного тела. Обнаружив девушку, которая пахнет той же свежестью, что и Верити, он почувствовал порыв дружелюбия.

Своей болтовней ни о чем ему удалось вызвать ее улыбку, и вместе с этим новоприобретенным интересом он позабыл про боль в лодыжке. Они протанцевали вместе и третий танец, и брови миссис Тиг поползли вверх. Она ожидала, что Рут проведет большую часть вечера подле нее, как и положено всякой почтительной дочери.

- Какой прелестный бал, - произнесла леди Уитворт, сидящая рядом с миссис Тиг. - Уверена, что наши дорогие дети получают удовольствие. Кто тот высокий интересный мужчина, удостоивший своим вниманием юную Рут? Я позабыла его имя.

- Капитан Полдарк. Племянник мистера Чарльза.

- Что, сын Джошуа Полдарка? Я бы его не признала! Не похож на отца, не правда ли? Совсем так привлекателен. Хотя... в своем роде неплох, с этим-то шрамом. Он проявляет интерес?

- Что ж, именно так и начинается интерес, верно? - заявила миссис Тиг, сладко улыбаясь подруге.

- Конечно, дорогая. Но это так неловко для двух старших, если Рут будет помолвлена раньше. Я всегда полагала весьма прискорбным, что в этом графстве больше так строго не соблюдается этикет в отношении замужества в порядке старшинства. Нынче в Оксфордшире родители не позволили бы девушкам вести себя так свободно, как Пейшенс, Джоан и Рут, пока не устроена жизнь Фейт и Хоуп. Не думаю, что семьям от этого лучше. Представьте себе, я даже не узнала сына Джошуа Полдарка! Интересно, хоть в чем-то они похожи? Я хорошо помню мистера Джошуа.

После этого танца Рут села рядом с ними. Ее такое бледное прежде лицо теперь горело румянцем. Она быстро обмахивалась веером, а глаза блестели. Миссис Тиг горела желанием ее расспросить, но поскольку, к ее большому расстройству, леди Уитворт могла это услышать, она промолчала. Миссис Тиг знала репутацию Джошуа так же хорошо, как и леди Уитворт. Росс стал бы превосходной добычей для малышки Рут, но его отец имел прискорбную привычку проглатывать наживку, а потом срывать с крючка.

- Мисс Верити сегодня выглядит впечатляюще, - произнесла миссис Тиг, чтоб отвлечь внимание леди Уитворт. - Выглядит гораздо более оживленной, чем когда я ее в последний раз видела.

- Всё дело в компании молодых людей, без сомнения, - сухо отметила ее подруга. - Вижу, здесь капитан Блейми.

- Кузен Роузленд Блейми, насколько я знаю.

- Я слышала, они предпочитают подчеркивать, что он лишь троюродный брат.

- Неужели? - миссис Тиг наострила уши. - А в чем дело?

- Ходят слухи, - леди Уитворт неопределенно взмахнула рукой, - хотя, конечно, не стоит их повторять в присутствии юной особы.

- Что?... Ах да, конечно же.

Капитан Блейми поклонился партнерше.

- Здесь жарко, - сказал он. - Может, чего-нибудь освежающего?

Верити кивнула, не в состоянии говорить, как и он. Во время танца они и вовсе не разговаривали. Теперь они направились к комнате отдыха и нашли скрытый за растительностью уголок. В этом уединении Верити потягивала французский кларет и наблюдала за проходящими мимо людьми. Блейми пил только лимонад.

Нужно что-то сказать, подумала Верити, почему бы не поболтать, как другие девушки, может, я смогу его разговорить и тогда больше ему понравлюсь, он так же застенчив, как и я, и мне следует облегчить положение, а не делать его еще сложнее. Можно поговорить о фермерстве, но вряд ли его заинтересуют свиньи и куры. Шахты меня интересуют столь же мало, как и его. О море я ничего не знаю, разве что про куттеры и сейнеры и прочую мелкую рыбешку. И кораблекрушение в прошлом месяце... но, возможно, об этом не вполне тактично беседовать. Почему я просто не могу сказать "ляляля", а потом хихикнуть и покапризничать. Я могла бы сказать, как он хорошо танцует, но это неправда, потому что танцует он, как медведь, которого я видела на Рождество.

- Здесь прохладней, - заметил капитан Блейми.

- Да, - согласилась Верити.

- Для танцев немного жарковато. Мне кажется, пара глотков ночного воздуха не повредила бы.

- Погода и вправду весьма теплая. Не по сезону.

- Как вы прелестно танцуете, - сказал капитан Блейми, покрывшись испариной. - Я никогда не встречал никого, так... хм... ну...

- Я так люблю танцевать, - ответила Верити. - Но в Тренвите для этого мало возможностей. Сегодня - редкое удовольствие.

- И для меня. И для меня. Редкое удовольствие, не помню, чтобы...

В наступившей после этого обрывочного разговора тишине они услышали смех девушек и молодых людей, флиртующих в соседней нише, прекрасно проводя время.

- Какие глупости болтают эти молодые люди, - резко заявил Эндрю Блейми.

- О, вы так думаете? - с облегчением отозвалась Верити.

Теперь я ее обидел, решил Блейми. Я плохо сформулировал свою мысль. То есть не подумал о

ней. Как прекрасны ее плечи. Мне следовало бы воспользоваться возможностью, чтобы всё ей высказать, но какое право я имею воображать, что ее это заинтересует? А кроме того, я сказал бы это так неуклюже, что она возмутилась бы с первых же слов. Как чиста ее кожа, она словно западный ветерок на рассвете - такой редкий и освежающий, такой благотворный для легких и сердца.

- Когда вы отбываете в Лиссабон? - спросила она.

- С полуденным отливом в пятницу.

- Я трижды бывала в Фалмуте. Прекрасная гавань.

- Лучшая к северу от экватора. Прозорливому правительству следовало бы превратить ее в базу для морского флота. Всё говорит в ее пользу. И мы нуждаемся в подобной гавани.

- Для каких целей? - спросила Верити, наблюдая за его лицом. - Разве мы не заключили мир?

- На некоторое время. Может, на год или два, но потом снова начнутся неприятности с Францией. Ничего толком не решено. А когда начнется война, решит ее преимущество на море.

- Рут, - сказала миссис Тиг в соседнем зале. - Я вижу, что Фейт сейчас не танцует. Может, ты составишь ей компанию?

- Хорошо, мама, - девушка послушно встала.

- О каких слухах вы говорили? - спросила мать, когда дочь удалилась.

Леди Уитворт подняла выщипанную бровь.

- О ком?

- О капитане Блейми.

- О капитане Блейми? Дорогая, не думаете же вы, что стоит придавать значение всяким сплетням?

- Разумеется, нет. Я лично не собираюсь уделять им внимание.

- Кстати, я услышала это от внушающего доверие источника, иначе даже не стала бы их повторять, - леди Уитворт подняла сделанный из тончайшей кожи и разрисованный херувимами веер. Под прикрытием этой преграды она понизила голос, шепча в ухо миссис Тиг.

Похожие на черные бусины глаза миссис Тиг стали еще меньше и круглей по мере того, как рассказывалась история, складки ее век сдвинулись вниз, как покривившиеся жалюзи.

- Нет! - воскликнула она.

- Именно так! И в таком случае его не следовало бы пускать в этот зал. Я считаю своим долгом предупредить Верити.

- Если вы так поступите, дорогая, умоляю оставить это для другого случая. Я не желаю втягиваться в скандал, который это может вызвать. А кроме того, моя дорогая, возможно, она уже в курсе. Вы же знаете, каковы нынче девушки - с ума сходят по мужчинам. Да и вообще, ей

же двадцать пять, как и вашей старшей, дорогая. Другого шанса у нее не будет.

Росс перехватил Рут на ее пути к сестре и пригласил на танец, который как раз начался, гавот - вариация менуэта, которая теперь соперничала с этим танцем.

Теперь он нашел, что она улыбается охотнее, не так напряженно. Поначалу внимание ее пугало, а сейчас льстило. Девушка с четырьмя незамужними сестрами приходит на первый бал без особых надежд, лишь чтобы оказаться в обществе слегка перебравшего мужчины, а Росс был аккуратен с выпивкой. Но он вполне добродушно решил сегодня вечером доставить кому-нибудь удовольствие.

К своему удивлению он обнаружил, что наслаждается танцем, получает удовольствие, влившись в толпу, вместо того, чтобы презирать ее. Когда они разделились и снова сошлись, Росс продолжил тихую беседу, и она внезапно хихикнула, заслужив неодобрительный взгляд второй своей сестры, танцующей с двумя пожилыми мужчинами и титулованной леди.

В комнате отдыха капитан Блейми вытащил рисунок.

- Вот видите, это грот, фок и бизань. На фок-мачте устанавливают фок...

- Вы сами это нарисовали? - спросила Верити.

- Да. Это чертеж корабля моего отца, линейного корабля. Он скончался шесть лет назад. Если...

- На удивление хорошо изображено.

- Ах, это. Что ж, карандашом можно овладеть. Видите, фок-мачта и грот - с прямыми парусами, так сказать, несут паруса... хм... ну, в общем, поперек курса корабля. Бизань-мачта имеет частично прямые паруса, но еще и гафель с бизанью, парус так и называется - бизань. В былые времена его называли латинским. Теперь о бушприте. На этом рисунке его нет, но под ним шпринтов, так что... Мисс Верити, я смогу еще раз вас увидеть?

Их головы почти соприкасались, и Верити быстро взглянула в горящие карие глаза.

- Трудно сказать, капитан Блейми.

- Мне бы так этого хотелось.

- О, - только и сказала Верити.

- А вот грот. Еще есть нижний марсель и верхний марсель. Тот, что прикрепляется к бушприту, называется гюйс-шток, и... и...

- А для чего нужен гюйс-шток? - спросила Верити, задыхаясь.

- Это для... ну... Могу ли я надеяться, что... надеяться хоть на малейшую взаимность? Если это вообще возможно...

- Думаю, что это возможно, капитан Блейми.

Он на мгновение дотронулся до ее пальцев.

- Мисс Верити, вы подарили мне надежду, которая вдохновит любого мужчину. Я чувствую... Я

чувствую... Но прежде чем повидаться с вашим отцом, я должен признаться вам кое в чем, осмелившись на это только из-за вашей благосклонности.

В комнату отдыха вошли пятеро, и Верити поспешно выпрямилась, поскольку увидела, что это Уорлегганы вместе с Фрэнсисом и Элизабет. Элизабет тут же ее заметила, улыбнулась, помахала рукой и направилась к ней.

Она была в платье из персикового муслина и шляпке из белого крепа на голове.

- Мы не собирались приходить, дорогая, - весело сказала Элизабет, заметив удивление Верити.
- Ты прелестно выглядишь. Как поживаете, капитан Блейми?

- Ваш покорный слуга, мэм.

- Это всё вина Джорджа, - продолжала Элизабет - она была возбуждена и потому блистательно красива. - Мы с ним ужинали, и он, как я полагаю, счел, что нас слишком тяжело развлекать.

- Какие жестокие слова из прекрасных уст, - вмешался Джордж Уорлегган. - Вина в том вашего мужа, пожелавшего станцевать этот варварский экосез.

К ним подошел Фрэнсис. Его лицо горело от выпитого, так он выглядел еще привлекательней.

- Мы не пропустили ничего существенного, - сказал он. - Всё веселье только началось. Нынешнюю ночь я не мог бы провести в спокойствии, даже если бы от этого зависела судьба Англии.

- Как и я, - добавила Элизабет, улыбнувшись капитану Блейми. - Надеюсь, наше веселье вам не претит, сэр.

Моряк сделал глубокий вздох.

- Вовсе нет, мэм. У меня самого есть все основания чувствовать себя счастливым.

В бальном зале Рут Тиг вернулась к матери, а леди Уитворт ее покинула.

- Так капитан Полдарк наконец-то тебя оставил, дитя мое? - обратилась к ней миссис Тиг. - И как он объяснил такое поведение?

- Никак, матушка, - ответила Рут, энергично обмахиваясь веером.

- Что ж, весьма приятно, когда на тебя обращает внимание подобный джентльмен, но во всём должна быть причина. Ты не должна забывать о манерах, если он вдруг забудет. Люди уже начинают болтать.

- Правда? О, я не могу отказаться с ним танцевать, он такой любезный и милый.

- Без сомнения, без сомнения. Но не стоит ценить себя так дешево. И тебе следует подумать о сестрах.

- Он попросил у меня следующий танец.

- Что? И что ты ответила?

- Я ему пообещала.

- Уфф! - миссис Тиг раздраженно дернула плечами, но она вовсе не была так недовольна, какой пыталась казаться. - Что ж, обещание есть обещание, ты можешь танцевать. Но на ужин тебе идти с ним не следует, предоставь его Джоан и прочим.

- Он меня и не просил.

- Ты слишком легкомысленно отвечаешь, дитя мое. Полагаю, его внимание вскружило тебе в голову. Возможно, я перемолвлюсь с ним словечком после ужина.

- Нет-нет, матушка, не делайте этого!

- Что ж, посмотрим, - ответила миссис Тиг, не имевшая ни малейших намерений мешать подходящему молодому человеку. Она возмущалась лишь, поскольку чувствовала, что так приличествует поступить, будь у нее только одна дочь с приданым в десять тысяч фунтов. С пятью бесприданницами на выданье ей приходилось со многим мириться.

Но им не было нужды беспокоиться. Когда пришло время ужина, Росс незаметно исчез. Во время последнего танца с Рут он был натянут и озабочен, и она яростно пыталась догадаться, не услышал ли он ворчание ее матери.

Как только танец закончился, Росс покинул бальный зал и вышел в теплую облачную ночь. При неожиданном появлении Элизабет его притворное веселье как ветром сдуло. Он хотел лишь одного - скрыться от ее взгляда, даже позабыв о своих обязательствах сопровождать Верити и о принадлежности к компании мисс Паско.

Снаружи стояли несколько экипажей с лакеями и портшез. Свет из эркеров домов на площади заливал неровные камни мостовой и деревья во дворе церкви Святой Марии. Он посмотрел в том направлении. Красота Элизабет его ошеломила. Тот факт, что ее обществом наслаждается другой, был словно пыткой или проклятьем. Он больше просто не мог флиртовать с миленькой простушкой.

Схватившись рукой за холодную ограду под деревьями, Росс пытался пересилить свою ревность и боль, как человек, пытающийся не потерять сознание. На сей раз он должен покончить с этим раз и навсегда. Либо так, либо ему придется покинуть графство. Ему нужно жить собственной жизнью, идти своим путем, в мире были и другие женщины, может, и попроще, но достаточно очаровательные, с милыми личиками и теплыми телами. Нужно либо избавиться от одержимости Элизабет, либо уехать в ту часть страны, где он не сможет постоянно сравнивать с ней других. Ясный выбор.

Он пошел дальше, отмахнувшись от попрошайки, который преследовал его нытьем о бедности и нужде. Росс оказался перед таверной "Медведь", толкнул дверь и сделал три шага вниз по ступеням в переполненный зал, где до потолка громоздились бочонки с латунными обручами и стояли низкие деревянные столы и скамьи. Сегодня был пасхальный понедельник, и помещение было заполнено, дымный мерцающий свет канделябров в железных поставках не сразу позволил ему найти свободное место. Росс нашел одно в углу и заказал бренди. Разносчик дотронулся до челки и поставил на стол чистый стакан в знак уважения к неожиданному визиту джентльмена. Росс осознал, что при его появлении воцарилась тишина. Его костюм и сорочка в этом обществе оборванцев и оголодавших пьяниц слишком бросались в глаза.

- Чтобы я таких разговоров здесь больше не слышал, - в тревоге произнес трактирщик, - так что лучше слезь-ка со своего насеста, Джек Трипп.

- Я останусь сидеть, где сижу, - заявил высокий худой мужчина, одетый получше, чем большинство остальных - в поношенный сюртук на пару размеров больше, чем нужно.

- Пусть останется, - сказал толстяк, сидящий рядом. - Даже воронам позволяют посидеть на каминной трубе.

Раздался смех, потому что сравнение было довольно метким.

Разговоры снова возобновились, когда стало понятно, что вновь прибывший так погружен в собственные мысли, что не имеет времени на других. Он подавал признаки жизни, лишь время от времени подзывая буфетчика, чтобы наполнил стакан. Джеку Триппу разрешили остаться у стойки.

- Всё это хорошо, друг мой, но разве все мы не люди, рожденные женщиной? Разве мы появляемся на свет или уходим из него по-другому, в зависимости от того управляем ли мы поместьем или просим милостыню? Разве входило в замысел Господа, чтобы часть из нас купалась в роскоши, а другая голодала? Это решение человека, говорю я вам, решение богатых торговцев и им подобных - наслаждаться своим положением и держать остальных в цепях. Это так чудесно - болтать о религии и подкупать священников пищей и вином...

- Не трогай Господа, - раздался голос из глубины.

- Я ничего и не говорю против него, - рявкнул Джек Трипп. - Но не думаю, что это Господь решает, кому сколько зерна должно достаться. Разве Христос не проповедовал справедливость для всех? Где же справедливость для умирающих от голода женщин и детей? Священники набивают брюхо, а ваши женщины живут на черном хлебе и буковых листьях, а ваши дети голодают и гибнут. А тем временем в Пенрине полно зерна, друзья мои!

Раздался одобрителный гул.

Над ухом Росса раздался голос:

- Угостите выпивкой леди, милорд! Пить в одиночку негоже. Когда пьете в одиночку, в бренди поселяется дьявол.

Он уставился в смелые темные глаза женщины, которая покинула свое место и села рядом. Она была высокой и худощавой, лет двадцати четырех - двадцати пяти, и одета в синий мужской костюм для верховой езды, который когда-то выглядел неплохо, но теперь поистрепался, возможно, он прошел уже не через одни руки. Сюртук был грязным, а шнуровка спереди скосбочилась. Девушка обладала высокими скулами, крупным ртом и блестящими зубами, а также широко распахнутыми смелыми глазами. Ее черные волосы были неумело выкрашены в медно-рыжий цвет.

Он бесстрастно махнул трактирщику.

- Благодарю, милорд, - сказала она, потягиваясь и зевая. - За ваше здоровье. Выглядите неважно. Мрачновато, знаете ли. Немного общества вам не повредит.

- Ага, в Пенрине есть зерно, - прохрипел Джек Трипп. - И для кого оно? Уж точно не для народа вроде нас. Нетушки. Они продадут жратву за границу, вот что они удумали. Им плевать, если мы сдохнем. Почему на шахтах нет работы? Потому что цены на олово и медь слишком низкие. Но почему они такие низкие, друзья мои? Потому что торгоши и плавильщики установили такие цены, которые их самих устраивают. Пусть шахтеры сгниют! Торгошам плевать. И

плавильщикам тоже. Всем им плевать!

Росс приподнялся на локте. Ох уж эти агитаторы в тавернах. Публике нравится, когда с ней говорят на ее языке, она начинает испытывать обиды, о которых и не подозревала.

Женщина положила свою ладонь на руку Росса. Он стряхнул ее и прикончил порцию бренди.

- Одиночество, милорд, вот причина ваших недугов. Позвольте мне прочитать вашу ладонь, - она снова положила руку и перевернула его ладонь, чтобы ее рассмотреть. - Дааа! Дааа! Неудачная любовь, вот оно что! Белокурая девица вас надула. Но вот еще брюнетка, взгляните, - она ткнула своим длинным указательным пальцем. - Вот, она рядом с вами. Совсем близко. Она вас утешит, милорд. Не как эти утонченные девицы, которые пугаются при виде штанов. Мне нравится, как вы выглядите, если позволите так выразиться. Готова поспорить, что вы знаете, как доставить женщине удовольствие. Но берегитесь. Не будьте слишком привередливым, иначе эти фифы предадут вас, втянув в любовную игру. А любовь - это не какая-нибудь там салонная игра, милорд, да вы и сами это прекрасно знаете.

Росс заказал еще выпивку.

- А что бедняжка Бетси Пайдар? - спросил Джек Трипп, его голос утонул в возобновившихся разговорах. - Как насчет этого, друзья мои, я вас спрашиваю? Вы что, не слышали про вдову Пайдар? Преследуемую надзирателями и умершую от истощения?

Женщина одним глотком осушила стакан, но не убрала руку.

- Вижу уютный маленький коттедж у реки. Вы мне нравитесь, милорд. В вас есть что-то особенное. Думаю, вы из тех, кто знает, чего хочет. У меня талант читать человеческую натуру, как видите.

Росс уставился на нее, и она смело выдержала его взгляд. Хотя они едва переглянулись, в ней, похоже, всколыхнулось мощное желание. И дело было не в деньгах.

- А что сказал преподобный Холс, когда узнал? - спросил Трипп. - Он сказал, что Бетси Пайдар навлекла это на себя, поскольку нарушила законы графства. Вот вам и священники!

Росс встал, высвободил руку, положил монету для разносчика и направился к двери.

Снаружи стояла темная ночь и слегка моросило. Он нерешительно застыл. Собравшись уже тронуться в путь, он услышал, как из таверны выскользнула женщина.

Она быстро поравнялась с ним и зашагала рядом, высокая и сильная. И снова взяла его руку. Росс хотел было оттолкнуть ее, покончив с надоедливыми приставаниями, но в последнюю секунду одиночество и смятение взяли верх, как медленно отравляющий туман. А что потом, когда он ей откажет? Что за этим последует? Он вернется к танцам?

Росс повернулся и пошел с ней.

Глава шестая

Хорошо, что Верити устроила всё так, чтобы провести ночь с Джоан Паско, и Россу больше не пришлось присутствовать на балу. Из коттеджа той женщины, Маргарет, он поскакал прямо домой, добравшись до Нампары, когда первые лучи пробились через сгустившиеся ночные

тучи.

Это был вторник, день ярмарки в Редрате. Росс стянул с себя одежду, спустился на пляж и вбежал в прибор. Бурлящая ледяная вода смыла ночные миазмы, она слегка покусывала, была бодрящей и отчужденной. Когда он вылез из воды, утесы на дальнем конце пляжа посветлели, а небо на востоке приобрело яркий и сияющий желтый цвет. Он вытерся, оделся и разбудил Джуда, они позавтракали с первыми косыми лучами солнца, пробивающимися через окно.

Они прибыли в Редрат незадолго до десяти, поскальзываясь по крутой подъездной дороге к городу, добрались до церкви, пересекли реку и взобрались на холм, где на поле устраивалась ярмарка. Торговля уже шла вовсю, продавали и покупали скот, овощи и молочные продукты.

Россу понадобилось время, чтобы найти всё необходимое, потому что он не мог бросать деньги на ветер, и к тому времени, как он сделал различные покупки, уже настал полдень. На втором поле все торговцы окружили свои лотки. Торговцы покрупнее и классом повыше - с седлами, одеждой, сапогами и прочей обувью - разместились в верхней части поля, а вниз по склону можно было найти имбирные пряники и конфеты, изготовителей веревок и цепей, точильщиков ножей, многочисленные лотки предлагали фонари и серные спички, воск, серебряные пряжки, браслеты и искусственные косы, уже бывшие в употреблении парики и коробочки для нюхательных солей, матрасы и ночные горшки.

Джуду понадобится несколько часов, чтобы довести до дома новых волов, так что, имея в запасе много времени, Росс бродил вокруг, рассматривая товары. На третьем поле приличные торговцы уже отсутствовали, это было место обитания крысоловов, разносчиков и непристойных представлений за полпенни. Один угол занимали аптекари и травники. Мужчины сидели на корточках прямо на земле и косноязычно расхваливали свой товар - самые современные и надежные средства от всех плотских болезней. Капли от заболеваний груди, французская вода для соблазнения, капли от нервов, настойка смолы бензойного дерева, помады, порошок от лихорадки и капли иезуитов. Здесь можно было купить масло подорожника и латука, ангельскую воду, болиголов от золотухи и репейник от цинги.

На последнем поле, самом шумном, располагались клоуны и шарманщики, а также лоток, где можно было броском игральных костей выиграть пасхальный кулич. Пытаясь отвлечься от горечи и излишеств прошлой ночи, Росс расслабился, смешавшись с толпой, приняв простоту их развлечений. Он заплатил полпенни, чтобы поглядеть на самую толстую в мире женщину, которая, как пожаловался мужчина рядом, оказалась совсем не такой жирной, как та, что в прошлом году. Еще за полпенни она предлагала зайти за занавеску и положить руку на мягкое местечко, но мужчина по соседству сказал Россу, что всё это - просто наглый обман и стыдоба, потому что она просто прикладывает вашу же руку на ваш собственный лоб.

Росс простоял пятнадцать минут в темной будке, наблюдая за труппой лицедеев, изображающих пантомиму про святого Георгия и дракона. Он заплатил полпенни, чтобы посмотреть на мужчину, которому в детстве хряк сожрал руки и ноги, а он при этом чудесно рисовал, зажав в зубах кусок мела. Еще полпенни он отдал, чтобы посмотреть на безумную женщину в клетке, над которой издевалась публика.

Посмотрев все эти представления, он сел в питейном заведении, потягивая стакан рома с водой. Пока он наблюдал за проходящим мимо простонародьем, ему вспомнились слова агитатора Джека Триппа. По большей части они были хилыми, вонючими, рахитичными, рябыми и в лохмотьях и выглядели немногим лучше, чем крестьянский скот, который здесь продавали и покупали. Разве удивительно, что высшие классы смотрели на них, как на другую расу?

Однако после увиденного в Америке нового образа жизни эти различия стали его раздражать. Джек Трипп был прав. Все люди рождены одинаковыми, не существует привилегий, не изобретенных самими людьми.

Он выбрал последнее питейное заведение, в самом конце поля. Гам и запахи здесь стояли не столь всепоглощающие, но как только он заказал еще один стакан, на задах лавки раздался какой-то гул, и несколько человек сгрудились в углу, чтобы поглазеть в чем дело. Некоторые начали хохотать. Шумные повизгивания и тьяканье продолжались. Росс встал и взглянул поверх голов ближайших мужчин.

За палаткой с выпивкой находилось свободное пространство, где раньше располагались овцы. Теперь оно опустело, если не считать группы мальчишек-оборванцев, глазающих на спутанный клубок шерсти, катающийся по земле. Клубок оказался псом и котом, которых мальчишки связали хвост к хвосту. Животные не особенно отличались по размеру и после драки, в которой никому не удалось одержать верх, теперь хотели лишь разделиться. Поначалу пес дернулся, а кот с шипением распластался на земле, потом кот с трудом поднялся на ноги и медленными рывками, вцепившись когтями в землю, потянул собаку обратно.

Зрители покатывались со смеху. Росс коротко улыбнулся и уже готов был сесть на место, как из рук мальчишек вырвался паренек поменьше ростом и бросился к животным. Он увернулся от остальных мальчишек, пытавшихся его поймать, и добрался до несчастных созданий, плюхнулся на колени и попытался развязать узел на их хвостах, не обращая внимания на царапающегося кота. Когда все поняли, что он делает, по толпе прошел ропот, поскольку ее лишали дармового развлечения. Но эти звуки утонули в яростных завываниях других мальчишек, все как один они накинулись на того, кто испортил представление. Он попытался защищаться, но вскоре сдался.

Росс, стоя, потянулся за стаканом, глотнул из него. Крупный мужчина, почти такого же высокого роста, вышел вперед и загородил ему вид.

- Хоть бы в живых остался, - произнес кто-то, - покалечат же паренька, ей-ей, ежели будут его так дубасить. Эти шалопаи уже перешли границы.

- А кто им запретит? - возразил коротышка-торговец с фингалом под глазом. - Они ж дикие, как коты. Просто позор для города, что бродяжки так распустились.

- Будете жаловаться, вам окно вышибут, - сказал другой. - Да хорошо еще, коли так. Вот у моей тетушки Мэри Треглоун, у ней коттедж в Пуле...

- Да знаю я, как же...

Росс прикончил стакан и заказал другой, но потом передумал и двинулся к толпе.

- Господь всемогущий! - внезапно произнесла какая-то домохозяйка. - Они ж на девицу накинулись! Или я ошибаюсь? И что, никто их не остановит?

Росс достал из сапога свой хлыст и вышел на арену. Три оборванца увидели его приближение, двое улизнули, но третий остался, оскалив зубы. Росс хлестнул его по физиономии, и мальчишка взвизгнул и побежал. В воздухе мелькнул камень.

Осталось еще трое мальчишек, двое сидели на пострадавшем, пока третий молотил его по спине. Последний не заметил приближения врага. Росс треснул его по голове и пинком отбросил. Второго он поднял за штаны и кинул в ближайший чан с водой, а третий дал деру,

бросив лежащую ничком фигуру.

Одежда на ней была мальчишеской - свободная рубашка и куртка, слишком широкие штаны, опускающиеся ниже колен. Круглая черная кепка валялась в пыли, взъерошенные волосы слишком отросли. Камень ударил Росса в плечо.

Носком сапога он перевернул лежащую фигуру на спину. Может, и девушка. Ребенок был в сознании, но задыхался и не мог говорить, каждый вздох давался ему со стоном.

На поляну высыпали горожане, но поскольку камни продолжали сыпаться, они отпрянули.

- Они тебя поранили, дитя? - спросил Росс.

Судорожно дернувшись, она встала на колени, а потом смогла сесть.

- Иуды, да чтоб сгнили их вонючие потроха, - наконец-то смогла выдавить девочка.

Град камней стал прицельным, и еще два попали Россу в спину. Он убрал хлыст и поднял девочку. Она почти ничего не весила. Пока он тащил ее к винной палатке, то заметил, что фермеры собрались вместе и преследуют мальчишек, вооружившись палками.

Росс усадил ее в конце устроенного на козлах стола, за которым только что сидел сам. Девочка опустила голову на стол. Теперь, когда угроза обстрела отступила, люди сгрудились вокруг.

- Что они с тобой сделали, дорогуша?

- По ребрам пинали, да?

- Бедняжка, как ее отделали.

- Вот я бы им...

Росс заказал два стакана рома.

- Дайте девочке продохнуть, - сказал он нетерпеливо. - Кто она такая и как ее зовут?

- Никогда ее не видал, - сказал один.

- Небось из Роскира, - заявил другой.

- А я ее знаю, - уставилась на нее какая-то женщина. - Это ж дочка Тома Карна. Живут в Иллагане.

- И где ж тогда ее папаша?

- Дык в шахте же.

- Вот, выпей, - Росс поставил перед девочкой стакан, она подняла его и залпом выпила. Она была похожим на огородное пугало ребенком лет одиннадцати-двенадцати в грязной и порванной рубашке и с копной темных волос, скрывавших лицо.

- Ты здесь с кем-нибудь? - поинтересовался Росс. - Где твоя мать?

- Нету у нее матери, - заявила женщина, выдыхая через его плечо перегар. - Уже шесть лет как

в могиле.

- Это всё я виновата, - наконец-то обрела голос девчушка.

- Даже не говори такое, - возразила женщина. - И что ты делаешь в одежде брата, негодница? Ну и всыпят же тебе за это.

- Уходите, - раздраженно обратился Росс к женщине, поскольку она привлекала слишком много внимания. - Убирайтесь отсюда, вы все. Вам что, больше не на что глазеть?

Он повернулся к девочке.

- Ты здесь с кем-нибудь? Что ты здесь делала?

Она села.

- Где Гаррик? Они его мучили.

- Гаррик?

- Мой пес. Где Гаррик? Гаррик, Гаррик!

- Да туточки он, - через толпу протиснулся фермер. - Споймал его тебе. Непростая это была работенка.

Девочка вскочила, чтобы схватить спутанный черный комочек, и снова плюхнулась на лавку, прижав его к себе. Она склонилась над щенком, посмотреть, не поранен ли он, еще больше выпачкав руки в крови. Внезапно она с завываниями подняла глаза, сверкнувшие сквозь грязь и копну волос.

- Иуда! Мерзкие вонючки! Они ему хвост отрезали!

- Это сделал я, - успокаивающе сказал фермер. - Думаешь, дал бы я коту изодрать мне руки ради какой-то дворняжки? Да и вообще, хвост всё равно был наполовину оторван. А так ему и лучше.

- Хватит об этом, - сказал девочке Росс. - Если можешь говорить, так скажи, не переломали ли тебе кости, когда колотили.

Он дал фермеру шесть пенсов, и толпа, поняв, что представление закончено, начала расходиться, хотя кое-кто остался стоять на почтительном расстоянии, заинтересовавшись джентльменом.

Пес оказался тощим беспородным щенком цвета грязи, с длинной тонкой шеей и покрытыми короткими черными кудряшками головой и телом. Трудно было представить, от кого такой мог уродиться.

- Возьми, - протянул ей Росс свой носовой платок. - Вытри руки, и посмотрим, как глубоки царапины.

Девочка отвлеклась от ощупывания своего тела и подозрительно уставилась на льняной прямоугольник.

- Он грязным будет, - сказала она.

- Не сомневаюсь.
- Может и не отстираться.
- Делай, как я прошу, не спорь.

Уголком платка она потерла острый локоть.

- Как ты тут оказалась? - поинтересовался Росс.
- Пешком пришла.
- С отцом?
- Папаша на шахте.
- Ты пришла одна?
- С Гарриком.
- Ты не можешь идти так обратно. У тебя есть здесь друзья?
- Неа, - она внезапно прекратила небрежное протирание платком. - Иуда, как чудно? я себя чувствую.
- Выпей еще немного.
- Неа... это уж через край будет.

Она встала и покачиваясь похромала к углу питейного заведения. Там, развеселив благодарных зрителей, она с болезненными спазмами освободилась от выпитого рома. А потом грохнулась в обморок, так что Россу пришлось поднять ее обратно на лавку. Когда девочка очнулась, он отвел ее в соседнее заведение и плотно накормил.

***

На ее рубашке виднелись как старые прорехи, так и новые, штаны были сшиты из выцветшего коричневого бархата, кепку она потеряла, ноги были босы. Темно-карие глаза казались слишком большими для узкого белого личика.

- Как тебя зовут? - спросил Росс.
- Демельза.
- Окрестили тебя как?
- Что-что?
- Твое имя.
- Демельза.
- Странное имя.
- Матушку тоже так звали.

- Демельза Карн. Так?

Она со вздохом кивнула, поскольку наелась до отвала, а пес под столом заворчал.

- Я из Нампары. Это за Солом. Ты знаешь, где это?

- За Сент-Агнесс?

- Я собираюсь домой, дитя. Если ты не можешь идти, то я отвезу тебя в Иллаган и оставлю там.

В ее взгляде промелькнула тень, она не ответила. Росс расплатился и велел седлать лошадь.

Они отправились десять минут спустя. Девочка молча сидела в седле перед Россом. Гаррик неуклюже следовал за ними, время от времени почесываясь в пыли или подозрительно озираясь вокруг, выискивая добычу, которую никогда не мог отыскать, а иногда просто вилял хвостом.

Они пересекли пустоши по проложенной от шахт колее - глубокой и твердой после прохода многих поколений мулов. Местность вокруг была совершенно опустошена в поисках руды. Все деревья, за исключением редких сосен, срублены ради древесины, все ручьи загрязнены, а клочки возделанной земли теснились среди многих акров пустой породы и груд камней. Сарай для механизмов, деревянные ворота, колесные рудодробилки, лебедки и загоны для лошадей были единственным украшением местности. В задних дворах крошечных коттеджей и хижин виднелись канавы и штольни. Картошку уже собрали, и козы паслись посреди дыма и шлака. Это был не город, даже не деревушка, просто широкое пространство, населенное рассеянным по округе рабочим классом.

Росс впервые добирался до Иллагана этим путем. С усовершенствованием наносных машин стали доступны новые залежи меди и олова, и рудное дело Корнуолла вышло из застоя последних нескольких лет. Люди стекались в этот процветающий район, где находились самые богатые жилы, и численность населения быстро росла. Теперь, когда разразился экономический спад начала восьмидесятых годов, многие кормильцы семей остались без работы, и встал вопрос: как прожить этому населению. Гроза еще не разразилась, но уже назревала.

Сидящая перед Россом девчушка обернулась к нему.

- Можете спустить меня здесь? - спросила она.

- Но ведь мы только на полпути к Иллагану.

- Знаю. Чего-то неохота ехать домой.

- Почему это?

Она не ответила.

- Разве твой отец не в курсе, что ты ушла?

- Да, но я одолжила рубаху и штаны брата. Отец сказал, что ежели я пойду на ярмарку, то смогу взять воскресную одежду Люка.

- Ну и?

- Ну дык у меня ж нет того, за чем я пошла. А одежда Люка вся в лохмотьях. Ну я и думаю...
- А почему ты не пошла в собственной одежде?
- Папаша ее порвал вчера ночью, когда меня дубасил.

Они проехали еще какое-то расстояние. Демельза оглянулась, чтобы убедиться, что Гаррик идет следом.

- И часто отец тебя колотит?
- Только когда напьется вдрызг.
- И часто такое бывает?
- Ох... ну, может, пару раз в неделю. Когда денег нет, то реже.

Оба замолчали. Близился вечер, до темноты оставалась еще пара часов. Демельза теребила в руке ворот рубахи, развязав тесемки.

- Вот, смотрите. Вчера вечером он отхлестал меня ремнем. Опустите рубаху.

Росс потянул за ткань и обнажил одно плечо. Вся спина была исполосована. В некоторых местах кожа была рассечена, и эти раны частично зажили, но были заляпаны грязью, а по краям копошились вши. Росс натянул рубаху обратно.

- А сегодня?
- О, вечером точно задаст мне трепку. Но я останусь снаружи и не войду в дом, пока он не уgomонится.

Они двинулись дальше.

Росс был не слишком восприимчив к страданиям животных, как и прочие в его поколении, хотя и редко бил их, но жестокость с детьми его возмущала.

- Сколько тебе лет?
- Тринадцать, сэр.

Она впервые назвала его "сэр". Россу следовало догадаться, что эти низкорослые, полуголодные беспризорные дети всегда оказываются старше, чем выглядят.

- Что ты умеешь делать?
- Всякое по дому, картошку сажать, свиней кормить.
- Сколько у тебя братьев и сестер?
- Шестеро братьев.
- И все младше тебя?
- Ага, - она повернула голову и пронзительно свистнула Гаррику.

- Ты любишь отца?

Демельза взглянула на него с удивлением.

- Ага.

- Почему?

Она дернулась.

- Ну как же, в Библии же говорится, что так надо.

- Тебе нравится жить в твоём доме?

- В двенадцать я сбежала.

- И что произошло?

- Назад вернули.

Брюнетка шарахнулась от бегущего наперерез хорька, и Росс сильнее натянул поводья.

- Если немного побудешь вдали от отца, то он наверняка позабудет, что ты напортичила.

Она затрясла головой.

- Он уж точно попомнит.

- Тогда какой смысл его избегать?

Она улыбнулась с какой-то странной зрелостью.

- Просто отсрочка.

Они добрались до развилки. Одна дорога вела в Иллаган, а та, что справа - к окраинам Сент-Агнесс, откуда он бы свернул на привычную дорогу к Солу. Росс остановил кобылу.

- Я тут сойду, - сказала Демельза.

- Мне нужна девушка для работы по дому, - заявил Росс. - В Нампаре, это за Сент-Агнесс. Получишь пропитание и одежду получше нынешней. Поскольку ты еще не выросла, то жалование я буду отдавать твоему отцу. Мне нужен сильный человек, работа нелегкая, - добавил он.

Она испуганно подняла широко открытые глаза на Росса, словно он предлагал что-то дурное. А потом ветер растрепал ее волосы, и она моргнула.

- Мой дом в Нампаре, - сказал Росс. - Но, может, ты не захочешь туда ехать.

Она поправила волосы, но промолчала.

- Ну что ж, тогда спускайся, - произнес он с оттенком облегчения. - Или могу доставить тебя до Иллагана, как скажешь.

- Жить в вашем доме? - спросила она. - Прямо сейчас? О да, конечно!

Этот порыв, разумеется, был очевидным способом избежать взбучки.

- Мне нужна девушка на кухне. Которая может работать, а также заниматься уборкой, ну и себя держать в чистоте, разумеется. Я найму тебя на год. Ты будешь жить слишком далеко от дома, чтобы бегать туда каждую неделю.

- Я и не хочу домой, вообще никогда, - заявила девочка.

- Необходимо повидаться с твоим отцом, чтобы получить его согласие. Возможно, этого будет трудно добиться.

- Я хорошо справляюсь с уборкой. Все вам ототру, сэр.

Брюнетка начала нервничать от долгой остановки.

- Мы поедем к твоему отцу прямо сейчас. Если он...

- Только не сейчас. Возьмите меня с собой. Я могу убираться. Я отличная поломойка.

- Есть закон касательно таких вещей. Я должен нанять тебя с разрешения отца.

- Папаша еще и после первых петухов в себя не придет. Когда он надирается, то и домой не приходит.

Росс не знал, врет она или нет. Он поступил так под влиянием секундного порыва. Он и правда нуждался в помощи по дому и на полях, и идея вручить это дитя обратно пьяному шахтеру ему претила. Но не хотел он и очутиться в сумерках в какой-то проеденной клопами хибаре с подкрадывающимися к нему полуголыми ребятишками, а потом столкнуться с надравшимся джина громилой, который откажется от его предложения. Действительно ли это дитя хочет поехать в Нампару?

- Насчет Гаррика. Гаррика я держать не смогу.

Ответом было молчание. Пристально за ней наблюдая, Росс четко разглядел борьбу, идущую под тонкими, анемичными чертами. Девушка посмотрела на пса, потом снова на Росса, и уголки ее рта опустились.

- Мы с ним друзья, - сказала она.

- Ну и?

Демельза некоторое время молчала.

- Мы с Гарриком всегда вместе. Я не могу оставить его помирать с голоду.

- Да?

- Я не могу, мистер. Не могу...

В расстроенных чувствах она начала соскальзывать с кобылы.

Росс внезапно понял, что слова, которыми он пытался что-то доказать, доказали нечто другое. Человеческая натура его переиграла. Потому что если Демельза не хочет бросать друга, то и ему не следует.

***

Они обогнали Джуда вскоре после того, как миновали развилку у Баргуса, где встречались четыре дороги и границы четырех приходов. Волы устали от долгого перехода, а Джуд устал их погонять. Он не мог с удобством ехать на слепом Рамуте, потому что с его боков свешивались четыре большие корзины, набитые живыми цыплятами. К тому же он пребывал в крайнем раздражении из-за того, что пришлось покинуть ярмарку, не успев напиться - такого с ним отродясь не случалось с десятилетнего возраста.

Он сердито оглянулся, завидев приближение другой лошади, и потянул Рамута на обочину, чтобы дать ей пройти. Волы, связанные вереницей, послушно последовали за ним.

Росс в трех фразах объяснил присутствие оборванца и оставил Джуда домыслить остальное.

Джуд поднял безволосую бровь.

- Одно дело - разыгрывать из себя цацу с охромевшей лошастью, а совсем другое - подбирать всяких недоносков, - проворчал он. - Подбирать недоносков - скверное дело. Глядите, попадете в лапы закона.

- Как мило с твоей стороны говорить о законе, - ответил Росс.

Джуд не глядел на дорогу, и Рамут угодил копытом в рытвину.

Джуд ругнулся:

- Да дьявол его задери, опять снова-здорово. - Как на слепой кляче-то ехать, а? Чтоб мне лопнуть, как лошадь может увидеть, куда наступает, если вообще ни хрена не видит? Не дело это. Точно не дело.

- А подо мной он всегда шел уверенно, - заявил Росс. - У тебя-то глаза есть. Вот и используй их. Он очень чувствителен к малейшему прикосновению. Не торопи его, вот и весь секрет.

- Не торопи! Да я сам потороплюсь через его башку к ближайшей канаве, если заставлю его двигаться быстрее, чем эта кляча переставляет ноги от одного камня к другому. И как я только жив еще. Один раз подскользнется, споткнется, и всё, как кувыркнешься вверх тормашками, брякнешься прям на шею, и - хрясть! И ты уже копыта отбросил.

Росс пришпорил Брюнетку, и они тронулись.

- Да еще это грязное отродье, эта дворняжка, - продолжал бурчать Джуд, пока хозяин не скрылся из вида. - Господь всемогущий, если и это тебя не проймет, то в следующий раз мы усыновим весь проклятый работный дом.

Гаррик поднял на него закрытые шерстью глаза и потрусил вслед. Он точно чувствовал, что на развилке говорили о нем, но всё благополучно утряслось.

В одном Росс был решительно уверен. Он не позволит спорить относительно своей позиции по поводу битвы со вшами и клопами. Шесть месяцев назад дом, а в особенности Пруды, просто кишел всеми видами ползающих тварей. Росс не был особо придирчив, но твердо стоял на своем с Пруды. В конце концов он сам держал ее под струей из водокачки и лично ее отмыл, и это принесло результаты, так что сейчас дом был почти чист, и даже Пруды - исключая растущую колонию в ее черных спутанных волосах. Привести это дитя в дом в нынешнем

состоянии означало смести все достижения и вернуться к прежнему. А значит, обоим - и псу тоже - нужно устроить помывку и снабдить девушку чистой одеждой перед тем, как она переступит порог дома. Для этого пригодится Пруды.

Они добрались до Нампары к закату, на добрых полчаса опередив Джуда, как полагал Росс, и Джим Картер выбежал навстречу, чтобы принять Брюнетку. Здоровье и физическое развитие мальчишки за зиму значительно улучшилось. Его темные испанские глаза расширились при виде груза, который привез с собой хозяин. Но в приятном контрасте с Пэйнтерами, он не сказал ни слова и приготовился увести лошадь. Девочка уставилась на него, с интересом распахнув глаза, а потом отвернулась, чтобы разглядеть дом, долину, яблони, ручей и закат - тонкий багряный шрам над чернотой моря.

- Где Пруды? - поинтересовался Росс. Скажи ей, что она мне нужна.

- Ее здесь нет, сэр, - ответил Джим Картер. - Ушла, как только вы уехали. Сказала, что пойдет в Марасанвос повидаться с кузиной.

Росс тихо ругнулся. Пэйнтеры обладали редким даром - отсутствовать именно тогда, когда в них была нужда.

- Оставь Брюнетку. Я сам ей займусь. Джуд в двух милях отсюда, ведет волов, что я купил. Отправляйся и помоги ему. Если поспешишь, встретишь его до того, как он доберется до брода Меллингей.

Мальчишка бросил поводья, снова взглянул на девушку и быстро зашагал в сторону долины.

Росс на мгновение уставился на бродяжку, которую привел в дом и надеялся спасти. Она стояла в своей драной рубахе и штанах длиной до лодыжек, грязные волосы падали на лицо, а к ногам жался полуголодный чумазый щенок. Одну ногу она вывернула вовнутрь, а обе руки сплела в замок за спиной, уставившись на библиотеку. Росс смотрел на нее с тяжелым сердцем. До завтра ждать нельзя.

- Идем, - сказал он.

Девочка последовала за Россом, а за ней и пес, к заднему двору, где между кладовкой и главным амбаром находилась водокачка.

- А теперь, - велел Росс, - если ты собираешься на меня работать, то первым делом тебе следует быть чистой. Ты меня поняла?

- Да... сэр.

- Я не могу позволить кому бы то ни было входить в дом грязным. Никто не будет на меня работать, если он не моется. Так что снимай одежду и встань под струю. Я буду качать воду.

- Да... сэр, - она послушно начала развязывать тесемки на шее рубахи. Справившись с ними, она остановилась и медленно повернула голову к Россу.

- И больше не надевай эти вещи, - произнес он. - Я подберу тебе что-нибудь чистое.

- Может, я и сама справлюсь с водокачкой?

- И одновременно будешь мыться? - оборвал ее Росс. - Чепуха. Поторопись. Я не собираюсь

потратить на тебя весь вечер, - он вернулся к ручке водопроводной крановоды и нажал на нее.

Девочка на мгновение бросила на него вопросительный взгляд, а потом начала высказывать из рубахи. Под грязью лица мелькнул розоватый оттенок. Потом она скинула штаны и прыгнула под струю.

Росс энергично качал. Первый душ не смывает всё, но, по крайней мере, станет началом. В этом он останется непреклонным. Девушка обладала истощенным маленьким тельцем, которому женственность лишь начала придавать формы. Помимо следов порки Росс увидел на спине и ребрах синяки - там, где ее колотили мальчишки нынче днем. К счастью, они, как и Демельза, были босыми.

Она никогда раньше так не мылась. Девушка фыркала и глотала воздух, пока вода порциями выливалась ей на голову, обтекая тело, и бежала дальше, впитываясь в землю. Гаррик повизгивал, но отказался сдвинуться с места и получал свою порцию воды.

Через некоторое время, испугавшись, что может ее утопить, Росс остановился, а когда струя иссякла до тоненького ручейка, пошел в кладовку и притащил оттуда первую попавшуюся под руку тряпку.

- Вытрись этим, - сказал он. - А я принесу тебе какую-нибудь одежду.

Войдя в дом, он задумался, что это может быть. Вещи Пруди, даже если и достаточно чистые, на девушке будут висеть как на пугале. По размеру больше всего подошли бы вещи Джима Картера, если бы у него имелась какая-нибудь еще одежда, кроме той, что на нем.

Росс направился в собственную спальню и обшарил ящики, проклиная себя за то, что не подумал наперед. Он не мог вечно держать девочку дрожащей на заднем дворе. Наконец, он подобрал собственную сорочку из голландского полотна, кушак и короткий халат отца.

Когда он вышел, то обнаружил, что Демельза пытается прикрыться той тряпкой, которую он ей дал, а ее волосы по-прежнему лежат мокрыми темными прядями на лице и плечах. Росс не отдал ей вещи, а приказал следовать за ним на кухню, где горел очаг. Ему всё-таки удалось не впустить в дом Гаррика, он подкинул еще дров и велел девушке встать перед огнем, пока она не обсушится, а потом надеть импровизированное платье, как ей вздумается. Она моргнула со слезами на глазах, а потом отвернулась и кивком показала, что поняла.

Росс отправился расседлывать Брюнетку.

Глава седьмая

Демельза Карн провела ночь в большой кровати-алькове, в которой прошли последние месяцы жизни Джошуа Полдарка. Сейчас её больше негде было разместить, а позже ей можно будет устроить спальню между бельевой и комнатой Пэйнтеров, но пока помещение забито хламом.

Демельзе, всю жизнь спавшей в крохотном коттедже на соломе и с мешком вместо одеяла, эта комната и постель казались невыносимой роскошью невообразимого размера. Одна кровать была размером с комнату, где она спала с четырьмя братьями. Когда Пруди с ворчанием и причитаниями показала девочке, где она проведет ночь, та решила, что остальные трое или четверо слуг позже разделят с ней постель, а когда никто не пришел и, похоже, ее оставили в одиночестве, она долго не могла заставить себя лечь.

Она была не из тех детей, кто заглядывает далеко вперед или глубоко задумывается, образ ее жизни этому не способствовал. В полном детей коттедже у нее не было времени просто расслаживаться и размышлять, даже работать и размышлять, да и какой был прок от того, чтобы думать о будущем, а не о настоящем, когда сегодняшней день отнимал всё время и всю энергию, а порой и все слезы? Так что инстинкт велел ей принять этот внезапный поворот судьбы как данность, пока он не закончится - с радостью, но философски, как она воспринимала драку на ярмарке.

Ее пугала лишь эта неожиданная роскошь. Она также не думала, что придется мокнуть под струей из водоканчки, но грубость и наплевательское отношение к ее чувствам были для Демельзы вполне в порядке вещей, ее привычным опытом. Если бы после этого ей выдали пару мешков и отправили спать на конюшню, она бы подчинилась и решила, что всё идет как положено. Но такое развитие событий было скорее похоже на байки Старушки Мегги, которые ей, бывало, рассказывала мамаша Сампман. В этом заключалось нечто пугающее, что-то от ночного кошмара, а еще проблеск материнских сказок, где каждый спал на сатиновых простынях и вкушал с золотых блюд. Ее воображение радостно принимало такое в рассказах, но жизненный опыт ни за что не принял бы подобное в реальности. Странное одеяние было началом - оно бесформенно свисало, образуя смешные, пропахшие лавандой складки на ее исхудавшем теле, одежда была приятна, но подозрительна, да и спальня была приятна, но подозрительна.

Когда наконец-то Демельза нашла в себе мужество испробовать постель, ее охватило странное чувство: она боялась, что большие деревянные дверцы кровати тихо захлопнутся и навсегда погребут ее здесь, она боялась, что человек, что привез ее сюда, несмотря на всю свою любезность и добрые глаза, это само зло, и как только она уляжется спать, он прокрадется в комнату с ножом или с плеткой. Да просто прокрадется в комнату. От этих страхов ее мысли перенеслись к узорам на истертом шелковом балдахине над постелью, к золотой кисточке колокольчика, к ощущениям чистых простыней под пальцами, к чудесным изгибам бронзового канделябра на шатком треногом столике у кровати, откуда свеча отбрасывала единственный огонек, стоящий между Демельзой и тьмой, огонек, который уже угасал и очень скоро совсем потухнет.

Она устала на темную дыру камина и начала представлять, как по дымоходу спускается нечто ужасное и прыгает в очаг. Демельза взглянула на старые мехи, на два странных рисунка над каминной полкой (один походил на Деву Марию), на подвешенную над дверью саблю. В темном углу у постели имелся портрет, но Демельза не разглядела его, пока в комнате находилась толстуха, а после того, как та ушла, не смела двинуться из отбрасываемого свечой круга света.

Время шло, и свеча замигала, перед тем как погаснуть, испустив к балкам потолка дымные завитки, похожие на старушечьи кудри. В комнату вели две двери, и та, что открывалась неведомо куда, представляла собой особую опасность, хотя и была плотно закрыта каждый раз, когда Демельза выворачивала шею, чтобы на нее взглянуть.

Что-то царапалось в окно. Демельза прислушалась с бухающим сердцем и внезапно уловила в этом звуке что-то знакомое, прыгнула с кровати и метнулась к окну. Через несколько минут она догадалась, как его открыть, а потом внизу медленно появилась щель в три дюйма, и в комнату протиснулось клочковатое черное существо, Демельза сомкнула руки вокруг шеи Гаррика, чуть его не задушив от любви и тревоги, что он может залаять.

Близость Гаррика изменила всю картину. Пока Демельза несла пса к кровати, он лизал своим длинным шершавым языком ее щеки и уши.

Пламя свечи накренилось, а потом снова распрямилось еще на несколько секунд. Демельза поспешно притащила каминный коврик и еще один ковер - от двери, и из них соорудила на полу импровизированную постель для себя и щенка. Затем свет медленно погас, и пока один предмет за другим постепенно погружался в темноту, Демельза легла и завернула себя и пса, почувствовав, как и он успокаивается после перенесенных событий, а она шептала ему на ухо всякие нежности.

Опустилась темнота, и воцарилось молчание - Демельза с Гарриком уснули.

***

Росс спал крепко, что и немудрено, ведь он совсем не спал прошлой ночью, но его всё равно беспокоили странные и яркие сны. Он проснулся рано и некоторое время лежал в постели, глядя в окно на яркое ветреное утро и обдумывая события последних двух дней. Бал и худая, неистовая Маргарет: общество аристократов и отверженных. Но для него ни то, ни другое не было своим. Это видела Элизабет. Это увидела Маргарет.

Потом ярмарка и то, чем она закончилась. Теперь, утром, ему пришло в голову, что вчерашний поступок с девчонкой может принести кое-какие неприятные последствия. Он имел смутные представления о том, как в таких случаях надлежит поступать по закону, к тому же смотрел на подобные вещи свысока, но полагал, что не может забрать из дома тринадцатилетнюю девочку без разрешения ее отца.

Он подумал, что поедет повидаться с дядей. Чарльз исполнял обязанности судьи больше тридцати лет, так что вполне вероятно сможет дать несколько дельных советов. Росс также размышлял об отчаянных ухаживаниях капитана Блейми за Верити. После первого танца они всё время танцевали вместе до тех пор, пока Росс не покинул бальный зал. Скоро все начнут болтать, и он гадал, почему Блейми до сих пор не поговорил с Чарльзом. Солнце уже стояло высоко, когда он отправился в Тренвит. Воздух этим утром был чрезвычайно свежим и ободряющим, цвета окружающей местности поблекли до пастельных оттенков. Даже пустынный пейзаж вокруг Грамблера не казался таким неприглядным после того опустошения, которое он ощутил вчера.

Когда в поле зрения появился дом, Росс снова подумал о том, с какой неизбежностью его отец проваливал всякую попытку построить что-либо, что могло бы соперничать со смягченной годами тюдоровской красотой старого дома. Здание не было большим, но создавало впечатление простора и явно было построено в то время, когда денег куры не клевали, а рабочая сила стоила дешево. Его построили вокруг небольшого дворика, так что главный зал и примыкающие к нему коридоры и лестницы выходили прямо к двери, большая гостиная и библиотека находились в правом крыле, а салон и маленькая зимняя гостиная - в левом, кухня и буфетная - в глубине дома, формируя четвертую сторону квадрата. Для своего возраста дом хорошо сохранился - построил его Джеффри Тренвит в 1509 году.

Никто не вышел, чтобы принять его кобылу, так что Росс привязал её к дереву и хлыстом постучал в дверь. Это был главный вход, но семья чаще пользовалась маленькой боковой дверью. Он уже собирался обогнуть дом и войти через нее, как показалась миссис Табб, почтительно присевшая в реверансе.

- Доброе утро, сэр. Вы к мистеру Фрэнсису?

- Нет, к дяде.

- Простите, сэр, но они оба в Грамблере. Нынче утром появился капитан Хеншоу, и они ушли с

ним. Входите же, сэр, я покуда спрошу, скоро ли они вернутся.

Он вошел в холл, а миссис Табб поспешила на поиски Верити. Росс постоял с минуту, разглядывая узоры, которое создавали падающие сквозь высокие и узкие многостворчатые окна солнечные лучи, а потом двинулся к лестнице, где стоял в день свадьбы Элизабет. Сегодня здесь не было ни толпы разряженных гостей, ни шумных петушиных боев, ни бормочущих священников. Так ему нравилось больше. Длинный стол пустовал, за исключением ряда канделябров. На столе в нише у лестницы лежала большая семейная Библия в латунном переплете, теперь ей редко пользовались, разве что тетушка Агата, когда на нее нападало благочестие. Росс гадал, записали ли в неё брак Фрэнсиса, как делали уже две сотни лет.

Росс поднял глаза на ряд портретов на стене над лестницей. Были и другие - в зале, и еще гораздо больше - в коридоре наверху. Росс с трудом мог назвать больше десятка по имени, большинство самых ранних изображали Тренвитов, и даже некоторые более поздние были безымянными и без дат. Небольшая выцветшая картина в нише в Библией, куда проникало мало света, изображала основателя семьи по мужской линии Роберта д'Арке, приехавшего в Англию в 1572 году. Старая краска растрескалась, так что трудно было что-либо рассмотреть, за исключением узкого аскетичного лица, длинного носа и сутулых плеч. Затем на три поколения следовало деликатное молчание, пока не появлялся чудесный портрет Анны-Марии Тренвит кисти Кнеллера и еще один того же художника - Чарльза Вивиана Раффа Полдарка, за которого она вышла замуж в 1696 году. Анна-Мария была украшением коллекции - с синими глазами и прекрасными рыжевато-золотистыми волосами.

Что ж, Элизабет станет ценным дополнением, добавит этому обществу грации, если кто-нибудь отдаст ей должное. Возможно, Опи слишком щедр на темные тона.

Росс услышал хлопанье двери и шаги. Он повернулся, ожидая увидеть Верити, но обнаружил Элизабет.

- Доброе утро, Росс, - улыбнулась она. - Верити в Соле. Она всегда туда ездит по утрам в среду. Фрэнсис с отцом - на шахте. Тетушка Агата - в постели со своей подагрой.

- Ах, да, - неловко пробормотал он. - Я и забыл. Не имеет значения.

- Я в гостиной, - сказала она. - если хочешь, можешь составить мне компанию на несколько минут.

Росс медленно последовал за ней в сторону гостиной, они вошли, и Элизабет села к прялке, но не возобновила свои занятия

Она снова улыбнулась.

- Мы так редко тебя видим. Расскажи мне, тебе понравился бал?

Росс сел и посмотрел на нее. Элизабет нынче утром была бледна, платье из полосатого канифаса подчеркивало ее юность. Она была всего лишь девочкой, пытающейся казаться женщиной. Прекрасной, хрупкой и сдержанной - замужней женщиной. В нем разрасталось темное желание смять эту сдержанность, но Росс его подавил.

- Мы так обрадовались, увидев тебя там, - продолжала она. - Но ты всё равно танцевал так мало, что мы едва тебя разглядели.

- У меня были другие дела.

- У нас не было намерений туда отправляться, - сказала она, немного сбитая с толку его мрачным тоном, - просто поддались мимолетному порыву.

- В котором часу вернутся Фрэнсис и Чарльз? - спросил Росс.

- Боюсь, что нескоро. Ты видел, как Джордж Уорлеган наслаждался экосезом? А ведь всю дорогу клялся, что ни за что на свете не станет его танцевать.

- Не припомню такого удовольствия.

- Ты хотел повидаться с Фрэнсисом по важному делу?

- Не с Фрэнсисом, с дядей. Но это может и подождать.

Повисла тишина.

- Верити сказала, что вчера ты ездил на ярмарку в Редрат. Ты купил там всё, что требовалось?

- Кое-что. Именно по вопросу о неожиданных приобретениях я и хотел увидаться с дядей.

- Росс, - тихо произнесла Элизабет, опустив глаза на прялку.

- Мой приход тебя расстроил.

Элизабет не шелохнулась.

- Я встречусь с ними на обратном пути, - произнес он, поднимаясь.

Элизабет молчала. Когда она подняла голову, глаза её были полны слез. Она подобрала пряжу, и слезы упали ей на руку.

Росс снова сел, чувствуя, как будто падает с утеса.

Он заговорил, пытаясь спастись:

- Вчера на ярмарке я приютил девочку, совсем дитя. Отец с ней дурно обращается. Мне нужна помощница для Пруды по дому, а она боялась возвращаться домой. И я привез её в Нампару. Оставлю ее кухаркой. Не знаю, как уладить это дело по закону. Элизабет, почему ты плачешь?

- Сколько лет девочке? - спросила она.

- Тринадцать. Мне...

- Я бы отослала её назад. Так безопасней, даже будь у тебя согласие её отца. Ты ведь знаешь, как строго судят нас люди.

- Мне не следует больше сюда приходить, - сказал Росс. - Я только зря тебя расстраиваю.

- Не твой приход меня опечалил, - произнесла она.

- И что же тогда?

- Мне больно при мысли, что ты меня ненавидишь.

Росс принялся сворачивать свой хлыст в кольца.

- Я знаю, что во мне нет к тебе ненависти. Господи, ты то ведь должна знать, что...

Элизабет порвала пряжу.

- С тех пор, как я тебя встретил, - продолжил Росс, - мои мысли не занимала другая. Вдали от дома только ради тебя мне хотелось вернуться. Если что и имело смысл в моей жизни, так это не то, во что меня учили верить, и не те истины, что я перенял у других, а мое чувство, чувство к тебе.

- Не говори больше ничего, - Элизабет сильно побледнела. Но на этот раз её робость не остановила Росса. Следовало объясниться здесь и сейчас.

- Не очень приятно, когда понимаешь, что оказался в плену своих чувств, - сказал он. - Когда берешь детские обещания и строишь из них воздушный замок. Но всё же даже сейчас я временами не могу поверить, что все наши клятвы были пустыми и незрелыми. И ты действительно веришь, что твои чувства ко мне так малы, как ты представляешь? Помнишь ли ты тот день в саду твоего отца, когда ты сбежала от родителей и встретила со мной в летнем домике? День, когда ты сказала...

- Ты забываешься, - через силу прошептала она.

- О нет. Я помню тебя.

Все противоречивые чувства, бурлившие в Элизабет, внезапно вырвались наружу. Все мотивы, побудившие его позвать: симпатия и привязанность к Россу, женское любопытство, уязвленная гордость. Они внезапно вылились в неприязнь, подавив чувство более сильное. Элизабет встревожилась, не только из-за своих чувств, но и из-за неприязни к Россу. Но положение следовало каким-то образом спасти.

- Было ошибкой просить тебя остаться. Я просто желала твоей дружбы, ничего больше. - сказала она.

- Думаю, чувства свои ты хорошо скрываешь. Просто берешь и представляешь их так, как тебе хочется. Хотелось бы мне быть таким же. В чем секрет?

Дрожащая Элизабет оставила прялку и подошла к двери.

- Я замужем, - сказала она. - Нечестно по отношению к Фрэнсису вести тебе, нам, подобные речи. Я надеялась, мы сможем остаться добрыми соседями и добрыми друзьями. Мы ведь живем так близко, могли бы помогать друг другу. Но ты не можешь ничего забыть и простить. Возможно, я слишком много прошу... Не знаю. Но Росс, наши отношения были детской привязанностью. Ты уехал, я встретила Фрэнсиса, и с ним всё было по другому. Я влюбилась в него. Я повзрослела. Мы с ним были не детьми, а взрослыми. Затем пришла весть, что ты погиб... Когда ты вернулся, я была так счастлива и так несчастна, что мне не удалось сохранить тебе верность. Будь у меня хоть какой-нибудь способ примириться с тобой, я бы с радостью на него пошла. Я желала, чтобы мы по-прежнему оставались близкими друзьями и думала... Вплоть до сегодняшнего дня думала, что нам это удастся. Но после всего, что сейчас произошло...

- Лучше будет не оставаться друзьями.

Росс подошел к двери и положил на нее руку. Глаза Элизабет уже высохли и были темны, как омут.

- Нам лучше некоторое время не встречаться, - произнесла она.

- Тогда прощай, - склонившись, он поцеловал ей руку. Элизабет вздрогнула от его прикосновения, словно он был нечист. Росс решил, что стал ей ненавистен.

Она проводила его до парадной двери, где Брюнетка заржала, завидев Росса.

- Попытайся понять, - произнесла Элизабет. - Я люблю Фрэнсиса и замужем за ним. Будет лучше, если ты сможешь простить меня. Больше мне нечего тебе сказать.

Росс вскочил в седло и посмотрел на нее сверху.

- Да, - согласился он. - Больше тут нечего добавить.

Он отвесил поклон и поскакал прочь, оставив Элизабет стоять в темном дверном проеме.

Глава восьмая

Что ж, сказал он себе, всё кончено. Дело закрыто. Было какое-то странное извращенное удовольствие в том, какое действие его язвительность оказывала на сдержанность Элизабет, если это можно назвать удовлетворением, то он получил кой-какое от этой беседы.

Но чувствовал он лишь испепеляющее одиночество, пустоту, жалось к самому себе. Он вел себя отвратительно. Так просто играть роль отвергнутого возлюбленного, полного сарказма и горечи грубияна.

И даже если он и расстроил Элизабет этими нападками, ее оборона почти сравняла счет. В конечном итоге они остались на тех же позициях, она могла одной фразой нанести ему более серьезный удар, чем он ей всеми продуманными оскорблениями.

Росс уже миновал Грамблер и подъезжал к дому, когда сообразил, что не повстречался ни с Чарльзом, ни с Верити, и те два вопроса, ради которых он ездил в Тренвит, так и остались без ответа.

Он спустился в долину, слишком переполненный мрачным настроением, чтобы найти удовольствие в картине открывшейся перед ним собственной земли, на которой наконец-то появились признаки, что ей уделяют внимание. У горизонта, рядом с Уил-Грейс, он заметил Джуда и мальчишку Картера, возящихся с запряженными шестью волами. Пока они еще не привыкли работать вместе, но через недельку или около того мальчик сможет ими управлять.

У дверей Нампары он устало спрыгнул с лошади и уставился на поджидавшую его Пруды.

- Ну и что такое? - спросил Росс.

- Тута трое мужиков пришли вас повидать. Ввалились в дом без всяких церемоний. В гостиной они.

Росс незаинтересованно кивнул и вошел в гостиную. Там стояли трое рабочих - статные, крепкие и широкоплечие. Судя по одежде, шахтеры.

- Мистер Полдарк? - заговорил старший. В его тоне не чувствовалось и намека на почтительность. Ему было около тридцати пяти - крупный мужчина с широкой грудью,

налитыми кровью глазами и густой бородой.

- Чем могу быть полезен? - нетерпеливо спросил Росс. Он был не в настроении принимать посетителей.

- Меня Карном звать, - сказал мужчина. - Том Карн. Это мои два брата.

- И что же? - спросил Росс. И тут в глубине памяти всплыло это имя. Так значит, дело разрешится и без советов Чарльза.

- Слыхал, вы мою дочурку захапали.

- Кто вам такое сказал?

- Вдова Ричардс сказала, что вы ее домой повезли.

- Не знаю такой.

Карн яростно фыркнул и моргнул. Он не собирался позволить, чтобы его оттерли.

- Где моя дочурка? - мрачно спросил он.

- Они обыскали дом, - долетел от двери голос Пруды.

- А ну, не шуми, женщина, - рявкнул Карн.

- По какому праву вы явились сюда и разговариваете в подобном тоне с моей прислугой? - со зловещей вежливостью поинтересовался Росс.

- По божьему праву! Вы забрали мою дочь. Утащили ее. Где она?

- Понятия не имею.

Карн выпятил нижнюю губу.

- Лучше бы вам ее найти.

- Ага! - поддакнул один из братьев.

- Чтобы вы могли увезти ее домой и там избивать?

- В своем доме я делаю, что хочу, - заявил Карн.

- У нее на спине живого места нет.

- А вы по какому праву на ее спину глядели?! Вот я призову к закону-то!

- Закон гласит, что девушка вольна выбрать место проживания с четырнадцати лет.

- Нет ей четырнадцати.

- Можете это доказать?

Карн подтянул ремень.

- Слушайте, нет мне надобности ничего доказывать. Она моя дочурка, и не будет улаживать гребаного щеголя, ни сейчас, ни в сорок лет, ясно ?

- Даже если и так, - ответил Росс, - это всё равно лучше, чем смотреть за вашим свинарником.

Карн взглянул на братьев.

- Он, кажись, не хочет ее отдавать.

- Мы и сами справимся, - произнес второй брат, мужчина лет тридцати с изрытым оспинами лицом.

- Приведу Джуда, - заявила Пруды от двери и пошлепала дальше.

- Ну, мистер, так как же? - спросил Карн.

- Так вот зачем вы притащили всю семейку. Не хватает храбрости сделать всё самому.

- Я бы и сотню человек мог притащить, мистер, - надвинулся на него Карн. - В Иллагане мы не цацкаемся с теми, кто ворует детей из колыбелей. Давайте, ребята.

Тут же повернулись и остальные двое, один пнул стул, другой перевернул стол с чашками и тарелками, а Карн схватил канделябр и бросил его на пол.

Росс подошел к стене и снял с нее один из пары французских дуэльных пистолетов. И начал его заряжать.

- Я пристрелю любого, кто тронет какую-нибудь мебель в этой комнате, - заявил он.

На мгновение возникло молчание. Все трое остановились, явно не зная, что предпринять.

- Где моя дочурка? - прокричал Карн.

Росс сел на подлокотник кресла.

- Убирайтесь с моей земли, прежде чем я заявлю на вас о нарушении границ.

- Лучше пойдем, Том, - произнес младший брат. - Можем вернуться вместе с остальными.

- Это моя драка, - Карн почесал бороду и покосился на противника. - Может, купите ее?

- Сколько вы за нее хотите?

Карн поразмыслил.

- Пятьдесят гиней.

- Пятьдесят гиней, Боже ты мой! - воскликнул Росс. - Да за такую цену я бы всех семерых ваших сопляков мог забрать.

- Тогда сколько дадите?

- Гинею в год, пока она остается здесь.

Карн харкнул на пол.

Росс посмотрел на плевков.

- Похоже, вы хотите, чтобы вас выпороли.

- Легко такое обещать, с пистолетом-то в руке, - осклабился Карн.

- Легко угрожать, когда трое на одного.

- Неа, они не станут вмешиваться, пока я не велю.

- Я предпочел бы подождать, пока не придут мои люди.

- Ага, не сомневаюсь. Пошли, ребята.

- Стойте, - сказал Росс. - Мне доставит удовольствие сломать вам шею. Снимайте куртку, мерзавец.

Карн посмотрел на него с прищуром, словно пытаясь решить, всерьез ли Росс.

- Тогда положите оружие.

Росс положил пистолет в ящик. Карн удовлетворенно улыбнулся до самых десен, повернулся к братьям и прорычал:

- Держитесь подальше, ясно? Это мое дело, я сам его прикончу.

Росс снял сюртук и жилет, сорвал шейный платок и встал в стойку. Это, подумал он, именно то, что мне надо нынче утром. Больше всего на свете Россу сейчас хотелось подраться.

Мужчина пошел на него, и почти сразу по его движениям стало понятно, что он закаленный боец. Он подскочил сбоку, схватил Росса за правую руку и попытался свалить. Росс ударил его в грудь и отпрыгнул. Сдерживай свой гнев, сперва оцени соперника.

"Я не люблю тебя", - сказала Элизабет; что ж, по крайней мере честно; отбросили в сторону, как заржавевшее украшение; уж эти женщины; а теперь загнан в угол собственной гостиной проклятым нахалом с налитыми кровью глазами; сдерживай свой гнев. Карн вновь пошел на него, применив тот же прием, только в этот раз просунул голову под мышку Россу; второй рукой он схватил Росса за ногу и приподнял. Известный прием. Перенеси вес назад; вот так, вовремя; скользни вбок и, захватив голову, потяни вверх. Отлично, прекрасный ход; сломай ему чертову шею. Руки скользнули, но тут же вновь сомкнулись; оба со стуком грохнулись на пол. Карн пытался заехать коленом Россу в живот. Кулаком в лицо; дважды; теперь свободен; перекались и встань на ноги.

Второй брат, тяжело дыша, сдвинул опрокинутый стол в сторону. Потом сразись с ним. Затем и с третьим братом. Карн встал на ноги и как кошка вцепился в воротник сорочки Росса.

Материя выдержала; они завалились назад и уперлись в высокий шкаф, который угрожающе накренился. Отличная ирландская одежда теперь ни к черту не годилась. А он грезил о бале, как томимый страстью теленок; помчался с мычанием к своей госпоже; искал подачки... Одежда не порвется. Подними руку и схвати его за запястье. Левый локоть яростно опустился на предплечье Карна. Карн со стоном выпустил его. Росс стиснул его; второй рукой он обхватил первую, чтобы усилить нажим. И боднул снизу головой. Карн пытался ударить его правым локтем, но они слишком тесно сцепились. Шахтер попробовал было пнуть его сапогом,

но потерял равновесие и отлетел на добрых три фута, врезавшись в деревянную панель. Просил милостыню и нашел ее - в шлюхах и выпивке. Господи, что за решение! Так лучше. Карн вновь поднялся и рванулся к нему. Два мощных удара его не остановили; он обхватил Росса за пояс.

- Теперь он твой! - закричал второй брат.

В руках шахтера таилась непомерная сила. Теперь он не пытался повалить Росса, а всё сильнее сжимал хватку, стараясь согнуть противника. Карн не одного мужчину покалечил подобным образом. Росс сморщился от боли, но спина его была сильной; спустя мгновение гнулась уже не спина, а колени. Руки он упер в подбородок Карну и, оторвавшись от земли, уперся коленями шахтеру в бедра. Напряжение было невероятным. По стенам поплыли темные пятна. Карн потерял равновесие, и они свалились на пол. Но шахтер не отпускал его. Пусты кровь пьяному ублюдку; он до крови полосовал спину своей дочери; она у нее вся в кровоподтеках и рубцах; преподай ему урок; сломай эту свинью; сломай его. Росс резко подтянул колени вверх и, рванувшись в сторону, высвободился. Встань на ноги. Когда Карн поднялся, Росс, вложив всю силу в боковой замах, ударил его в челюсть. Карн отлетел, с грохотом рухнув в камин. В этот раз он поднялся помедленней.

Росс сплюнул кровь на пол.

- Вставай, ты еще не побит.

- Побит! - выдохнул Карн. - Самодовольным молокососом с шрамом на роже. Побит, говоришь?

***

- Ладно, - прорычал Джуд. - Нет мочи уже идти быстрее. И вообще, что мы тут можем поделаться? Нас всего-то трое против троих. Да один - тощий малец, за пшеничным колоском спрячется, да нежный, как цветочек.

- Эй, отвали, - сказал Джим. - Я всё равно попробую.

- А на меня вы не рассчитываете что ли, ась? - произнесла Пруди, потирая большой красный нос. - Не родился еще мужчина или женщина, с которыми я бы не справилась, так-то. Мужики, они только пируэты горазды выписывать. А хряснешь его по башке половником, и что? Отползет в сторонку, будто его побили.

- Я побегу вперед, - сказал Джим Картер, сжимавший в руке кожаный хлыст. На склоне холма он перешел на бег.

- А что с соплячкой? - спросил у жены Джуд.

- Без понятия. Они перерыли весь дом, покуда капитан Росс не вернулся. Странно, что ты их не увидал и не спустился. И меня не слышал, когда я кричала. Я прям охрипла совсем.

- Не могу я быть сразу повсюду, - ответил Джуд, переместив длинные вилы с одного плеча на другое. - Такого нельзя ждать от смертного. Если б по ферме сорок шесть Джудов Пэйнтеров слонялось, так может один из них о казался там, где тебе надобно. Но тут только один, спаси Господи.

- Аминь, - закончила Пруди.

- Ладно, ладно. Значит, не жди, что он и услышит тебя, как только ты разорешься.

- Я только жду, что он не станет прикидываться глухим, когда я всего-то на соседнем поле. Я ж видала, как мелькали твои штаны, и точно знала, что это твои, потому что заплаты на коленках признала, да и черные все от дыма.

Они заметили, как среди яблонь возникла фигура Джима Картера, и мальчишка побежал через сад к дому. Они наблюдали, как он вошел внутрь.

Пруды потеряла башмак, пришлось остановиться, чтобы его найти. Теперь разворчался Джуд. Они добрались до яблоневого сада, но перед тем, как пройти через него, увидели возвращающегося Джима Картера.

- Всё в порядке. Они... у них была честная схватка. Любо-дорого смотреть.

- Что? - рявкнул Джуд. - На кулаках? И мы это пропустили?

Он бросил вилы и помчался вперед, добравшись до дома прежде остальных. В гостиной царил разгром, но основная часть схватки закончилась. Росс пытался выпихнуть Тома Карна за дверь, а тот, хотя и слишком потрепанный, чтобы дать настоящий отпор, всё равно фанатично боролся, чтобы спастись от позорной славы - что его выкинули вон. Он ухватился одновременно и за Росса, и за косяк, с ослиным упрямством пытаясь не признать поражение.

Росс завидел своего слугу и широко улыбнулся.

- Открой окно, Джуд.

Джуд двинулся было исполнять приказание, но на его пути неожиданно встал младший из братьев.

- Неа, не смей. Честно, так честно. Пусть сами разберутся.

Немного отдышавшись, Карн вдруг обрел новые силы и вцепился Россу в глотку. Тот ослабил собственный захват и дважды ударил противника. Руки шахтера ослабли, и Росс развернул его и схватил за загривок и штаны. Потом он почти бегом рванул к двери вместе с Карном, пересек прихожую, выскочил в другую дверь, отпихнув Пруды, которая, запыхавшись, глядела на это представление. Братья беспокойно ждали, а Джуд повернулся к ним с понимающей ухмылкой.

Раздался всплеск, а через некоторое время Росс вернулся, тяжело дыша и стирая кровь с царапины на щеке.

- Пускай остынет. Теперь вы, - он взглянул на оставшихся двоих. - Кто следующий?

Ни один не шелохнулся.

- Джуд.

- Да, сэр.

- Проводи этих джентльменов вон с моей земли. Потом возвращайся и помоги Пруды тут прибраться.

- Да, сэр.

Средний брат немного пришел в себя от столь грубого обращения и смял свою шапку. Похоже, он намеревался что-то сказать.

- Ну вот, вы от него отделались. Но брат-то прав, а вы нет, мистер. Это уж точно. Но всё равно, драка вышла славная. Лучше я в жизни не видал, не на ринге-то.

- Проклятье, - заявил младший, сплюнув. - Да и на ринге тоже. Он столько раз меня оживал, я даже не думал, что его могут побить. Вот уж спасибо вам, мистер.

И они ушли.

Тело Росса начало болеть от полученных ударов и ран. Костяшки на кулаках изодраны, и он растянул два пальца. Однако главным чувством, которое он испытывал, был прилив энергии и удовлетворение от чувства выполненного долга, как если бы драка иссушила его организм от дурных примесей. Ему пустили дурную кровь, как врач пускает кровь человеку во время горячки.

- О Боже! - сказала вошедшая Пруди. - Ах! Принесу тряпки и скипидар.

- Мне не нужно твое лечение, - ответил Росс. - А вот мебели - да. Ты можешь починить стул? И несколько тарелок разбиты. Где девчонка? Можешь сказать ей, чтобы уже выходила.

- Одному Богу известно, где она. Увидала, как приближается папаша, да как припустит мимо меня со всей прыти. Сдается мне, она где-то в доме сныкалась, пока эти тут шарили.

Пруди подошла к двери.

- Уже всё чисто, крошка. Твой папаша ушел. Мы его спровадили. Выходи, где бы ты ни была.

Тишина.

Порез на щеке почти перестал кровоточить. Росс натянул поверх потной и разорванной сорочки жилет с сюртуком, а шейный платок скомкал в карман. Сейчас он хлебнет спиртного, а когда Джуд вернется, подтвердив, что они убрались с его земли, спустится и выкупается в море. Соленая вода заживит царапины и ушибы.

Росс подошел к большому шкафу, который угрожающе шатался во время потасовки, и плеснул себе стакан крепкого бренди. Он хлебнул немного и, откинув назад голову, встретился с взглядом Демельзы Карн, чьи темные и округленные глаза смотрели на него с верхней полки шкафа.

Росс громко расхохотался, отчего Пруди бегом вернулась в комнату.

Глава девятая

В тот же день, около девяти часов вечера, Джим Картер вернулся домой со свидания с Джинни Мартин. Они дружили еще до того, как он начал работать у Росса, но за зиму их отношения окрепли.

Обычно Джим напрямик направлялся на сеновал, где спал до самого рассвета, но сегодня пришел в дом и пожелал увидеться с Россом. Джуд, уже осведомленный, без приглашения проследовал за ним в гостиную.

- Это иллаганские шахтеры, сэр, - без всяких предисловий сказал паренек, - Уилл Нэнфан шепнул Заки Мартину, что сегодня ночью они собираются отплатить вам за похищение дочки

Тома Карна.

Росс поставил стакан, пальцем отметив место в книге.

- Пусть приходят. Мы с ними справимся.

- А вот я не был бы так уверен, сэр, - заявил Джуд. - Будь их двое или трое, мы бы расправились с ними, как сегодня, но ежели повалит орда, сэр. Да они как огромный ревуший дракон. Встанешь на пути, костей не соберешь.

Росс призадумался. Если отбросить в сторону болтовню про драконов, то в словах Джуда была доля истины. Закон и порядок отходят в сторону, когда бесчинствуют шахтеры. Но казалось маловероятным, что они отправятся в такую даль ради столь мелкого дела. Если только они не пьяны. Сейчас пасхальная неделя.

- Сколько ружей у нас в доме?

- Думаю, три, сэр.

- Одного хватит. Проследи, чтобы они были почищены и заряжены. Больше ничего делать не надо.

Они оставили его, и Росс слышал, как они недовольно шептались за дверью. Ну а что еще можно было сделать? Он вовсе не предвидел, что случайно приютив дитя в качестве судомойки, получит такие последствия. Но сделанного не воротить, и скорее ад развернется, нежели он отступит от своего слова. Два года за границей заставили его позабыть предубеждения его земляков. Для шахтеров оловянных рудников и мелких землевладельцев человек, живший от них в двух-трех милях, уже был чужаком. А уведя девочку на десять миль от родного дома, девочку несовершеннолетнюю, как бы охотно она ни пошла, вполне можно разжечь любую форму недовольства и предубеждений. Он поддался порыву сострадания, а его окрестили похитителем. Что ж, пускай брешут псы.

Он позвонил в колокольчик, позвав Пруди. Громко шаркая, та вошла в комнату.

- Отправляйся спать, Пруди, и проследи, чтобы девочка тоже легла. И скажи Джуду, что он мне нужен.

- Он только что вышел, сэр, прям сию минуту. Ушел на пару с Джимом Картером.

- Ну да ладно тогда.

Он скоро вернется, наверное, пошел посветить мальчику дорогу к сеновалу. Росс поднялся и пошел за ружьем. Это был французский кремневый мушкет, который его отец купил в Шербуре десять лет назад, показывающий большую надежность и точность в отличие от всех виденных им мушкетов.

Он осмотрел ствол, проверил работу курка и кремня, осторожно подсыпал порох на полку, зарядил мушкет и положил у окна. Больше Росс ничего не мог сделать, и вновь засел за чтение, наполнив стакан.

Шло время, и он всё больше досадовал на Джуда. Ветер сегодня дул не сильный, и в доме царил тишина. Время от времени раздавался шорох крыс за деревянными панелями; то облезлая Табита Бетия с мурлыканьем потягивалась перед камином, или полено с треском

рассыпалось на угольки.

В половине одиннадцатого он направился к двери и бросил взгляд на долину. Ночь выдалась облачной, журча струился ручей, бесшумно слетела с дерева сова.

Он оставил дверь открытой и обогнул дом, направившись к конюшне. Море было темным, почти черным. Тихо накатывались длинные волны. Время от времени волна нарушала тишину, разбиваясь с громовым треском; во тьме ярко светилась её белая пена.

После сегодняшней дневной езды у Росса разболелась лодыжка, к тому же всё тело затекло, а спина болела так, словно ребро треснуло. Он вошел на конюшню и поднялся на сеновал. Джима Картера там не было.

Росс спустился, погладил Брюнетку, услышал, как возится Гаррик в сооруженной для него конуре, и вернулся тем же путем. Чтоб Джуду провалиться со своими идеями. Ему наверняка должно было хватить здравого смысла не оставлять имение после предупреждения мальчишки. Нет, он не мог сбежать.

Росс прошел в спальню на первом этаже. Сегодня альков пустовал, поскольку Демельза перебралась в новые покои. Он поднялся по лестнице и осторожно приоткрыл дверь ее спальни. В комнате стояла крошечная тьма, но он слышал учащенное дыхание девочки. По крайней мере, она здесь, но не спит. Каким-то образом она прознала про грозящую опасность. Росс вышел из комнаты, ничего не сказав.

Из соседней двери раздавался такой звук, словно дряхлый старик пилил ржавой пилой дерево, так что искать Пруди ему не пришлось. Он вновь попытался вернуться к чтению. Бренди он больше не пил. Если Джуд вернется, то они будут дежурить всю ночь по два часа, если нет, то дозор придется нести одному.

В половине двенадцатого Росс закончил главу и, отложив книгу, вновь направился к входной двери. Ветки сирени слегка колыхнулись под дуновением ветра, потом вновь настала тишина. Табита Бетия последовала наружу за Россом и дружелюбно терлась о его сапоги. Всё так же мерно ручей пел свою вечную песнь. Из рощицы вязов раздавался пронзительный и тонкий стрекот козодоя. Со стороны Грамблера медленно поднималась луна.

Но Грамблер лежал к юго-западу. А слабый отсвет на небе был слишком ярк для всходящей или заходящей луны. Огонь.

Он уже было сорвался с места, но тут же одернул себя. Предательство Джуда с Картером привело к тому, что теперь ему одному придется отстаивать свое имущество и безопасность двух женщин. Если иллаганские шахтеры действительно вышли на тропу войны, то вряд ли мудро будет оставить дом незащищенным. Он догадался, что огни каким-то образом связаны с этими событиями, и если шахтеры идут сюда, то направившись им навстречу, он с ними не разминется. Однако кое-кто мог проскользнуть мимо него и захватить дом. Лучше остаться, чем рискнуть оказаться погорельцем.

Он пожевал нижнюю губу, в сердцах обзвав Джуда никчемным негодяем. Он покажет ему, как сбежать при первых же признаках опасности. Это бегство почему-то казалось даже хуже всего, что они устроили в имении, пока он не вернулся домой.

Росс, прихрамывая, добрался до Длинного поля за домом, тщетно надеясь, что оттуда ему удастся получше рассмотреть источник света. Он повернулся и решил, что стоит разбудить Пруди и сказать, чтобы она сама о себе позаботилась. Но дом оставался таким же темным и

безмолвным, разве что за шторами гостиной мерцал желтый огонек свечи. Россу стало жаль понапрасну еще больше тревожить дитя. Он гадал, о чем же думает девочка, сидя там в темноте.

Нерешительность Росс ненавидел больше всего. Спустя пять минут он, ругнувшись, схватил мушкет и поспешил вверх по долине.

Дождь стекал по его лицу, когда он достиг елового леса за Уил-Мейден. На противоположной опушке он остановился и посмотрел в сторону Грамблера. Виднелось три источника света. Насколько Росс мог разглядеть - небольшие, чему он обрадовался. Затем он различил две фигуры, карабкающиеся вверх по склону, к нему. Одна из них несла фонарь.

Он ждал. Это были Джим Картер и Джуд.

Они разговаривали, Картер - возбужденно и задыхаясь. За ними из тени возникли еще четверо: Заки Мартин, Ник Вайгас, Марк и Пол Дэниэлы, все - из коттеджей Меллина. Когда они поравнялись с ним, Росс вышел из тени.

- Во делааа, - удивленно выпятил губы Джуд, так что показались десны, - неужто капитан Росс? Чего это вы тут делаете? Я твердил себе пять минуток назад: теперича капитан Росс небось просто задряхнет сладко без задних ног, как только свалится в постель. Подумалось, и мне хорошо бы в постельку вместо того, чтобы прыгать тута в мокром тумане, в миле от ближайшего стаканчика пунша.

- Где вы пропадали?

- А чего такого? Всего-то спустились до Грамблера.

Другие подошли и остановились, увидев Росса. Ник Вайгас, похоже, хотел задержаться, его хитрое лицо появилось в свете фонаря и растянулось в улыбке, но Заки Мартин потянул Вайгаса за рукав.

- Давай, Ник. Ты же будешь не в состоянии пойти утром на смену. Спокойной ночи, сэр.

- Спокойной ночи, - отозвался Росс, наблюдая как они тяжело тащатся мимо. Теперь он видел еще больше фонарей вокруг идвигающиеся фигуры. - Так что же, Джуд?

- Чего? Про костры? Ну, в общем, ежели хотите услышать, как оно всё было, то как-то так...

- Ну вот, примерно так, сэр, - нетерпеливо перебил сказал Джим Картер, - Уилл Нэнфан сказал, что слышал говорок, будто иллаганские шахтеры прутся, чтобы разнести ваш дом, из-за того, что вы умыкнули дочку Тома Карна, и мы покумекали, что неплохо бы нам их остановить. Уилл сказал, что их там около сотни с дубинками и прочим. Ну, а у парней с Грамблера должок к иллаганским еще с прошлой ярмарки Михайлова дня, так что я рванул к Грамблеру, поднял их и сказал...

- И что за байки ты плетешь? - с достоинством произнес Джуд.

Но от возбуждения Джим утратил обычную робость.

- И сказал им "Что думаете? Иллаганцы прутся сюда, исполненные решимости порезвиться". Больше и говорить-то не потребовалось, понимаете? Пол-Грамблера было в кабаках за стаканчиком и хотели поразмять кулаки. А Джуд помчался к Солу и рассказал им ту же самую

историю. Там она так хорошо не сработала, но он вернулся с двадцатью или тридцатью...

- Тридцатью шестью, - уточнил Джуд, - но семеро хитрозадых шмыгнули в кабачок вдовы Треготнан и всё еще там, как я знаю, заливают кишки. Это всё из-за Боба Митчелла. Если он...

- Они оказались тут как раз вовремя, чтобы помочь устроить три костра...

- Три костра, - повторил Джуд, - а потом...

- Пусть мальчишка сам всё расскажет, - сказал Росс.

- Ну, эта, мы устроили три костра, - продолжил Картер, - и они отлично разгорелись, когда мы услышали, как приближаются иллаганцы, четыре или пять десятков во главе с Ремфри Флэманком, пьяные в дупель. Когда они подошли, Майк Андреварт взобрался на стену и рывкнул: "Чего вам надо, иллаганцы? Какого хрена вы тут потеряли, иллаганцы?" А Ремфри Флэманк распахнул рубаху, чтобы показать свою волосатую грудь, и говорит: "Что это еще за долбаный придурок?" Тогда Пол Дэниэл отвечает: "Это наш придурок, и мы не хотим, чтоб иллаганцы трясли своими сиськами в нашем районе". И раздался мощный рев, как если дразнить медведя.

Джим Картер остановился на мгновение, чтобы перевести дыхание.

- Тогда коротышка с бородавкой на щеке со сливу размером крикнул: "Наша драка не с вами, друзья. Мы пришли, чтобы забрать иллаганскую девчушку, которую умыкнул ваш джентльмен-затейник, и преподать ему урок, который он не забудет. Наша драка не с вами". Тогда Джуд выкрикнул: "Дык он просто же служанкой ее нанял, и все дела. И он получил её в честной драке, вы, ублюдки. Теперь вам этого уже не изменить. В Иллагане не сыщешь такого мужика..."

- Ладно, ладно, - раздраженно прервал его Джуд. - Я уж знаю, что сказал, так-то! Думаешь, я сам не могу передать свои слова? - в приступе раздражения он повернул голову, и стал виден наливающийся фингал под глазом.

- Он говорит: "В Иллагане не сыщешь такого мужика, чтобы не был вонючим косоглазым шлюхиным вырождаком, а силенок у ваших, как у костлявой хромой клячи с живодерни". Ей-богу, не хуже проповедника говорил. А потом кто-то засветил ему в глаз.

- И полагаю, тут все начали драться, - сказал Росс.

- Ага, наших под две сотни. Вот это было славное дельце! Видал того громилу с одним глазом, Джуд? И тут ему Марк Дэниэл как наподдаст, а потом еще Сэм Росколлар появился. А Ремфри Флэманк...

- Тише, парень, - шикнул Джуд.

Джим в конце концов уgomонился. Они добрались до дома в молчании, прерываемом лишь его булькающим кашлем и словами: "Ремфри Флэманк, пьяный в дупель".

- Какая наглость, - заявил Росс у двери. - Вы ушли и ввязались в драку, оставив меня дома присматривать за женщинами. Да за кого вы меня принимаете?

Последовало молчание.

- Зарубите себе на носу, свои склоки я буду улаживать сам.

- Да, сэр.

- Ладно, отправляйтесь спать, всё кончено. Но не думайте, что я об этом забуду.

Была ли это угроза наказания или обещание награды, Джуд с приятелем толком не поняли, потому что ночь была слишком темной, чтобы разглядеть лицо говорящего. В его голосе присутствовал какой-то оттенок, который мог быть вызван хорошо сдерживаемым гневом.

Или это мог быть смех, но такое им в голову не пришло.

Глава десятая

Восточные окраины земель Полдарков в полумиле от особняка в Нампаре граничили с собственностью мистера Хораса Трenegлоса, чей особняк, Мингуз, лежал в паре миль от берега, сразу за песчаными холмами Хендроны. На самой границе двух имений на вершине утеса находилась третья шахта.

При Джошуа в Уил-Лежер добывали олово, а не медь. Росс побывал в шахте зимой и, желая восстановить хотя бы одну из выработок в своем имении, после обследования Уил-Грейс перенес свое внимание на эту шахту.

Ее преимущество заключалось в том, что дренажная система состояла из штолен, выходящих на поверхность утеса, а также в том, что последние отобранные образцы, которые Джошуа припрятал, показывали определенные признаки меди.

Но требовался более значительный капитал, чем ему удалось собрать, так что утром во вторник пасхальной недели Росс отправился в Мингуз. Мистер Трenegлос был престарелым вдовцом с тремя сыновьями, младший служил во флоте, а остальные посвящали свое время охоте на лис. Сам мистер Трenegлос был человеком ученым и не склонным пускаться в авантюры с добычей руды, но поскольку шахта располагалась частично на его земле, ради приличия следовало посетить его первым.

- Сдается мне, вам и начать-то не с чего, это почти как копать девственную землю. Почему бы не заняться Уил-Грейс, где уже есть продуктивные шурфы? - прокричал мистер Трenegлос. Он был высоким и крепко сбитым мужчиной, но из-за глухоты выглядел несколько неуклюже. Он сидел на краешке кресла, подогнув толстые колени, и без того тесные бриджи натянулись до предела, пуговицы вот-вот оторвутся, одной рукой он похлопывал по колену, а другой тербил за ухом.

Росс объяснил, почему предпочитает Уил-Лежер.

- Что ж, любезный, - прокричал мистер Трenegлос, - всё это весьма убедительно, я вам верю и не возражаю, если вы проделаете в моей земле несколько дыр. Нам следует поддерживать добрососедские отношения, - он заговорил еще громче. - Что же касается финансирования, то в нынешнем месяце я несколько стеснен в средствах, ох уж эти мальчишки и их охота. В следующем месяце, вероятно, я смогу ссудить вам пятьдесят гиней. Нам следует поддерживать добрососедские отношения. Это вас устроит?

Росс поблагодарил и сказал, что если шахта заработает, то он собирается управлять ей по

системе совместного финансирования, где каждый из участников будет владеть определенным числом паев и получать соответствующую долю прибыли.

- Да, превосходная мысль, - мистер Трэнгелос повернул к нему ухо. - Что ж, еще увидимся, да? Всегда рад помочь, мальчик мой. Нам следует поддерживать добрососедские отношения. И не могу избежать некоторого трепета. Возможно, мы обнаружим новый Грамблер, - он покатился со смеху и схватил свою книгу. - Возможно, мы обнаружим новый Грамблер. Читали классиков, мальчик мой? Это излечивает от многих хворей современного мира. Я часто пытаюсь вызвать к ним интерес вашего отца. Как он, кстати?

Росс объяснил.

- О да, будь я проклят, конечно же. Как неловко. Вообще-то я имел в виду вашего дядю, - добавил он, понизив голос.

Росс ехал домой, чувствуя, что это половинчатое обещание мистера Трэнгелоса - самое большее, на что он может рассчитывать на этой стадии, ему остается получить профессиональный совет. Для этого он направился к капитану Хеншоу в Грамблер.

Джим Картер работал на одном из своих полей вместе с тремя младшими детьми Мартина. Когда Росс проезжал мимо, Картер подбежал к нему.

- Думал рассказать вам кой-какие новости, сэр, - тихо произнес он. - Рубен Клеммоу сбежал.

Со времени их последней встречи в прошлое воскресенье так много всего произошло, что Росс и позабыл о последнем из Клеммоу. Тот разговор вышел не из приятных. Рубен оказался изворотливым и вел себя вызывающе. Росс пытался его урезонить, прорваться сквозь стену подозрений и обид. Но всё это время сознавал, что ничего не выходит, что Рубен настроен к нему враждебно, и это невозможно отбросить лишь добрым советом или дружеской беседой. Это слишком глубоко в нем укоренилось.

- Куда он пошел?

- Не знаю, сэр. То, что вы ему сказали, видать, его проняло и испугало.

- То есть он не на шахте?

- Неа, со вторника уже. Никто его не видал со вторника.

- Что ж, хорошо, - ответил Росс. - Это избавит нас от неприятностей.

Картер поднял на него глаза. Его скуластое юное лицо в это утро было на редкость бледным.

- Джинни думает, что он всё еще шатается где-то поблизости, сэр. Говорит, далеко он не ушел.

- Тогда кто-нибудь наверняка бы его увидел.

- Ага, сэр, вот и я так сказал. Но она мне не верит. Говорит, уж простите, сэр, чтобы вы поостереглись.

Росс скривился в усмешке.

- На забивай свою голову беспокойством обо мне, Джим. И о Джинни тоже не беспокойся. Ты в нее влюблен?

Картер встретился с ним взглядом и сглотнул.

- Что ж, - сказал Росс, - тогда ты должен быть счастлив, что пропал соперник. Хотя сомневаюсь, что он был серьезным соперником.

- Не в этом смысле. Мы только опасаемся...

- Я знаю, чего вы опасаетесь. Если что-нибудь услышишь или увидишь, дай мне знать. А если нет, то не ищи привидений в каждом закоулке.

Он поскакал дальше. Хорошо, что я с ним поговорил, подумал Росс. Возможно, эта деревенщина отправилась к своему брату в Труро. А может, и нет. С такими никогда не поймешь. Но лучше бы Мартинам держать дверь на замке.

***

Росс больше никогда не видел Маргарет, хотя и приезжал в Труро несколько раз. И не сказать, чтобы он желал этого. Если приключение с ней в ночь бала и не вылечило его от любви к Элизабет, то доказало, что искать кого-то ради удовлетворения своей похоти - не выход.

Юная Демельза устроилась в своем новом доме, как бродячий котенок в удобной гостиной. Наслышанный о великой силе семейных уз горняков, Росс был готов к тому, что спустя неделю он найдет ее свернувшейся в углу, плачущей по своему отцу и его взбучкам. Если бы он заметил хоть один признак того, что она скучает по дому, то сразу отправил бы ее назад, но этого не произошло, Пруды хорошо о ней отзывалась.

То, что спустя три часа после своего прибытия Демельза подобрала ключик к своенравной Пруды, явилось еще одним сюрпризом. Возможно, она взывала к некоему почти утраченному материнскому инстинкту, как голодающий утенок к большой гагарке.

Так что спустя месяц Росс послал Джима Картера (Джуд отказался идти) к Тому Карну с двумя гинейми годового жалования девушки. Джим сказал, что Карн угрожал переломать ему все кости, но не стал отказываться от золота, и это намекало на то, что он готов смириться с потерей дочери.

После того крупномасштабного вторжения шахтеры Иллагана притихли. Всегда оставался шанс нарваться на неприятности, когда придет время следующего праздника, но до той поры расстояние между ними спасет от случайных столкновений. Росс какое-то время подозревал, что они могут попытаться забрать ребенка силой, и велел Демельзе не удаляться далеко от дома. Однажды вечером, когда он ехал домой из Сент-Агнесс, из-за живой изгороди на него обрушился град камней, но это было последним знаком общественной немилости. У народа и своих проблем хватало.

Прибирая хлам в библиотеке, Пруды наткнулась на кусок крепкой узорчатой ткани для портьер, из которой, постирав её и подрезав, сделала два мешковатых платица для девочки. Потом разрезали старое покрывало с кружевами по краям, превратив в две пары нижних юбок. Демельза раньше никогда не видела ничего подобного, и когда их носила, то всегда старалась стянуть вниз так, чтобы кружева выглядывали из-под подола юбки.

Против своей воли Пруды оказалась втянута в битву, в успешный исход которой сама не верила: войну против вшей. Демельзе частенько приходилось напоминать, что её новый хозяин не терпит ни грязных тел, ни грязных волос.

- Но как он узнает? - спросила однажды девочка, когда дождь стекал по темно-зеленому стеклу кухонного окна. - Как он узнает? У меня темные волосы, и не видно большой разницы - мытые они, или нет.

Пруды нахмурилась, поливая мясо, которое жарилось на вертеле над огнем.

- Да. Только всё дело в количестве вошек.

- Вошек? - переспросила Демельза и почесала голову. - Почему же? Вошки у всех есть.

- Они ему не нравятся.

- Но у тебя, - серьезно произнесла Демельза, - они есть. У тебя их больше, чем у меня.

- Они ему не нравятся, - упрямо повторила Пруды.

Демельза на мгновение призадумалась.

- Но как ты предлагаешь от них избавиться?

- Мыться, мыться, мыться и еще раз мыться.

- Как крикающей утке, - сказал Джуд, который только что вошел в кухню.

Демельза повернула голову и посмотрела на него своими темными внимательными глазами. Затем снова взглянула на Пруды.

- И что же ты сама от них до сих пор не избавилась? - спросила она, горя желанием услышать ответ.

- Мылась маловато, - саркастически произнес Джуд. - У людей кожа есть, не пристало им такое. Скрести свою задницу до мяса, чтоб кому-то удовольствие доставить. Но всё равно, это ж зависит от того, насколько тебя вошки любят. До чего ж забавные твари. Одних любят больше, чем других. От некоторых просто отлипнуть не могут, будто они братья. А других Господь сделал чистыми от природы. Вот взять меня - вошек у меня на башке не найдешь.

Демельза внимательно его осмотрела.

- Ага, только у тебя и волос-то нет, - сказала она.

Джуд бросил принесенный торф.

- Лучше бы научила ее держать язык за зубами, - раздраженно бросил он жене, - всё полезней будет. Научила бы ее манерам, как с почтением говорить и отвечать, да почитать тех, кто постарше и получше нее, всё было б полезней. А потом могла бы потрепать себя по голове и сказать: "Гляди-кась, как я постаралась, научила ее приличиям". А ты что делаешь? Сразу и не разберешь. Учишь ее быть нахалкой.

В тот вечер Джим Картер сидел в коттедже Мартинов и разговаривал с Джинни. Проработав всю зиму в Нампаре, он сблизился с семьей Мартинов. По мере того, как росла его привязанность к Джинни, он всё реже виделся с собственной семьей. Джим сожалел об этом, поскольку мать по нему скучала, но не мог находиться в двух местах одновременно, а в приветливом коттедже этих людей, которые не столь хорошо его знали, он всё больше чувствовал себя как дома, становясь более разговорчивым и радостным.

Его отец, опытный вольный рудокоп, заработал приличные деньги еще до того, как ему исполнилось двадцать шесть, а потом его подкосила чахотка, от которой он уже страдал долгие годы, и через шесть месяцев миссис Картер осталась вдовой с пятью маленькими детьми, старшему, Джиму, было всего восемь.

Фред Картер изо всех сил старался платить шесть пенсов в неделю, чтобы Джим посещал школу тетушки Элис Тревемпер, и говорили, что мальчик останется там еще на год. Но нужда прекратила эти разговоры, как ветер сдувает дым, и Джим стал просеивать руду в Грамблере. Это была работа "на траве", то есть на поверхности, потому что жители Корнуолла не обращались со своими детьми столь же бессердечно, что и обитатели остальной страны. Но и работа просеивателя не была идеальной, поскольку приходилось промывать руду в воде, стоя в скрюченной позе десять часов кряду. Мать Джима встревожилась, увидев у сына кровь. Но со многими другими мальчиками происходило то же самое. Всё дело было в шиллинге и трех пенсах в неделю.

В одиннадцать лет он уже работал в шахте вместе с напарником и отвозил руду тачками, но Джим унаследовал отцовский талант и к шестнадцати годам стал уже вольным рудокопом в своей собственной выработке, зарабатывая достаточно, чтобы содержать семью. Он весьма этим гордился, но спустя пару лет обнаружил, что здоровье его ухудшается, а густой кашель похож на отцовский. В двадцать лет, горюя о такой судьбе, он позволил матери уговорить себя покинуть шахту и расстаться со всеми источниками дохода, передав свой шурф младшему брату и нанявшись поденщиком на ферму. Даже приличное месячное жалование, которое он получал у капитана Полдарка, было на четверть меньше, чем он обычно зарабатывал, но дело было не только в потере денег, а в потере положения, вот что его расстраивало. Шахтерское ремесло было у Джека в крови, он любил эту работу и хотел ей заниматься.

Он бросил то, чего так желал. Хотя сейчас он стал сильнее и крепче, а будущее уже не так его страшило.

Джим сидел в углу в доме Мартинов и шептался с Джинни. С одной стороны камина Заки Мартин курил глиняную трубку и читал газету. С другой же стороны миссис Мартин качала в одной руке трехгодовалую Бетси-Марию Мартин, которая оправлялась от опасного приступа кори, а в другой руке - младшего двухмесячного младенца, изредка похныкивающего. Комнату слабо освещала глиняная лампа, которую называли ночником, с двумя маленькими фитилями на выступах по сторонам сосуда. Сосуд был наполнен жиром сардин, поэтому пахло рыбой. Джинни и Джим сидели на самодельной деревянной скамейке в комфортной полутьме. Джинни еще не выходила после наступления темноты, даже в сопровождении Джима - единственное больное место в их дружбе. Но Джинни клялась, что ей не будет ни минуты покоя, пока за каждым кустом мерещилась притаившаяся фигура. Лучше уж быть здесь, даже со всей семьей, мешающей влюбленным уединиться.

Тусклый свет выхватывал из мрака только отдельные детали комнаты: поверхности, очертания и изгибы, края и силуэты. Стол только что очистили от вечернего чая, ячменного хлеба и горохового пудинга; мокрые круги показывали, где с древних оловянных чайников просочилась вода. На другом конце оставались крошки после двух младших девочек. Была видна только густая копна рыжих с сединой волос Заки, краешек торчащей трубки, изгиб "Шерборн Меркьюри" с мелким шрифтом, зажатой в волосатых руках, словно читающий боялся, что она может улететь.

Блеснули очки в стальной оправе миссис Мартин, и обе стороны ее спокойного лица со сжатыми губами осветились, как разные фазы луны, когда она посмотрела сначала на одного капризного ребенка, потом на другого. У малышки Айнез-Мари можно было разглядеть только

серую шаль и маленький судорожно сжимавшийся кулачок, словно подтверждавший ее хрупкое существование. Копна рыжих волос и покрытый веснушками нос беспокойно дремали на другом плече миссис Мартин.

На полу длинные голые ноги Мэтью Марка Мартина мерцали, как две серебристые форели, остальная часть его тела скрывалась в большой тени матери. Напротив Джинни и Джима всколыхнулась другая большая тень - от рыжеватой кошки, которая запрыгнула на полку напротив светильника и смотрела вниз на хозяев.

Это была самая лучшая неделя, поскольку папаша Заки работал в ночную смену и разрешил своим детям не спать до девяти часов. Привычка приучила Джима к этому установленному порядку, и он понял, что приближается время ухода. В его сознании всплыли все те слова, которые он еще не высказал Джинни. И только Джим отважился их произнести, как в дверь постучали. Верхняя створка распахнулась, явив взору высокую и мощную фигуру Марка Дэниэла.

Заки опустил газету, потер глаза и взглянул на треснутые песочные часы, убедившись, что не затянул свой отдых.

- Парень, ты сегодня рано. Заходи, располагайся как дома, если хочешь. Я провел слишком много времени на ногах, чтобы натягивать ботинки.

- Да и я тоже, - сказала Дэниэл. - Хотел с тобой перекинуться парой словечек, просто по-соседски, так сказать.

Заки выбил трубку.

- Это запросто. Заходи и чувствуй себя как дома.

- Пару слов по секрету, - уточнил Марк. - Прошу прощения, миссис Мартин. Пару слов на ухо по одному небольшому дельцу. Может, все-таки выползешь наружу?

Заки уставился на него, а миссис Мартин стала тихо насвистывать капризным карапузам. Заки отложил газету, пригладил волосы и вышел с Марком Дэниэлом на улицу.

Джим с благодарностью воспользовался передышкой, чтобы продолжить шептать: важные слова о том, где они должны встретиться завтра, если она закончит работу на шахте и по дому засветло, а он - работу на ферме... Джинни склонила голову, слушая. Джим заметил, что в какой бы тени они ни сидели, её гладкий бледный лоб и изгибы щек всегда притягивали немного света. И для глаз всегда находился свет.

- Пора вам, детки, всем баиньки, - сказала миссис Мартин, разжимая губы. - А то будете как дохлые мухи, когда уже настанет пора вставать. Спать. Мэтью, Марк. И ты, Габи. И Томас. Джинни, дорогуша, жаль выпроваживать твоего паренька так рано, но ты же знаешь, как это бывает по утрам.

- Да, мама, - сказала, Джинни, улыбнувшись.

Заки вернулся. Все взглянули на него с любопытством, но тот сделал вид, что этого не замечает. Он вернулся в своё кресло и начал складывать газету.

- Я не знала, - сказала миссис Мартин, - что мешаю секретному разговор взрослых мужчин. Шепчутся как малыши. О чем вы там шушукались, Закари?

- О том, сколько пятен на луне, - ответил Заки. - Марк говорит - девяносто восемь, а я твержу, что сто два, так что мы решили оставить это, пока не увидим проповедника.

- Я не потерплю здесь богохульства, - сказала миссис Мартин, но без осуждения. За двадцать лет она слишком убедилась в мудрости мужа, чтобы пойти на что-либо большее, чем символический протест по поводу его дурного поведения. Кроме того, она может выпытать это из него утром.

Осмелев в полутьме, Джим поцеловал запястье Джинни и встал.

- Я думаю, мне пора идти, мистер и миссис Заки, - сказал он, используя случившееся, чтобы попрощаться. - Еще раз благодарю за гостеприимство. Спокойной ночи, Джинни, спокойной ночи, мистер и миссис Заки, спокойной ночи всем.

Он подошел к двери, но Заки его остановил.

- погоди, парень. Думаю, мне надо прогуляться, впереди еще куча времени. Пройдусь с тобой немного.

Протесты миссис Мартин последовали за ним в темную хмарь. Затем Заки закрыл дверь, и их окутала ночь - промозглая и мягкая, с мелким морозящим дождиком, падающим, как паутинки, на лица и руки.

Они пошли, сначала спотыкаясь в темноте, но скоро привыкли, идя с уверенностью деревенских жителей по знакомой земле.

Джима компания озадачила, и он немного нервничал, потому что в голосе Заки прозвучало нечто мрачное. Как грамотный человек, в его глазах Заки всегда являлся важной фигурой, а когда Заки взял потрепанную "Шерборн Меркьюри", то значительность этого жеста еще раз поразила Джима, а вдобавок Заки был еще и отцом Джинни. Джим подумал: может, он что-то сделал не так?

Они дошли до вершины холма около выработок Уил-Грейс. Отсюда виднелись огни Нампары - два размытых белых пятна в темноте.

- Я вот что хочу тебе сказать. В Марасанвосе видели Рубена Клеммоу.

Марасанвос находился на расстоянии мили от коттеджей Меллина. Джим Картер ощутил неприятное напряжение на коже, как будто его растянули.

- Кто его видел?

- Младший Чарли Барагванат. Он не знал, кто это был, но, судя по описанию, сомневаться не приходится.

- Он с ним говорил?

- Рубен говорил с мальчишкой Чарли. Это было на тропинке между Марасанвосом и Уил-Притти. Чарли сказал, что тот отпустил длинную бороду, а за плечами - пара мешков.

Они начали медленно спускаться вниз по холму к Нампаре.

- Как раз только Джинни начала успокаиваться, - сердито проговорил Джим. - Это снова её расстроит, если она узнает.

- Потому-то я ничего и не сказал при женщинах. Может, что-то и можно поделаться, не посвящая их.

Несмотря на тревогу, Джим почувствовал новый приступ благодарности и дружбы к Заки за то, что тот посвятил его в тайну, что обращался с ним как с равным, а не как с никчемным недорослем. Это также молчаливо признавало его отношения с Джинни.

- Что вы собираетесь делать, мистер Мартин?

- Повидаю капитана Росса. Он знает, что делать.

- Мне пойти с вами?

- Нет, парень, думаю, я сам это улажу.

- Я подожду вас снаружи.

- Не надо, парень, иди спать. Ты не встанешь утром. Я завтра тебе сообщу, что капитан посоветовал.

- Я лучше подожду, - сказал Джим. - Мне без разницы. Всё равно сейчас не засну.

Они пришли к дому и возле двери разделились. Заки тихонько проскользнул на кухню. Пруды и Демельза спали, а Джуд не спал и зевал во всю пасть, когда Заки зашел повидать Росса.

Росс занимался своими обычными делами - читал и напивался, чтобы заснуть. Он был еще не слишком сонным, чтобы выслушать историю Заки. Когда тот закончил, Росс встал и подошел к камину, повернулся спиной к огню, уставившись на коротышку.

- Чарли Барагванат с ним разговаривал?

- Ну разговором то не назвать. Так просто, проводили время, пока Рубен не выхватил у него пирожок и не убежал с ним. Он частенько ворует пирожки у парней.

- Голодный человек по-другому это воспринимает.

- Чарли сказал, он убежал в лес по эту сторону от Мингуза.

- Полагаю, стоит что-либо предпринять. Можем устроить облаву и выгнать его из берлоги. Просто вся загвоздка в том, что он пока не совершил ничего преступного. Не посадим же мы парня за то, что он безвредный дурачок. Но и ждать, пока он докажет обратное, тоже не хочется.

- Он, должно быть, хоронится в пещере, а может, и в старой шахте, - сказал Заки. - И живет, питаясь дичью из чьих-то лесов.

- Пожалуй, что так. Возможно, мне удастся убедить дядю сделать исключение и отдать приказ на его поимку.

- Если вы считаете, что мы поступаем правильно, - сказал Заки, - то народу понравится, если мы сами его поймем.

Росс покачал головой.

- Оставим это, как крайнюю меру. Утром повидеюсь с дядей и добуду ордер. Так будет лучше. А пока что проследи, чтобы Джинни не выходила одна.

- Да, сэр. Спасибо, сэр.

Заки собрался уходить.

- По поводу Джинни, тут еще кое-что может помочь, - произнес Росс. - Я тут подумал. Парень, который работает на меня, Джим Картер, похоже, сильно к ней привязан. Ты не знаешь, разделяет ли она его чувства?

Обветренное лицо Заки осветила ухмылка.

- Да оба они с одним заскоком, сэр.

- Не знаю, что ты там про него думаешь, но мне он кажется справным малым. Джинни семнадцать, а парню уже двадцать. Женитьба пойдет им на пользу, к тому же, возможно, исцелит Рубена от его замыслов.

Заки поскреб щетину на подбородке, издав резкий царапающий звук.

- Парень он без придури и мне нравится, спору нет. Но тут вся загвоздка в жаловании и жилье. В нашем доме еще одной семье не поместиться. А жалованья Джима едва ли хватит на оплату крыши над головой, не говоря уже о пропитании для двоих. Я собирался соорудить пристройку к коттеджу, но места почти нет.

Росс отвернулся и поворошил носком сапога поленья.

- Никто не может позволить себе платить слуге жалованье шахтера. Но в Меллине пустуют два коттеджа. Дохода они всё равно не приносят, и если Джим отремонтирует, то может поселиться в одном из них. Оплата аренды мне не нужна, пока Джим работает на меня.

Заки сморгнул.

- Никакой платы? Это уже меняет дело. Вы говорили об этом парню?

- Нет. Не мне указывать ему, как жить. Но можешь переговорить с ним, если пожелаешь.

- Сегодня же поговорю. Он ждет снаружи... Нет, подожду до завтра. Всё равно он заявится к нам, как часы, - Заки замялся. - Это очень благородно с вашей стороны. Не желаете ли повидать их завтра, тогда сами сможете сообщить им новость.

- Нет. Я ничего не сделал, просто мимоходом предложил. Будь добр, разберись с остальным сам.

Когда коротышка ушел, Росс набил трубку и вернулся к чтению. Табита Бетия запрыгнула ему на колени, и её не прогнали. Вместо этого Росс почесывал ей за ушком, читая книгу. Но прочитав страницу-другую Росс понял, что смысл от него ускользает. Он допил стакан, но не стал снова наполнять.

Сегодня Росс чувствовал себя праведником и не испытывал стыда. Лечь спать он решил трезвым.

***

В последние несколько недель дождливая погода оборвала все связи с Тренвит-хаусом. Росс не видел Верити с самого бала и чувствовал, что она его избегает, боясь упреков из-за дружбы с капитаном Блейми.

Наутро после визита Заки Росс под проливным дождем поскакал повидаться с дядей и с удивлением обнаружил там преподобного мистера Джонса. Кузен Уильям-Альфред, костлявая шея которого торчала над высоким воротником, оказался единственным обитателем зимней гостиной, когда миссис Табб провела Росса внутрь.

- Ваш дядя наверху, - сказал он, холодно, но твердо пожав Россу руку. - Скоро спустится. Надеюсь, вы в добром здравии?

- Да, благодарю вас.

- Хм, - критически добавил Уильям-Альфред. - Да. Я тоже так думаю. Выглядите лучше, чем во время нашей последней встречи. Нет ужасных мешков под глазами, если позволите так выразиться.

Росс решил пропустить это мимо ушей. Уильям-Альфред нравился ему своим бесстрастным благочестием, этот человек был столь искренним в своих убеждениях и образе жизни, что стоил трех политиканов вроде доктора Холса.

Росс осведомился о жене кузена и вежливо выразил свою радость, что состояние здоровья Дороти улучшается. В декабре Господь подарил им еще одну дочь, благословил еще одним агнцем. Затем Росс поинтересовался здоровьем обитателей Тренвит-хауса, гадая, не объяснит ли ответ присутствие здесь Уильяма-Альфреда. Но нет. Все были здоровы, ничего такого, что могло бы привести сюда Уильяма-Альфреда из самого Ститианса. Фрэнсис с Элизабет проводили неделю с Уорлеганнами в их сельском доме в Кардью. Тетушка Агата делала на кухне травяной чай. Верити была наверху.

- Вы проделали столь длинный путь в это малоприятное утро, - сказал Росс.

- Я приехал вчера вечером, кузен.

- Что ж, вечер был не лучше.

- Надеюсь отбыть сегодня, когда небо прояснится.

- В следующий раз можете проделать еще три мили и посетить Нампару. Могу предложить постель, хотя и не такие же удобства, что и здесь.

Уильям-Альфред выглядел польщенным. Он редко получал такие откровенные проявления дружелюбия.

- Благодарю вас. Непременно так и поступлю.

Вошел Чарльз Полдарк, пыхтя как кашалот, пока спускался по лестнице. Он продолжал набирать вес, а его ноги раздулись от подагры.

- О, Росс, вот ты и здесь, мальчик мой. Что случилось, твой дом унесло в море?

- Такое вполне возможно, если дождь не прекратится. Я отрываю вас от какого-то важного дела?

Дядя и кузен переглянулись.

- Вы ему не сказали? - спросил Чарльз.

- Я не мог так поступить без вашего разрешения.

- Что ж, продолжайте, продолжайте. Пфф! Это семейное дело, а он - член семьи, хоть и с причудами.

Уильям-Альфред повернул светло-серые глаза к Россу.

- Я приехал вчера не для того, чтобы нанести визит вежливости, а чтобы повидаться с дядюшкой Чарльзом по наиважнейшему для нашей семьи делу. Я некоторое время колебался, прежде чем вторгнуться в подобное дело, которое...

- Это касается Верити и капитана Блейми, - коротко объяснил Чарльз. - Будь я проклят, поверить не могу! И дело не в том, что девочке стоило бы...

- Вы ведь знаете, не так ли, - произнес Уильям-Альфред, - что кузина стала дружна с этим моряком, неким Эндрю Блейми?

- Я лишь знаю, что с ним встречался.

- Как и мы все, - взорвался Чарльз. - Он был на свадьбе Фрэнсиса!

- Тогда я ничего о нем не знал, - продолжал Уильям-Альфред. - В тот день я впервые с ним встретился. Но на прошлой неделе я услышал его историю. Зная, что он... что его имя связывают с кузиной Верити, я приехал сюда при первой же возможности. Естественно, сначала я удостоверился в тех сведениях, которые достигли моих ушей.

- Ну и что же это? - спросил Росс.

- Этот человек уже был женат. Он вдовец с двумя детьми. Возможно, вам это известно. Однако он также отъявленный пьянчуга. Несколько лет назад в пьяном угаре он ударил свою беременную жену, и она скончалась. Тогда он служил в военно-морском флоте, командовал фрегатом. Его лишили звания и посадили в тюрьму на два года. Когда его выпустили, то он несколько лет жил на подачки родни, пока не получил теперешнее назначение. Насколько я знаю, раздаются призывы бойкотировать пакетбот, которым он командует, пока компания его не уволит.

Уильям-Альфред завершил свою бесстрастную речь и облизал губы. В его тоне не было никакой враждебности, и это обстоятельство делало обвинения только хуже. Чарльз сплюнул через открытое окно.

- А Верити знает? - спросил Росс.

- Да, черт побери! - ответил Чарльз. - Мог ли ты такого от нее ожидать? Она знала уже больше двух недель. Говорит, что ей всё равно!

Росс подошел к окну, кусая палец. Всё это произошло, пока он занимался своими будничными заботами.

- Но ей не должно быть всё равно! - сказал он, словно бы самому себе.

- Она говорит, - критически заметил Уильям-Альфред, - что теперь он совсем не пьет.

- Да, - Росс помедлил. - Да, но...

- Боже ты мой, мы ведь все пьем! - снова взорвался Чарльз. - Для мужчины противостоестественно не пить. Пфф! Но мы не становимся убийцами, пропустив стаканчик. Толкнуть женщину в таком состоянии - это не заслуживает прощения. Не знаю, как ему удалось так легко отделаться. Его следовало бы вздернуть на собственной рее. Пьяный или трезвый - разницы никакой.

- Да, - медленно произнес Росс. - Я склонен с вами согласиться.

- Я не знаю, - протянул Уильям-Альфред, - входила ли в его намерения женитьба, но если так, как мы можем позволить столь нежной девушке, как Верити, выйти замуж за такого человека?

- Боже мой, конечно же нет! - воскликнул Чарльз, побагровев. - Только через мой труп!

- А как к этому относится она? - спросил Росс. - Она настаивает на своем желании выйти за него замуж?

- Она говорит, что он стал другим человеком. И надолго ли? Пьяница всегда остается пьяницей. Положение просто невыносимо! Она в своей комнате и останется там, пока не образумится.

- Этой зимой я сильно с ней сдружился. Я мог бы помочь, если бы с ней увиделся и обговорил положение дел.

Чарльз покачал головой.

- Только не теперь, мальчик мой. Возможно, попозже. Она упряма, вся в мать. И даже более, по правде говоря, хотя куда уж более. Но эту связь нужно разрушить. Я безумно ей сочувствую, у нее не так уж много воздыхателей. Но я не позволю какому-то избивающему жен подлецу возлежать рядом с моей плотью и кровью. На этом всё.

Вот так во второй раз этой весной Росс покинул Тренвит, так и не сделав ничего из того, что собирался.

При мысли о несчастье Верити он чувствовал беспокойство и неловкость. Хорошо же Чарльзу говорить "На этом всё", но он знал Верити гораздо лучше ее собственных отца и брата. Она с трудом привязывалась к людям, но и разрушить такую привязанность было трудно. Росс не был даже уверен, что запрет Чарльза сможет разрушить эту. Вполне могло так получиться, что Верити всем наперекор выйдет за Блейми, и лишь тогда эта привязанность будет разрушена.

И это была самая худшая перспектива.

Глава одиннадцатая

- Всё готово, Джим?

Прошла неделя, они встретились на конюшне. Джим Картер безуспешно пытался выразить благодарность. Уже два или три раза он пытался выразить свою мысль, но язык не желал ворочаться. Теперь он наконец-то выдал:

- Этого я хотел больше всего на свете. Даже и не надеялся, и не мечтал. И за всё это спасибо вам.

- А, чепуха, - ответил Росс. - Не приписывай причину своего счастья никому другому. - Вечером скажи Заки, что выписали ордер на арест Клеммоу. Как только его обнаружат, мы сразу отправим его в такое место, где он охладит свой пыл.

- Это я за коттедж благодарствую, - настаивал Джим, теперь он уже не мог остановиться. - Вот в чем всё дело. Понимаете, если бы мы не надеялись...

- И на чем вы порешили? - прервал Росс поток его благодарностей. - Коттедж Рубена или соседний?

- Соседний, тот, что рядом с Джо и Бетси Триггами. Мы решили, сэр, что для вас всё одно, а в рубеновский коттедж нам неохота. Он выглядит совсем дрянным, ну вы понимаете. А другие - почище, после пяти лет-то. Оспа давно оттуда выветрилась.

Росс кивнул.

- И когда вы поженитесь?

Джим вспыхнул.

- Объявим в следующее воскресенье. Я едва могу... Нынче вечером начнем чинить крышу, если погода прояснится. Там особо и делать-то нечего. Джинни так хочет прийти и вас поблагодарить!

- О, в этом нет нужды, - встревоженно произнес Росс. - Я вас проведу, когда вы устроитесь.

- И уж как мы будем рады, - выдавил Джим, - когда встанем на ноги, платить за аренду... просто чтобы показать...

- Не нужно, пока ты на меня работаешь. Но хорошо, что об этом подумал.

- Джинни надеется пока остаться на шахте, хотя бы для начала. Два моих брата теперь себя обеспечивают, так что маме моя помощь без нужды. В общем, думаю, всё получится...

Росс чихнул и отвлекся, и тут заметил, что Демельза пересекает двор с грудой дров в переднике. Шел дождь, а она была без шляпы. Позади нее с достоинством французского пуделя вышагивал подросток Гаррик - высокий и нескладный, с редкими черными кудряшками и без хвоста. Россу хотелось засмеяться.

- Демельза, - позвал он.

Она тут же остановилась и выронила одно полено. Она не видела, откуда раздался голос. Росс выступил из сумрака конюшни.

- Ты не пускаешь Гаррика в дом?

- Нет, сэр. Не дальше двери. Он просто идет со мной за компанию. Уж так он мучается, что не может войти.

Росс подобрал полено и положил его обратно к куче в ее руках.

- А он мог бы войти хотя бы на кухню, если тоже избавится от вошек? - спросила она.

- От вошек?

- Ну да, сэр. Тех, что ползают в волосах.

- О, - ответил Росс. - Сомневаюсь, что такое произойдет.

- Я его каждый день тру, сэр.

Росс осмотрел пса, усевшегося, чтобы почесать задней лапой за болтающимся ухом, а потом снова встретился взглядом с Демельзой.

- Я рад, что Пруди так хорошо тебя наставляет. И думаю, что его цвет чуть посветлел. Ему нравится мытье?

- Господи Иисусе, нет! Извивается, как сардина.

- Хм, - сухо произнес Росс. - Что ж, приведи его ко мне, когда посчитаешь достаточно чистым, тогда я и решу.

- Да, сэр.

В дверях появилась Пруди.

- Ах, вот ты где, глиста чернявая! - сказала она девушке, а потом заметила Росса. На ее сияющем пунцовом лице промелькнула робкая улыбка. - Тут мисс Верити, сэр. Я как раз вас позвать собралась.

- Мисс Верити?

- Ага, только вошла. Я и побежала, чтоб вам-то сказать. Уж так торопилась, ей-богу не вру.

Росс нашел Верити в гостиной. Она сняла серый плащ с отороченным мехом капюшоном и вытирала с лица следы дождя. Подол ее платья потемнел от дождя и был забрызган грязью.

- О, дорогая, - сказал Росс. - Вот так сюрприз. Ты шла пешком по такой погоде?

Под загорелой кожей её лица просвечивала нездоровая желтизна, а под глазами пролегли темные круги.

- Я пришла повидаться с тобой, Росс. Ты поймешь лучше других. Я пришла из-за Эндрю.

- Садись, - сказал он. - Прикажу принести тебе эля и кусочек миндального кекса.

- Нет, я ненадолго. Я... выскользнула из дома. Ты ведь приезжал к нам в прошлый вторник? Когда там гостил Уильям-Альфред.

Росс кивнул и подождал, пока она продолжит. Верити задыхалась, то ли от спешки, то ли от нахлынувших чувств. Росс хотел сказать что-нибудь утешительное, но не нашел нужных слов. Жизнь зажала его милую малышку Верити в тиски.

- Они тебе рассказали?

- Да, дорогая.

- И что именно?

Он пересказал всё, что смог припомнить из речи Уильяма-Альфреда. Когда Росс закончил, Верити подошла к окну и стала выщипывать мокрый мех из муфты.

- Он ее не ударил, - сказала она. - Это ложь. Она просто ее оттолкнул, а она упала и умерла. А остальное... остальное правда.

Росс уставился на струйки воды, бегущие по оконному стеклу.

- Не могу выразить, как мне жаль.

- Да, но... Они хотят, чтобы я его бросила, чтобы обещала никогда больше с ним не видеться.

- А ты не считаешь, что это может быть к лучшему?

- Росс, я люблю его.

Он не ответил.

- Я не ребенок, - сказала Верити. - Когда он мне рассказал, это было на следующий день после бала, мне было так плохо, так жаль его. Я не могла спать, не могла есть. И поскольку я услышала эти чудовищные вещи от него, то не могла надеяться, что это неправда. Отец так меня и не понял, он считает, что меня это не ужаснуло. Конечно же, ужаснуло. Настолько, что я два дня провела в постели в горячке. Но из-за этого... из-за этого я не перестала его любить. Да и как это возможно? Человек влюбляется, к добру ли или к худу. Ты сам это знаешь.

- Да. Я это знаю.

- И зная его, зная Эндрю, было почти невыносимо в это поверить. Просто ужасно. Но нельзя повернуться к правде спиной. Нельзя отмахнуться от нее или молиться, чтобы этого не было, или жить, как будто этого не было. Он это сделал. Я снова и снова твердила себе то, что он сделал. И это повторение не убило мою любовь, а убило мой ужас. Убило мой страх. Я сказала себе: он это сделал и заплатил за это. Разве этого недостаточно? Нужно ли осуждать человека на веки вечные? Как я могу ходить в церковь и повторять молитвы Господу, если я в это не верю, если нет прощения? Неужели наше собственное поведение чище, чем у основателя христианства, так что мы вправе устанавливать более высокие стандарты для других?

Она говорила быстро и страстно. Это были аргументы любви, выкованные в тиши её спальни.

- Нынче он больше не притрагивается к спиртному, - довольно жалко закончила она.

- Думаешь, так и будет продолжаться?

- Уверена в этом.

- И что ты намерена делать?

- Он хочет на мне жениться. Отец мне запрещает. Мне остается лишь пойти ему наперекор.

- Он может применить силу, - сказал Росс.

- Я уже совершеннолетняя. Они меня не остановят.

Росс прошел через комнату и подбросил в очаг еще одно полено.

- А Блейми встречался с Чарльзом? Если бы они поговорили...

- Отец не собирается с ним встречаться. Это так... несправедливо. Отец пьет. Фрэнсис играет. Они не святые. Но когда человек совершает то, что сделал Эндрю, они осуждают его, даже не выслушав.

- Таков мир, моя дорогая. Джентльмен волен напиваться, пока может удержать бокал или если соскользнет с ним под стол. Но когда человека отправляют в тюрьму за то, что сделал Блейми, общество не готово простить его и всё забыть, несмотря на то, что так предписывает религия. Разумеется, другие мужчины не готовы вверять своих дочерей заботе такого человека, потому что их тоже может ожидать подобного рода обращение, - Росс помедлил, подбирая слова. - Я склоняюсь согласиться с таким отношением.

Верити мгновение смотрела на него полным боли взглядом, а потом пожала плечами.

- Так значит, ты на их стороне, Росс.

- Что касается принципов, то да. А чего ты от меня хочешь?

Она подобрала мокрый плащ и, опустив на него глаза, тербила пальцами.

- Я не могу тебя ни о чем просить, раз ты так настроен.

- Нет, можешь, - Росс подошел к ней и забрал плащ, встав рядом у окна и прикоснувшись к ее руке. - Моя зима закончилась, Верити. Как и многое другое. Не знаю, пришел бы этот конец без тебя. Вряд ли. Если пришла твоя зима, могу ли я отказаться помочь из-за другого понимания принципов? Я пока не примирился с мыслью, что ты выйдешь замуж за Блейми, но только потому, что я забочусь о твоём благополучии. Это не значит, что я не стану помогать всем, чем смогу.

Некоторое время Верити не отвечала. Внезапно его охватил приступ презрения к самому себе за всё, что он только что сказал. Предложенная помощь была слабой и робкой. Либо ты всей душой выступаешь против этих отношений, либо помогаешь без каких-либо задних мыслей, не создавая впечатления, что делаешь это неохотно и неодобрительно.

Очень непросто. Первое было невозможно из-за их близкой дружбы, а второе противоречило его суждениям, поскольку не поддерживалось никакими личными привязанностями или убеждениями, за исключением веры в кухню.

Но этого маловато. Непростой выбор, но он должен более четко предвидеть последствия. Как поступила бы на его месте Верити?

Росс выпустил ее руку.

- Забудь, что я сказал. Речь не идет о моем неодобрении. Я сделаю всё, что ты пожелаешь.

Она вздохнула.

- Видишь ли, я пришла к тебе, потому что больше не к кому. Элизабет меня понимает, но не может открыто выступить против Фрэнсиса. Да я и не думаю, что она этого хочет. И еще я

подумала... Благодарю тебя.

- Где теперь Эндрю?

- В море. Он не вернется еще по меньшей мере две недели. А когда приплывет... Думаю, я бы могла написать ему, что мы встретимся здесь...

- В Нампаре?

Она посмотрела на Росса.

- Да.

- Хорошо, - тут же ответил он. - Дай мне знать за день, и я всё подготовлю.

Ее губы задрожали, выглядела она так, словно вот-вот расплачется.

- Росс, дорогой, я и правда сожалею, что впутала тебя в это. Хватает и... Но мне не пришло в голову...

- Чепуха. Мы не в первый раз устраиваем заговор. Послушай, тебе стоит прекратить об этом волноваться. Иначе он не пожелает тебя видеть, когда вернется. Чем меньше ты будешь беспокоиться, тем лучше всё сложится. Отправляйся домой и возвращайся к обычной жизни. Покажи всем, что им не о чем тревожиться, и тебе будет легче это перенести. Бог свидетель, у меня нет права читать проповеди, но это всё равно хороший совет.

- Уверена в этом, - она снова вздохнула и приложила ладонь к усталому лицу. - Если бы я могла приходить сюда и разговаривать с тобой, это помогло бы мне гораздо сильнее, чем ты можешь себе представить. Весь день проводить наедине со своими мыслями, в окружении враждебных людей... Да просто поговорить с кем-нибудь понимающим, это как...

- Приходи, когда пожелаешь. И так часто, как пожелаешь. Я всегда здесь. Будешь рассказывать обо всем, что происходит. Я принесу тебе выпить чего-нибудь горячего, пока Джуд седлает Брюнетку. А потом отвезу тебя обратно.

Глава двенадцатая

Джим Картер и Джинни Мартин обвенчались в час дня в последний июньский понедельник. Бракосочетание провел преподобный мистер Кларенс Оджерс, чьи ногти были черны после посадки лука. Преподобный заставил собравшихся прождать несколько минут, пока он облачался в свое одеяние, решив, что такая пауза вполне приличествует обряду бракосочетания и пойдет только на пользу.

И вот он начал:

- Возлюбленные мои, мы собрались здесь, пред лицом Господа нашего и всей его паствы, хм-хм-хм, чтобы соединить этого мужчину и эту женщину священными узами брака; что есть, хм-хм-хм-хм-хм-хм, священный союз, хм-хм, осознавая все те причины, по которым сотворен священный брак. А сотворен он с целью рождения детей и воспитания их в страхе Божиим. Сотворен он как оплот против греха, хм-хм-хм-хм-хм-хм, чтобы оградить нас от прелюбодеяния, хм-хм, дабы остаться неоскверненными членами тела Христова. Сотворен, чтобы имели мы товарища, помощь и утешение, хм-хм-хм-хм-хм-хм-хм-хм, в радостях и невзгодах, хм-хм-хм-хм-хм, или же молчит

об этом отныне и навсегда.

- Я требую от вас обоих и настаиваю мня-мня-мня...

Волосы Джини цвета меди расчесали так, что они блестели под самодельной белой муслиновой вуалью, ладно сидевшей на её головке.

Джим нервничал и несколько раз промедлил с ответами. Он слегка смущался от собственного великолепия, поскольку Джинни купила ему у разносчика яркий синий платок, а он прикупил поношенный сюртук, почти как новый, темно-синего цвета с яркими пуговицами. Скорее всего, он станет его парадным сюртуком на следующие двадцать лет.

- ...и жить согласно законам; во Иисусе Христе, Господе Нашем, аминь. Что Господь сочетал, то человек да не разлучает. Поскольку Джеймс Генри и Дженнифер Мэй согласились соединить свои жизни узами святого брака и засвидетельствовали ...хм-мня... дайте...мня-мня-мня...кольцо... руки... я объявляю Вас мужем и женой. Во имя Отца, Сына и Святого Духа. Аминь.

Мистер Оджерс вскоре вернулся к своему луку.

Праздничный обед для всех желающих устроили в коттедже Мартинов. Росса тоже пригласили, но он сослался на неотложные дела в Труро, понимая, что гости в его отсутствие будут веселиться свободней.

Поскольку, помимо невесты, Мартинов насчитывалось одиннадцать, а Картеров, не считая жениха, шесть, места для гостей были ограничены. Старина Грит трясся и кряхтел в углу возле камина, компанию ему составляли Джо и Бетси Тригги. Присутствовали Марк и Пол Дэниэлы, а также миссис Пол и Мэри Дэниэлы. Уилл Нэнфан с миссис Нэнфан были посаженными отцом и матерью невесты; Джуд Пэйнтер потратил полдня на то, чтобы сюда добраться, Пруди не позволила прийти мозоль; даже Нику Вайгасу с женой удалось каким-то образом проскользнуть; но им всегда удавалось проскользнуть, когда дело касалось дармового угощения.

Комната была так переполнена гостями, что детям пришлось сидеть на полу, а ребятшек от девяти до шестнадцати лет усадили по двое на деревянной лестнице, ведущей в спальню.

- Пряма, как зверушки в ковчеге, - добродушно сказал им Джуд.

Деревянная скамейка, на которой Джим с Джини коротали тихие, темные вечера, удостоилась чести стать свадебной скамьей, где, словно пара голубков, на виду у всех гостей восседали молодожены.

Праздничные кушанья представляли собой смесь блюд, способных вызвать не только аппетит, но и несварение желудка. Однако под рукой имелись щедрые запасы портвейна и домашней медовухи, чтобы запить еду и сделать сообщество в желудке еще более взрывоопасным.

Когда праздничная трапеза закончилась, Заки произнес речь, а Джим поблагодарил гостей за добрые пожелания. Джинни же покраснела и наотрез отказалась говорить. Даже при распахнутой двери воздух в комнате стал нестерпимо горячим и душным, и гости начали задыхаться. Малыши стали капризничать, а детки постарше притомились от тяжелой еды и нехватки воздуха. Тогда женщины и дети вышли наружу, оставив мужчин в комнате. Теперь те могли вытянуть ноги, закурить трубки или нюхнуть табаку, свободней распивать свой портвейн и джин и довольно вести беседу про то, как на сто двадцатом уровне в забой просочилась вода

или о шансах на уловистый сезон сардин.

Приготовления мужской половины общества к завершению празднества на свой манер вызвали неудовольствие миссис Мартин и миссис Пол Дэниэл. Однако Заки, невзирая на то, что пару лет назад обрел Господа на одном из религиозных собраний в Сент-Агнесс, отказывался расстаться со спиртным, и его примеру следовали другие.

Портвейн был дешевым пойлом, которое Заки купил по три шиллинга шесть пенсов за галлон, а вот джин - первосортным. Тихим сентябрьским вечером собравшаяся здесь восьмерка отправилась на куттере из Сола в Роскофф, и среди товара, привезенного ими обратно, лежали два больших бочонка превосходного джина. Один бочонок они тотчас же распили, а второй решили приберечь для праздничной поры. Так что Джуд Пэйнтер, один из восьмерки, припрятал бочонок, опустив его в прохудившийся бак для сбора дождевой воды возле оранжереи в Нампаре, где тот мог лежать вдали от назойливых глаз сборщиков податей. Там он и хранился всю зиму. Сегодня же Джуд Пэйнтер с Ником Вайгасом принесли его ради такого случая.

Пока женщинам, по большей части не допускавшимся в новый дом, показывали окрестности, а выводок детей следовал за ними по пятам, мужчины готовились напиться до состояния приятной расслабленности.

- Поговаривают, - прозвучал тонкий ровный голос Ника Вайгаса поверх его кружки, - что все шахты надолго закроют. Поговаривают, что человек по имени Рэйби скупил все крупные отвалы в графстве, и есть подозрение, что он сможет обогатить всю пустую породу и обеспечить Англию на сто лет вперед.

- Неужели это возможно, - сказал Уилл Нэнфан, втянув свои большие плечи.

Заки глотнул джин из своей кружки.

- Чтобы дела стали хуже, чем сейчас, даже этого не потребуется. Объединенные шахты Святого Дня в прошлом году показали убыток в восемь тысяч фунтов, и одному Богу известно, что покажет Грамблер, когда подсчитают в следующий раз. Но это не подходящий разговор для свадебного пира. У нас есть свои участки и дома, и деньжата водятся. Возможно, не столько, сколько бы следовало, но тут куча напившегося в стельку народа, готового к переменам...

- Ужасно странный джин, Заки, - сказал Пол Дэниэл, вытирая усы. - Отродясь такого не пробовал. Или, может, лишь разок... может, разок...

- Ну, - ответил тот, облизывая губы, - если бы я так не увлекся разговором, то подумал бы то же самое. Теперь вспоминается, у него вкус как... как...

- Как у скипидара, - дополнил Марк Дэниэл.

- Ужас как дерет, - сказал старик Грит, - ужас как дерет. Но в дни моей молодости считалось, что стаканчик джина должен драть горло. Так считалось. Когда я в шестьдесят девятом искал медь на Верхнем озере, была там лавчонка, которая продавала пойло, от которого прям кожа с рук слезала.

Джо Триггу, самому старшему из присутствующих, дали кружку джина. Все наблюдали за ним, следили за выражением его морщинистого старого лица с опущенными бакенбардами. Тот поджал губы, громко чмокнул, отпил снова и опустил пустую кружку.

- И близко не так хорош, как тот, что мы привезли из Роскофа в прошлом сентябре, - прорычал он приговор.

- Но это он и есть, - воскликнули двое или трое.

Наступило секундное молчание.

- Другой бочонок, - произнес Джуд. - По мне так вкус нормальный, но не такой выдержанный. Вот что не так. Надо было подержать его еще подольше. Как старая корова дядюшки Небби, - он забормотал про себя песенку:

- Жили-были старик со старухой, и были они бедны, твидли, дидли, дудли, ди...

Казалось, ужасное подозрение неожиданно ударило каждому в голову. Все молча уставились на Джуда, который продолжал напевать, стараясь не выдать беспокойства.

В конце концов песенка закончилась.

- Уж больно это странно, - тихо сказал Заки, посмотрев на свой стакан, - что у двух бочек джина такой прям-таки противоположный вкус.

- Ну ооочень странно, - согласился Пол Дэниэл.

- Чертовски странно, - сказал Марк Дэниэл.

- Неужто нас надули? - предположил Джуд, явив два больших зуба в неубедительной улыбке. - Эти хранцузы вонючие, как крысиное гнездо. Нельзя им доверять, не больше, чем на плевок. Никто не заставит меня повернуться спиной хоть к одному из них. Стоит только к такому спиной повернуться, а он раз и с ножом - хрясь! И ты уже копыта отбросил.

- Разве Жан Лутте кого-нибудь еще надул? - покачал головой Заки.

- Он всегда с нами честен, - сказал Уилл Нэнфан.

Заки потер подбородок, и, казалось, пожалел, что побрился утром.

- Он сказал мне, что это бочки с хорошимджином, и обе одного разлива. Вот что ооочень странно. Обе одного разлива. Мне кажется, кто-то вскрыл эту. Интересно, кто бы это мог быть?

- Меня терзают смутные подозрения, - сказал Марк Дэниэл, уже выпивший три пинты портвейна и готовый приступить к напитку посерьезней.

- Да что толку терзаться, - сказал Джуд, потея. - Я тут ни при делах. Нету никаких доказательств. Никто не может сказать, чья это вина. Любой мог это сделать - если вообще кто-то сделал, в чем я сомневаюсь. Но подозреваю энтих хранцузов. Никогда не доверяй хранцузикам, помяните мое слово. Тот хранцузик в Роскофе, выглядел-то он молодцом, да и речи вел сладкие, но верно ли поступал? В глаза-то он, может, и глядит как христианин, ну и чё с того? Только то, что он двуликий, как и прочие, и даже поболее.

- Когда я был забойщиком, - настойчиво проговорил старик Грит, - около деревушки Сол имелось немного хорошего джина, где жила тетушка Тэмсин Нанпаскер. Та, что очоурилась в пятьдесят восьмом, свалившись в шахту, вот она делала хорошее пойло. Неудивительно, когда...

- И я хорошо помню старую тетку Тэмсин, - неосторожно сказал Ник Вайгас. - Она однажды проехала верхом на старой свиноматке по Стиппи-Стаппи-лейн, мы все - еще мелкие - бежали позади. Обычное зрелище. Немного пошла старой тетушки Тэмсин пришлось...

- Черт побери! - взревел Марк Дэниэл. - Если таперича мне всё не стало понятно! Вот где я попробовал это раньше. Это пошло Ника. Это все проделки Ника! Мы подозреваем не того. Вспомните только, какую отраву варит Ник Вайгас - у него оконце в кухне - черт знает, что он там продавал тем бедолагам, которые сорили деньгами на последней ярмарке в Михайлов день! Он кличет это джином, вспомните же. И это почти тот же самый вкус или его брат-близнец.

- Так и есть, - согласился Уилл Нэнфан. - Да, точно. Божья истина, ибо я сам выпил и лучше бы я этого никогда не делал. Все кишки свернуло, завязало прям в морской узел. Ник Вайгас нас надул!

Хитрое, изрытое оспинами лицо Вайгаса покрылось бурыми пятнами, когда на него устремились обвиняющие взгляды. Марк Дэниэл хлебнул еще раз, чтобы убедиться, затем подошел к окну и выплеснул содержимое кружки на грядку с овощами.

- Вот ведь дрянь, та же чертовщина, разрази меня гром. Ник Вайгас, ты отвратительный мерзкий лжец, и настало время преподать тебе урок.

Он начал закатывать рукава, обнажив свои большие волосатые ручища.

Ник попытался, но Пол Дэниэл отрезал ему путь к двери. После короткой борьбы Марк Дэниэл крепко схватил Вайгаса и перевернул его, поставив на голову.

- Да не моих это рук дело, - завопил Ник. - Джуд Пэйнтер всё это устроил! Джуд Пэйнтер пришел ко мне на прошлой неделе и сказал, он сказал...

- Не верьте ни единому его слову! - громко рявкнул Джуд. - Все знают, человек я честный и не привык играть с правдой. Но Ник, вы ж знаете, это ж просто врун из врунов. Даже мать родную продаст с потрохами, чтобы спасти свою шкуру. Вы все знаете ...

- Тряхни-ка его Марк, - произнес Заки. - Мы вскоре докопаемся до правды.

- Так вот, приходит Джуд ко мне на прошлой неделе и говорит: "Эй, парень, не можешь ли нагнать нам джину? Видишь ли, бочонок, который я приберегал, прохудился, и весь джин убежал". Поставь меня на ноги, Марк, или матью клянусь...

Марк же покрепче перехватил свою жертву в поясице и натужным усилием придавил брыкающиеся ноги Ника к потолочным балкам.

- Ну же, давай, дорогуша, - нежно произнес он. - Не тяни, иначе умрешь без отпущения грехов.

- И говорит он, значит, мне, что весь джин вытек, из-за того, что крысы прогрызли дыру в бочонке, ай-ай... И он, мол, не хочет вас расстраивать, и не могу ли я, мол, сделать ...

- Хватай его, Пол! - прокричал Уилл Нэнфан, когда Джуд Пэйнтер, как поджавший хвост бульдог, попытался незаметнолизнуть.

Они поймали его уже в дверях и после долгой борьбы и проклятий продолжили допрос, когда Дэниэл и Уилл Нэнфан вернулись с Джудом.

- Это неправда! - завопил Джуд, шепелявя от возмущения. - Не на ту дверь лааете, ребята. Вы что, ставите мое слово против его? Нечестно. Несправедливо. Совсем не по-британски. Хотите правды, так я клянусь, что он сам умыкнул половину бочонка. Вы ж знаете, я ни в жисть бы вас не ограбил...

- Если половину умыкнул я, то вторую упер ты, - услышался голос перевернутого Вайгаса.

- Пустите меня к нему! - выругался Джуд, внезапно начавший вырываться. - Я штаны с него спущу. Пустите меня, я ему наподдам. Вы трусы - двое на одного! Пустите меня. Драка один на один, трусы. Прочь свои лапы, не то как дам, я вам покажу...

- Обожди немного, и я сам тебе наподдам, - прогудел Марк Дэниэл. - Один на один, как ты просил. Прочь с дороги, ребята.

Он понес по-прежнему перевернутого Ника Вайгаса к двери. К несчастью, в это самое мгновение у дверей показалась группа женщин во главе с миссис Вайгас, которые вышли из соседнего коттеджа, услышав шум. Увидев своего мужа в столь непривычном положении, мисс Вайгас с пронзительным воплем метнулась к нему на помощь. Но Марк отмахнулся от нее и понес Ника к коттеджу Джо и Бетси Триггов. За ним находился мутный зеленоватый пруд, в который стекали нечистоты. После исчезновения Рубена Клеммоу пальма первенства как главного источника смрада во всей округе перешла именно к нему.

У кромки воды Марк резко приподнял полузадохшегося Ника, схватил его за задницу и бросил мордой в середину пруда.

Марк сделал глубокий вдох и поплевал на руки.

- Теперь второй, - объявил он.

Вскоре участь Вайгаса разделил и Джуд Пэйнтер.

***

Когда тем вечером в надвигающихся ветреных сумерках Росс возвращался домой из Труро, он думал о двух молодых людях, начинающих совместную жизнь. Если бы шахта открылась, он смог бы предложить Джиму работу на поверхности, возможно, в конторе, предоставив ему лучшие возможности.

Сегодня он ездил разбираться с Уил-Лежер. Купив кое-что для дома (муку и сахар, горчицу и свечи, льняное полотно для полотенец, новую пару сапог для верховой езды, щетку и гребень), он заехал к мистеру Натаниэлю Пирсу, нотариусу.

Мистер Пирс, как обычно несдержанный, раскрасневшийся и распухший от подагры, сидел в кресле, вороша поленья в камине длинной железной палкой для штор, и слушал с интересом.

Что ж, прекрасно, как это мило, от такого предложения невозможно отказаться, говорил мистер Пирс. Потом он прихлопнул вошь под париком, а его взгляд преисполнился любопытства. Что, капитан Хеншоу вкладывает собственные деньги? Дорогой мой, репутация капитана Хеншоу ценится во всей округе. Что ж, любезный сэр, говоря как бедный нотариус, он лично имеет мало свободного капитала, но, как и предположил капитан Полдарк, среди его клиентов найдется определенное число тех, кто всегда в поиске хороших спекулятивных инвестиций. Он желает обдумать этот вопрос и посмотрит, что можно сделать.

Дело продвигалось медленно, но продвигалось, и всё с большим ускорением. Через пару месяцев они могут пробить первую штольню.

Пока он вел кобылу на конюшню и расседывал ее, Росс размышлял, стоит ли предложить долю Чарльзу и Фрэнсису.

Росс ехал домой довольно быстро, чтобы добраться засветло, и Брюнетка пыхтела и покрылась потом. Она вела себя беспокойно и никак не желала стоять смирно, пока он ее вытирал.

Кстати, и другие лошади тревожились: Рамут дергал стариковской головой и ржал. Росс подумал, уж не змея ли попала в конюшню, или, может, лисица на сеновале наверху. Бледный прямоугольник двери еще впускал в конюшню немного света, но в тени Росс ничего не мог разглядеть. Он потрепал Рамута по мягкой стариковской морде и вернулся к своему делу. Закончив, он задал Брюнетке корм и собирался уже уходить.

Около двери находилась лестница, ведущая на сеновал, где раньше спал Картер. Когда Росс взглянул вверх, что-то промелькнуло мимо его головы, нанеся чувствительный удар по плечу. Он с глухим звуком шлепнулся на колени, в солому, но быстро поднялся и заковылял к двери, вышел наружу и привалился к ней спиной, держась за плечо.

На несколько секунд от боли у него закружилась голова, но боль начала отступать. Росс ощупал плечо и решил, что кости не сломаны. Ударивший его предмет валялся на полу внутри конюшни. Он понял, что это, и именно по этой причине так быстро выбежал наружу.

Это был железный бур, в последний раз он видел его в руках Рубена Клеммоу.

***

Когда Росс вошел, все сидели на кухне. Демельза пыталась заштопать прореху на юбке с помощью большой согнутой иглы и суровой нитки. Джуд откинулся на спинку стула с выражением терпеливого страдальца на той стороне лица, которую не закрывала широкая повязка. Пруды пила чай.

- Ой, капитан Росс, - дрожащим и слабым голосом произнес Джуд, - мы и не слышали, как вы приехали. Мне что, лошаденку-то принять?

- Я сам с этим справился. Почему ты так скоро вернулся со свадьбы? И что с твоим лицом? Пруды, погоди с ужином еще десять минут, мне нужно кое-что проверить.

- Свадьба закончилась, - сказал Джуд. - Паршивая свадьба вышла, худшей я в жизни не видал. Никого кроме Мартинов и Картеров, всей их долбаной оравы, да еще всякий сброд с шахт. Я о Заки был лучшего мнения, а он позвал такой сброд. Я-то сам был...

- Что-то не так, сэр? - спросила Демельза.

- Не так? - уставился на нее Росс. - Нет, с чего бы вдруг?

- А на обратном пути, - продолжил Джуд, - прямо у Уил-Грейс, я навернулся об камень и грохнулся.

Но Росс уже прошел в дом.

- Ты бы лучше попридержала язык, когда он в таком настроении, - сурово буркнул Джуд

Демельзе, - а то, чай, не один твой отец горазд затрещины-то раздавать. А перебивать старших - это вообще дурной тон.

Демельза посмотрела на него широко открытыми глазами, но не ответила.

Росс не увидел своего ружья в гостиной, но нашел его в спальне. Он тщательно его зарядил и оттянул курок, поставив его на полувзвод. Дверь конюшни он запер на задвижку, так чтобы оттуда нельзя было выбраться. Он чувствовал себя так, словно загнал в угол бешеную собаку.

В сгущающейся темноте он зажег штормовой фонарь и на сей раз покинул дом через переднюю дверь и обогнул здание, чтобы добраться до конюшни. Лучше не оставлять его там надолго, а то причинит вред лошадям.

Он тихо отодвинул засов и переждал порыв холодного воздуха, перед тем как поднять щеколду. Потом распахнул дверь, вошел, поставил фонарь подальше от сквозняка и шагнул в тень, к стойлам.

Почуввав его появление, Брюнетка заржала, порыв ветра разметал сено и листья, летучая мышь улетела подальше от света, и настала тишина. Железяка исчезла.

- Рубен, - позвал Росс. - Выходи. Хочу с тобой поговорить.

Ответа не последовало, да он и не ожидал. Слышалось шелестение крыльев летучих мышей, кружащихся в темноте. Росс шагнул дальше.

Когда он добрался до второй лошади, то ему показалось, что он расслышал какое-то движение за спиной. Росс резко обернулся, поднимая мушкет. Но там ничего не было. Теперь он пожалел, что не взял фонарь с собой, поскольку его тусклый свет не достигал этой глубокой тени.

Сквайр внезапно дернулся, гулко стукнув по полу копытами. Лошади понимали - происходит что-то не то. Росс подождал минут пять в напряжении, осознавая, что это проверка его терпения - кто дрогнет первым. Он был в себе уверен, но пока шло время, эта уверенность подстегивала его двигаться дальше. Возможно, Рубен со своим оружием отошел вглубь, к сеновалу. Там он мог затаиться в надежде провести ночь.

Росс услышал, как из дома вышел Джуд и пошлепал по камням. Поначалу он решил, что Джуд двигается к конюшне, но потом услышал, как тот вошел в расположенный рядом сортир. Теперь он вернулся обратно в дом, и дверь захлопнулась. В конюшне по-прежнему никакого движения.

Росс развернулся, чтобы пойти за фонарем, и как только он это сделал, за его спиной ручной бур со свистом рассек воздух и врезался в перегородку, у которой только что стоял Росс. Дерево расщепилось, а Росс повернулся и выстрелил прямо в появившуюся из темноты фигуру. Что-то ударило его по голове, и фигура метнулась к двери. Как только силуэт приобрел четкие контуры, Росс снова спустил курок. Но на сей раз порох не воспламенился, и пока он сумел снова взвести курок, Рубен Клеммоу исчез.

Росс побежал к двери и высунулся наружу. Фигура двигалась по яблоневому саду, и он разрядил в нее второй ствол. Потом стер со лба струйку крови и повернулся к дому, откуда в тревоге высыпали Джуд, Пруди и Демельза.

Росс был зол и разочарован из-за того, что Рубену удалось удрать, даже несмотря на то, что его наверняка утром схватят.

Теперь ему трудно будет не оставить следов.

Глава тринадцатая

На рассвете он шёл по следу пятен крови, оставленных Клеммоу; но прямо перед Меллином пятна повернули на север, к песчаным холмам, и след затерялся. В последующие несколько дней о Клеммоу никто не слышал, и самое разумное объяснение сводилось к тому, что он залёт в песчаной пустоши, где и умер от слабости и потери крови. Наконец-то от него избавились, и вопросов никто не задавал. Тот факт, что он вообще когда-либо возвращался, остался секретом четырех обитателей Нампары и Заки, которому Росс всё рассказал.

Тем летом дом в Нампаре редко обходился без цветов. В том была заслуга Демельзы. Теперь, когда страх, что её похитят и вернут домой, где её избивали, исчез, она всегда вставала на рассвете и в сопровождении лениво семенящего следом Гаррика бродила по полям и тропинкам. Возвращалась она с огромным букетом полевых цветов, который неизменно оказывался в гостиней.

Пруди пыталась отучить её от этой привычки, потому что в обязанности судомойки не входило украшать дом; но Демельза продолжала приносить цветы, и в итоге её упрямство взяло верх над безвольной Пруди. Иногда это был букет из таволги и дрёмы, а иногда охапка наперстянки или смолёвки.

Если Росс и замечал их, то ничего не говорил.

Демельза походила на дикарку, которая четырнадцать лет носила шоры, сужающие её мировоззрение до крошечного круга домашних дел и самых основных нужд; первые девять лет она неотрывно находилась рядом с матерью, сталкиваясь с бесконечной чередой болезней, плохого обращения, бедности и родов, а последние пять лет - всё то же самое, кроме родов. Неудивительно, что теперь развивалось не только её тело, но и мышление. За четыре месяца она выросла на дюйм, а интерес к цветам символизировал расширение кругозора.

Ей понравилось причёсываться и собирать волосы в хвост, порой она так их и носила, благодаря чему лицо оставалось открытым. Она была симпатичной девочкой с чистой, здоровой кожей, очень развитой мимикой и умными, честными глазами. Через пару лет за ней начнёт ухаживать какой-нибудь молодой шахтёр вроде Джима Картера.

Она была очень способной и умела подражать, так что вскоре в её словарном запасе появились новые слова, и она училась их произносить. Кое-какие слова, наоборот, оттуда исчезли. Росс весьма деликатно наставлял Пруди, которая при желании могла превзойти любого солдата в сквернословии, и та обнаружила, что ей нравится отучать Демельзу от ругательств.

Иногда, когда Демельза задавала наводящие вопросы, Пруди чувствовала себя словно в ловушке. Она-то знала, что было правильным и уместным, а Демельза - нет. Других девочек можно было учить правильно себя вести, не заботясь о собственном поведении, но только не Демельзу. Она слишком быстро делала выводы; её мысли мчались вперёд и били рикошетом.

Таким образом, процесс превратился не в добровольное обучение Демельзы, а в вынужденное перевоспитание Пруди. Оказалось, что теперь даже прилично выпить и то нельзя.

Наблюдая за этим, Росс веселился от души. Джуд тоже не удержался, но относился к ситуации не так снисходительно, как его жена. Казалось, он воспринимал происходящее, как ещё один

повод для недовольства - ведь она не била его метлой уже больше двух месяцев.

Дело в том, что их сущность изменилась не из-за того, что они общались с чистым и непорочным ребёнком, а потому, что в ребёнке было столько же первородного греха, сколько в них самих.

Если Демельза развивалась постепенно, то Гаррик рос не по дням, а по часам. Когда он только появился, то походил на обычного щенка, но хорошо питаясь, так резко вымахал, что все стали подозревать, что в его родословной были овчарки. В шерсти до сих проглядывали редкие чёрные кудряшки, а из-за очень короткого хвоста он выглядел необычайно неуклюжим и непропорциональным. Он привязался к Джуду, хотя тот видеть его не мог, но нескладный пёс по пятам ходил за старым лысым негодяем. В июле объявили, что у Гаррика нет паразитов, и допустили на кухню. Он отпраздновал это событие тем, что прыгнул на сидящего за столом Джуда и опрокинул ему на колени кувшин с сидром. Облитый сидром Джуд встал и от жалости к самому себе запустил кувшином в собаку, которая снова выскочила на улицу, в то время как Демельза забежала на маслобойку, прикрывая голову руками в приступе смеха.

Однажды, к удивлению Росса, к нему приехала миссис Тиг со своей дочерью Рут.

Миссис Тиг объяснила, что они ехали в Мингуз и подумали нанести дружеский визит в Нампару по дороге домой. По её словам, она не была тут почти десять лет и ей захотелось посмотреть, как Росс со всем управляется. Мистер Тиг всегда утверждал, что сельское хозяйство — невероятно занятное хобби.

- Для меня это больше, чем хобби, мэм, - сказал Росс. Он чинил забор, который частично огораживал его землю, и потому был весь растрёпанный и грязный, а руки — в шрамах, земле и ржавчине. Когда он приветствовал их в гостиной, трудно было не заметить контраст с очень ярким костюмом для верховой езды миссис Тиг. Рут тоже выглядела сногшибательно.

Он распорядился, чтобы принесли сок, и пока они его пили, разглядел, что его так привлекло в Рут на балу: прелестные, слегка подкрашенные губки, необычный разрез серо-зелёных глаз и волевой, вздернутый подбородок. В последней отчаянной попытке миссис Тиг вложила в свою младшую дочь ту энергичность, которой так не хватало другим.

Они мило поговорили о том, о сём. На самом деле, их пригласил мистер Джон Трenegлос, старший сын мистера Хораса Трenegлоса из Мингуза. Джон устраивает охоту в Гарнберроу и выразил немалое восхищение тем, как Рут ездит верхом. Он столько раз их приглашал, что в конце концов им показалось, что они просто обязаны удовлетворить его просьбу. Какой превосходный дом в Мингузе, не так ли? Выполненный в готическом стиле и такой просторный, сказала миссис Тиг, оглядываясь по сторонам. Мистер Трenegлос - самый очаровательный пожилой джентльмен; хотя трудно не заметить, как плохо он выглядит.

Какая досада, что капитан Полдарк не охотится с гончими! Разве бы это не принесло ему огромную выгоду: общение с другими людьми своего круга и удовольствие от погони? Рут всегда участвовала в охоте - это её неизменная страсть; конечно, это вовсе не означает, что ей чужды более благородные занятия; ведь нужно попробовать всё, чтобы узнать свои возможности; по мнению миссис Тиг, в воспитании своих детей она уделяла должное внимание домашним делам: кружево на косынке, которая была на миссис Тиг, сделали Рут и Джоан, хотя последняя не отличалась трудолюбием младшей сестры.

Всё это время Рут выглядела недовольной - надувала губки и косо оглядывала комнату, постукивая хлыстом по хорошо обутой ножке. Но при каждом удобном случае - когда мать не

обращала на неё внимания - она бросала на Росса выразительные и соблазняющие взгляды. Он подумал, что день через несколько часов пойдёт на убыль, и понял, что чинить забор он сегодня не закончит.

Часто ли он видится с родственниками? - спрашивала миссис Тиг. На балу у Лемонов не было ни одного Полдарка. Конечно, никто не ожидает, что теперь, когда Элизабет в положении, она будет столь же часто выходить в свет. Рут покраснела, а Росса пронзила резкая боль.

Правда ли, интересовалась миссис Тиг, что несмотря на отцовский запрет, Верити продолжает встречаться с тем мужчиной, капитаном Блейми? Ходят такие слухи. Хотя, конечно же, Росс об этом не знает, ведь он оторван от мира.

В пять тридцать они собрались уходить. Поблагодарили за всё, но на обед не остались. Было приятно увидеться. Приедет ли он к ним в гости, если они назначат дату? Отлично, тогда как-нибудь в начале следующего месяца. Благодаря ему в Нампаре снова уютно. Хотя чувствуется, что дому требуется женская рука, чтобы придать ему изящество и аристократизм. Разве это не приходило ему в голову?

Они двинулись к выходу; миссис Тиг мило болтала, а Рут поочередно то хмурилась, то улыбалась, пытаясь поймать его взгляд и вернуть кокетливые отношения, возникшие на балу. Их слуга привёл лошадей. Рут легко и свободно вскочила на лошадь первой. Обладая изяществом юности и будучи прирожденной наездницей, она сидела в седле, словно была рождена для этого. Затем, под одобрительный взгляд Росса, на лошадь села и миссис Тиг, и он проводил их до границы своих владений.

На пути им встретилась Демельза. Она несла корзину сардин из Сола - первый улов в этом сезоне. На ней было лучшее из двух платьев - из розового набивного канифаса, растрёпанные волосы блестели на солнце. Ребёнок, худенькая и нескладная девочка, идущая широким шагом; а потом она посмотрела на них своими необычными глазами.

Она моргнула, неуклюже сделала реверанс и пошла дальше.

Миссис Тиг достала платочек из тонкого кружева и смахнула пылинки с платья.

- Я слышала, капитан Полдарк, что вы...хм...удочерили девочку. Это она?

- Никого я не удочерял, - ответил Росс. - Мне нужна была судомойка. Девочка достаточно взрослая и сама знает, чего хочет. Поэтому и пришла. Вот, собственно, и всё.

- Прелестная малютка, - сказала миссис Тиг. - Да, кажется, она знает, чего хочет.

***

Роман Верити и Капитана Блейми достиг кульминации к концу августа. К сожалению это должно было случиться именно в тот день, когда Росс принял приглашение миссис Тиг, чтобы выказать ей уважение.

Тем летом Верити четыре раза встретилась с Эндрю Блейми в Нампаре - каждый раз, когда он сходил на берег.

Росс не мог себя заставить не любить моряка, даже при всём его прошлом. Это был человек спокойный и говорящий только по делу, с невозмутимым взглядом, который сглаживала крайне скромная манера держаться, личность капитана Блейми можно было описать одним

словом - «трезвость». Хотя трезвость - последнее качество, которое можно было бы обнаружить в прежнем Блейми, по его же собственному признанию. Иногда можно было заметить конфликт. Росс знал, что у него была репутация лидера на борту своего корабля: осознанный самоконтроль, сдержанность в движениях, можно было узнать отголоски прошлых сражений и понять, чего стоила ему победа. Очевидно, что его уважение и нежность к Верити были искренними.

Если бы он мог кого-то невзлюбить, то только самого себя и ту роль, которую играл. Он содействовал встрече двух людей, и здравый смысл ему подсказывал, что им было бы лучше расстаться. Если что-нибудь случится, больше всех будет виноват он. Нельзя ожидать осмотрительности от горячо любящих друг друга людей.

Росса совсем не устраивало, как развиваются события. Он не присутствовал на их свиданиях, но знал, что Блейми пытается убедить Верити сбежать с ним, и что она еще не приняла окончательное решение, потому что по-прежнему надеялась на примирение отца с Эндрю. Однако она согласилась отправиться с ним в Фалмут как-нибудь на днях и встретиться с его детьми, и Росс подозревал, что если Верити поедет, то уже не вернется. Нельзя за считанные секунды так далеко зайти, не став мудрее. Это бы стало началом открытого протеста. По приезду туда Блейми убедил бы её, что лучше выйти за него замуж, чем возвращаться домой и столкнуться с проблемами.

Неделю назад миссис Тиг прислала письмо с одним из своих конюхов и пригласила его на "небольшой полуденный приём", который состоится в следующую пятницу в четыре часа. Проклиная себя на чём свет стоит, он дал письменное согласие, пока дожидался посыльный. На следующий день приехала Верити и спросила, можно ли встретиться с Эндрю Блейми в Нампаре в пятницу в три.

Россу не было никакой нужды сидеть дома во время их свидания, если не считать условностей, в которых, насколько он знал Верити, не было нужды; поэтому он ничего против не имел, просто немного задержался, чтобы их встретить.

Проводив их в гостиную и распорядившись, чтобы никто их не беспокоил, он сел на лошадь и поехал в долину, бросая полные сожаления взгляды на всю работу, которую мог бы сделать вместо того, чтобы щеголять в компании полудюжины молодых людей и девиц. При въезде в долину, сразу за Уил-Мейден, он встретил Чарльза и Фрэнсиса.

На мгновение он растерялся.

- Рад приветствовать вас на моей земле, дядя, - сказал он. - Захотелось меня навестить? Еще пять минут, и вы бы меня не застали.

- На это мы и рассчитывали, - резко ответил Фрэнсис.

Чарльз натянул поводья. У обоих был раскрасневшийся, сердитый вид.

- Ходят слухи, что Верити встречается с тем типом Блейми в твоём доме, Росс. Мы едем туда, чтобы узнать правду.

- Боюсь, сегодня я не могу оказать вам гостеприимство, - сказал Росс. - Сегодня в четыре у меня встреча — недалеко отсюда.

- Верити сейчас в твоём доме, - заявил Фрэнсис. - Нравится тебе или нет, но мы пойдем и проверим, там ли Блейми.

- Пфф! - произнёс Чарльз. - Незачем вести себя грубо, Фрэнсис. Возможно, мы ошибаемся. Дай слово чести, мальчик мой, и мы уедем безо всяких споров.

- И что же она там делает? - язвительным тоном поинтересовался Фрэнсис.

- Поскольку от моего слова чести капитан Блейми никуда не исчезнет, дать я его не могу, - сказал Росс.

Он увидел, как Чарльз изменился в лице.

- Будь ты проклят, Росс, у тебя что, совсем нет порядочности и верности семье, что ты оставил её наедине с этим мерзавцем?

- Я ведь тебе говорил! - воскликнул Фрэнсис и, не дожидаясь ответа, развернул коня и рысью отправился по долине в сторону Нампары.

- Мне кажется, вы ошибаетесь в Блейми, - медленно произнес Росс.

- А мне кажется, что я ошибся в тебе, - Чарльз фыркнул и отправился вслед за сыном.

Предчувствуя, что случится что-то плохое, Росс наблюдал, как они подъезжают к дому. Их слова и взгляды не оставили никаких сомнений в намерениях.

Он натянул поводья Брюнетки и поехал вслед за ними.

***

Когда он добрался до дома, Фрэнсис был уже в гостиной. Он слышал крики, пока Чарльз с трудом слезал с коня.

Когда они вошли в гостиную, капитан Блейми стоял возле камина, держа руку на рукаве Верити, словно не позволяя ей встать между ним и Фрэнсисом. Он был в капитанском мундире из тонкой синей ткани с галуном, белым воротником-стойкой и чёрным галстуком. Он выглядел сдержанным, словно бурная страсть была заперта, содержалась под засовами в недоступном месте и охранялась всеми мерами защиты по его собственному выбору. На фоне цветущей надменной красоты молодого Фрэнсиса он казался здоровяком среднего возраста. Росс заметил, что Чарльз взял с собой хлыст.

- ...никаких разговоров с сестрой, - говорил Блейми. - Любые оскорбления, которые вертятся у вас на языке, меня тоже касаются.

- Грязный скунс! - воскликнул Чарльз. - Действуете тайком за нашими спинами. Моя единственная дочь.

- Тайком, - сказал Блейми, - потому что вы не желаете встретиться и обсудить этот вопрос. Вы думаете...

- Обсудить! - вскричал Чарльз. - С женоубийцами нам обсуждать нечего. В наших краях их не любят. Они вызывают отвращение. Верити, садись на лошадь и отправляйся домой.

Она тихо ответила:

- Я имею право распоряжаться своей жизнью.

- Иди, дорогая, - сказал Блейми. - Тебе здесь не место.

Она стряхнула его руку.

- Я останусь.

- Ну, и оставайся, будь ты проклята! - воскликнул Фрэнсис. - Таких как вы, Блейми, убедить можно лишь одним способом. Разговоры и честь к нему не относятся. Возможно, хорошая взбучка поможет делу.

Он стал снимать сюртук.

- Не на моей земле, - сказал Росс. - Если начнёте здесь драться, я сам вас отсюда вышвырну.

От потрясения все замолчали.

- Во имя всевышнего! - взорвался Чарльз. - У тебя хватает наглости принять его сторону!

- Ничью сторону я не принимаю, но дракой вы ничего не измените.

- Парочка подлецов, - заявил Фрэнсис. - Ты ничем не лучше его.

- Вы слышали, что сказала ваша сестра, - спокойно заметил капитан Блейми. - У неё есть полное право распоряжаться своей жизнью. У меня нет ни малейшего желания ссориться, но она уйдёт со мной.

- Чёрта с два, - ответил Фрэнсис. - Вам не удастся вытереть ноги о нашу семью.

Неожиданно капитан Блейми сильно побледнел.

- Наглый щенок!

- Щенок, вот как? - Фрэнсис подался вперёд и дал капитану Блейми пощечину.

На щеке появилось красное пятно, и Блейми ударил Фрэнсиса в лицо, от чего последний повалился на пол.

Наступила короткая пауза. Верити отошла от них с пристыженным, посеревшим лицом.

Фрэнсис сел и тыльной стороной ладони вытер струйку крови из носа. Затем встал.

- Когда вам будет угодно встретиться, капитан Блейми?

Выплеснувшись наружу, гнев моряка утих. А вот выдержка, наоборот, ему изменила. Всего лишь на миг, но самоконтроль он утратил.

- Завтра на рассвете я отплываю в Лиссабон.

На лице Фрэнсиса отразилось презрение.

- Конечно, именно этого я и ожидал.

- Сегодняшний день еще не закончился.

Чарльз шагнул вперед.

- Нет никакой нужды в этих французских приёмчиках, Фрэнсис. Давай отколошматим этого прощельгу и пойдём.

- Этому тоже не бывать, - заявил Росс.

Фрэнсис облизал губы.

- Я требую удовлетворения. Не нужно мне мешать. Этот тип утверждает, что он джентльмен. Пусть выйдет и встретится со мной... если хватит духу.

- Эндрю, - сказала Верити. - Не соглашайся...

Моряк отстранено посмотрел на девушку, словно враждебность её брата уже воздвигла между ними стену.

- Уладь дело кулаками, - хрипло сказал Чарльз. - Не стоит рисковать получить пулю из-за этого мерзавца.

- Его ничто не остановит, - сказал Фрэнсис. - Попрошу тебя дать оружие, Росс. Если откажешься, пошлю в Тренвит за моим собственным.

- Тогда посылай, - отрезал Росс. - Я не собираюсь участвовать в этой бойне.

- Они на стене за вашей спиной, - сквозь зубы сказал Блейми.

Фрэнсис повернулся и снял дуэльные пистолеты с серебряной насечкой, которыми Росс угрожал отцу Демельзы.

- Они еще стреляют? - холодно спросил он, обращаясь к Россу.

Росс промолчал.

- Выходите на улицу, Блейми, - сказал Фрэнсис.

- Послушай, мальчик мой, - сказал Чарльз.- Всё это сущий вздор. Это касается лишь меня и...

- Ничего подобного. Он мне врезал...

- Давай уйдём и не будем связываться с этим преступником. Верити пойдёт с нами. Да, Верити?

- Да, отец.

Фрэнсис посмотрел на Росса.

- Позови своего человека, пусть проверит, что пистолеты заряжены как положено.

- Сам зови.

- У нас нет секундантов, - сказал Чарльз. - Подходящих условий тоже нет.

- Формальность! В ней нет нужды, когда охотишься на воронье.

Они вышли наружу. Было нетрудно понять, что Фрэнсис настроен на дуэль. Блейми, крылья носа которого побледнели от гнева, стоял в стороне, словно его это не касалось. Верити в последний раз пыталась образумить брата, но он рявкнул, что необходимо что-то сделать с её

безумной страстью, и он принял это решение.

Джуд находился на улице, поэтому звать его не пришлось. Он был явно заинтересован в происходящем и впечатлен возложенной на него ответственностью. Он видел такое лишь однажды, и то тридцать лет назад. Фрэнсис назначил его судьей и велел отсчитать для них пятнадцать шагов; Джуд посмотрел на Росса, который пожал плечами.

- Да, сэр, пятнадцать, как вы и сказали.

Они находились на поросшем травой открытом месте перед домом. Верити отказалась зайти в дом и стояла, ухватившись за спинку садовой скамьи.

Мужчины стояли спина к спине, Фрэнсис был выше на дюйм или чуть крупнее, его светлые волосы блестели на солнце.

- Готовы, сэр?

- Да.

Росс дёрнулся вперёд, но сдержался. Пусть упрямые дураки разбираются сами.

- Тогда расходитесь. Один, два, три, четыре, пять, шесть...

Джуд считал, и мужчины отдалялись друг от друга. Ласточка метнулась с неба вниз и пролетела между ними.

На счёт пятнадцать они повернулись. Фрэнсис выстрелил первым и ранил Блейми в руку. Капитан выронил пистолет. Нагнулся, поднял его левой рукой и выстрелил в ответ. Фрэнсис схватился рукой за шею и упал.

***

Бросившись к Фрэнсису, Росс подумал: "Мне следовало их остановить. Что будет с Элизабет, если Фрэнсис...?"

Он перевернул Фрэнсиса на спину и оторвал воротник на рубашке. Пуля попала в основание шеи, у плеча, но наружу не вышла. Росс поднял его и понес в дом.

- Боже мой! - воскликнул Чарльз, беспомощно следуя за остальными. - Он умер... Мой мальчик...

- Чепуха, - сказал Росс. - Джуд, возьми лошадь мистера Фрэнсиса и скачи к доктору Чоуку. Скажи, что произошел несчастный случай на охоте. Правду не говори, смотри мне.

- Рана серьёзная? - спросил капитан Блейми, его рука была обмотана платком. - Я...

- Убирайтесь отсюда! - побагровев, выкрикнул Чарльз. - Как смеете вы снова приходить в этот дом!

- Не толпитесь возле него, - настоял Росс, уложив Фрэнсиса на диван. - Пруды, принеси чистые тряпки и миску с горячей водой.

- Позволь мне помочь, - сказала Верити. - Позволь. Я могу что-нибудь сделать. Я могу...

- Нет-нет. Не трогай его.

На какое-то время воцарилась тишина, пока не вернулась Пруди с миской. Росс предотвратил обширную кровопотерю, зажимая рану своим цветным платком. Теперь он его убрал и на его место положил мокрую ткань. Фрэнсис поморщился и застонал.

- Он поправится, - сказал Росс. - Просто отойдите, чтобы он мог дышать.

Капитан Блейми взял шляпу и вышел из комнаты.

На улице он сел на скамью у входной двери и опустил голову на руки.

- Чёрт возьми, я сильно испугался, - сказал Чарльз, вытирая лицо, шею и под париком. - Думал, мой мальчик умер. На наше счастье, капитан стрелял не правой рукой.

- Возможно, тогда ему бы удалось побольше промахнуться, - ответил Росс.

Фрэнсис повернулся, забормотал и открыл глаза. Через несколько секунд он полностью пришел в сознание. Во взгляде не было ненависти.

- Этот тип ушёл?

- Да, - ответил Росс.

Фрэнсис криво усмехнулся.

- Я его ранил. Твоим дрянным оружием, Росс. Прицел, должно быть, сбит. Ах! Пиявки отдохнут неделю-другую.

В саду Верити присоединилась к Эндрю Блейми.

Капитан полностью замкнулся в себе. За какие-то пятнадцать минут их отношения бесповоротно изменились.

- Я должен идти, - сказал он, и они оба сразу отметили, какое он употребил местоимение. - Лучше сделать это до того, как он очнется.

- Дорогой мой, если бы ты только мог... промахнуться... или совсем не...

Он покачал головой, подавленный сложными противоречиями своей натуры и тщетной попыткой всё объяснить.

- Я знаю, он сам искал этой ссоры, - сказала она. - Но он мой брат. Из-за этого мне невозможно...

Он не нашел сил возразить.

- Со временем всё уляжется, Верити. Наши чувства не изменятся.

Она не ответила, просто сидела, опустив голову.

Несколько секунд он пристально на неё смотрел.

- Может быть, Фрэнсис прав. У нас сплошные проблемы. Возможно, я никогда не должен был о

тебе думать... смотреть на тебя.

- Нет, Фрэнсис ошибался. Но после этого... примирение невозможно, - возразила она.

Через минуту Блейми встал.

- Твоя рука, - сказала она. - Позволь ее перевязать.

- Всего лишь царапина. Жаль, он не прицелился лучше.

- Ты сможешь ехать? Твои пальцы...

- Да, смогу.

Верити наблюдала, как он зашел за дом, сгорбившись, словно старик.

Вернулся он уже верхом.

- Прощай, моя любовь. Если это всё, то позволь мне уехать и сохранить о тебе память.

Она смотрела, как он пересек ручей и медленно поехал по долине, пока образ в глазах внезапно не затуманился и не потерял четкость.

Глава четырнадцатая

Все вернулись в Тренвит. Фрэнсис с временной повязкой доехал верхом, а теперь им занялся Чоук, устроив из перевязки целое представление. Чарльз, вместе с газами выпуская остатки гнева, протопал в свою комнату, чтобы вызвать рвоту и отдохнуть до ужина.

Элизабет едва не потеряла сознание при виде мужа. Но придя в себя, буквально летала вверх и вниз, подгоняя миссис Табб и Бартла, чтобы снабдить доктора Чоука всем необходимым, и проявляя заботу об удобствах раненого. Как будто это было делом всей её жизни - у неё открылись запасы энергии, недоступные в обычное время, но способные придать сил в чрезвычайной ситуации. Это был огромный запас, о котором более сильный человек мог никогда не догадаться.

А Верити удалилась в свою комнату.

Она чувствовала себя отрезанной от этой семьи, частью которой была целых двадцать пять лет. Она оказалась среди незнакомцев. Более того, враждебных незнакомцев. Из-за отсутствия понимания они отделились от нее, а она от них. В полдень она погрузилась в себя, что в дальнейшем превратилось в недружелюбие и изоляцию.

Верити толкнула задвижку на двери и резко опустилась на первый же попавшийся стул. Её роман окончен, хотя она и сопротивлялась этому, но знала, что это так. Верити чувствовала себя больной, близкой к обморочному состоянию и отчаянно уставшей жить. Если смерть придет тихо и мирно, она примет её, погрузится в неё, как можно погрузиться в постель, желая лишь сна и забвения.

Ее глаза обежали комнату. Каждая вещичка в ней была невероятно знакома своей будничной близостью.

Через длинное створчатое и узкое окно в нише она смотрела меняющимся взглядом своего детства и юности. Во все времена года и при всех настроениях ее собственного взросления она смотрела на огородик, тисовую изгородь и три изогнутых платана. Она видела, как мороз рисует свой орнамент на стеклах, как капли дождя сбегают по ним вниз, будто слезы по старческим щекам, как просвечивает первое весеннее солнце на турецкий ковер и мореные дубовые доски.

На протяжении всей жизни Верити в комнате на резной сосновой каминной полке стояли старые французские часы с расписными позолоченными фигурками, как куртизанка времен Людовика XIV. Их негромкий металлический перезвон объявлял время более пятидесяти лет. Когда их сделали, Чарльз был еще худеньким мальчишкой, а не задыхающимся побагровевшим стариком, разрушившим роман своей дочери. Они были вместе, ребенок и часы, девушка и часы, женщина и часы, в болезни, ночных кошмарах, сказках и грезах - во всей монотонности и великолепии жизни.

Её взгляд перебежал дальше, к столику со стеклянной столешницей и резными ножками, розовым сатиновым стульям спального гарнитура, плетеному креслу-качалке, низеньким медным канделябрам со свечами, подушке с иголками, расшитой корзинке для рукоделия, кувшину для умывания с двумя ручками. Даже украшавшие комнату длинные шелковые портьеры, тисненые обои с поблекшими алыми цветами на черном фоне и белые лепные розы на карнизе и потолке стали родными и принадлежали только ей.

Она знала, что здесь, в своей уединенной комнате, куда не входил ни один мужчина, кроме брата и отца, она могла дать волю чувствам, могла лечь на кровать и плакать, могла позволить себе предаваться печали. Но она сидела на стуле и не двигалась с места.

У нее не было слез. Либо рана залегла так глубоко, либо она так устроена, что не может дать волю чувствам. Ее вечная боль от потери и одиночества будет медленно притупляться со временем, пока не станет частью ее натуры, слабой горечью, приправленной иссохшей гордостью.

Эндрю должен был уже вернуться в Фалмут, назад в съемные комнаты, о которых она слышала, но не видела. По его спокойному разговору она могла судить об унылости его жизни на берегу: две комнаты в пансионе на набережной и ухаживающая за ним неряшливая женщина.

Верити думала всё это изменить. Они планировали арендовать коттедж с видом на залив, местечко с парой деревьев и маленьким садом, тянувшимся до галечного пляжа. Хотя Эндрю практически никогда не говорил о своем первом браке, она понимала достаточно, чтобы быть уверенной в том, что в основном виноватой в его развале оказалась жена, какую бы не имеющую никакого оправдания развязку он ни положил. Верити чувствовала, что могла бы заставить его забыть о первой неудаче. С ее трудолюбием и способностями к ведению хозяйства, а также их взаимной любовью, она могла бы создать для него дом, которого у него никогда не было.

А взамен этой комнате, уже повидавшей, как она стала зрелой, придется увидеть, как она иссохнет и увянет. Позолоченное зеркало в углу станет этому бесстрастным свидетелем. Все эти узоры и мебель будут ее спутниками в грядущие годы. И она поняла, что возненавидит их, если уже не возненавидела, как ненавидят свидетелей унижения и бесплотных попыток.

Она предприняла вялые попытки встряхнуться и прогнать это настроение. Ее отец и брат действовали добросовестно, согласно своему воспитанию и принципам. Если бы в результате она осталась у них на побегушках, пока не состарится, было бы несправедливо обвинять их во

всем. Они думали, что спасают ее от самой себя. Ее жизнь в Тренвите была бы спокойней и безопасней, чем если бы она стала женой изгоя. Она жила среди родственников и друзей. Длинные летние вечера были полны фермерских забот: посев, сенокос, заготовка, надо было проконтролировать масло и сыры, наварить сиропов и варенья. Зима также была насыщенной. Вечерами она занималась рукоделием, пошивом штор, делала выкройки и чинила чулки, пряла шерсть и лен с тетушкой Агатой, настаивала микстуры, играла с гостями в кадриль [5] или помогала мистеру Оджерсу в Соле, разливала поссет [6] слугам, когда те болели.

Этой зимой в доме также должен был появиться новенький. Если бы она ушла, Элизабет столкнулась бы с двойной потерей: Фрэнсису пришлось бы иметь дело с тем, что организованная повседневная работа вдруг вышла из-под контроля; Чарльзу бы никто уже не поправлял подушки, он бы никогда не увидел, что его серебряная чашка отполирована до блеска перед каждым приемом пищи. Эти и еще сотни других мелочей по дому зависели от нее, и если домашние и не благодарили ее за это открыто, то выказывали молчаливую любовь и дружбу, которые она не могла игнорировать.

И если она не находила эти обязанности утомительными раньше, не было ли это первым глотком разочарования, который свидетельствовал о том, что они станут такими в будущем?

Так что она могла бы спорить, но Эндрю сказал "нет". Эндрю, сидящий сейчас, опустив голову на руки, в мрачной квартире в Фалмуте, Эндрю, который будет на следующей неделе в Бискайском заливе, Эндрю, скитающийся по улицам Лиссабона по ночам, или который вернется в следующем месяце на съемную квартиру, Эндрю, который ест, пьет, спит и ходит, сказал "нет". Он занял место в ее сердце или забрал часть ее сердца, и уже ничто никогда не будет по-прежнему.

вернуться

5

Кадриль - игра в карты на четыре человека.

вернуться

6

Поссет - горячий британский напиток из молока со специями (имбирь, анис и т.д.), сквашенный вином или пивом.

В прошлом году ее несло на волне традиций и привычек. Возможно, она бы так и плыла по течению, не сопротивляясь, женщина среднего возраста без каких-либо стремлений. Но в этот год, с этого мгновения, ей придется плыть против течения, не находя поддержки для дальнейшей борьбы, а только горечь, сожаление и разочарование.

Она сидела в комнате одна, пока не стемнело, и тени в комнате окутали ее, как утешающие объятия.

Глава пятнадцатая

В то лето шахта Уил-Лежер так и не заработала.

После некоторых раздумий Росс предложил Фрэнсису войти в долю. Тот довольно резко отказался, но проект задержало нечто менее предсказуемое - цены на медь на рынке упали до восьмидесяти фунтов за тонну. Начинать новое предприятие по добыче в такое время - всё равно что напрашиваться на банкротство.

Фрэнсис быстро оправился от ранения в шею, но роль Росса в любовных отношениях Верити до сих пор терзала и Фрэнсиса, и его отца. Пошли слухи, что Полдарк со своей молодой женой тратят деньги без счета, и теперь, когда Элизабет редко выходила, Фрэнсис везде появлялся вместе с Джорджем Уорлеганом.

Росс нечасто видел Верити, потому что остаток лета она почти не покидала Тренвит. Он написал миссис Тиг извинения: "По непредвиденным и неблагоприятным обстоятельствам". Что еще он мог сказать? Ответа он не получил. Позже он узнал, что "небольшая вечеринка" означала день рождения Рут, ему отводилась роль почетного гостя. К тому времени уже оказалось слишком поздно отзывать письмо с извинениями - ущерб уже был нанесен.

После того, как запуск Уил-Лежер отложили, Джим Картер уволился. Он был не из тех молодых людей, которые всю жизнь работают поденщиками на ферме, его призвал Грамблер.

Однажды августовским вечером он пришел к Россу, после того как они провели весь день вместе, скашивая ячмень на поле, и объяснил, что Джинни после Рождества больше не сможет работать на Грамблере, по крайней мере, какое-то время, а без ее жалованья им не обойтись. И потому, поскольку он в жизни своей не чувствовал себя лучше, Джим стал вольным рудокопом на глубине в сорок саженей.

- Мне и правда жаль уходить, сэр, - сказал он. - Но это хорошая штольня. Я знаю. Если повезет, буду получать тридцать или тридцать пять шиллингов в месяц, потому нам и пришлось об этом подумать. Если мы сможем остаться в коттедже, то хотели бы выплачивать аренду.

- Вы будете платить, когда я решу, что вы можете себе это позволить, - ответил Росс. Не разбрасывайся деньгами, пока не увидишь, что их достаточно.

- Нет, сэр, - сказал Джим безо всякого выражения. - Дело не в том...

- Я знаю, парень. Я не слепой. И, кстати, не глухой. Я слышал разговоры о том, что ты браконьерствуешь с Ником Вайгасом.

Джим покраснел. Он что-то промямлил, попытавшись было это отрицать, но потом резко буркнул:

- Да.

- Это опасное времяпрепровождение, - заявил Росс. - На чьи земли вы ходите?

- Тренигласа.

Росс подавил улыбку. Вообще-то его предупреждение было вполне серьезным, и он не хотел приуменьшать его значение.

- Держись подальше от Ника Вайгаса, Джим. Он доведет тебя до беды, и глазом не успеешь моргнуть.

- Да, сэр.

- А что говорит Джинни?

- То же, что и вы, сэр. Я... обещал ей больше не ходить.

- Тогда сдержи свое обещание.

- Так я ж ради нее и хожу. Думал принести что повкуснее...

- Как она?

- В порядке, сэр, благодарствую. Уж так мы счастливы, ничего другого и желать нельзя. И насчет того дела Джинни тоже счастлива. Теперь ей нечего бояться.

***

В отношениях между Демельзой Карн и остальными обитателями Нампары продолжали происходить постепенные изменения. Ее развитие обгоняло Пэйнтеров, она крутилась везде в поисках информации, что всё чаще сталкивало ее с Россом, который находил определенное удовольствие, помогая ей. Ему хотелось смеяться над ее замечаниями даже чаще, чем он это себе позволял.

В конце августа, на той неделе, когда пшеницу складывали в стога, Пруды подскользнулась и ушибла ногу, поэтому вынуждена была лежать.

Четыре дня Демельза порхала по дому, и хотя Росс и не замечал её стараний, обед всегда подавался вовремя и обильный ужин всегда был готов, когда он приходили домой уставшим. Когда Пруды выздоровела, Демельза не цеплялась за свои вновь приобретенные полномочия, но их отношения уже никогда не были как между экономкой и посудомойкой. Единственным, кто подметил произошедшие изменения, стал Джуд, который сказал жене, что она становится дряхлой, как старая кобыла.

Все эти четыре дня Росс ничего не говорил Демельзе о ее стараниях, но когда он в следующий раз оказался в Труро, то купил ей алый плащ, который был в большой моде в шахтерских деревеньках Западного Корнуолла. Когда она увидела его, то потеряла дар речи - весьма для нее необычно - и понесла в свою спальню, примерить. Позже Росс подметил, что Демельза стала смотреть на него по-особому, словно взяла себе за правило предугадывать все его прихоти и желания, словно именно ради этого она и находилась здесь, а вот ему знать её желания было необязательно.

На место Джима Росс взял пожилого мужчину по имени Джек Кобблдик. Он был угрюмым человеком, медленно говорящим и соображающим, со свисающими рыжими усами с проседью, в которых вечно застревала еда, и тяжелой широкой поступью, словно переступал через воображаемую высокую траву. Демельза несколько раз чуть не нарвалась на неприятности, когда вышагивала по двору, поднимая свои длинные ноги в подражание Кобблдику.

В сентябре, когда сезон ловли сардин был в разгаре, Росс время от времени навещался в Сол, глянуть на улов или прикупить полбочки для засолки, когда рыба оказывалась хороша. Однако Росс обнаружил, что Демельза, которой в свое время приходилось кормить большую и бедную семью, оценивала товар лучше него. Поэтому она иногда ехала вместе с ним на лошади или выходила пешком на полчаса раньше. Иногда Джуд тащился на паре волов, запряженных в покосившуюся телегу и скупал порченную рыбу за полгиней, чтобы использовать ее в качестве

удобрения при распашке земли.

От церкви Сола путь пролегал по Стиппи-Стаппи-лейн, выходя к узкому горбтому мостику и утопающей в зелени площади, окруженной сараями и коттеджами, составляющими центр деревушки Сол. В нескольких ярдах отсюда находилась высокая галечная отмель и мелкий вход в залив.

Рядом с отмелью стояли два огромных дома для разделки рыбы, там летом и концентрировалась промышленность деревеньки. Здесь рыбу отбирали и прятали в погреб на месяц или около того, пока жир и кровь не стекут, и её можно будет хранить и экспортировать в бочках на Средиземное море.

***

Ребенок Элизабет родился в конце октября. Роды оказались сложными и продолжительными, но она хорошо их перенесла и оправилась бы значительно скорее, если бы на следующий день доктор Чоук не решил пустить ей кровь. В результате она провела двадцать четыре часа в глубоких обмороках, встревоживших всех. Чтобы вывести её из этого состояния, потребовалось держать ей под носом огромное количество жженных перьев.

Чарльз был в восторге от события, и новость, что это мальчик, вывела его из послеобеденного оцепенения.

- Отлично, - сказал он Фрэнсису. - Молодец, мой мальчик. Я горжусь тобой. Значит у нас есть внук, а? Черт подери, это как раз то, чего я хотел.

- Ты должен Элизабет поблагодарить, а не меня, - невыразительно произнес Фрэнсис.

- А? Что ж, я думаю, свою лепту ты тоже внес? - Чарльз затрясся от внутреннего смеха. - Ничего, мальчик, я горжусь вами обоими. Не думал, что в ней это есть. Как собираетесь назвать отпрыска?

- Мы еще не решили, - угрюмо сказал Фрэнсис.

Чарльз вытащил свою тушу из кресла и вразвалку вышел в большой зал, оглядываясь вокруг.

- Ну-с, зачем далеко ходить, в нашей семье прекрасный подбор имен. Давай посмотрим, есть Роберт, и Клод... и Вивиан... и Генри. И два или три Чарльза. Чем плох Чарльз, а, мальчик мой?

- Пусть Элизабет решит.

- Да-да, она так и сделает, полагаю. Во всяком случае, надеюсь, что она не выберет Джонатана. Чертовски глупое имя. Где Верити?

- Наверху, помогает.

- Что ж, скажи, когда наследник будет готов встретиться с дедом. Мальчик, а? Молодцы, вы оба.

Слабость Элизабет отложила крестины малыша до начала декабря, а отметили их с меньшим размахом, чем хотелось бы Чарльзу. Присутствовало всего лишь восемнадцать человек, включая семью.

Дороти Джонс, жену кузена Уильяма-Альфреда, застали между беременностями, так что она

присутствовала. Это была высохшая чопорная маленькая женщина лет сорока, с кислой, холодной улыбкой и предубеждениями, опережающими её реальный возраст. Она никогда не использовала слово "кишки" даже в личной беседе, какие-то предметы вообще не упоминала, невзирая на удивление большинства ее подруг. Последние две беременности сильно на ней сказались, и Росс подумал, что она выглядит высохшей и сморщившейся. Будет ли Элизабет когда-нибудь выглядеть так же? Первый ребенок, казалось, только придал ей привлекательности.

Она лежала на диване, куда ее перенес Фрэнсис. В камине трещал яркий огонь, языки которого прыгали в дымоход, как гончие на цепи. В большой комнате было тепло, и в глазах собравшихся играли отсветы пламени, а за окнами серый холодный день тонким туманом клубился под окнами. В комнате стояли цветы, и Элизабет лежала среди них, как лилия, вокруг которой суетились все остальные. Её прекрасная чистая кожа на руках и шее казалась восковой, но румянец на щеках горел сильнее обычного. Она была как цветущая лилия в оранжерее.

Они назвали ребенка Джеффри Чарльз. Сверток из голубого шелка и кружев с маленькой круглой пушистой головкой, бездонными синими глазами и деснами, как у тётушки Агаты. Во время крещения малыш не капризничал, а после не пискнув вернулся к матери. Образцовый малыш, воскликнули все в один голос.

За последовавшей трапезой Чарльз и мистер Чайновет обсуждали петушиные бои, а миссис Чоук рассказывала всем, кто готов был слушать, последние сплетни о принце Уэльском.

Миссис Чайновет разговаривала с Джорджем Уорлеганом и, к раздражению Пейшенс Тиг, полностью завладела его вниманием. Тетушка Агата жевала крошки и изо всех сил старалась услышать, о чем говорит миссис Чайновет. Верити молчала и смотрела в стол. Доктор Чоук хмурился и пересказывал Россу те обвинения, которые следовало выдвинуть против Гастингса, генерал-губернатора Бенгалии. Рут Тиг, некстати оказавшаяся рядом с Россом, пыталась вести разговор с матерью, словно его не замечала.

Поведение Рут едва ли удивило Росса, а вот отчуждение других дам, Дороти Джонс, мисс Чайновет и миссис Чоук, его слегка озадачило. Он не сделал ничего их оскорбляющего. Элизабет из кожи вон лезла, стараясь быть любезной.

А потом, в разгар обеда, Чарльз с трудом поднялся на ноги, чтобы предложить тост за внука, несколько минут говорил, тяжело дыша, как бульдог, затем схватился за грудь, воскликнув нетерпеливо "Этот ветер, этот ветер", и завалился боком на пол.

Они неуклюже подняли эту гору плоти, сначала взгромоздив на стул, а затем Росс, Фрэнсис, Джордж Уорлеган доктор Чоук шаг за шагом перетащили его наверх, в спальню.

Оказавшись в массивной кровати с балдахином из тяжелых коричневых портьер, он, казалось, стал дышать легче, но не двигался и не говорил. Верити, пробудившись из своего оцепенения, поспешила выполнить требования доктора. Чоук пустил кровь, послушал сердце, выпрямился и почесал лысину на затылке, как будто это могло помочь.

- Ммм... да, - произнес он, - думаю, что нам теперь делать. Сердечный приступ. Ему нужен полный покой и тепло. Держите окна закрытыми, а балдахин кровати опущенным, чтобы исключить риск простуды. Он так могуч, хм, надо надеяться на лучшее.

Когда Росс спустился вниз к притихшей компании, то обнаружил, что они намерены ждать. Было бы невежливо уйти, пока доктор не скажет чего-то более определенного. Сообщили, что

Элизабет сильно расстроилась и просила извинить её.

Тетушка Агата осторожно качала колыбельку и теребила седые волосы на подбородке.

- Плохая примета, - сказала она. - Чтобы большой Чарльз так свалился в день крестин маленького. Прямо как пораженное молнией дерево. Надеюсь, что ничего плохого не случится.

Росс вошел в большую гостиную. Там никого не оказалось, и он подошел к окну. Хмурый день становился еще темнее и мрачнее, а на стекле появились мелкие капельки дождя.

Всё меняется и приходит в упадок. Последует ли Чарльз вскоре за Джошуа? Он уже падал в последнее время, стал еще более багровым, слабым и неуклюжим. Старая тетушка Агата и ее приметы. Как это повлияет на Верити? Незначительно по сравнению с её утратой. Фрэнсис станет хозяином этого дома и всех земель. Он сможет идти в ногу с Уорлеганом, если пожелает. Возможно, ответственность его отрезвит.

Он перешел из гостиной в соседнюю комнату, библиотеку - небольшую, темную, пахнущую плесенью и пылью. Из Чарльза читатель не лучше, чем из его брата. Их отец, Клод Генри, составил большую часть библиотеки.

Росс осмотрел полки. Он слышал, как кто-то разговаривая прошел в гостиную, но никак не отреагировал, поскольку обнаружил новую редакцию "Мировой юстиции" доктора Бернса. Росс открыл главу о неменяемости, когда голос миссис Тиг, проникающий сквозь открытую дверь, привлек его внимание.

- Ну, дитя моё, чего еще можно ожидать? Яблочко от яблони недалеко падает, я всегда это говорю.

- Моя дологуша, - прозвучал голос Полли Чоук, - все эти истолии о сталом Джошуа! Большинство из них комично. Хотя мне не хотелось бы в них оказаться.

- Джентльмен, - сказала миссис Тиг, - знает, где провести черту. В отношении леди своего класса его намерения должны быть крайне благородны. Отношение же к женщине более низкого класса отличается. Ведь мужчины есть мужчины. Это очень неприятно, знаю, но если уж на то пошло, есть продажные девки, и никому нет никакого вреда. Джошуа никогда не проводил различий. Вот почему я не одобряла его, именно поэтому все графство не одобряло его, и он всегда дрался с отцами и мужьями. Он был слишком подвержен своим страстям.

- Пломискуитет, как вы могли бы сказать, - хихикнула Полли.

- Я бы не одну историю могла рассказать, - развила тему миссис Тиг, - о разбитых им сердцах. Скандал следовал за скандалом.

- Но даже Джошуа не держал в своем доме шлюх и распутниц. Даже он не похищал совсем еще малолетних голодающих нищих девок, и не соблазнял их у собственного очага. И не держал всё это на виду: это худшее из всего! Другое дело, если бы он указал где её место. Нехорошо черни знать, что шлюха из их числа живет на равном положении с мужчиной уровня Росса. Это подает им всякие идеи. Честно говоря, когда я последний раз его видела - просто проезжала мимо - ну вы понимаете, и то много месяцев назад, как раз увидела это существо. Потаскушка. Уже начинает важничать. Вы можете встретить такую где угодно.

- И дня не плоходит, - продолжила Полли Чоук, - чтобы он не плехал в Сол на лошади, с ней за спиной, напыщенной в своем алом плаще.

- Нехорошо это всё. Это плохо для семьи. Удивляюсь, что они не велели ему это прекратить.
- Может, им это и не по душе. - хихикнула Полли. - Они делают, что могут, он же человек вспыльчивый. На их месте я бы не стала, потому что он может плибить одним удалом.
- Чарльз слишком добродушен, - прозвучал новый голос. Так там и миссис Чайновет. Её голос звучал раздраженно. - Когда Чарльз умрет, Фрэнсис займет иную позицию. Если Росс откажется слушать, то должен будет принять последствия.

Послышался звук открываемой и закрываемой двери.

- Несомненно, - снова хихикнула Полли Чоук, - она очень хотела бы стать хозяйкой Тленвита вместо Элизабет. Возможно, тогда она изменит и Флэнсиса тоже. Мой муж, доктол Чоук, говолил мне, как тот плоиглал сто гиней в калты плошкой ночью.
- Азартные игры - это забавы джентльменов, Полли, - сказала миссис Тиг. - Возможно...
- Только не говолите мне, - хихиканье Полли стало громче, - что балаханье в постели - им не яляется!
- Тише, дитя. Вы должны научиться говорить тише. Не яляется...
- То же самое мне всегда говолит и доктол...
- И очень справедливо. Особенно неприлично громко смеяться в доме, где есть больные. Скажите, дитя, какие еще слухи вы о нем знаете?

Глава шестнадцатая

Чарльз оказался весьма бестактен, не придя в сознание вовремя, чтобы утешить собравшихся на крестины гостей. Покидая непривычно тихий дом, Росс запечатлел в памяти образ укачивающей младенца тетушки Агаты, а по морщинке на ее подбородке стекала тоненькая струйка слюны, когда она бормотала:

- Конечно, это предзнаменование. Интересно, что же оно принесет.

Однако на пути домой мысли Росса занимали не болезнь Чарльза или будущее Джеффри Чарльза.

В Нампаре готовились к зиме, срубая ветки вязов на дрова. Выбрали одно дерево, чьи корни после осенних ветров весьма ненадежно держались в мягкой почве возле ручья. Джуд Пэйнтер с Джеком Кобблдиком привязали веревку к одной из высоких веток и пилили ствол двуручной пилой. Поработав пару минут, они отходили и тянули за веревку, проверяя, не поддастся ли дерево. Остальные домочадцы вышли в вечерние сумерки, чтобы понаблюдать. Демельза всё порхала вокруг, пытаясь помочь. Пруди же, скрестив свои сильные руки, похожие на узловатые корни дерева, стояла рядом и давала непрошенные советы.

Она обернулась к Россу, нахмутив густые брови.

- Я заберу кобылку. Как прошли крестины-то? Глотнули элю? А кроха-то, радость ихняя, похож на Фрэнсиса?

- Похож. Что с Демельзой?

- В своей стихии. Я все твержу Джуду, что накличет девка на себя беду своим поведеньицем-то. Она такая, после того как папаша ейный ушел.

- Ее отец? Что ему здесь понадобилось?

- Не прошло и полчаса с вашего ухода, как он заявился. В этот раз сама трезвость и в выходных бриджах. "Хочу дочурку повидать" - заявил, тихий такой, как старый медведь. Ну она и вышла, запинаясь, из дому к нему навстречу.

- Ну и?

- Вы не с той стороны-то тянете, - подала совет Пруди голосом органной трубы. - Да не свалится оно, если будете, как возле майского дерева хороводы-то вертеть.

К счастью, ответ Джуда отнес ветер. Росс медленно пошел к ним, и Демельза вприпрыжку побежала ему навстречу, что делала лишь в приподнятом настроении.

Так все-таки разлука растопила сердце, и отец с дочерью наконец-таки воссоединились. Конечно, ей захочется вернуться домой, и беспочвенным злостным сплетням будет положен конец.

- Оно не упадет, - произнесла Демельза, повернувшись, когда дошла до Росса. Откинув прядь, она посмотрела на дерево. - Оно сильнее, чем мы подозревали.

Глупые злостные сплетни. Злонамеренные и пустые, грязные сплетни. Стоило свернуть Полли Чоук её тощую никчемную шею. Пусть Элизабет ему и не досталась, но он еще не пал так низко, чтобы соблазнить свою же кухарку. Уж кого-кого, но Демельзу, чье грязное, худенькое детское тельце он поливал холодной водой, когда она пришла к ним не так уж давно. С тех пор она подросла. Росс подозревал, что в сознании местных сплетников просто не укладывается мысль, что сын Джошуа может вести холостяцкую жизнь. У некоторых женщин мозги, как сточная канава; если нет грязи, так им нужно ее создать.

Демельза вздрогнула и неловко на него посмотрела, словно почувствовав, что он ее изучает. Она напоминала ему норовистого жеребенка, со своими длинными ногами и упрямым взглядом. Когда она была в одном из своих настроений, как называла их Пруди, то от нее всего можно было ожидать.

- Приходил твой отец, - сказал он.

Лицо Демельзы просветлело.

- Дааа! Я с ним помирилась. Я так рада! - взгляд её изменился, когда она попыталась прочесть выражение лица Росса. - Я неправильно поступила?

- Конечно же, правильно. Когда он хочет, чтобы ты вернулась?

- Желай он этого, разве смогла бы я с ним примириться? - Демельза довольно рассмеялась легким, заразительным смехом. - Он не хочет, чтобы я возвращалась, потому что женился. В прошлый понедельник он привел вторую жену! Так что теперь он готов быть добряком, и мне не придется думать каждую ночь, как там поживает братец Люк, или не скучает ли по мне братик Джек. Вдова Чегвидден присмотрит за ним получше меня. Она методистка и проследит,

чтобы всё было в порядке.

- Хм, - кашлянул Росс. Значит, он так и не избавится от своей подопечной.

- Полагаю, она думает, что ей удастся исправить отца. Она верит, что сможет сделать его трезвенником. Вот только, сдается мне, тут она обожжется.

Двое мужчин, пару минут поработав пилой, торжественно подошли к концу веревки и принялись тянуть. Росс, навалившись, присоединился к ним. Упрямая душа Росса была довольна тем, что ему не выпал легкий способ справиться с этими непристойными сплетнями. Пусть себе брешут, пока языки у них не отвалятся.

Но, несомненно, Элизабет не поверит подобным слухам.

Он с усилием дернул веревку, и она оборвалась как раз там, где была привязана к ветке дерева. Росс вместе с Джудом и Джеком плюхнулся на землю. Гаррик, который гонялся за кроликами и пропустил всё веселье, примчался из долины и юлил вокруг мужчин, а когда Джуд опустился на колени, начал лизать ему лицо.

- Черт бы побрал эту проклятушую суку! - сплюнув, проворчал Джуд.

- Ну и на гниль же ты полагаешься - сказал Росс. - Где ты только ее раздобыл?

- В библиотеке...

- У неё только один конец сгнил, - заметила Демельза. - Остальное сгодится.

Она подобрала веревку и стала карабкаться по дереву, как игривый котенок.

- Вернись! - велел Росс.

- Она и в первый раз её привязала, - произнес Джуд и попытался пинком достать Гаррика.

- Это не ее дело, но теперь... - Росс подошел ближе. - Демельза! Спускайся!

На этот раз она его услышала и остановилась, выглянув из-за ветвей.

- В чем дело? Я почти добралась.

- Тогда завяжи её и спускайся.

- Я завяжу ее на ветке повыше.

Демельза поставила ногу наверх и вскарабкалась на пару футов повыше.

- Спускайся!

Но тут раздался зловещий треск.

- Поберегись! - закричал Джуд.

Демельза замерла и посмотрела вниз, как никогда напомним потерявшую под собой опору кошку. Когда дерево начало падать, она завизжала. Росс отскочил в сторону.

Дерево упало с гулким стуком, словно съехала вниз целая крыша из сланцевой черепицы.

Раздался удар, и затем воцарилась тишина.

Росс метнулся к дереву, но не смог подобраться к стволу из-за раскинувшихся ветвей. Внезапно из самой гущи листвы вынырнула Демельза и начала выбираться, раздвигая в сторону ветки. Со стороны конюшни показалась размахивающая руками Пруди с криками.

- О Господи! Лопни мои глаза!

Джек Кобблдик добрался со своей стороны до девушки первым. Им пришлось отрубить несколько небольших веток, чтобы высвободить одежду Демельзы. Она выползла со смехом. Руки её были в царапинах, колени кровоточили, а одна лодыжка вся исполосована, но других увечий она не получила.

Росс сердито на нее посмотрел.

- Впредь будешь слушаться меня. Мне не нужны сломанные руки или ноги.

Под взглядом Росс её смех оборвался.

- Да, - она слизнула кровь с ладони и бросила взгляд на платье. - Боже мой, да я всё платье изодрала, - она повернула шею под невообразимым углом, стараясь осмотреть спину.

- Забери дитя и дай ей что-нибудь, чем перевязать раны, - сказал Росс Пруди. - Теперь я за нее в ответе.

***

А в Тренвит-хаусе праздничный вечер близился к завершению.

Когда отбыли гости, которые не оставались на ночь, дом погрузился в уныние и забвение. Безветренная погода и ярко алеющие угли камина сделали зал непривычно уютным, и на пяти мягких стульях с высокой спинкой полукругом восседали родственники, потягивая портвейн.

Наверху на большой кровати под балдахин Чарльз Полдарк у порога смерти судорожно глотал спертый воздух, единственное средство, которое оставила ему медицина. В соседней комнате западного крыла Джеффри Чарльз, у порога своей жизни, впитывал в себя материнское молоко, альтернативу которому научная медицина еще не нашла.

В течение последнего месяца Элизабет пережила всевозможные потрясения. Рождение ребенка оказалось главным событием всей её жизни, и, глядя на кучерявую макушку светлой головки Джеффри Чарльза, прижатую к её белой коже, она преисполнилась трепетным чувством гордости, достоинства и счастья. После рождения сына смысл ее жизни изменился. Она приняла, с радостью ухватилась за пожизненный материнский долг, гордую и всепоглощающую обязанность, на фоне которой меркнут все обычные обязательства.

После длительного периода сильного упадка сил она внезапно начала поправляться, и уже на прошлой неделе чувствовала себя привычно здоровой. Но она осталась рассеянной и ленивой, радуясь возможности полежать и подумать о сыне, наблюдая, как тот спит в её объятиях. Элизабет крайне огорчало, что, оставаясь в постели, она перекладывала все заботы на плечи Верити, но не могла собраться с духом, чтобы рассеять чары праздности и привычно хлопотать по дому. Она просто не могла переносить расставание с сыном.

Этим вечером она лежала, прислушиваясь к шагам, раздававшимся в старом доме. За время

своей болезни Элизабет, обладавшая острым слухом, изучила каждый звук; любая распахнутая дверь звучала по-своему: дисканты и басы ржавых петель, щелчки и лязг всевозможных щеколд, скрип отошедших половиц или пола, незастеленного коврами. Так что она могла проследить передвижение любого домочадца в западном крыле дома.

Миссис Табб принесла ей ужин: ломтик грудки каплуна, вкрутую сваренное яйцо и стакан теплого молока. К девяти часам пришла Верити и посидела с ней десять минут. Верити вполне удалось справиться со своим разочарованием, подумалось Элизабет. Она стала чуточку тише, чуть больше занята делами по хозяйству. Верити обладала восхитительной силой ума и уверенностью в своих силах. Элизабет была признательна ей за стойкость духа. Сама она ошибочно полагала, что ей недостает этих качеств, и восхищалась ими в Верити.

Отец дважды открыл глаза, сказала ей Верити, и удалось заставить его сделать глоток бренди. Он никого не узнает, но уже засыпает легче, что внушает надежду. Она собирается сидеть при нем, на случай, если ему что-то понадобится. Подремать она успеет в его кресле.

В десять часов поднялась миссис Чайновет и настояла на том, чтобы пожелать дочери спокойной ночи. Она так пылко говорила про бедного Чарльза, что разбудила его внука. А затем, что особенно ненавидела Элизабет, продолжила говорить, пока Элизабет кормила сына. Но наконец она ушла, и ребенок заснул. Элизабет растянулась на постели и радостно прислушивалась к шагам Фрэнсиса, раздающимся в соседней комнате. Вскоре он зайдет пожелать ей доброй ночи, а потом её укутают ночь и покой до самого утра.

Он вошел, ступая с крайней осторожностью, остановился на мгновение, чтобы взглянуть на спящего ребенка, а затем присел на край кровати и взял Элизабет за руку.

- Моя бедная жена как всегда обделена вниманием, - произнес он. - Твой отец не один час без передышки жаловался на Фокса и Шеридана, а ты тут заперта одна, пропустив все прелести разговора.

В его подшучивании крылась нотка обиды. Фрэнсис слегка расстроился, когда она рано отправилась спать. Но при виде Элизабет обида растаяла, уступив место любви.

Некоторое время они шептались, затем он потянулся к ней и поцеловал. Элизабет бессознательно подставила губы, и только когда его руки обняли ее, поняла, что легким поцелуем дело сегодня не закончится.

Спустя мгновение он отодвинулся и озадаченно улыбнулся.

- Что-то не так?

Она указала на детскую кроватку.

- Ты разбудишь его, Фрэнсис.

- Ох, он только что поел. И спит крепко. Ты ведь сама мне сказала.

- Как отец? - спросила она. - Ему лучше? То, что некоторые этого не понимают...

Он пожал плечами, чувствуя, что вел себя неправильно. Он вовсе не радовался тому, что отец слег; как и не был безучастен к возможному исходу, но чувство к ней было чем-то другим. И одно другому не противоречило. Сегодня он отнес ее на руках вниз. Его огорчило, что она исхудала, но он всё же был рад чувствовать тяжесть в хрупкой Элизабет. С того самого

мгновения его преследовал запах Элизабет. Прикидываясь, что развлекает гостей, он на самом деле не сводил с нее глаз.

- Мне сегодня нехорошо. Болезнь твоего отца очень меня расстроила.

Как и всех гордых мужчин, Фрэнсиса задевало, когда его отвергали подобным образом. В такие мгновения он чувствовал себя похотливым школьником.

- Ты когда-нибудь почувствуешь себя лучше? - спросил он.

- Это нечестно, Фрэнсис. Не по своей же воле я чувствую слабость.

- Как и не по моей, - раздражительность, накопившаяся в нем за долгие месяцы воздержания, вырвалась наружу. Как и еще многое другое. - Я заметил, что с Россом сегодня ты не хмурилась и не выглядела слабой.

В её глазах вспыхнуло негодование. Сразу же после её ссоры с Россом брошенные им слова нашли в ней отклик и оправдание. Она не получала от него никаких вестей и жалела его. Долгие месяцы своей беременности она большей частью думала о Россе, о его одиночестве, о потухших глазах на изувеченном шрамом лице. Как и все люди, она не могла удержаться от сравнения того, что имела, с тем, что могла получить.

- Пожалуйста, только его не впутывай.

- Как я могу? - воскликнул он, - если ты сама его не оставляешь.

- Что ты хочешь этим сказать? Росс ничего для меня не значит.

- Может, ты начала об этом жалеть?

- Ты, наверное, пьян, Фрэнсис, раз говоришь со мной подобным тоном.

- Так и вертелась вокруг него днем. Росс, сядь со мной рядом. Росс, разве мой малыш не прелесть? Росс, отведай кусочек пирога. Боже мой, сколько суеты.

- Ты ведешь себя, как ребенок, - задыхаясь от злости, произнесла Элизабет.

Фрэнсис поднялся.

- Росс, уверен, не вел бы себя, как ребенок.

- Да, уверена, не вел бы. - ответила она, стараясь задеть мужа.

Они посмотрели в глаза друг другу.

- Пожалуй, слишком откровенно, не считаешь? - сказал Фрэнсис и удалился.

Он ворвался в свою комнату и, невзирая ни на спящего малыша, ни на больного, хлопнул дверью. Затем кое-как разделся, побросав одежду на пол, и завалился спать.

Он лежал, заложив руки за голову, и не смыкал глаз еще час, пока его не окутал сон. Его терзали разочарование и зависть. Вся его любовь и желание превратились в горечь, пустоту и уныние.

И не было рядом никого, чтобы подсказать, что он ошибался в своей ревности к Россу. Не было рядом никого, чтобы сказать, что теперь у него появился еще один и более сильный соперник.

Не было никого, чтобы предупредить его о Джеффри Чарльзе.

Глава семнадцатая

В развивающемся разуме Демельзы одной из комнат в Нампаре отводилась особая роль. Этой комнатой была библиотека.

Ей потребовалось длительное время, что рассеять свое недоверие к мрачному и пыльному помещению. Недоверие, являющееся следствием одной ночи, проведенной в просторном алькове, или, вернее, рядом с ним. Впоследствии она обнаружила, что вторая дверь в той спальне ведет в библиотеку, и часть страха тех первых часов перешла и на комнату за второй дверью.

Но страх и влечение идут рука об руку, как отталкивая нас, так и притягивая, и раз ступив в ту комнату, Демельза никогда не уставала в нее возвращаться. После своего возвращения Росс привел комнату в порядок, потому что каждая ее частица навевала воспоминания о детстве, матери, отце, их голосах, думах и утерянных надеждах. Для Демельзы тут не было воспоминаний, только открытия.

Половину предметов она никогда раньше не видела. Для некоторых из них даже её изобретательный ум не мог найти применения, а поскольку она не умела читать, то и стопки желтых бумаг, бирки и ярлычки, прикрепленные к некоторым предметам, не могли ей помочь.

Тут хранилось носовое украшение "Мэри Бэкингем", которую, как поведал ей Джуд, выбросило на берег в 1760 году, через три дня после рождения Росса. Демельзе нравилось водить пальцем по обводам фигуры. Тут же лежал и резной сундук с гафельной шхуны [7], которая разбилась у Дамзель-Поинт, а затем её отнесло к Хендроне, где после этого пески и песчаные холмы не одну неделю чернели угольной пылью. Здесь хранились и образцы оловянной и медной руды, многие без ярлычков и все бесполезные. Были тут и рулоны парусины для починки парусов и четыре окованных железом сундука, о содержимом которых ей оставалось лишь гадать. Стояли и старинные часы с недостающими частями. Демельза провела не один час над гириями и ходиками, пытаясь понять, как работает механизм.

Тут также лежали: кольчуга, ужасно ржавая и древняя, две потрепанные куклы, самодельная лошадка-качалка, шесть или семь негодных мушкетов, спинет, когда-то принадлежавший Грейс, две французские табакерки, музыкальная шкатулка, рулон съеденных молью гобеленов с какого-то корабля, шахтерские кирка с лопатой, штормовой фонарь, полбочонка пороха для взрывных работ и приколотый на стену чертеж шахты Грэмблера 1765 года.

Из всех находок наибольшее ее восхищение вызвали спинет и музыкальная шкатулка. Однажды, после часа возни, Демельзе удалось убедить музыкальную шкатулку заработать. Шкатулка играла два трогательных менуэта. От радости и восхищения Демельза закружилась на одной ноге вокруг шкатулки, а Гаррик, решив, что это новая игра, тоже скакал по кругу и успел откусить кусочек её юбки. Когда музыка оборвалась, Демельза поспешно спряталась в углу, на случай если кто ненароком услышал музыку, поднимется и найдет их здесь.

Величайшей находкой оказался и спинет, только проблема состояла в том, что Демельза не умела на нем играть. Раза два, когда она убедилась, что никого нет рядом, она отважилась

сыграть, и звуки заворожили её еще сильнее, несмотря на то, что были нестройными. Она не могла от них оторваться, и ей хотелось слушать их снова и снова. Однажды она обнаружила, что чем дальше её пальчики бегут вправо, тем тоньше звук. Это открытие рассеяло загадку. Демельза поняла, что легче будет составить мелодию, исходя из этого правила, нежели пытаться разобрать ту ужасную паутину, что люди зовут нотной грамотой.

***

Чарльзу Полдарку с трудом удалось оправиться от последствий сердечного приступа, но он оказался прикован к дому на всю оставшуюся зиму. Он по-прежнему набирал вес. Вскоре Чарльз только и мог, что с трудом спускаться вниз по утрам и с синюшным лицом, со стонами и одышкой сидеть у камина в гостиной. Там он сидел часами, не произнося ни слова, пока тетушка Агата пряла или вслух бормотала тексты из Библии. Иногда вечерами он заговаривал с Фрэнсисом, расспрашивая его о шахте, или, слабо постукивая по ручке кресла, сопровождал Элизабет, игравшей на арфе. С Верити он редко общался, разве только жаловался на то, что ему не нравилось, и в основном дремал, похрапывая, в своем кресле, пока его под руки не отводили в постель.

Ребенок Джинни Картер родился в марте. Как и дитя Элизабет, он оказался мальчиком, и нарекли его Бенджамином Россом, с благословения последнего.

Через две недели после крестин к Россу заявился неожиданный гость. Илай Клеммоу под дождем прошел весь путь из Труро. Росс не видел его десять лет, но мгновенно признал его прыгающую походку.

В отличие от своего старшего брата, Илай обладал более скромными габаритами и монгольскими чертами лица. Когда он говорил, то цыкал и шамкал зубами, словно его губы были волнами, перекатывающимися через скалы во время прилива.

Сначала Илай повел угодливый разговор, расспрашивая об исчезновении брата, пытаясь дознаться, нашли ли его след. Затем голос его стал самодовольным, когда он с удовлетворением упомянул о своей хорошей должности. Личный лакей адвоката, фунт в месяц и все удобства: уютная комнатка, непыльная работенка, стаканчик-другой пунша каждый субботний вечер. Потом он спросил о пожитках своего брата, на что Росс откровенно ответил, что тот может забрать всё, что найдет в коттедже, но сомневается, осталось ли там что-нибудь, что можно унести. И тут глаза Илая сверкнули злобой, которую по своей раболепной натуре, он всё это время скрывал.

- Вне всяких сомнений, - сказал он, причмокивая губами, - соседи уже растащили всё ценное.

- Воров мы не поощряем, - заметил Росс. - И если впредь тебе захочется сделать подобные замечания, то делай их тем, кого обвиняешь.

- Однако, - сказал, моргнув, Илай, - я не ошибусь, если скажу, что брата выгнали из дома лживыми сплетнями.

- Твой брат покинул дом из-за того, что не смог умерить своих желаний.

- И что, совершил он что-нибудь?

- Что-нибудь?

- Что-нибудь дурное.

- Мы смогли это предотвратить.

- Да, но его прогнали из собственного дома безо всякой причины, и, может, он помер с голодухи. Даже закон не говорит, что человека можно наказать за то, что он еще не совершил.

- Да не выгоняли его из дома.

Илай потерял шляпу.

- Конечно, ни для кого не секрет, что вы всегда нас изводили. Вы да ваш папаша. Ваш отец ни за что ни про что засадил Рубена в колодки. Такое воспоминание не скоро забудешь.

- Считай, тебе повезло, - произнес Росс, - что сегодня не унесешь с собой еще одно воспоминание. Даю тебе пять минут, чтобы убраться с моей земли.

Илай сглотнул и вновь зашамкал.

- Но, сэр, вы ведь сами только что сказали, что я могу пойти и взять, что найду ценное из имущества брата. Вы сами так сказали. Так будет справедливо.

- Я не вмешиваюсь в жизнь своих арендаторов, пока они не вмешиваются в мою. Отправляйся в дом и бери, что пожелаешь. А потом возвращайся в Труто и носа оттуда не высывай, потому что в здешних землях ты нежеланный гость.

Глазки Илая Клеммоу сверкнули, и казалось, он хочет что-то добавить. Но затем он передумал и молча вышел из дома.

Так получилось, что Джинни Картер, нянчившая ребенка у верхнего окна, увидела, как в дождь из-за холма медленной прыгающей походкой показался мужчина и зашел в соседний коттедж. Он пробыл там с полчаса, а затем Джинни увидела, как он вышел, держа под мышкой два предмета.

Чего она не заметила, так это задумчивого выражения на его хитрой монгольской физиономии. Своим редкостным чутьем Илай догадался, что менее недели назад в коттедже кто-то проживал.

***

Той ночью поднялся яростный ветер и не стихал весь следующий день. В ту же ночь поползли слухи, что в залив зашел корабль и дрейфует вдоль берега между Нампарой и Солом.

Демельза провела большую часть дня так же, как и проводила все те дни, когда ливень отменял всё, кроме самой неотложной работы вне дома. Будь Пруди немного изобретательней, она могла бы обучить девочку чему-то большему, нежели аккуратному, но примитивному шитью, которым она теперь владела, ведь кроме этого еще можно было научить её ткать и прясть. Но эти занятия не были в числе представлений Пруди о ведении домашнего хозяйства. Когда работы было не избежать, она ее выполняла. Но любой предлог годился, чтобы празднично усесться, сбросить башмаки и устроить чаепитие. Так что сразу же после ужина Демельза прокралась в библиотеку.

Этим вечером она, по чистой случайности, сделала самое большое открытие из всех. В преждевременном сгустившихся сумерках она обнаружила, что один из сундуков заперт не на замок, а на потайную защелку. Демельза подняла крышку и увидела, что сундук полон одежды.

Тут были платья и шарфы, треуголки и отороченные мехом перчатки, парик, красные и синие чулки и пара женских зеленых кружевных туфель с голубыми каблукками. Нашла Демельза и муслиновую шаль, и страусовое перо. Тут же лежала бутылка с жидкостью, запахом напоминавшая джин, единственный знакомые ей алкогольный напиток, и вторая с тем же запахом, но наполовину пустая.

Несмотря на то, что она задержалась дольше обыкновения, Демельза не могла заставить себя уйти, вновь и вновь переходя от бархата к кружевам и шелку, приглаживала их и вытряхивала крошки сухой лаванды. Кружевные туфельки с голубыми каблукками Демельза не решилась примерить, слишком изящными они казались, чтобы быть настоящими. Страусиное перо Демельза понюхала и прижала к щеке. Затем она обернула его вокруг шеи, надела меховую шляпку и принялась выделывать на цыпочках пируэты, изображая из себя знатную даму, Гаррик же ползал у ее ног.

вернуться

7

Гафельная шхуна - парусное судно с двумя и более мачтами и преимущественно косыми парусами.

Ее окутали сумерки, но она витала в грезах, пока не очнулась, обнаружив, что больше ничего не может разглядеть. Она была одна в мрачном зале с холодными сквозняками и дождем, просачивающимся сквозь ставни.

Перепуганная Демельза метнулась к сундуку, затолкала в него всё, что смогла найти и закрыла крышку, а затем прошмыгнула через большую спальню на кухню.

Пруды пришлось самой зажечь свечи, и она разразилась сварливыми наставлениям, которые Демельза, не желавшая отправляться спать, ловко поддерживала, пока те не перешли в историю о жизни Пруды. Так что она как раз поднялась наверх и не спала, когда Джим Картер с Ником Вайгасом пришли сообщить, что у берега корабль терпит бедствие. Когда Росс, которого оторвали от чтения, собрался выйти вместе с ними, то обнаружил Демельзу с повязанным на голове платком и двумя старыми мешками на плечах. Она спросила, может ли тоже пойти с ними.

- Тебе лучше лечь спать, - сказал Росс. - Но милости прошу, если тебе мокнуть охота.

Они вышли из дома. Джуд прихватил крепкую веревку, на случай, если придется оказывать помощь.

Ночь была такой темной, что можно почувствовать себя слепым. После уюта дома налетел ветер, дующий не порывами, а постоянно. Они попытались его преодолеть, шагая, наклонившись вперед. Один из штормовых фонарей задуло, другой качался и мерцал, отбрасывая пучок света, танцующий, как клоун, и выхватывающий тяжелые ботинки, хлюпающие по мокрой траве. Пару рас сила ветра была настолько сильна, что всем пришлось остановиться, а Демельзе, молча идущей рядом, пришлось хвататься за руку Джима Картера, чтобы удержаться.

Когда они приблизились к вершине утеса, опять полил дождь, за несколько секунд вымочив их до нитки, заливаясь в рот и глаза. Им пришлось повернуться и спрятаться за изгородью, пока

тот не перестал.

На вершине утеса находились люди. То тут, то там как светлячки вспыхивали огни фонарей. В ста футах ниже, прямо под ними, мерцало еще больше огней. Они пошли по узкой тропинке, пока не добрались до широкого уступа, где стояла группа людей, обратив глаза к морю.

Прежде чем они смогли разобраться, в чем дело, на нижней тропинке показалась фигура, вынырнувшая из тьмы, как демон из ада. Это оказался Пэлли Роджерс, вода стекала с его обнаженного волосатого торса и огромной бороды лопатой.

- Плохи дела! - прокричал он. - Они сели на мель через пятнадцать минут после того как... - ветер отнес его слова. - Если бы корабль зашел чуть глубже в залив, могли бы перебросить им канат.

Он принялся натягивать штаны.

- Ты попытался до них добраться? - прокричал Росс.

- Трое наших попыталось доплыть. Но Господь воспрепятствовал. Теперь корабль долго не продержится.

Корабль повалило на борт, волны перекатываются через него. Еще до рассвета станет кучей плавающих обломков.

- Кто-нибудь из экипажа доплыл до берега?

- Двое. Но Господь забрал их души. До рассвета к ним присоединятся еще пятеро.

Между ними протиснулся Ник Вайгас. Отблеск фонаря осветил его сияющую розовую физиономию простачка с щербатой ухмылкой.

- Что за груз он нес?

Пэлли Роджерс отжал из бороды воду.

- Они сказали, что везли из Падстоу вощенный фитиль и шерсть.

Росс отошел от них и вместе с Джудом начал спускаться по утесу. Когда они добрались до самого низа, он заметил, что за ними следует Демельза.

Тут они были укрыты от ветра, но каждые несколько секунд в выступ скалы била волна и обдавала их брызгами. Начался прилив. Под ними на последнем пяточке песка мерцала группа фонарей, где люди всё еще ждали, что волнение ослабнет, чтобы рискнуть жизнью и подплыть к месту крушения. С этого места можно было различить темную массу, которая могла оказаться и скалой, но они знали, что это не так. На ней не светились огни, и не было видно никаких признаков жизни.

Росс подскользнулся на размякшей дороге, и Джим Картер схватил его за руку.

Росс поблагодарил его.

- Тут ничем нельзя помочь, - пробормотал он.

- Что вы сказали, сэр?

- Тут ничем нельзя помочь.

- Нет, сэр. Я, наверное, вернусь. Джинни будет переживать.

- Еще один показался, - завопила стоявшая рядом старуха. - Гляньте-ка, болтается на воде, как пробка. Вот нос, за ним корма. К утреннему приливу будет чем поживиться! Будет вам плавник!

Сильный порыв дождя обрушился на них, как рой насекомых.

- Прихвати с собой девчонку, - велел Росс.

Демельза раскрыла было рот, чтобы возразить, но от налетевшего порыва ветра с дождем у нее перехватило дыхание.

Росс смотрел, как они карабкаются, пока не исчезли из виду, а потом спустился, присоединившись к небольшой группе людей с фонарями на песчаном берегу.

Глава восемнадцатая

Джинни Картер шевельнулась в своей кровати. Она всё еще спала, точнее, дремала, и ей снилось, что она печет пирог стэрри-гейзи [8], а все рыбы вдруг моргнули, превратились в детей и начали плакать. Она сразу же проснулась, но этот плач до сих пор стоял у нее в ушах. Она встала и прислушалась к своему ребенку в колыбели, которую Джим сделал сам, но не было слышно никаких звуков. Скорей всего, ее фантазия разыгралась из-за стучащего по плотно закрытым ставням дождя, воя бури, пронесившейся мимо коттеджей.

И почему только Джим оставил теплую постель и вышел в такую бурную ночь в надежде подобрать что-то после крушения? Она просила его не уходить, но он не послушался. Так было всегда. Джинни всегда просила его не уходить, а он всегда находил предлог и уходил. Каждую неделю две или три ночи он отсутствовал, возвращаясь на рассвете с фазаном или жирной куропаткой под мышкой.

Он сильно изменился за последние несколько месяцев. Всё началось в январе. Однажды он пришел из шахты и слег, кашлял, кашлял и кашлял. На следующей неделе он пропал на две ночи с Ником Вайгасом и вернулся с едой, которую, учитывая потерю его заработка, взять было неоткуда. Джинни казалось неправильным говорить ему, что уж лучше бы она сидела впроголодь, чем его поймают за нарушение закона. Джим же смотрел на это иначе, его задевало и расстраивало, что она не радовалась.

Джинни, поеживаясь, выскользнула из постели и подошла к ставням. Открывать их она не стала, потому что дождь ворвался бы в комнату. Но глянув сквозь щели в ставнях, где лил дождь, она поняла, что ночь по-прежнему черна.

Ей показалось, что на первом этаже раздался шорох. Под порывами ветра весь коттедж скрипел и шатался. Скорей бы возвращался Джим.

Ей стало бы намного легче, заплачь Бенджи, ведь тогда у нее был бы предлог уложить его с собой в постель, чтобы убаюкать и почувствовать объятия его цепких ручонков. Но ребенок спал.

Она опять нырнула в постель и до носа натянула одеяло. Это все Ник Вайгас со своим порочным детским лицом виноват во вредных привычках Джима. Он плохо на него влияет. Это он вбил в голову Джима мысли, которые никогда не пришли бы ему в голову. Мысли о собственности и праве воровать еду ради пропитания. Конечно Ник использовал эти аргументы в качестве оправданий своим скользким проделкам, которые и привели его по ту сторону закона. Но проблема в том, что Джим воспринимал его идеи всерьез. Ему никогда не пришла бы в голову мысль украсть что-либо ради собственного пропитания. Но теперь он начал чувствовать себя вправе воровать еду для семьи.

По ставням забарабанил сильный порыв ветра с дождем, словно на дом навалился великан и пытался его опрокинуть. Джинни на мгновение забылась, мечтая о счастливой жизни, где еды всегда в достатке, и дети растут со смехом на устах, когда им не надо работать, чуть только научатся ходить. Внезапно она встрепенулась, поняв, что откуда-то проникает свет. Джинни увидела три или четыре лучика, пробивающиеся сквозь половицы, и её омыла теплая волна радости, что Джим вернулся. Джинни собиралась уже спуститься, чтобы узнать, что заставило его вернуться так рано, но теплая постель и сухая комната лишили её этого желания. Она вновь задремала, и вдруг её разбудил звук упавшего внизу предмета.

вернуться

8

Пирог стэрри-гейзи - традиционный корноульский пирог, приготовленный из печеной сардины с яйцом, покрытой песочным тестом.

Вероятно, Джим принес добычу и складывал ее в углу. Вот почему он вернулся так быстро. Странно, что с ним никого не было, не раздавались голоса Ника или отца. Наверное, они остались там. Лучший шанс выловить остатки после кораблекрушения появится на рассвете. Она надеялась, что они все будут осторожны. Еще и двух лет не прошло с тех пор, как Боб Триги утонул, пытаясь протянуть веревку до корабля, и оставил вдову с маленькими детьми.

Джим не позвал её. Наверное, решил, что она спит. Джинни уже открыла было рот, чтобы его окликнуть, как внезапно с неприятным предчувствием, кольнувшим сердце, подумала, что человек внизу, может, и не Джим.

Её подозрения пробудила тяжелая поступь. Джим ступал легко. Джинни присела в кровати и прислушалась.

Если это Джим, то он что-то очень неуклюже и пьяно ищет. Но со времени их свадьбы Джим пил не больше одной кружки слабого эля. Джинни ждала, и промелькнувшая в её сознании мысль внезапно обрела смысл и укрепилась.

Лишь только один человек, решила она, мог войти в дом в отсутствие Джима, мог ходить столь неуклюже и в любое мгновение мог подняться по лестнице. И он исчез несколько месяцев назад, считался мертвым. Про него ничего не было слышно так давно, что обуревавшие её страхи исчезли.

Джинни съежилась и прислушалась к ветру и движениям незнакомца. Она не шевелилась, боясь на шуметь. Она чувствовала себя так, словно её живот и легкие медленно сковывает льдом. Она ждала. Возможно, если она не будет шуметь, он уйдет. Возможно, он к ней так и не поднимется, не найдет её здесь одну. Возможно, Джим скоро вернется.

А может, Джим всё еще на берегу возле скал, смотрит, как пытаются спасти людей, которых он до этого никогда не видел, пока его жена лежит в постели, как камень, а полуголодный похотливый безумец рыскает в комнате внизу.

И тут заплакал ребенок.

Неуклюжие шаги внизу оборвались. Джинни попыталась встать с постели, но тело ей не повиновалось. Она не могла ни пошевелиться, ни продохнуть. Дитя умолкло, но затем еще пуще разревелось; его тоненький плач смешался с порывами ветра.

Наконец, Джинни вскочила с постели и схватила ребенка, впопыхах едва не выронив его из онемевших рук.

Свет внизу подпрыгивал и мерцал. На лестнице раздался скрип.

У нее не осталось слов для молитвы, как и сил, чтобы спрятаться. Она стояла рядом с кроватью, прижавшись спиной к стене, и слабо укачивала малютку напряженными руками, когда дверь люка медленно поднялась.

Стоило ей только увидеть руку, схватившуюся за сучковатую половицу, как она поняла, что предчувствие её не обмануло, что теперь ей предстоит столкнуться с тем, с чем она никогда раньше не встречалась.

***

В свете свечи, которую он держал в руке, были видны все те изменения, что наложили на него месяцы жизни в пустынных пещерах. Его лицо и руки сильно исхудали. Он был весь в лохмотьях и босоногий, спутанные волосы и борода промокли, словно он только что вылез из подводной пещеры. Но он оставался тем же Рубеном Клеммоу, каким Джинни всегда его знала, с бледными нахальными глазками, безвольным ртом и светлыми морщинами на загорелом лице.

Она поборолась в себе приступ слабости и взглянула ему в глаза.

- Где моя сковородка? - зарычал он. - Украла мою сковородку.

Ребенок на ее руках шевельнулся, судорожно раскрыл рот и вновь залился плачем.

Рубен поднялся по лестнице, и дверца люка со стуком упала. В первый раз он заметил сверток, который Джинни прижимала к себе. Рубен признал ее не сразу. А когда узнал, то на него нахлынули воспоминания. Он вспомнил нанесенную ему обиду, вспомнил, из-за чего ему приходилось избегать людей и наведываться в свой коттедж только по ночам, рану десятилетней давности, которая по-прежнему гноилась в его боку, свою похоть, ненависть к человеку, который сделал ей этого плачущего младенца, Россу Полдарку.

- Лилия, - пробормотал он. - Белая лилия... грешница...

Он так долго жил вне человеческого общества, что потерял способность выражать свои мысли. Теперь он говорил только сам с собой.

Он неуклюже выпрямился, потому что мышцы вокруг раны натянулись.

Джинни начала молиться.

Он сделал шаг вперед.

- Невинная лилия, - произнес он, но затем нечто в поведении девушки воскресило в его сознании давно забытые строки из детства.

- Для чего, Господи, стоишь вдаль, скрываешь себя во время скорби? По гордости своей нечестивый преследует бедного: да уловятся они ухищрениями, которые сами вымышляют. Ибо нечестивый хвалится похотью души своей; корыстолюбец ублажает себя.

Он достал свой нож, старый нож для разделки шкур, чье лезвие от долгого использования и заточки уменьшилось до четырех дюймов. За месяцы одиночества к желанию обладать ей примешалась жажда мести. Похоть всегда поглощает и разрушает.

Пламя свечи задрожало, и Рубен поставил её на пол, где от сквозняка свеча порывами освещала комнату и роняла воск на половицы.

- Сидит в засаде за двором, в потаенных местах убивает невинного.

Джинни потеряла голову от страха и завопила. Её голос становился всё пронзительней.

Когда Рубен шагнул к ней, она заставила себя двигаться. Джинни уже была на середине кровати, когда он настиг ее и ударил ножом ребенка. Она успела частично отвести удар, но нож окрасился кровью.

Крик девушки изменился, сорвался на животный вопль. Рубен заворожено смотрел на нож, но когда Джинни добралась до дверцы, очнулся. Когда он метнулся к ней, Джинни обернулась. Рубен ударил её ножом и почувствовал, как тот вошел в плоть. По венам его напрягшегося тела внезапно пробежала жгучая волна. Он выронил нож и смотрел, как Джинни падает.

Сильный порыв ветра задул свечу.

Рубен закричал и схватился за дверцу. Он подскользнулся на чем-то липком, и рука его коснулась женских волос. Рубен с воплем отскочил и забарабанил по половицам. Но он оказался заперт здесь навеки с тем ужасом, что сотворил.

Он забрался на кровать, слепо шаря по комнате, и нащупал ставни. Рубен с криком вцепился в них, но не мог найти щеколду. Тогда он навалился на них всем телом, и ставни распахнулись. С ощущением освобожденного узника Рубен выпал из окна, из своего заточения и из жизни - прямо на камни внизу.

Книга вторая

Апрель-май 1787 года

Глава первая

Одним ветреным днем 1787 года за обеденным столом в гостиной Нампары сидело шестеро джентльменов.

Они неплохо отобедали и выпили вина. Им подавали: огромный кусок трески, филе барашка, куриный пирог, голубей, телятину с хрустящим хлебом; абрикосовый пирог, миндаль и изюм со

сливками. Мистер Хорас Трenegлос из Мингуза, мистер Ренфрю из Сент-Агнесс, доктор Чоук из Сола, капитан Хеншоу из Грамблера, мистер Натаниэль Пирс - нотариус из Труро и хозяин дома, капитан Полдарк.

Они собрались, чтобы одобрить подготовительные работы в Уил-Лежер и решить, стоит ли им рисковать добрым золотом для добычи меди. Именно ради этого важного дела мистер Трenegлос оторвался от своих греков, доктор Чоук - от охоты, а мистер Пирс - от камина, прогревающего его подагру.

- Что ж, - произнес мистер Трenegлос, который согласно своему положению и почтенному возрасту занимал место во главе стола, - я не собираюсь идти наперекор мнению специалиста. Мы тут всё судачили и болтали более двух лет, и если капитан Хеншоу решил, что стоит начать разработку, то черт меня дерь, рискуем мы не только моими, но и его деньгами, а кому, как не ему знать, что делать!

Послышался одобрителный ропот и удовлетворенные побрякивания. Мистер Трenegлос приложил руку к уху, чтобы уловить обрывки фраз.

Доктор Чоук кашлянул.

- Естественно, мы все считаемся с опытом работы капитана Хеншоу на шахтах. Но успех нашего предприятия зависит не только от разработки залежи. Будь так, мы бы начали уже двенадцать месяцев назад. Состояние рынка, вот что диктует нам условия. Не далее как на прошлой неделе мне довелось посетить пациента в Редрате, который страдал от нарывов. Собственно говоря, он не мой пациент, но доктор Прайс созвал нас на консилиум. Бедняга находился в ужасном состоянии, когда я прибыл в его внушительный особняк с прекрасной подъездной аллеей, мраморной лестницей и другими достойными восхищения признаками утонченного вкуса. Но совместными усилиями нам удалось облегчить его состояние.

Этим джентльменом оказался акционер шахты Долли-Коут, и он обмолвился, что решено закрыть нижние уровни.

Наступило молчание.

Мистер Пирс, багровый и улыбающийся, произнес:

- Вообще-то на прошлой неделе до меня тоже дошли подобные слухи, - он умолк на мгновение, почесав под париком, и доктор Чоук продолжил:

- Если самый большой в мире медный рудник уменьшает объемы выработки, то есть ли у нашего небольшого предприятия перспектива?

- Нам это не грозит, если стоимость издержек останется на низком уровне, - сказал Росс, который сидел с другого конца стола. Его худое благородное лицо раскраснелось от выпитого и съеденного. Отпустив длинные бакенбарды, Росс частично скрыл шрам, но его кончик всё еще тянулся бледно-коричневой бороздой вдоль щеки.

- Цены на медь могут упасть и ниже, - заявил доктор Чоук.

- Что вы изволили сказать? В чем дело? - спросил мистер Трenegлос. - Я его не слышу, - пожаловался он себе под нос. - Неплохо бы ему говорить громче.

Чоук, повысив голос, повторил.

- Или в равной мере могут подняться, - последовал ответ.

- Позвольте объяснить вам мою точку зрения, - произнес Росс. - На первый взгляд нынешнее положение весьма неудачно для начала предприятия, большого или малого. Но не стоит упускать из виду несколько благоприятных для нас деталей. Цена на руду регулируется спросом и предложением. В нынешнем году закрылись два крупных рудника и несколько небольших. За Уил-Рис и Уил-Форчун вскоре последует и Дол-Коут. Это вдвое снизит объемы добычи в Корнуолле. Поставки на рынок сократятся, и цена на медь поднимется.

- Сущая правда, - поддакнул капитан Хеншоу.

- Я согласен с капитаном Полдарком, - в первый раз заговорил мистер Ренфрю. Он был подрядчиком из Сент-Агнесс и, следовательно, имел двойной интерес, но с тех пор робел перед столь многочисленным обществом джентльменов.

Голубоглазый капитан Хеншоу подобной застенчивостью не страдал.

- Если брать в расчете на тонну, наши затраты даже половины расходов Уил-Рис не составят.

- Как представителю своих клиентов, миссис Жаклин Тренвит и мистера Окетта, а также мне лично хотелось бы знать, какое количество руды мы должны добыть, чтобы выйти на прибыль. Что вы на это скажете?

Капитан Хеншоу поковырялся в зубах.

- Заранее не угадать, сколько прибыли получишь с продажи руды. Ведь не секрет, что медные компании стремятся скупить сырье по дешевке.

На что Росс ответил:

- Думаю, мы не обеднеем, если получим по девять фунтов за тонну.

- Пожалуй, стоит взглянуть на ваши чертежи, - произнес мистер Трениггос. - Где карта старых разработок? Так мы лучше вас пойдем.

Хеншоу встал из-за стола и принес большой свиток, но Росс его остановил.

- Придется стол расчистить.

Он позвонил, и пришла Пруди в сопровождении Демельзы.

Это было первое появление Демельзы, и она оказалась в центре множества любопытных взглядов. Все, кроме мистера Трениггоса, который жил в своем обособленном мире, знали что-либо из ее истории или сплетен о её пребывании в доме Росса. Слухи давно поросли быльем, но отмирали нехотя, ведь их источник никуда не исчез.

Их глазам предстала высокая семнадцатилетняя девушка с черными распущенными волосами и большими темными глазами, блеск которых смущал, если встретиться с ними взглядом. Блеск в глазах выдавал удивительную любовь к жизни и потаенную страсть, но больше в ней не было ничего примечательного.

Мистер Ренфрю украдкой шурился на нее близорукими глазами. Мистер Пирс, убрав подагрические ноги от греха подальше, осмелился поднять свой монокль, когда решил, что Росс не видит. Затем мистер Трениггос расстегнул верхнюю пуговицу своих бриджей, и все

склонились к карте, которую капитан Хеншоу развернул на столе.

- Итак, - произнес Росс. - Здесь у нас старая шахта Уил-Лежер и направление оловянной жилы.

Он продолжил обрисовывать положение, пояснив, под каким углом бить шурфы и дренажные штольни, которые протянутся от утеса Лежер для откачки воды из шахты.

- А здесь у нас что? - ткнул мистер Трenegлос коротким желтоватым от табака пальцем в уголок карты.

- Насколько нам известно, здесь проходит граница разработок в шахте Треворджи, - сказал Росс. - Все точные карты были утеряны. А это старые разработки, еще тех времен, когда мой прадед приехал в Тренвит.

- Хм, - сказал мистер Трenegлос. - Они знали тогда, что искать. Да, - согласился он вполголоса, - они знали.

- Что вы имеете в виду, сэр? - поинтересовался мистер Ренфью.

- Что, простите? Да будь я проклят, если старики не добывали олово вот здесь и здесь. Они разрабатывали жилу на Лежере еще до того, как ее нашли на моей земле. Вот что я имею в виду.

- Я думаю, он прав, - сказал Хеншоу с внезапно проснувшимся интересом.

- Каким образом это может нам помочь? - спросил мистер Пирс, почесываясь.

- Это означает лишь то, - объяснил Росс, - что наши предки не зря проделали весь этот путь в таких условиях. Они, как тогда было принято, предпочитали только самые неглубокие выработки. Но они были вынуждены. Если они забрались так далеко, то, должно быть, нашли что-то стоящее разработки.

- Думаете, что это всё одна большая жила, так? - спросил мистер Трenegлос. - Возможно ли, чтобы она так далеко тянулась, Хеншоу? Известны ли еще подобные, что тянутся так далеко?

- Мы не знаем и не узнаем, сэр. Сдается мне, шли они за оловом, а наткнулись на медь. Вот как мне кажется. Это вполне возможно.

- Я глубоко уважаю древних, - сказал мистер Трenegлос, открывая свою табакерку. - Загляните в Ксенофана. Плотина. Демокрита. Они были мудрее нас. И нет ничего зазорного в том, что мы пойдем по их стопам. Во что нам это обойдется, мой дорогой мальчик?

Росс и Хеншоу переглянулись.

- Я готов с самого начала и без всякой оплаты занять место управляющего и главного казначея. А капитан Хеншоу будет осуществлять контроль на начальном этапе за номинальную плату. Мистер Ренфью, получив от сделки минимальную прибыль, снабдит нас инструментами и оборудованием. А я договорился с банком Паско о поддержке нашего начинания тремя сотнями гиней для покупки лебедек и прочего тяжелого оборудования. Пятьдесят гиней с каждого покроют наши расходы за первые три месяца.

На мгновение воцарилось молчание, и Росс оглядел их лица, цинично слегка приподняв бровь. Он привел наименьшую из возможных сумм, зная, что большие цифры вновь бы загнали

переговоры в тупик.

- Восемь по пять, - подал голос мистер Трenegлос. - И три от Паско, в сумме - семь. Семь сотен на расходы, с каждого по пятьдесят, как по мне - вполне разумно, нет? Ожидал, как минимум, сто, - и добавил себе под нос: - Не менее ста, уж точно.

- Это только первые расходы, - заметил Чоук. - Только на первые три месяца.

- И всё равно, вполне разумно, джентльмены, - отозвался мистер Ренфрю. - Времена нынче дорогие. Вряд ли стоит рассчитывать на менее затратное участие в прибыльном предприятии.

- Совершенно верно, - сказал мистер Трenegлос. - Что ж, я за то, чтобы начать действовать немедленно. Голосуем поднятием рук или как?

- Этот заем из банка Паско, - процедил доктор Чоук. - Это ведь означает, что нам придется вести через него все дела? А что не так с Уорлеggанами? Разве мы не могли получить у них лучшие условия? Джордж Уорлеggан - наш близкий друг.

- Я и сам хотел задать этот вопрос, сэръ, - сказал мистер Пирс.

- Джордж Уорлеggан и мой друг, - ответил Росс. - Но я не думаю, что следует смешивать дружбу и дела.

- Да, если это наносит ущерб делам, - заявил доктор. - Но банк Уорлеggана - крупнейший в графстве. И самый современный. Паско такой старомодный, он уже сорок лет топчется на месте. Я знал Харриса Паско еще мальчишкой. Он всю жизнь сидит в своем болоте.

- Думаю, мои клиенты предполагали, что это будет банк Уорлеggана, - сказал мистер Пирс.

Росс набил трубку.

Мистер Трenegлос расстегнул очередную пуговицу на бриджах.

- А для меня что один банк, что второй - всё едино. Звучит-то одинаково, а? Ведь в этом всё дело? Полагаю, что у вас есть причины обратиться именно к Паско, да, Росс?

- Между мной и Уорлеggанами, что отцом, что сыном, нет вражды. Но для партнерского банка они уже владеют слишком большим числом шахт. Я не хочу, чтобы они завладели и Уил-Лежер.

- Уорлеggанам не стоит знать о том, что вы только что сказали, - нахмурил густые брови Чоук.

- Вздор. Я не сказал ничего такого, что и так всем не известно. С помощью своих марионеточных компаний они напрямую владеют десятком шахт и имеют крупные доли еще в десятке других, включая Грамблер и Уил-Пленти. Если завтра они решат закрыть Грамблер, то сделают это, как закрыли Уил-Рис. Тут нет ничего тайного. Но если откроется Уил-Лежер, то я предпочту, чтобы такие решения оставались в руках участников предприятия. Сомнения - опасные друзья для человека без влияния.

- Вполне с этим согласен, джентльмены, - настороженно согласился мистер Ренфрю. - В Сент-Агнесс ходят нехорошие слухи относительно закрытия Уил-Рис. Мы знаем, что она приносила не очень большую прибыль, но всё же акционеры потеряли доходы, а две сотни шахтеров - работу. Однако тем самым на Уил-Пленти смогли урезать жалованье, поставив рабочих на

грань выживания, а юный мистер Уорлегант получил огромную прибыль!

Эта речь всколыхнула в памяти мистера Ренфрю какие-то горькие воспоминания. Тут же все одновременно начали спорить.

Мистер Тренигос постучал по столу стаканом.

- Давайте поставим это на голосование, - прокричал он. - Это единственный разумный путь. Но сначала о шахте. Пусть те, кто струсил, объявят об этом, прежде чем мы продолжим.

Все проголосовали за открытие шахты.

- Прекрасно! Великолепно! - воскликнул мистер Тренигос. - Наконец-то мы продвинулись. Теперь вопрос о банке. Те, кто предпочитает Паско...

Ренфрю, Хеншоу, Тренигос и Росс были за Паско, Чоук и Пирс - за Уорлеганга. Поскольку у Пирса имелись также голоса его клиентов, то счет вышел равным.

- Вот проклятье, - пробормотал мистер Тренигос. - Так я и знал, что это адвокатишка опять поставит нам подножку.

Мистер Пирс не мог этого не слышать и напустил на себя обиженный вид.

Но на самом деле он тайно положил глаз на долю в доходных домах мистера Тренигоса, и потому, увидев, что тот твердо стоит на своем, потратил следующие десять минут на то, чтобы извернуться и прийти к одной с ним точке зрения.

Оставшись в одиночестве, Чоук сдался, и отсутствующие Уорлеганги были побеждены. Росс знал, что их предприятие настолько мелкое, что едва ли заслуживает внимания крупного банка, но то, что Уорлегангов обошли, без сомнения, вызовет раздражение Джорджа.

Теперь, когда они преодолели главное препятствие, остальное пошло как по маслу. Капитан Хеншоу потянул длинные ноги, встал и, кивнув Россу, подошел к буфету, обогнув стол.

- Не сомневаюсь, что вы простите мне эту вольность, господа. Мы сидим за этим столом, как равные, мы и есть равные партнеры по предприятию. Хотя я и беднее прочих, моя доля - самая большая, как за счет репутации, так и из-за пятидесяти вложенных гиней. Так что я хочу провозгласить тост. За Уил-Лежер.

Остальные встали и чокнулись.

- За Уил-Лежер!

- За Уил-Лежер!

- За Уил-Лежер!

И осушили свои бокалы.

На кухне Джуд, строгающий деревяшку и мурлыкающий любимый мотивчик, поднял голову и прицельно плюнул через стол в очаг.

- Ну наконец-то дело сдвинулось. Чтоб мне пропасть, ежели они не собираются снова открыть треклятую шахту.

- Ах ты, червяк вонючий, - буркнула Пруды. - Опять чуть в мое рагу не харкнул.

Глава вторая

Когда отбыли его новоиспеченные партнеры, Росс вышел из дома и прогулялся по своим владениям к шахте. К пляжу и песчаным холмам он не спустился, сделав полукруг по возвышенности. Уил-Лежер находилась как раз на полпути к пляжу Хендрона, где песчаные холмы сменялись скалами.

Пока что тут почти не на что было смотреть. Пара неглубоких туннелей, тянувшихся вниз, и ряд канав, оставшихся еще от предков; новый туннель с лестницей; несколько полосок дерна, срезанных там, где начали новые работы. Пока он совершал обход, зайцы так и петляли, мелькая хвостами, посвистывал кулик, а в жесткой траве шумел разыгравшийся ветер. Негусто, но к концу лета картина изменится.

За годы составления планов и их крушений эта мысль всё больше укреплялась в нем, пока не показалась Россу привлекательной. Предприятие должно было стартовать еще восемнадцать месяцев назад, если бы не мистер Пирс, закономерно заботившийся о безопасности вложений тех, кого представлял, и колебаний (вкуче с пессимизмом) Чоука, о введении в дело которого Росс теперь жалел. Все остальные были игроками и с готовностью принимали риск. Несмотря на все блестящие доводы, приведенные Россом сегодня, еще год назад дело не двигалось с мертвой точки. Но старина Трэнелос явил воинственный пыл и повел за собой остальных. Верх в конце концов взяли игроки. Остальное покажет будущее.

Росс посмотрел вдаль, где в долине едва виделись дымоходы поселка Меллин.

Теперь он сможет помочь Джиму Картеру, протянув ему руку помощи без каких-либо намеков на милостыню, которую парень ни за что не примет. Его можно привлечь в дело как помощника казначея, чтобы частично снять с плеч Росса контроль за ведением дел. А уже позже, когда Джим научится читать и писать, никто не станет возражать, если положить ему жалованье в сорок и больше шиллингов в месяц. Это поможет Джиму с Джинни забыть трагедию двухлетней давности.

Росс вновь принялся вышагивать по участку, где заложат первый шурф. По иронии судьбы, исход трагедии в поселке Меллин в физическом плане мог быть намного хуже. Трагедия унесла лишь одну жизнь, самого Рубена Клеммоу. Малыш Бенджамин Росс отделался порезом на голове и щеке, который останется небольшим шрамом. Джинни спасло лишь то, что ножевой удар едва разминулся с сердцем. Она оказалась прикованной к постели не на одну неделю, страдая от внутреннего кровотечения. Которое, как клялась её мать, мгновенно отбросившая в сторону методистское учение, она вылечила локоном волос своей прабабки. Но это было давным-давно, с тех пор Джинни оправилась и разрешилась малышкой, Мэри.

Всё могло быть гораздо хуже. Но как малыш Бенджамин будет носить на лице следы нападения, так и Джинни будет носить их в своей душе. Она стала безучастной, молчаливой, с непредсказуемым характером. Даже Джим не всегда понимал, о чем она размышляет. Когда Джим уходил на шахту, к ней на часок заглядывала мать, дружелюбно болтая о происшествиях дня. Затем она целовала дочь и возвращалась на свою расположенную в нескольких шагах кухню с нелегким чувством, что Джинни совсем её не слушала.

Джим тоже потерял свою жизнерадостность. Он не мог избавиться от чувства вины. Ему никогда не забыть мгновения, когда он вернулся домой и обнаружил у своей двери

умирающего Рубена Клеммоу. Не забыть, как вошел в спальню, когда в темноте плакал его ребенок, и то, как ему пришлось отодвинуть что-то тяжелое от дверцы люка на верхний этаж. Джим не мог избавиться от чувства, что не выйди он из дома, трагедии бы не случилось. Он перестал дружить с Ником Вайгасом, и на его кухне больше не появлялись фазаны.

По правде говоря, в них больше не было нужды, поскольку все соседи приняли их беду близко к сердцу. Соседи собрали пожертвования и прислали им всевозможные подарки. Так что пока Джинни лежала в постели и даже после ее выздоровления, они получали столь щедрые подарки, о которых раньше никогда не мечтали. Но все эти пожертвования Джим втайне ненавидел и вздохнул с облегчением, когда они прекратились. Его штрек в Грамблере приносил неплохие доходы, и они больше не нуждались в благотворительности. Им лишь было необходимо стереть воспоминания о той ночи.

Росс перестал вышагивать и посмотрел на песок. Перед ним встала извечная загадка старателя. Что таится в недрах этой земли - богатства или разочарование? Время, работа и терпение...

Росс вздохнул и глянул на небо, предвещавшее дождь. Даже если случится самое худшее, то по крайней мере они дадут тем немногим шахтерам шанс прокормить свои семьи. Все сходились в том, что во всем графстве условия сейчас хуже, чем когда-либо, да и во всей стране.

***

Условия едва ли могли быть хуже, думали они, с трехпроцентной надбавкой за сверхурочную работу.

Вся страна пришла в упадок после неравной борьбы с Францией, Голландией и Испанией, братоубийственной войны с Америкой и угрозы появления новых врагов на севере. Упадок выражался как в материальном смысле, так и в духовном. Двадцать пять лет назад Британия была владычицей мира, но падение с пьедестала оказалось слишком чувствительным. Мир наконец-то наступил, но страна осталась слишком истощенной, чтобы оправиться от последствий войны.

Стойкий двадцатисемилетний премьер-министр удерживал свое шаткое кресло от настроенных против него коалиций; но оппозиция не теряла надежды. Даже на мир и реформы следовало изыскать средства; за последние пять лет налоги подскочили на двадцать процентов, а новые налоги были крайне непопулярны. Налог на землю, налог на жилье, на слуг, на количество окон. Налоги на лошадей и шляпы, кирпичи и черепицу, полотно и ситец. Еще один налог на свечи ударил прямым по беднякам. Прошлой зимой рыбаки из Фоуи спасали свои семьи от голода, кормя их моллюсками.

Пройдет не меньше пятидесяти лет, поговаривали некоторые, пока положение не исправится.

Даже в Америке, сказали Россу, царит не меньшее разочарование. До сих пор Соединенные Штаты объединяла лишь ненависть к британской власти, но стоило только устранить эту помеху, как дали о себе знать послевоенные проблемы. Казалось, вся страна стоит на грани распада на местные автономные республики, враждующие между собой, как города средневековой Италии. Поговаривали, что Фридрих Великий, играя своими подагрическими пальцами на пианино во дворце Сан-Суси в Потсдаме, заметил, что страна стала столь неуправляемой, что в самую пору скинуть Георга III и поставить нового короля. И это замечание даже нашло отклик среди легкомысленных членов корнуолльского общества.

Благодаря непрерывной контрабандной торговле между французским и собственным побережьем, корнуольцы знали или ощущали множество других вещей. Возможно, Англия и пришла в упадок, но и в Европе дела не слаще. Время от времени из-за пролива до них доходили странные отголоски вулканических волнений. Неприязнь к извечному врагу и не уступавшая ей преданность новому союзнику склонили Францию бросить золото и своих солдат на помощь делу американской свободы. В результате страна получила дополнительный долг в размере четырнадцати миллионов ливров военных издержек, и теоретические и практические знания в области внедрения революции в умы и плоть своих мыслителей и солдат. Оковы европейской деспотии дали трещину в самом уязвимом месте.

За эти два года Росс почти не встречался ни с кем из родственников или представителей своего сословия. Подслушанный им разговор в библиотеке в день крестин Джеффри Чарльза посеял в нем презрение к ним. И хоть Росс не признавался себе, что на него каким-либо образом подействовали сплетни Полли Чоук, он понимал, о чем они треплют языком, и ему претила сама мысль об их обществе. Раз в месяц, из простой вежливости, он ехал справиться о здоровье прикованного к постели Чарльза, который не желал ни умирать, ни выздоравливать. Но когда Росс встречал там общество, то никогда не присоединялся к светской болтовне. Его в отличие от них не так интересовало возвращение Мэри Фитцгерберт с континента или скандал, разыгравшийся вокруг кольца французской королевы. В графстве было немало семей, которым не хватало хлеба и картошки, чтобы не умереть с голоду. Росс хотел, чтобы этим семьям помогли продовольствием, дабы эпидемии, свирепствовавшие в декабре и январе, не нашли среди населения легкую добычу.

Когда Росс заговаривал об этом, его слушатели сначала чувствовали себя неловко, а под конец уже обиженно. Упадок горнодобывающей промышленности и повышенные налоги больно ударили по многим из них. Они и так старались разрешить те тяжелые проблемы, с которыми им приходилось сталкиваться. И если их усилия были каплей в море, то на их взгляд, Росс делал не больше. Единственное, что общество было не готово принять, так это любую форму ответственности за текущие невзгоды или поправки к законам, чтобы те предлагали иные, менее душераздирающие способы облегчения жизни, нежели работный дом или дорога на кладбище. Даже Фрэнсис не мог этого понять. Росс чувствовал себя вторым Джеком Триппом, проповедующим с пустой кафедры.

На пути домой Росс поднялся на вершину холма и увидел вышедшую ему навстречу Демельзу. У её ног трусил Гаррик, как маленький шотландский пони.

Демельза вприпрыжку подбежала к нему.

- Джуд сказал мне, - произнесла она, - что шахта наконец-таки откроется!

- Как только наймем рабочих и купим оборудование.

- Урааа! Гаррик, отстань. Я очень рада. В прошлом году мы все сильно расстроились, когда уже было решено, что всё улажено. Гаррик, успокойся. Она будет такой же большой, как и Грамблер?

- Пока нет, - Росса забавляла её радость. - Довольно небольшая шахта для начала.

- Уверена, вскоре она станет большой с огромными дымовыми трубами и прочими штуками.

Они вместе стали спускаться с холма. Обычно Росс не обращал на нее особого внимания, но сегодня любопытные взоры остальных заставили его украдкой бросать на нее взгляды. В подростковой и расцветшей девушке уже нелегко было признать того щуплого полуголодного

оборвыша, которого он окатывал водой под водокачкой.

За прошлый год произошло еще больше перемен. Демельза теперь превратилась в полноправную экономку. Пруди была слишком ленива, чтобы гореть желанием что-либо делать, когда существовать возможность увильнуть. Нога тревожила её еще пару раз, и когда она вновь поднялась с постели, то ей было легче вертеться на кухне, готовить себе чай или выполнять легкую работу, нежели изобретать и готовить обеды, что так нравилось Демельзе. Эта забота упала с плеч Пруди; Демельза никогда ею не командовала и охотно исполняла и свои обязанности, так с чего же было Пруди протестовать?

За исключением одной злобной перебранки, жизнь на кухне стала более мирной, чем в те времена, когда ее населяли только Пруди с Джудом. Между троицей установились крепкие приятельские отношения, и Пэйнтеры никогда не порицали дружбу Росса с девушкой. В последнее время Росс часто чувствовал себя одиноким и был рад компании. Верити больше не решалась приходить, и Демельза заняла её место.

Иногда она даже проводила с ним вечера. Всё началось с того, что она спросила его распоряжений по ферме и за разговором осталась. После этого два или три вечера в неделю она сидела вместе с ним в гостиной.

Из двух собеседников Демельза, конечно же, была более уступчивой, поддерживая разговор, когда он чувствовал на то желание, или обращалась к книге, когда он изволил читать, или послушно выскальзывая из комнаты, когда её общество становилось нежелательным. Росс по-прежнему сильно пил.

Демельза была не совсем идеальной экономкой. Хотя она неплохо справлялась с повседневными заботами, временами сказывался ее темперамент. Ею по-прежнему овладевали "настроеньица", как их называла Пруди. Тогда она могла переплюнуть в сквернословии Джуда, и даже однажды едва его не поколотила. В такие мгновения у нее напрочь исчезало чувство осторожности, и даже хозяйство не оставалось в стороне.

В один из мрачных дождливых дней прошлого октября она решила вычистить часть хлева и принялась расталкивать волов, когда те вставали у нее на пути. Один из них тут же этому воспротивился, и Демельза выбежала из хлева, кипя от возмущения и получив пинок, от которого не могла сидеть неделю. В другой раз она решила переставить кухонную мебель, пока Джуд с Пруди отсутствовали. Но один из шкафов оказался не под силу даже её кипучей энергии, и она опрокинула его на себя. Вернувшаяся Пруди обнаружила её распластанной под шкафом, пока Гаррик признательно лаял у двери.

Недомолвка с Джудом имела более серьезные последствия, и вскоре все благоразумно сделали вид, что ее забыли. Демельза отведала бутылку спиртного из старого железного сундука в библиотеке. Вкус ей понравился, и она осушила бутылку. Затем она слегка танцующей походкой пошла к Джуду, который весьма некстати тоже успел хлебнуть лишнего. Демельза принялась изводить Джуда, пока тот ее не повалил. Но она отбивалась, как дикая кошка, и когда вошла Пруди, то обнаружила их катающимися по полу. Пруди тотчас же пришла к ошибочному заключению и огрела Джуда каминной лопаткой. Возвращение Росса оказалось весьма своевременным, предотвратив серьезные увечья его работников.

После этого целую неделю на кухне царил леденящая холодность. В первый раз Демельза ощутила на себе жалящую язвительность Росса и хотела умереть, испытыв такое потрясение.

Но это было двенадцать месяцев назад. Неприятный призрак, похороненный в прошлом.

Без дальнейших разговоров они прошли мимо яблонь и направились к дому через сад, в котором Демельза провела столько времени прошлым летом. Все сорняки были выполоты, открыв больше голой земли и несколько беспорядочно посаженных и сражающихся за жизнь растений, выращенных матерью Росса.

Среди них росли три куста лаванды, высокие и неаккуратные, поскольку их заглушали сорняки; хотя на аккуратно подстриженных ветках розмарина теперь проклевывались цветы. Демельза также посадила и дамасскую розу с её яркими розово-белыми цветами, мускусную розу и две красных розы. Со своих прогулок по сельской местности она начала приносить домой семена и черенки от живых изгородей. Подобные растения приживались плохо. Они были непокорными дикарями, с готовностью бурно разрастающимися в пустынных местах, которые сами себе облюбовали, но склонные чахнуть и отмирать, попади только в сад. Однако в прошлом году Демельзе удалось вырастить прекрасную клумбу из синяка, куста армерии и шеренги алых наперстянок.

Теперь они остановились. Демельза поясняла Россу, какие изменения собиралась здесь произвести, предлагая нарезать ветки лаванды и попытаться посадить их, чтобы сделать бордюр. Росс терпеливо осматривался по сторонам. Цветы его не сильно интересовали, но он любил порядок и яркие цвета; да и растения, которые можно употребить в пищу или сделать настойки, тоже пригодятся.

Совсем недавно Росс дал ей немного денег на личные нужды. На них Демельза купила яркий платок, чтобы повязывать голову, стальное перо для учебы письму, две тетрадки, пару туфель со сверкающими пряжками, большой глиняный горшок для цветов, шляпку для Пруды, а для Джуда - табакерку. Пару раз он позволил ей проехаться вместе с собой верхом на Рамуте до Труро, пообещав сводить её на петушинные бои и посмотреть на бой Герцога на приз в пятьдесят гиней. Это зрелище, к удивлению и изумлению Росса, вызвало у неё отвращение.

- Да это ничем не отличается от забав моего папаша, - возмутилась Демельза. Она ожидала от петушинных боев, проводимых аристократами, некоего благородства и утонченности.

По пути домой она была непривычно молчалива.

- Как по-вашему, животные, как и люди, тоже чувствуют боль? - вырвалось у нее внезапно.

Росс призадумался над ответом. Пару раз ему уже довелось угодить впросак, необдуманно отвечая на её вопросы.

- Не знаю, - сухо ответил он.

- А почему тогда свиньи визжат, когда им кольца в нос продевают?

- Бойцовые петухи не свиньи. Такова их природа - драться.

Демельза некоторое время молчала.

- Да, но Господь не наделил их стальными шпорами.

- Тебе следовало стать адвокатом, Демельза, - заметил Росс, и она вновь погрузилась в молчание.

Такие мысли обуревали Росса, пока они разговаривали в саду. Он гадал, известно ли ей, что подумали Нат Пирс и другие, пока смотрели на нее в гостиную пару часов тому назад. И не

думает ли она, как и он, что нет мысли смешнее. Когда ему понадобится утешения подобного рода, он навестит Маргарет в Труро или одну из ее товарок.

Временами ему казалось, что если удовольствие кроется в грубых утешениях, предлагаемых проститутками, то тогда его пристрастия слегка противоестественны для человека обычного. А в аскетизме крылось свое странное удовольствие - углубленное познание самого себя и уверенность в своих силах.

Но в те дни эти мысли нечасто его тревожили. Росса обуревали другие заботы.

Глава третья

Прежде чем уйти, Демельза поведала, что ранее тем днем виделась с Джинни Картер, и что Джим болен плевритом. Но Джим с его хрупким здоровьем часто оказывался на несколько дней прикованным к постели, и Росс не обратил на это внимания. Последующие две недели он занимался делами, связанными с открытием шахты, и отложил визит к Джиму, пока не сможет предложить ему вполне определенную работу. Росс не хотел, чтобы его предложение казалось принужденным.

Библиотеку в Нампаре отвели под контору шахты, и привычная жизнь дома нарушилась, пока часть его приводили в порядок и восстанавливали. Вести о том, что какая-то шахта не закрывается, а открывается, разлетелись быстро. Дом осаждали шахтеры, прошагавшие восемнадцать миль и горевшие желанием во чтобы то ни стало получить работу. Росс и Хеншоу пытались заключить сделки, выгодные для обеих сторон. Они наняли сорок человек, включая капитанов поверхностных и подземных работ, которые будут находиться в прямом подчинении у Хеншоу.

В конце второй недели Росс встретился с Заки Мартином и справился о здоровье Джима. По словам Заки, Джим встал на ноги, но пока что не вернулся на шахту, поскольку его беспокоит кашель.

Росс обдумывал дальнейшие действия, по мере того, как продвигались дела. В следующий понедельник восемь человек начнут делать дренажную штольню у поверхности утеса, а партия в двадцать человек примется пробивать первый шурф. Настало время привлечь помощника казначея.

- Скажите ему, пусть завтра утром приедет со мной повидаться, хорошо? - сказал Росс.

- Да, - ответил Заки. - Сегодня вечером я увижусь с Джинни и скажу ей, чтобы она ему передала. Она не забудет.

***

Джим Картер не спал и почти сразу услышал легкий стук в дверь.

Очень осторожно, чтобы не разбудить Джинни и детей, он выскользнул из постели и начал собирать одежду. Нечаянно он наступил на отошедшую половицу и несколько секунд стоял неподвижно, подавляя кашель, пока мерное дыхание жены его не успокоило. Тогда он натянул штаны, рубашку и прихватил сапоги с сюртуком.

Петли люка обычно скрипели, когда его приподнимали, но Джим чуть раньше их смазал, и

дверца поднялась бесшумно. Джим уже пролез в него по пояс, как внезапно раздался голос:

- Джим.

От досады он закусил губу, но не ответил, возможно, Джинни просто разговаривает во сне. Было тихо. Затем она продолжила.

- Джим. Ты опять уходишь с Ником Вайгасом. Почему ты меня не предупредил?

- Я знал, что ты поднимешь шум.

- Ты не обязан идти.

- Обязан. Вчера я уже пообещал Нику.

- Скажи ему, что передумал.

- Я не передумал.

- Капитан Полдарк хочет, чтобы ты утром к нему пришёл. Забыл?

- Я вернусь задолго до рассвета.

- Может быть, он захочет дать тебе место в новой шахте.

Джим ответил,

- Я не смогу его принять, Джинни. Это пока лишь разговоры, да и только. И ради них я не могу бросить свою выработку.

- Какая польза от хорошего места, если приходится по самый нос ходить в воде, чтобы до него добраться. Чего уж удивляться, что ты кашляешь.

- Я пытаюсь хоть немного подработать, а ты только и знаешь, что жаловаться.

- Мы справимся, Джим. Легко. Мне большего и не нужно. Не таким способом. У меня кусок в горле застревает при мысли, чего тебе это стоит.

- Не такой уж я и праведный.

- Я тоже. Но знаю, какой ты подвергаешься опасности, чтобы получить его.

- Нет никакой опасности, Джинни, - смягчившись, сказал он. - Тревожиться не о чем. Честно. Всё будет в порядке.

В дверь снова легонько постучали.

- Это только пока я не начну работать, - сказал он. - Ты же знаешь. Я не буду уходить по ночам, когда вернусь на свой участок. Ну, всё, мне пора.

- Джим, - торопливо сказала она. - Не ходил бы ты сегодня. Не в эту ночь.

- Тише, детей разбудишь. Подумай о них и о том, который родится. Ты должна хорошо питаться, дорогая Джинни.

- Я бы предпочла голодать...

Три слова проплыли вместе с ним в темную кухню, но он уже ничего не слышал. Он открыл дверь, и в нее ужом проскользнул Ник Вайгас.

- Тебя долго не было. Достал сети?

- Всё готово. Бррр...холодно.

Джим надел сюртук, сапоги, и они вышли, Ник что-то шепнул своей собаке. Им предстоял довольно долгий путь, около пяти миль в оба конца, и какое-то время они шли молча.

Ночь была прекрасна - звёздная и ясная, но холодная, с моря дул северо-западный ветер. По дороге Джим вздрогнул и закашлялся.

Их путь лежал на юго-восток, им предстояло обойти деревушку Марасанвос, подняться на главную дорогу, а затем спуститься в плодородную долину. Зайдя на землю Бодруганов - процветающий, но опасный край - они стали двигаться с предельной осторожностью. Ник Вайгас шёл первым, а за ним тянулась тень худой ищейки. Джим шел в нескольких шагах позади них, с собой он нёс палку длиной около десяти футов и самодельную сеть.

Избегая дорогу для экипажей, они вошли в небольшой лес. В тени Ник остановился.

- Проклятые звёзды светят так же ярко, как четверть луны. Сомневаюсь, что мы набьём мешок.

- Мы не можем вернуться, даже не попытавшись. Мне кажется...

- Тсс...Тихо.

Они присели в кустах и прислушались. Затем двинулись дальше. Лес поредел, и через сто ярдов деревья расступились, образуя большую поляну диаметром в полмили. На одном конце протекал ручей, возле которого расположились заросли кустарников и молодых деревьев. Именно здесь фазаны устраивались на ночлег. Сидящие на нижних ветках были легкой добычей для ловкого человека с сетью. Опасность заключалась в том, что на другом конце поляны стоял Уэрри-хаус, дом Бодруганов.

Ник снова остановился.

- Что ты услышал? - спросил Джим.

- Что-то, - прошептал Вайгас. Звёзды освещали его розовую лысину и рисовали тёмные пятна на лице. Он казался падшим ангелом. - Егери. Сегодня на охоте.

Несколько минут они ждали молча. Джим подавил кашель и положил руку на голову собаки. Она дернулась, а потом успокоилась.

- Пёс в порядке, - сказал Ник. - Кажется, ложная тревога.

Они снова двинулись сквозь кустарника. Подойдя к краю поляны, они не столько озадачились вопросом, как не потревожить егери, которых там, возможно, вообще не было, а тем, как не спугнуть фазанов до того времени, когда улететь они уже не смогут. Такая светлая ночь могла всё усложнить.

Они шепотом посоветовались и решили разделиться, взяли по сети и направились к стае с

разных сторон. Вайгасу, как более опытному, идти пришлось дальше.

У Джима был талант двигаться бесшумно, он шел очень медленно, пока не увидел темные очертания птиц, смахивавшие на стручки среди листвы и нижних веток стоящего впереди дерева. Он развернул сеть, но решил дать Нику еще пару минут на тот случай, если он не успел полностью размотать сеть.

Он стоял и слушал, как шелестит ветер в ветвях над головой. Издалека Уэрри-хаус казался темной чужеродной грудой на фоне остальных мягких ночных контуров. В одном окне всё еще горел свет. Шел уже второй час ночи, и Джим подумал о живущих там людях и почему они не спят в такое позднее время.

Он думал, о чем собирается ему сказать капитан Полдарк. Джим был перед ним в неоплатном долгу и чувствовал, что больше не может принимать его помощь. Всегда предполагалось, что это ради его здоровья. Какая польза Джинни, если он поступит, как его отец, и умрет в двадцать шесть. Джинни ругалась, что до рабочего места ему ежедневно приходится пробираться по воде, но она не знала, что они промокали насквозь вновь и вновь, ни разу так и не обсохнув полностью. Если человек не может с этим смириться, то шахтером ему быть не дано. Сейчас он не имел дела с порохом, и за одно только это нужно благодарить судьбу.

В зарослях возле него пошевелилось какое-то животное. Он повернул голову и попытался его разглядеть, но не смог. Дерево за ним было кривым и бесформенным. Судя по засохшим листьям на ветвях, молодой дуб. Всю зиму они висели, шелестя на ветру. Необычно разросшийся экземпляр.

И тут очертания слегка изменились.

Прищуриив глаза, Джим внимательно всмотрелся. Возле дерева стоял человек.

Значит, их субботнюю вылазку заметили. Возможно, с тех пор каждую ночь егери терпеливо ждали, когда они придут снова. Возможно, его уже засекли. Нет. Но если он пойдет дальше, то обязательно поймают. А что, если Ник появится с севера?

Джим растерялся от необходимости мгновенно принять решение. Затем он медленно двинулся назад.

Не прошел он и двух шагов, как за спиной раздался хруст треснувшей ветки. Он вовремя увернулся, чтобы его не схватили за плечо, и ринулся к фазанам, бросив на ходу сеть. В ту же секунду на другом конце полянки послышался шум драки и выстрел из мушкета; вдруг весь лес ожил: крик фазанов и испуганное хлопанье крыльев на взлете перемешались с гомоном других встревоженных птиц и мужскими голосами, указывающими, где его ловить.

Он вышел на открытое место и решительно побежал вдоль ручья, изо всех сил стараясь придерживаться глубокой тени. За спиной он слышал шаги преследователей и знал, что оторваться от них не сможет; у него сильно колотилось сердце и стало трудно дышать.

Он свернул в брешь среди деревьев и побежал дальше. Теперь он был недалеко от дома и видел, что бежит по обычной тропинке. Здесь было темнее, и кусты между деревьями росли настолько густо, что пока бы он сквозь них продирался, его догнали бы.

Он выбежал на небольшую полянку, по центру которой стояли круглая мраморная беседка и солнечные часы. Здесь тропинка обрывалась. Он бросился к беседке, потом передумал и направился к краю полянки, где раскинулся большой вяз. Он вскарабкался на ствол дерева,

обдирая руки и ломая о кору ногти. Едва он залез на вторую ветку, как на поляну выскочили два егеря. Он лежал неподвижно, еле дыша.

Застыв в нерешительности, двое мужчин оглядывали поляну, один из них наклонил голову и прислушался.

- ...недалеко ушли... Прячутся...- донеслось из-за деревьев.

Крадучись, они вышли на поляну. Один поднялся по лестнице и подергал дверь беседки. Заперто. Второй отошел назад и устоялся на круглую куполообразную крышу. Затем они разделились и стали медленно обходить поляну по кругу.

Когда один из мужчин приблизился к дереву, Джим внезапно почувствовал знакомое першение в легких, означающее приступ кашля. Его лоб снова покрылся испариной.

Егерь медленно прошел мимо. Джим заметил, что у него ружье. Остановился он сразу за накренившимся вязом, на это дерево явно можно было легче забраться, и начал всматриваться в его листву.

Джим глотнул воздуха, чуть не поперхнулся и снова задержал дыхание. Второй человек огляделся и присоединился к своему спутнику.

- Видал его?

- Нет. Должно быть, ублюдок улизнул.

- А других уже поймали?

- Нет. Хотя я-то думал, что уж этого мы схватим.

- Ага.

Легкие Джима расширились, действуя по собственному разумению. В его горле нестерпимо запершило, и он закашлялся.

- А это еще что? - спросил один из преследователей.

- Без понятия. Давай глянем.

Они двинулись точно к вязу, но ошиблись с направлением на двадцать футов, запутавшись в густом подлеске.

- Постой-ка тут. Погляжу, что там.

Мужчина протиснулся через кусты и скрылся. Другой прислонился к стволу дерева, держа руку на спусковом крючке ружья.

Джим вцепился в ветку над головой в жалкой попытке сдержать кашель. Пот стекал с него градом, и даже поимка казалась не такой уж страшной, как это судорожное напряжение. Его голова готова была разорваться, он бы отдал остаток жизни за возможность кашлянуть.

Раздался треск и топот шагов, когда появился второй егерь, разочарованно чертыхаясь.

- Ушел, наверное. Давай поглядим, как дела у Джонсона.

- А что насчет собак?

- А с чего им начать? Может, на следующей неделе его схватим.

Оба двинулись обратно. Но не успели они сделать и десяти шагов, как остановились, услышав жесточайший приступ кашля над своими головами и чуть позади.

На мгновение он их встревожил, отразившись эхом от деревьев. Потом один егерь быстро пришел в себя и побежал обратно к вязу.

- Спускайся! - крикнул он. - Немедленно спускайся, а не дух вышибу.

Глава четвертая

Росс услышал об аресте только в десять утра, когда один из ребяташек Мартинов принес ему новости на шахту. Он тут же отправился домой, оседлал Брюнетку и поскакал в Уэрри-хаус.

Семья Бодруганов постепенно приходила в упадок. Основная ветвь, чьи корни прослеживались (хоть и не слишком тщательно) сквозь два столетия истории графства, в середине этого века угасла. Уэрри-Бодруганы следовали тому же примеру. Сэру Хью, нынешнему баронету, исполнилось пятьдесят, а он был по-прежнему холост, энергичен и крепок, хотя и низкого роста. Он утверждал, что на теле у него больше волос, чем у любого другого мужчины, хвастаясь, что в любое время готов поставить в доказательство пятьдесят гиней. Он жил вместе с мачехой, вдовствующей леди Бодруган, любительницей верховой езды и сквернословия, женщиной двадцати девяти лет, которая держала в доме собак, так что он весь ими провонял.

Росс шапочно был знаком с обоими, но считал, что Джиму лучше было бы вторгнуться во владения кого-нибудь другого.

Он еще сильнее утвердился в этом мнении, когда приблизился к дому и увидел, что общество собралось для охоты. Чувствуя взгляды и перешептывания людей в красных сюртуках и сияющих сапогах, он спешил и протиснулся между лошадьми и тявкающими собаками, направившись вверх по лестнице к дому.

Наверху путь ему преградил лакей.

- Чего вам надо? - спросил он, оглядев грубую рабочую одежду Росса.

Росс пристально посмотрел на слугу.

- Сэра Хью Бодругана, а не твоей наглости.

Лакей постарался исправить положение.

- Прошу прощения, сэр. Сэр Хью в библиотеке. Как мне о вас доложить?

Росса провели в комнату, наполненную людьми, которые пили портвейн и канарский сак [9]. Самые неподходящие условия для того, о чем он собирался попросить. Многих из присутствующих он знал. Здесь были молодой Уитворт и Джордж Уорлеган, а также доктор Чоук, Пейшенс Тиг, Джоан Паско и Рут Тиг с Джоном Трenegлосом, старшим сыном старого Хораса Трenegлоса. Росс осмотрелся поверх голов и заметил сэра Хью, сидевшего у камина с широко раздвинутыми ногами и поднятым бокалом. Он увидел, как лакей подошел к нему и

прошептал на ухо, и услышал со стороны сэра Хью нетерпеливое "Кто? Что? Что?". Это всё, что он смог разобрать, потому что в это время разговоры временно утихли. В свое время он мог бы посчитать это естественным, когда входил в комнату.

Росс кивнул и слегка улыбнулся некоторым из гостей, пока шел мимо них к сэру Хью. Раздался лай, и он увидел, что леди Констанс Бодруган стоит на коленях на коврик перед камином, перевязывая псу лапу, а вокруг шныряют и лижут ее шесть черных спаниелей.

- Проклятье, я думал, это Фрэнсис, - сказал сэр Хью. Охота начнется через десять минут.

- Мне нужно всего пять, - любезно произнес Росс. - Но я предпочел бы поговорить наедине.

- В этом доме нынче утром невозможно поговорить наедине, это же настоящий Иерихон. Говорите же, всё равно здесь слишком шумно, чтобы кто-нибудь подслушал ваше частное дело.

- Я бы отхлестала того, кто разбил чертово стекло, - заявила его мачеха.

Росс взял предложенное вино и изложил баронету причину своего визита. На землях Бодругана этой ночью схватили браконьера. Мальчишку, которого он знает лично. В качестве судьи сэр Хью, безусловно, может как-то всё устроить со слушанием этого дела. Это первое преступление мальчишки, и Росс имеет основания полагать, что его сбил с толку взрослый и прожженный негодяй. Росс счел бы своей обязанностью оплатить издержки, если мальчишку отпустят, сделав строгое предупреждение. Более того, он лично возьмет ответственность...

Тут сэр Хью разразился хохотом. Росс замолчал.

- Будь я проклят, но вы пришли слишком поздно, сэр. Опоздали на несколько часов. Его привели ко мне в восемь утра, теперь он на пути в Труро. Я назначил суд на следующую сессию.

Росс глотнул вина.

- Вы очень торопились, сэр Хью.

- Что ж, я не хотел задерживаться с этим мальчишкой в последний день охоты. Я знал, что к девяти часам в доме будет настоящее столпотворение.

- Браконьер, - произнесла леди Бодруган, которую внезапно озарила идея, так что она даже выпустила пса. - Подозреваю, что он-то и разбил стекло. Боже, я бы его четвертовала! Закон слишком мягок к этим гаденышам.

- Что ж, теперь он больше не будет тревожить моих фазанов недельку-другую, - добродушно рассмеялся сэр Хью. - Неделю-другую. Вы должны признать, капитан Полдарк, просто прискорбно, сколько хороших развлечений вы пропустили в нынешнем году.

- Мне жаль, что я вторгся во время охоты.

- Сожалею, что вы пришли с такой невеселой миссией. Я могу одолжить вам лошадь, если пожелаете присоединиться к охоте.

Росс поблагодарил, но отказался. Через некоторое время он принес извинения и ушел. Больше ему нечего было здесь делать. Когда он удалялся, леди Бодруган сказала:

- Ты же не собираешься отпустить этого гаденыша, Хью?

Росс не расслышал ответ ее пасынка, но те, кто расслышал, разразились смехом.

Он знал, что всё общество примет точку зрения Бодруганов на его идею отпустить браконьера с предупреждением, хотя и облачит это в более вежливые фразы. Даже корнуолльское общество, которое так терпимо относилось к контрабандистам. Контрабандисты были смелыми ребятами, знающими, как надуть правительство с налогами и привезти им бренди за полцены. Браконьер не только буквально преступал границы чей-то земли, но и метафорически - все неотъемлемые права частной собственности. Он был изгоем и отщепенцем. Повешение считалось едва ли достаточным наказанием.

Росс наткнулся на то же отношение, когда несколько дней спустя разговаривал с доктором Чоуком. Джим, вероятно, не предстанет перед судом раньше последней недели мая. Росс знал, что Чоук, как доктор на шахте, лечил Джима не далее как в феврале, и потому спросил его мнение о парнишке.

Чоук сказал, мол, а чего же ожидать, когда в семье уже была чахотка? Прослушав Джима, он обнаружил определенную патологию в одном легком, но как она будет развиваться - трудно сказать. Конечно, могут возникнуть жалобы на разного рода недомогания: рано или поздно в легком разовьется некроз, парень может дожить и до сорока, что для шахтера вполне приличный возраст. Трудно судить.

Росс решил, что эти сведения пригодятся на судебном заседании. Свидетельство о серьезном заболевании, вкуче с его собственным ходатайством, вероятно, может ограничить приговор предупреждением. Если Чоук выступит на суде...

Чоук стянул брови в озадаченном взгляде. Вы же не предлагаете...

Именно это Росс и предлагал. Чоук недоуменно покачал головой.

вернуться

9

Сак - сладкое крепленое вино из Испании. В настоящее время термин не используется.

- Любезный сэръ, мы бы многое сделали для друга, но не просите нас свидетельствовать в пользу юного негодяя, которого схватили за браконьерство. Такого мы сделать не можем. Это будет так же противоестественно, как усыновить французишку.

Росс настаивал, но Чоук не поддался.

- По правде говоря, я ничуть не сочувствую вашему делу, - сказал он наконец. - Нет ничего хорошего в том, чтобы быть столь чувствительным к подобному народцу. Но я напишу записку с пояснениями относительно парня. Подписанную моей собственной рукой и запечатанную по всей форме. Это будет не хуже, чем если бы я сам явился туда и стоял за загородкой, как отъявленный преступник. На такое мы пойти не можем.

Росс неохотно согласился.

На следующий день на Уил-Лежер впервые нанес официальный визит мистер Трэнелос. Он выехал из Мингуза с томиком Тита Ливия под мышкой и в пыльной треуголке поверх парика. В

семействе Трenegлосов все-таки текла кровь горнопромышленников.

Он посмотрел всё, что можно было увидеть. Шурфы пробили, но это была тяжелая работа - почти сразу же наткнулись на твердую породу. Временами приходилось пускать в ход стальные буры и подрывать порохом. Пласт шел с востока на запад и, похоже, был довольно широким, так, скорее всего, ближайшие недели грозили стать утомительными.

Что ж, заявил мистер Трenegлос, это выйдет подороже, но обстоятельства пока не разочаровывают. Богатые медные жилы часто находят в твердой породе.

- Природный сейф, - сказал он. - Природа хранит свои сокровища под замком.

Они подошли к краю утеса и смотрели на хрупкую деревянную платформу на полпути вниз, где восемь мужчин, работая в двенадцатичасовые смены по четыре человека, начали пробивать в утесе штольню. С тех пор они уже давно скрылись из вида, с утеса можно было разглядеть лишь мальчишку двенадцати лет, который появлялся время от времени с тачкой, наполненной отходами этих четырех туннельных жучков, и опустошал ее на песок внизу. Здесь тоже, сказал Росс, наткнулись на твердую породу и пытались ее обойти.

Мистер Трenegлос хмыкнул и сказал, что надеется, что эти две старые бабы, Чоук и Пирс, не начнут на следующей встрече хныкать о расходах. Сколько времени понадобится, чтобы подвести эту штольню к шахте?

- Три месяца, - ответил Росс.

- Это займет все шесть, - пробурчал себе под нос мистер Трenegлос. - Это займет все шесть, - заверил он Росса. - Кстати, вы слышали новости?

- Какие новости?

- О моем сыне и Рут Тиг. Они обручились. Собираются пожениться, знаете ли.

Росс не знал. Миссис Тиг будет на вершине блаженства.

- Она неплохо устроилась, - произнес старик, словно отвечая на мысли Росса. - Неплохо устроилась, заполучив Джона, даже несмотря на то, что он малость налегает на спиртное. Я бы предпочел девицу с приданым, помимо хорошего имени, поскольку мы сами не в слишком хорошем положении. Но всё же она смелая штучка и вполне подходит по всем другим статьям. Третьего дня я слышал о парне, который путается со своей посудомойкой. Не помню, кто это. Ей-богу, это правда, я не шучу. Всё зависит от того, как к этому подходить. Я прекрасно помню, как Джон завалил одну из наших горничных на сеновале еще до того, как ему исполнилось семнадцать.

- Надеюсь, они будут счастливы.

- А? О, да. Что ж, я рад, что он остепенился. Я не буду жить вечно, а в Мингузе уже восемьдесят лет не хозяйничал холостяк.

- Вы судья, - сказал Росс. - Каково наказание за браконьерство?

- Что-что? - мистер Трenegлос схватился за свою старую шляпу, чтобы ее не унесло ветром. - За браконьерство? По всякому, мальчик мой. По-всякому. Если человека схватили с гончей или капканом, тогда, если это первое преступление, ему могут дать от трех до шести месяцев. Если

же он уже был осужден до этого деяния, то нет сомнений, что его вышлют. С преступниками нужно поступать по всей строгости, иначе и смысла нет. Как поживает ваш дядюшка, мой мальчик?

- Я не виделся с ним в этом месяце.

- Сомневаюсь, что он снова станет судьей. Полагаю, он не беспокоится на этот счет? Возможно, он слишком много внимания уделяет врачевателям. Я лично им не доверяю. От всего лечусь ревенем. Что же до докторов, *timeo Danaos et dona ferentes* [10], вот мой девиз. Вот мой девиз, - добавил он себе под нос. - Его следует принять и Чарльзу.

***

Суд состоялся тридцатого мая.

Весна выдалась холодной и капризной, с сильными ветрами и промозглыми дождями. Однако с середины месяца погода начала проясняться, и последняя неделя была спокойной и неожиданно теплой. Весна и середина лета уместились в одну неделю. За шесть дней палящего солнца вся сельская местность заросла и оделась в богатейшее зеленое убранство. Запоздалые весенние цветы появились за ночь, расцвели и угасли.

День суда оказался очень теплым, Росс ехал в Труро, слушая всю дорогу пение птиц. Зал суда и в лучшие времена был мрачным и ветхим. Сегодня потоки солнечного света проникали через грязные окна, падали на корявые старые скамейки и являли взору большие клочья паутины по углам и свисавшие со стропил. Они осветили изможденного секретаря, корпевшего над своими бумагами, с поблескивающими на кончике носа каплями, и упали на кучкующихся лохматых зрителей, которые перешептывались и покашливали позади него.

Судей было пятеро, и Росс обрадовался, что двое из них оказались ему знакомы. Один - председатель, мистер Николас Уорлеган, отец Джорджа. Другой - преподобный доктор Эдмунд Холс, которого Росс последний раз встречал в дилижансе. Третьего он знал в лицо: толстый пожилой мужчина по имени Хик, один из мелких дворян городка, напивающийся до бесчувствия. Почти всё утро доктор Холс держал платок из превосходного батиста перед своим тонким острым носом. Без сомнения, он был смочен настойкой из розмарина и бергамота, не такая уж неразумная предосторожность, когда в округе распространялась лихорадка.

Достаточно быстро в тяжелой душной атмосфере прошли два или три судебных процесса, а затем к трибуне подвели Джеймса Картера. Стоя рядом с местом для адвокатов, Джинни Картер, которая прошла вместе с отцом девять миль пешком, попыталась улыбнуться, когда муж взглянул на нее. За то время, что он провел под стражей, с его кожи сошел загар, а вокруг глаз залегли темные круги.

Когда слушание началось, пристав посмотрел на большие часы на стене, и Росс понял, что он решал, закончится ли этот процесс до обеденного перерыва.

Судьи думали о том же. Егерь сэра Хью Бодругана путался в показаниях, и мистер Уорлеган резко ему указал, чтобы придерживался сути. Из-за этого свидетель боялся продолжать, а к концу пробормотал всё в спешке. Другой егерь подтвердил эту историю, и свидетельские показания завершились. Мистер Уорлеган поднял взгляд.

- По этому делу есть защитник?

Джим Картер молчал.

Секретарь встал, смахивая рукой капли пота.

- Защитника нет, ваша честь. Судимостей не было. У меня тут письмо от сэра Хью Боддургана, с жалобой на то, сколько дичи он потерял в этом году, здесь говорится, что это первый браконьер, которого они смогли поймать с января.

Судьи склонили голову друг к другу. Росс проклинал сэра Хью.

Мистер Уорлегант посмотрел на Картера.

- У вас есть что сказать, прежде чем будет вынесен приговор?

Джим облизнул губы.

- Нет, сэр.

- Хорошо, тогда...

Росс встал.

- Могу я просить снисхождения суда...

Все переполошились и стали бормотать, каждый повернулся, чтобы посмотреть, кто посмел взбаламутить пыль в судебном зале.

Мистер Уорлегант посмотрел сквозь лучи солнечного света, и Росс слегка кивнул ему в знак признательности.

- У вас есть свидетельства в защиту этого человека?

- Я бы хотел дать показания о его безукоризненной репутации, - сказал Росс. - Он был моим слугой.

Уорлегант повернулся и о чем-то шепотом посоветовался с доктором Холсом. Теперь они оба его узнали. Росс по-прежнему стоял, а остальные зрители ерзали на стульях и заглядывали друг другу через плечо, чтобы его рассмотреть. Среди них, слева от себя, Росс заметил знакомое лицо, которое невозможно было спутать: влажные толстые губы и косящие глаза Илая Клеммоу. Вероятно, он явился сюда, чтобы позлорадствовать над несчастьем Джима.

вернуться

10

Бойтесь данайцев, дары приносящих (лат.).

- Если вы займете место свидетеля, сэр, - осторожно произнес Уорлегант, - то сможете высказать всё, что желаете.

Росс покинул свое место и подошел к кафедре свидетеля. Он принес присягу и сделал вид, что целует сальную Библию, а потом положил руки на край кафедры и посмотрел на пятерых судей. Хик сопел так, будто спит, доктор Холс слегка приложился к своему носовому платку, не выказывая никаких признаков, что узнал Росса, мистер Уорлегант просматривал какие-то

бумаги.

- Без сомнений, джентльмены, после свидетельств, которые вы услышали, вы не видите в этом деле ничего особенного. За время вашего долгого пребывания на этом посту вы сталкивались со множеством случаев, особенно в тяжелые времена вроде нынешних, когда обстоятельства - голод, нищета, болезни - несколько смягчали наказание. И с уважением ко всем законам, мне совершенно не следовало бы просить вас, чтобы обычный браконьер, доставляющий всем нам неудобства и расходы, избежал наказания.

Однако я очень хорошо знаю обстоятельства этого дела, и хочу представить их вашему рассмотрению.

Росс вкратце обрисовал превратности судьбы Джима, особенно подчеркнув его плохое здоровье и жестокое нападение Рубена Клеммоу на жену и ребенка.

- Учитывая, что он живет в бедности, я имею основания полагать, что заключенный связался с дурной компанией, и его убедили позабыть об обещаниях, которые он дал мне лично. Я уверен в честности парня. Это не ему следует находиться в суде, а тому, кто заставил его пойти по кривой дорожке.

Он сделал паузу, почувствовав, что завладел интересом слушателей. Он уже готов был продолжить, как в зале кто-то громко хихикнул. Несколько судей посмотрели в ту сторону, а доктор Холс нахмурился. Росс не сомневался в том, кто это был.

- Человек, который сбил его с истинного пути, - повторил он, пытаясь вернуть ускользающее внимание слушателей. - Повторяю, Картера подбил человек гораздо более зрелый, который тем самым избежал наказания. Это его следует обвинять. Что до состояния здоровья заключенного, то достаточно на него посмотреть, чтобы понять, каково оно. В подтверждение тому у меня имеется заявление доктора Томаса Чоука из Сола, известного доктора на шахте, который осматривал Джеймса Картера и обнаружил, что тот страдает от хронического и гнилостного воспаления легких, которое, вероятно, может оказаться смертельным. Я готов дать ему работу и поручиться за его достойное поведение в будущем. Прошу суд рассмотреть все эти факты и принять их во внимание при вынесении приговора.

Он передал клерку бумагу, на которой Чоук нацарапал водянистыми чернилами свой диагноз. Клерк задумчиво остановился, зажав ее в руке, пока мистер Уорлеган не кивнул ему нетерпеливо, чтобы подошел к скамейке судей. Записку прочли, после чего судьи коротко посоветались.

- Так вы заявляете, что состояние заключенного не годится для содержания в тюрьме? - поинтересовался Уорлеган.

- Он весьма серьезно болен.

- И когда был сделан этот осмотр? - холодно спросил доктор Холс.

- Около трех месяцев назад.

- Значит, он уже был в этом состоянии, когда браконьерствовал?

Росс поколебался, отдавая себе отчет в недружелюбном характере вопроса.

- Он болен уже некоторое время.

Доктор Холс чихнул в носовой платок.

- Что ж, выскажу свое мнение. Я полагаю, что если человек... хм... достаточно здоров для того, чтобы воровать фазанов, то он и... хм... достаточно здоров, чтобы принять последствия.

- Точно, вполне справедливо, - раздался голос.

Мистер Уорлеган постучал по столу.

- Немедленно замолчите, иначе... - он повернулся к Россу. - Видите ли, мистер Полдарк, я склонен согласиться со своим коллегой, доктором Холсом. Безусловно, несчастье для заключенного, если он страдает этим заболеванием, но закон не предоставляет нам возможности делать различий. Степень нужды человека не должна определять степень его честности. Иначе все нищие стали бы ворами. Если человек достаточно здоров, чтобы согрешить, он достаточно здоров, чтобы понести наказание.

- Но всё же, - сказал Росс, - принимая во внимание, что он уже почти четыре недели находится в заключении, а также принимая во внимание добросердечие его натуры и крайнюю бедность, я не могу не считать, что в его случае самым справедливым будет проявить милосердие.

Уорлеган выпятил длинную верхнюю губу.

- Может, вы так и считаете, мистер Полдарк, но решение принимают судьи. В последние два года число преступлений заметно увеличилось. И также по той причине, что такое нарушение закона трудно и дорого пресечь, задержанные должны нести полное бремя вины. Мы не можем перекладывать вину, мы лишь можем придерживаться фактов, - он помедлил. - Однако ввиду медицинского свидетельства и вашего собственного свидетельства о добропорядочном поведении Картера в прошлом, мы готовы принять более снисходительную точку зрения на приговор, нежели поступили бы в противном случае. Заключенный приговаривается к двум годам тюрьмы.

По залу суда прошел гул, кто-то пробормотал слова негодования.

- Надеюсь, мне никогда не выпадет несчастье полагаться на снисхождение вашего суда, - заявил Росс.

Доктор Холс опустил носовой платок.

- Осторожней, мистер Полдарк. Такие замечания не вполне выходят за рамки нашей юрисдикции.

- Этой привилегии удостоено только милосердие, - сказал Росс.

- Следующее дело, - махнул рукой мистер Уорлеган.

- Минуточку, - сказал доктор Холс. Он наклонился вперед, сложив ладони и скривив тонкие губы. Волна отвращения к этому высокомерному юному сквайру поднималась в нем каждый раз, когда он его встречал: в школе, в дилижансе, в суде. Ему доставило особое удовольствие задать тот едкий вопросик о датах, который переменял точку зрения других судей. Но этот выскочка всё равно пытался оставить за собой последнее слово. Так не пойдет.

- Минуточку, сэр. Мы пришли сюда не для того, чтобы вершить правосудие согласно букве закона, отбросив в сторону здравый смысл, вытекающий из нашего положения и

ответственности. Как на человека, принадлежащего к лону церкви, сэр, на меня возложена особая ответственность. Господь дал тем его проповедникам, которые еще и служат судьями, задание усмирять правосудие милосердием. Эту задачу я выполняю по мере всех моих скромных сил и считаю, что и сейчас его проявил. Ваши гнусные намеки на противоположное для меня оскорбительны. Не думаю, что вы имеете хоть малейшее представление о том, о чем толкуете.

- Жестокие законы, - ответил Росс, с трудом овладев собой, - эти жестокие законы, которые вы применяете безо всякого милосердия, послали человека в тюрьму за желание накормить своих детей, когда они голодали, за то, что он нашел для них пищу, когда мы лишили его возможности ее заработать. В книге, где вы черпаете свое учение, доктор Холс, говорится, что не хлебом единым жив человек. В нынешние времена вы требуете от людей жить даже без хлеба.

Одобрительный гул с задних рядов стал громче.

Мистер Уорлеган гневно постучал молотком.

- Дело закрыто, мистер Полдарк. Будьте любезны сойти вниз.

- Иначе, - сказал доктор Холс, - мы обвиним вас в неуважении к суду.

Росс отвесил легкий поклон.

- Могу лишь заверить вас, сэр, что подобное обвинение отразит мои самые сокровенные мысли.

Он покинул кафедру и вышел из суда под шум и призывы установить тишину. На узкой улице он глотнул теплого летнего воздуха. Глубокие канавы были переполнены нечистотами, пахло отвратительно, но после душка в суде этот запах показался ему приятным. Росс вытащил платок и промокнул лоб. Его рука немного дрожала от гнева, он попытался с этим справиться. Росса просто тошнило от отвращения и разочарования.

Вниз по улице двигалась длинная вереница мулов, нагруженных тяжелыми корзинами с оловом, болтающимися по бокам животных, а рядом с ними медленно шагали покрытые дорожной пылью шахтеры. С рассвета они прошли много миль из какого-то отдаленного района, чтобы отвезти олово на монетный двор, а потом поедут обратно на спинах своих истощенных мулов.

Росс подождал, пока они пройдут, и уже собрался пересечь узкую улицу, как кто-то прикоснулся к его руке.

Это была Джинни со своим отцом Заки Мартином. На её щеках горел румянец, такой заметный на фоне бледной веснушчатой кожи.

- Хотела вас поблагодарить за ваши слова. Как любезно с вашей стороны, так расстараться для Джима. И что вы сказали...

- Это не принесло ничего хорошего, - ответил Росс. - Отведи ее домой, Заки. Ей лучше теперь быть с вами.

- Да, сэр.

Росс резко отвернулся и зашагал по Монетной улице. Эта благодарность за провал стала

последней каплей. Он преисполнился отвращением к самому себе за то, что не мог себя контролировать. Веди себя независимо, когда тебе угодно, но только пока это касается твоей собственной свободы, когда же речь идет о других, необходимо сдерживаться. Его поведение, говорил он себе, было неверным. Хорошее начало, а потом всё пошло наперекосяк. Не годится он для подобных задач. Ему следовало быть подобострастным, польстить суду, следовало превозносить и хвалить их суждения, с чего он и начал, и тем самым внушить им, что они должны вынести милосердный приговор, показав свое добросердечие.

В глубине души он сомневался, что даже золотой голос Шеридана смог бы отвлечь их от преследования добычи. А лучше всего, думал он, было бы встретиться с судьями до слушаний и указать им, как будет неловко, если они лишат его лакея. Именно так он смог бы вызволить парня, а не свидетельством докторов или сентиментальными призывами к милосердию.

К этому времени он был уже на Принц-стрит и повернул к таверне "Бойцовый петух". Там он спросил бутылку бренди и начал ее пить.

Глава пятая

Как-то в начале лета Демельза и Пруды под палящим полуденным солнцем прореживали всходы репы, посеянной в нижней части Длинного поля.

Пруды незамедлительно принялась жаловаться, но если Демельза и слышала, то не обращала никакого внимания. Она ритмично махала мотыгой, пропалывая взошедшие сорняки, очищая пространство для растений. Время от времени она останавливалась, уперев руки в бока, чтобы взглянуть на пляж Хедрона. Под палящим солнцем море было похоже на расплавленное стекло. Время от времени задувал слабый ветерок и словно взмахом птичьего крыла поднимал темную легкую рябь. На мелководье поверхность воды казалась постоянно меняющимся калейдоскопом сиреневых и бутылочно-зеленых морщин.

Иногда она что-то напевала, потому что любила любое тепло, а солнечное тепло особенно. К неодобрению Пруды, Демельза сняла синий капор и, закатав рукава, босоногая, в башмаках на деревянной подошве, работала только в одном из своих голубых платьев с узорами.

Со стоном всплеснув руками, словно это ей впервой, Пруды выпрямила спину и потянулась. Грязным пальцем она подняла капор и убрала прядь черных волос.

- Прямо деревенею по утрам. Нонче больше ничегошеньки сделать не смогу. Мои бедра! Никакого отдыха всю ночь не будет, - Пруды подтянула пятку на ботинке, которая загнулась, позволяя просочиться внутрь ручейку земли. - Ты бы лучше тоже заканчивала. Надо еще телят накормить, я ж не могу разорваться. Кто это еще там явился?

Демельза повернулась и сощурилась на солнце.

- Кто же это... И чего ему надо?

Она выронила мотыгу и побежала по полю в сторону дома.

- Отец! - крикнула она.

Том Карн увидел её и остановился. Демельза подбежала к нему. Со времени его последнего визита, когда он сообщил о своей предстоящей женитьбе, её чувства к нему изменились.

Воспоминания о жестоком обращении подзабылись, и теперь, поскольку между ними не было разногласий, она была готова позабыть былое и предложить ему свою любовь.

Карн остановился, где стоял, сдвинув круглую шляпу на затылок и расставив ноги, и позволил Демельзе поцеловать его в колючую черную бороду. Она сразу заметила, что его глаза не так налиты кровью, как обычно, а одет он весьма респектабельно: сюртук из грубой серой ткани, серый жилет, плотные панталоны, подвернутые снизу на пару дюймов, из-под которых выглядывали коричневые шерстяные чулки и тяжелые ботинки с блестящими бронзовыми пряжками. Она и забыла, что вдова Чегвидден весьма зажиточна.

- Что ж, дочурка, - сказал он, - ты всё еще здесь.

- И всем довольна, - Демельза кивнула. - Надеюсь, ты тоже.

Отец поджал губы.

- Может, и так. Есть ли местечко, где мы можем поговорить, девочка моя?

- Здесь никто нас не услышит, только вороны, а им не интересно.

При этих словах Карн старший нахмурился и посмотрел на залитый солнцем дом неподалеку.

- Я не думаю, что это место подходит для моей дочки, - резко произнес он. - Я так не думаю. Я очень сильно о ней беспокоюсь.

Демельза рассмеялась.

- А что не так с твоей дочкой? - Демельза начала сердиться и заговорила громче. - А как там Люк, Самуил, Уильям, Джон, Бобби и Дрейк?

- Молодцом. Но я думаю не о них, - Том Карн напустил на себя еще более строгий вид. Легкий ветерок шевелил его бакенбарды. - Гляди-ка, Демельза, я проделал весь этот путь, чтобы повидаться с тобой, и пришел, чтобы просить тебя вернуться домой. Я пришел, чтобы увидеть капитана Полдарка и объясниться.

Пока он говорил, она ощутила, как внутри как будто что-то замерзает. Обретенная дочерняя любовь испарится первой, если они будут всё это обсуждать еще раз. Конечно, этого не должно случиться. Но это был новый и более разумный отец, чем тот, которого она знала раньше. Он не буянил и не кричал и даже не был пьян как обычно. Демельза подошла к нему так, чтобы ветер дул от него, пытаясь уловить запах выпивки. Он станет еще опаснее, если никто не сможет с легкостью сбить его с правильного пути.

- Капитан Полдарк в Труро. Но как я уже сказала, я хочу остаться здесь. А что там... как там она ... вдов... твоя...

- Всё в порядке. Она тоже считает, что тебе будет лучше с нами, чем в этом доме в окружении искушений плоти и дьявола. Тебе еще только шестнадцать.

- Семнадцать.

- Неважно, ты слишком юна, чтобы оставить тебя без присмотра, - Карн выпятил нижнюю губу. - Ты вообще ходишь в церковь, посещаешь ли молитвенные собрания?

- Не так часто.

- Может, коли ты вернешься к нам, то будешь спасена. Очищена Духом святым.

- Что сделаю? - глаза Демельзы округлились от удивления.

Том Карн вызывающе взглянул дочери в глаза.

- Когда ты сбежала, я пребывал во тьме под сенью смерти. Я поклонялся дьяволу и был пьяным чудовищем. В прошлом году, благодаря мистеру Диммику, я очистился от греха. Теперь я совсем другой.

- О, - только и сказала Демельза. Так вдова Чегвидден все-таки преуспела. Она её недооценила. Но, возможно, это было нечто большее, чем только вдова. Потребовалось бы нечто ужасное, чтобы изменить человека, которого она знала.

- Господь, - произнес Том Карн, - вытащил меня из кошмарной трясины грязи и поставил мои ноги на твердую почву, и вдохнул новую песнь в мои уста. Больше никакой выпивки и жизни во грехе, дочка. У нас хорошая жизнь, и мы хотим забрать тебя домой. Там твоё место.

Демельза на мгновение глянула в побагровевшее лицо отца, потом мрачно уставилась на свои башмаки.

Том Карн ждал.

- Ну что, дочка?

- Ты очень добр, отец. Я рада, что всё изменилось. Но я здесь так давно, что это мой дом. Если я уйду с тобой, мне будет казаться, что я ушла из дома. Я здесь многому научилась - тому, как заниматься фермерством, и прочему. Я - часть этого дома. Они не смогут обойтись без меня. Я им нужна, а не вам. Однажды я приду к вам и увижусь с тобой, мальчишками и остальными. Но тебе я не нужна. У тебя есть она, чтобы о тебе позаботиться. Так что я ничего не смогу там делать, кроме как есть твой хлеб.

- А вот и нет. Есть чего, - Карн посмотрел на горизонт. - Господь благословил наш союз. Нелли на шестом месяце и разродится в августе. Так что там твоё место, и твой прямой долг - вернуться домой и позаботиться о нас.

Демельза почувствовала, что её загнали в капкан, который только еще начинает показывать зубы.

Наступила тишина. На поле слетел кулик и пробежал вперед, опустив вниз хохлатую голову и издавая печальное "пи-вии". Она посмотрела на собравшую инструменты Пруды, ковыляющую к дому. Посмотрела на наполовину прореженное поле с репой. Её глаза метнулись по песку и песчаным холмам к утесу, где стояли две хижины, и на линии горизонта люди ползали, как муравьи. Уил-Лежер.

Она не могла оставить всё это. Ни за что. Она пришла, чтобы присмотреть за всем этим, живым и мертвым, за всем, принадлежа этому и, одновременно, владея. Она сильно привязалась ко всему. И, конечно, к Россу. Если бы её попросили что-нибудь для него - дело другое, но вместо этого от неё ожидали, что она его покинет. Да она вообще не жила, пока не пришла сюда. Хотя она и не осознавала причину, вся ранняя часть её жизни была как тёмный дородовой кошмар, скорее придуманный, воображаемый и наполненный страхом, чем реальными страданиями.

- Где капитан Полдарк? - спросил Том Карн, на фоне её молчания его голос прозвучал тверже

прежнего. - Я пришел с ним повидаться. Я всё объясню, и он поймет. В этот раз драки не будет.

Так и будет - Росс не станет её удерживать, скорее, даже ждет, что она уйдет.

- Его нет дома, и он не вернется до темноты.

Карн повернулся, чтобы встретиться с ней взглядом, как в былые деньки придвигался, чтобы схватить противника.

- С ним тебе нечего делать, ты должна вернуться домой.

Она посмотрела на него и впервые увидела, как же он груб и посредственен. Щеки обвисли, нос в крошечных красных прожилках. Но даже ни один джентльмен не сравнится с тем, которому она служит.

- Как ты можешь ждать, что я просто скажу "да" и уйду, после всех прошедших лет. Я должна повидать капитана Росса. Он нанял меня на год. Я узнаю, что он скажет, и сообщу тебе.

Вот так. Убрать его с фермы до того, как вернется Росс, выпроводить и дать себе время подумать.

Том Карн, в свою очередь, тоже внимательно и слегка подозрительно присмотрелся к дочери. Только теперь он заметил, как же она изменилась, как развилась, расцвела, приобрела женственные формы. Он был из тех, кто говорит напрямик.

- Сознайся, живешь ли ты во грехе с Полдарком? - потребовал ответа он низким и резким голосом, голосом старого Тома Карна.

- Во грехе?

- Именно. Не строй из себя невинность.

Губы Демельзы плотно сжались, превратившись в тонкие полоски. Только врожденное чувство страха спасло его от ответа, который он никак не ожидал бы услышать из уст дочери, даже если это и слова, которым она научилась от него.

- Между нами нет ничего, кроме того, что должно быть между хозяином и служанкой. Но ты должен знать, что я нанялась на год. Я не могу уйти просто так, даже не попрощавшись.

- О тебе ходят слухи. Слухи, что дошли аж до Иллагана. Правда это или нет - нехорошо, когда о юной девушке такое болтают.

- Я не делаю ничего того, о чем говорят слухи.

- Может, и так, но я не хочу, чтобы о моей дочурке так говорили. Когда он вернется?

- Не раньше, чем стемнеет. Он поехал в Труро.

- Сюда длинный путь, чтобы я проделал его снова. Передай ему мои слова и возвращайся в Иллаган. Если не вернешься до конца недели, я приду снова. А ежели капитан Полдарк будет препятствовать, я поговорю с ним.

Том Карн поддернул штаны и коснулся пальцами пряжки ремня. Демельза повернулась и медленно пошла к дому, а он последовал за ней.

- В конце концов, - более мягко проговорил он, - я не прошу тебя ничего более того, что сделала бы любая дочь.

- Да, - ответила она. (Удары пряжкой ремня, когда ему пожелается, язвы на спине, ребра, что можно было пересчитать, грязь и вошки! Не больше, чем могла вынести любая дочь).

Когда они достигли дома, из него вышел Джуд Пэйнтер с ведром воды и удивленно поднял безволосые брови при виде другого мужчины.

- Где твой хозяин? - спросил Карн.

- Уехал в Труро, - Джуд остановился, поставив ведро, взглянул на него и сплюнул.

- И когда он вернется?

Демельза затаила дыхание.

- Может, вечером, а может, и завтра, - Джуд покачал головой.

Карн проворчал и прошел вперед. Перед домом он уселся и снял ботинок. Жалуясь на мозоли, Карн начал растягивать ботинок, стараясь придать ему более комфортную форму. Демельза чуть не вскрикнула. Джуд говорил правду - в его понимании. Но Росс сказал ей, что вернется на ужин в шесть, а сейчас уже миновало пять.

Том Карн заговорил о её братьях. Старшие пятеро уже работают в шахтах — или работали, пока двоих не уволили, когда Уил-Вирджин закрылась. Самый младший, Дрейк, со следующей недели станет подмастерьем у мастера по ремонту колес. Джон и Бобби уже обрели спасение и присоединились к общине, и даже Дрейк почти всегда приходит на молитвенные собрания, хотя еще слишком молод, чтобы быть допущенным. Только Сэмюэль сбился с пути. Его вера иссякла, и Господь не счел целесообразным сниспослать на него свою благодать. Все надеялись, что когда Демельза к ним вернется, вскоре благодать посетит и её.

В другое время Демельзу позабавила бы его новая манера говорить, хотя эта бойкость так же ему не соответствовала, как и воскресный костюм. Она выслушала новости о братьях, которых любила так сильно, насколько они позволяли. Но прежде всего, ей нужно было, чтобы он ушел. Она бы дала ему пинка, чтобы сдвинуть это большое, медлительное тело, налетела бы на него с когтями, оставляя красные царапины на грубом самодовольном лице. Она не знала, что будет делать, даже если он уйдет. Но, по крайней мере, у нее будет время подумать. У неё будет время. Но если он останется здесь, болтая до тех пор, пока не вернется домой Росс, тогда он услышит обо всем сегодня вечером, и это будет конец. Росс пригласит отца переночевать и отошлет их обоих утром.

Она стояла, вся дрожа и наблюдая за отцом, пока он нагнулся, чтобы надеть ботинок, и сердито предложила застегнуть пряжку, выпрямилась и снова молча наблюдала, как отец взял свою трость и приготовился уходить.

Она пошла с ним, на два шага впереди, к мосту, а затем он снова остановился.

- Ты не очень-то разговорчива, - заметил он, снова глядя на дочь, - это необычно для тебя. Ты всё еще держишь вражду и осуждение в своем сердце?

- Нет, отец, - быстро ответила она, - нет, отец, нет.

Он сглотнул и снова фыркнул. Возможно, он тоже чувствовал себя странно, разговаривая так витиевато с ребенком, которому имел привычку приказывать и запугивать. В былые времена хватило бы ворчания и ругани.

- Я прощаю тебя, - медленно и с усилием проворил он, - за то, что бросила меня тогда, и прошу прощения, Божьего прощения, за все несправедливости, что причинил ремнем в пьяном угаре. Больше этого не будет, дочурка. Мы поприветствуем тебя среди нас как заблудшего агнца, вернувшегося в стадо. И Нелли тоже. Нелли станет тебе матерью - той, которой так тебе не хватало все эти годы. Она стала матерью моим детям, а теперь Господь подарил ей собственного.

Том Карн повернулся и поковылял по мосту. Переминаясь с ноги на ногу, Демельза наблюдала, как он медленно шел через молодую зелень долины, и молилась отчаянно и сердито (к одному ли Богу они обращались?), чтобы он не встретил Росса по пути.

***

- Там еще телят нужно покормить, - произнесла Пруды. - А бедные ноженьки меня подводят. Иногда мне хочется отпилить пальцы на ногах один за другим. Так я и сделаю старой садовой пилой.

- Вот, - сказала Демельза.

- Что "вот"?

- Вот разделочный нож. Отруби их и обрети спокойствие. Где еда для телят?

- Ну и шуточки, - сказала Пруды, вытирая нос рукой. - Всё шуточки. Ты не станешь шутить, когда нож заскребет по косточкам. И я бы так и поступила, ежели не знала, что Джуду без них никак. В постели он говорит, что мои ноженьки хороши, как горячая сковородка, даже лучше, ибо они не остывают всю ночь.

Если она и уйдет, подумала Демельза, нет никакой необходимости уходить так скоро. Август, сказал он. Завтра - последний день мая. Ей нет нужды оставаться там более, чем за месяц, а потом она сможет вернуться сюда к своими старыми обязанностям.

Она покачала головой. Всё будет не так. Вернувшись домой, она там и застрянет. И неважно, нависал бы над ней кожаный ремень или религиозность, она понимала, что ее работа не изменится.

Она попыталась вспомнить, как выглядела вдова Чегвидден, стоя за прилавком своего маленького магазинчика. Смуглая, маленькая и толстая, с пушистыми волосами под кружевным чепчиком. Подобно одной из тех черных кур с красным гребешком, которые никогда не откладывают яйца в коробку, а всегда прячут их, и потом, до того, как узнаешь где, обнаруживается, что они уже высиживают десяток. Она стала хорошей женой Тому Карну, но станет ли хорошей мачехой? Возможно, во много раз хуже.

Демельза не хотела обратно ни к мачехе, ни к отцу, ни даже к братьям. Она не боялась работы, но в том доме, где она будет трудиться, она никогда не видела доброты.

Здесь, при всем том, что ее связывало, она была свободной: работала с людьми, которых любила, и на мужчину, которого обожала. Ее взгляд на вещи изменился; в ее жизни было счастье, которое она не замечала, пока за ней не пришли.

Среди них ее душа расцвела. Способность размышлять и разговаривать оказались для нее в новинку, учитывая то, что она росла, познавая всё новое на ощупь, как маленькое животное, заинтересованное только в питании, безопасности и некоторых других первичных потребностях. Всё это прекратилось бы. Все эти новые просветы исчезли бы: на свечи надели бы колпачки, и она бы больше ничего не смогла увидеть.

Не обращая внимания на Пруды, Демельза выплеснула овсяную кашу в ведро и вошла с ним к шести телятам. Они шумно приветствовали ее, тыкаясь в ноги своими мягкими влажными носами. Она стояла и смотрела, как они едят.

Отец, спрашивая ее о том, грешила ли она с Россом, имел в виду, конечно, тех женщин в Грамблере и Соле, которые иногда оборачивались и пялились на нее жадными любопытными глазами. Они все думали, что Росс...

Краснея, она втайне полупрезрительно хихикала. Люди вечно напридумают, жаль, что они не могли придумать что-то более вероятное. Они действительно считают, что если бы она... что если бы Росс... жила бы она и дышала, как обычная служанка? Нет. Ее бы так распирало от гордости, что все бы знали правду, а не шептались, пялились и пытались вынюхивать.

Росс Полдарк делит постель с ребенком, который стал его другом, которого он окатывал водой под водокачкой, журил, обучал и ездил вместе верхом за сардинами в Сол! Да, он - мужчина, и, может, ему как и любому другому хочется своих удовольствий, и, может, он их и получает, когда ездит в город.

Но она будет последней женщиной, к которой обратится Росс. Она, которую он так прекрасно знает, и у которой не было ни странностей, ни красивых платьев, ни красок и пудры, ни стыдливых секретов, чтобы от него скрывать. Вот ведь глупые люди с их проклятым дурацким воображением.

Шесть телят вертелись вокруг нее, теряясь головами, облизывая руки и платье своими шершавыми языками. Она отталкивала их, но они возвращались. Они как мысли, её собственные и остальных, давят на нее, беспокоят все разом, лукавые, невероятные и непристойные, назойливые, дружелюбные и полные надежд.

Каким же глупцом был ее отец! Она впервые заметила это благодаря неожиданно появившейся взрослой мудрости. Если бы между ней и Россом что-то было, как он полагал, стала бы она слушать, как он просит ее вернуться? Она бы сказала: "Вернуться? Я не вернусь! Мое место - здесь!"

Возможно, так и произошло бы. Вероятно, Росс не позволил бы ей уйти. Но не из-за каких-то особых чувств с его стороны, кроме как обычного внимания. Вскоре он бы привык, что ее нет рядом. Этого мало, очень мало...

Один теленок толкнул ведро, и оно откатилось к задней части стойла. Она пошла за ним, подняла, и в темноте сарая, в углу, где не было света, ее снова одолела самые ужасные мысли в жизни. Это так ее разволновало, что Демельза снова бросила ведро. Оно покатило с грохотом и затихло. Пару минут она стояла там, прислонившись к перегородке, от страха ее сознание оцепенело.

Безумие. Он бы решил, что она пьяна, и выгнал бы из дома, как и пообещал после драки с Джудом.

Но тогда ей придется уйти, уйти в любом случае... Она ничего не потеряет. Но с собой она

унесет его презрение. Слишком высока цена. Даже добившись успеха, она могла получить его презрение. Но она не уйдет. Она снова подняла ведро, сжимая его, пока не побелели пальцы.

Телята снова подошли, тычась в ее платье и руки. Она поникла. Её не беспокоило, правильно это или неправильно. Она боялась его презрения. Идея была плохой. Выбрось её из головы. Оставь. Похорони.

Она нетерпеливо оттолкнула телят в сторону, расчищая себе дорогу, и пошла по брусчатке на кухню. Пруди всё еще была там, вытирая свои плоские мозолистые ноги грязным полотенцем.

Вся кухня провоняла потными ногами. Пруди по-прежнему ворчала, вероятно, даже не заметив, что Демельза выходила.

- В один из таких денечков я запросто отброшу копыта. Тогда люди пожалеют, что меня изводили. Тогда пожалеют. Но что мне тогда с того? Что хорошего мне с того, что над моим хладным трупом будут лить горькие слезки? Я хочу лишь немного больше доброты сейчас, пока еще могу дышать, - Пруди подняла глаза. - Только не говори мне, что заболела. Не говори.

- Со мной всё в порядке.

- Что-то есть. Ты вся вспотела.

- Жарко.

- А зачем ты притащила сюда это ведро?

- Ох, забыла. Оставлю снаружи.

Глава шестая

Он не вернулся. Демельза так и не могла понять, действительно ли желает, чтобы Росс вернулся. Часы показывали восемь. Вскоре Джуд с Пруди улягутся спать. Будет правильно, если она дождетя его прихода и прислужит за ужином. Но если он вскорости не объявится, значит, заночевал в Труро. Заки с Джинни вернулись. Джек Кобблдик повидал их и передал новости. Все жалели Джима и возмущались Ником Вайгасом. Всем было жаль Джинни и её двух детишек. Побывав в тюрьме, человек не возвращается прежним.

Демельза посмотрела на платье, закусил губу и вновь на него глянула. Заслышав, что Пруди тяжело шлепает вверх по лестнице, она поспешно накрыла его покрывалом.

- Я спать, дорогуша, - промурлыкала Пруди, держа в руке бутылку с джином. - Если не улягусь, то грохнусь в обморок. Раньше я частенько ни с того ни с сего в обморок-то падала. Знай моя матушка, что мне перенести пришлось-то, из могилки бы встала. Она б пришла. Я и так не раз ждала, что она придет. Приглядишь за ужином Росса?

- Присмотрю.

- Непохоже, чтобы он домой-то сегодня вернулся. Джуду я то же самое сказала, да только старый ишак, нет, говорит, подожду еще с полчаса, так пусть ждет.

- Доброй ночи, - пожелала ей Демельза.

- Добрая? Будет чудом, если мне глаза-то удастся сомкнуть.

Демельза проследила, как Пруды прошла в свою комнату, снова откинула покрывало и посмотрела на платье. Спустя мгновение она накрыла его и спустилась вниз.

В кухне аппетитно пахло пирогом. Джуд сидел перед огнем, строгая кусок крепкой деревяшки - делал новую кочергу, чтобы выгребать из глиняной печи золу дрока. Строгая деревяшку, он мурлыкал свою песенку.

- Жили-были старик со старухой, и они были бедны, твидли, дидли, дудли, ди

- Чудесный выдался денек, Джуд, - сказала Демельза.

Он подозрительно на нее покосился.

- Жарко чересчур. Не по сезону-то. Жди дождя. Ласточки низко летают.

- Не стоит тебе сидеть так близко к огню.

- Что сказал твой папаша?

- Хочет, чтобы я погостила у них пару недель.

Джуд вздохнул.

- А кто же будет делать твою работу?

- Я сказала, что не смогу пойти.

- Даже не вздумай уходить. И в начале лета тоже, - он поднял нож. - Это что, стук копыт? Пожалуй, это мистер Росс, а я уж было отчаялся.

Сердце у Демельзы сжалось. Джуд оставил деревяшку и пошел отвести Брюнетку в конюшню. Спустя несколько секунд вслед за ним в прихожую вышла Демельза.

Росс только что спешил и отвязывал с седла купленные свертки и товары. Его одежду покрывала густая пыль. Росс выглядел очень усталым, и лицо его покраснелось. Он поднял глаза, когда Демельза подошла к двери, и коротко ей улыбнулся, но безо всякого интереса. Солнце опустилось к западной кромке долины, и небосвод окрасился ярким оранжевым сиянием. Вокруг дома щебетали птицы.

- Задай ей корму побольше, - говорил Росс. - Негусто они её покормили. Ух, ну и духота сегодня.

Он снял шляпу.

- Я вам больше не понадобится? - спросил Джуд.

- Нет. Отправляйся спать, когда пожелаешь, - он медленно подошел к двери, и Демельза отодвинулась в сторону, чтобы его пропустить. - Ты тоже. Подай мне ужин, а потом можешь идти.

Да, он пьян, подумала она. Но как сильно, она не могла сказать.

Он направился в гостиную, где стол был расчищен для ужина. Демельза услышала, как Росс пытается снять сапоги, и бесшумно скользя башмаками, вошла, чтобы помочь ему скинуть сапоги. Он поднял голову и с признательностью ей кивнул.

- Знаешь я ведь вроде еще не старик.

Демельза вышла, чтобы достать пирог из печи. Когда она вернулась, Росс уже наливал себе выпить. Она поставила пирог на стол и отрезала ему кусок, положила на тарелку, нарезала хлеб и молча ждала, пока он усядется и примется за еду. Все окна в доме были открыты. Сияние за холмом погасло. Высоко в небе перистые облака окрасились в оранжево-розовые тона. Краски в доме и долине соперничали друг с другом.

- Мне зажечь свечи?

Он взглянул на нее так, словно только что вспомнил.

- Нет, еще светло. Я попозже сам зажгу.

- Тогда я вернусь и зажгу их, - произнесла Демельза. - Я еще не ложусь спать.

Она выскользнула из комнаты и прошла по низенькой квадратной прихожей на кухню. Так что повод к возвращению остается. А как поступить дальше, Демельза не знала. Ей хотелось помолиться о том, что Бог вдовы Чегвидден воспрещает. Она нагнулась и погладила Табиту Бетию, а потом подошла к окну и посмотрела на конюшни. Затем она нарезала остатки еды для Гаррика и с их помощью заманила его во флигель, заперев там. Вернувшись, она поворошила огонь, подобрала деревянную кочергу Джуда и срезала с нее ножом стружку. Колени у Демельзы дрожали, а руки похолодели, как лед. Она отнесла ведро к водокачке и набрала свежей воды. Мычал теленок. Стайка чаек неторопливо летела со стороны моря.

На этот раз вместе с ней на кухню проследовал Джуд, посвистывая между передними зубами. Брюнетку напоили и накормили. Нож с деревяшкой Джуд спрятал.

- Утром не встанешь-то.

Демельза прекрасно знала, кого утром не добудишься, но решила промолчать. Джуд вышел, и она слышала, как он поднимается по лестнице. Демельза проследовала за ним. В своей комнате она вновь посмотрела на платье. Она бы всё отдала за стаканчик бренди, но спиртное было под запретом. Если Росс учует выпивку в дыхании, всему конец. Оставалось лишь выйти с ледяным, непреклонным лицом или забиться в свою нору, как барсук. Постель выглядела прекрасно. Демельзе оставалось лишь решить, что надеть, и приступить к делу. Но завтра настанет скоро. Завтрашний день не нес никакой надежды.

Демельза достала свой обломок гребешка, подошла к зеркалу, которое нашла в библиотеке, и начала причесываться.

***

Платье было одним из тех, что она нашла на дне второго железного сундука, и с первого же мгновения оно искушало её, как Еву яблоко. Оно было сшито из бледно-голубого сатина, с низким квадратным вырезом. Пониже талии платье слегка выдавалось назад, как краснокочанная капуста. Демельза решила, что это вечернее платье, но в действительности оно было одним из тех, что Грейс Полдарк купила для официальных визитов. В длину оно оказалось Демельзе в самую пору, а остальное она переделывала дождливыми вечерами. Когда

она надевала его, её охватывал трепет, пусть даже никто никогда не увидит его на ней...

Демельза попыталась рассмотреть себя в полумраке. Волосы она приподняла, разделила надвое, убрала с ушей и заколола на макушке. В любое другое время она осталась бы довольна своим внешним видом и любовалась бы собой, расхаживая, как павлин, чтобы услышать шелест шелкового платья. Но теперь она смотрела в зеркало, и в ее глазах застыл немой вопрос. В отличие от настоящей леди у нее не было пудры, румян или духов. Демельза куснула губы, чтобы покраснели. И этот корсаж. У матери Росса, видимо, была другая фигура, или она носила муслиновую шаль. Если бы ее сейчас увидела вдова Чегвидден, раскрыла бы свой сухонький сжатый рот и выкрикнула одно лишь слово "Вавилон!".

Лицо Демельзы стало непроницаемым. Она решила идти. Теперь не осталось выбора. Пути назад нет.

Кремень и кресало дрожали в её непослушных руках, и ей пришлось потрудиться, чтобы зажечь свечи. Наконец, пламя вспыхнуло и ярко осветило насыщенный голубой цвет платья. Демельза быстро прошелестела к двери, и затем уже медленно с подсвечником в руке спустилась по лестнице.

У дверей в гостиную Демельза остановилась, подавила непривычное ощущение в горле, облизнула губы и вошла.

Росс закончил ужинать и сидел в полутьме перед холодной каминной решеткой. Руки он заложил в карманы, а голову опустил. Когда она вошла, он шевельнулся, но не поднял головы.

- Я принесла свечи, - произнесла она каким-то чужим голосом, но Росс не обратил внимания.

Демельза медленно обошла его, слыша шелест платья, и зажгла два подсвечника. С каждой зажженной свечой комната становилась светлей, а проемы окон темнели. Небо над холмом стало цвета ледяной синевы - яркое, ясное и чистое, как обледеневший пруд.

Росс вновь шевельнулся и уселся в кресле повыше. Его голос заставил Демельзу вздрогнуть.

- Ты слышала, что Джима Картера сослали в тюрьму на два года?

Она зажгла свечу.

- Да.

- Сомневаюсь, что он там выживет.

- Вы сделали всё, что могли.

- Сомневаюсь, - он говорил, словно обращался к самому себе, а не к ней.

Демельза начала затягивать открытые окна шторами.

- А что еще вы могли сделать?

- Плохой из меня адвокат, - произнес Росс, - чертовски я щепетилен к своей гордости. Гордый дурак, Демельза, всегда будет побит вкрадчивым и лстивым мошенником. Смиранные и лстивые похвалы могли сегодня принести победу, а вместо этого я попытался научить их, как вести свои дела. Преподаю им урок по тактике, а поплатиться может Джим, и своей жизнью.

Демельза задернула последнюю штору. Влетел порхающий мотылек, забив крылышками по зеленому шелку.

- Никто до этого не поступал, как вы, - сказала она. - Ни один другой сквайр. Не вы виноваты в том, что он отправился браконьерствовать и попался.

Росс вздохнул.

- Честно говоря, я не думаю, что мое вмешательство сильно изменило ситуацию. Но это не имеет никакого значения для... - Росс умолк. И посмотрел на нее. Настало то самое мгновение.

- Я не принесла остальные свечи, - вырвалось у Демельзы. - У нас их осталось немного, а вы сказали, что привезете сегодня.

- Ты опять пила?

- Даже не прикасалась, после того как вы запретили, - отчаянно произнесла Демельза. - Честно. Богом клянусь.

- Где ты нашла это платье?

- В библиотеке... - приготовленная ложь забылась.

- Значит, на тебе платье моей матери!

- Вы никогда не говорили мне об этом, - запинаясь, вымолвила она. - Вы сказали, что я не должна пить, и я никогда больше не прикасалась к спиртному. Но вы не запрещали мне касаться одежды!

- Теперь говорю. Иди и сними платье.

Могло быть и хуже. Но в глубинах своего страха и отчаяния человек всегда находит новые силы. Дальше падать уже некуда. Демельза шагнула к желтому сиянию свечей.

- Оно... оно вам не нравится?

Росс вновь на нее посмотрел.

- Я уже сказал тебе, что думаю.

Она подошла к краю стола, и мотылек запорхал у свечи и по синеве платья, а потом застучал беспечными крылышками по шкафу возле стены.

- Я могу... сесть и немного с вами поболтать?

Поразительная перемена. Зачесанные кверху волосы меняли овал её лица, делая его округлым. Юные черты лица были светлы и чисты, а взгляд стал взрослым. Росс чувствовал себя, как человек, пригревший тигренка, не зная, в кого тот вырастет. Этот чертенок, упрямо не желающий занимать должное положение, вызывал у него смех.

Но случившееся не было смешным. Будь так, Росс бы от души посмеялся. Он не знал почему, но ему было не до смеха.

- Ты пришла в этот дом, как служанка, и хорошо справлялась со своими обязанностями, -

угрюмо произнес он. - Поэтому тебе была дозволена определенная свобода. Но надевать это платье тебе никто не позволял.

Край кресла, на котором Росс ранее сидел, осталось наполовину отодвинутым, и Демельза опустилась на него. Она нервно улыбнулась, но в её улыбке было больше очарования, чем она предполагала.

- Пожалуйста, Росс, разве я не могу остаться? Никто никогда не узнает. Пожалуйста... - слова замерли у нее на устах, перейдя в шепот. - Я не желаю вам зла. Я прошу лишь того, что делала не один вечер до этого. Я не хотела обидеть вас, надев платье. Оно всё равно бы сгнило. Мне стало жаль, что все эти прекрасные вещи гниют в сундуке. Я лишь хотела сделать вам приятное. Я думала, вам понравится. Если я останусь с вами, пока не придет время уйти...

- Отправляйся спать и больше не будем об этом, - сказал Росс.

- Мне семнадцать, - непокорно произнесла она. - Мне семнадцать уже несколько недель. Вы всегда будете обращаться со мной как с ребенком? Не надо обращаться со мной как с ребенком! Я уже женщина. Разве не могу я сама решать, когда мне следует лечь спать?

- Нет, ты не можешь поступать, как тебе вздумается.

- Я думала, я вам нравлюсь.

- Нравишься. Но это не дает тебе право заправлять всем в доме.

- Я не хочу заправлять домом, Росс. Я только хочу сидеть здесь и говорить с вами. У меня только старые платья, в которых я работаю. Это так... даже просто носить такое платье...

- Делай, как велено, или на рассвете отправишься домой к отцу.

С самого начала своей робкой и отчаянной попытки Демельза сумела пробудить в себе чувство обиды на Росса. И в какой-то миг она действительно верила, что их разговор сводится к тому, будет или нет ей предоставлена определенная свобода.

- Давайте, - выкрикнула она, выгоните меня! Выгоните меня сегодня же! Мне всё равно. Ударьте, если хотите. Как мой отец. Я напьюсь и буду кричать на весь дом, и тогда у вас будет повод!

Демельза повернулась и схватила стакан со стола, налила себе бренди и сделала глоток. Затем она выжидающе посмотрела на Росса, чтобы увидеть, какое впечатление произвел на него этот поступок.

Росс быстро нагнулся, подобрал деревянную кочергу и хлестнул её по пальцам. Стекло разбилось, и содержимое стакана выплеснулось на платье, о котором они спорили.

Мгновение Демельза смотрела на Росса скорее удивленным взглядом, нежели полным боли, а потом поднесла пальцы ко рту. Взрослая и непокорная семнадцатилетняя девушка внезапно превратилась в несчастное и несправедливо обиженное дитя. Она посмотрела на платье, которое пропиталось бренди. В её глазах выступили слезы, повиснув на густых темных ресницах, пока она их не смахнула. Они показались вновь и зависли на кончиках ресниц, не падая. Попытка обольстить Росса болезненным образом провалилась, но ей на помощь пришла сама природа.

- Мне не следовало так поступать, - сказал Росс.

Он не понимал, почему произнес эти слова или почему извинялся за своевременный и нужный выговор. Он чувствовал, что вступил на зыбучие пески.

- Платье, - произнесла она. - Вам не следовало портить платье. Оно было таким прекрасным. Завтра я уйду. Как только наступит рассвет, я уйду.

Демельза поднялась со стула и попыталась что-то произнести, но внезапно упала на колени у кресла, положила голову ему на колени и всхлипнула.

Росс опустил взгляд на её густую копну темных волос, которые слегка курчавились у основания шеи. Он коснулся её волос, переливающихся темными и светлыми тенями.

- Малышка, - произнес Росс. - Оставайся, если хочешь.

Демельза пыталась не плакать, но глаза вновь наполнялись слезами. Впервые за всё время Росс коснулся ее и поднял. Еще вчера прикосновение ничего бы не значило. Демельза невольно оказалась у него на колене.

- Вот.

Росс достал свой платок и вытер ей глаза. Затем он поцеловал её в щеку и погладил по руке, пытаясь убедить себя, что его поступок - всего лишь отеческая забота. Но его власть над ней исчезла.

И это больше не имело значения.

- Мне это нравится, - сказала Демельза.

- Наверное. А теперь ступай и забудь о том, что случилось.

Она, вздохнув, сглотнула.

- У меня ноги мокрые.

Демельза задрала подол розовой нижней юбки и начала вытирать коленку.

- Ты знаешь, что о нас говорят люди, Демельза? - зло выговорил Росс.

Она покачала головой.

- Что?

- Если продолжишь себя вести подобным образом, то сплетни станут правдой.

Она посмотрела на него, но в этот раз открыто, без страха и кокетства.

- Я живу лишь для вас, Росс.

Ворвавшийся ветерок приподнял одну из штор у распахнутого окна. Птицы наконец смолкли. Стемнело. Росс вновь поцеловал ее, на этот раз в губы. Демельза неловко улыбнулась сквозь непросохшие слезы; сияние свечей придало её коже светло-золотистый блеск.

А затем, к несчастью, Демельза, подняв руку, откинула назад прядь волос, и этот жест напомнил Россу мать.

Росс вскочил и так резко поднял её на ноги, что она едва не упала. Он подошел к окну, встав к ней спиной.

Дело не в ее движении, а в платье. Может, запах; что-то пробудило в нем ароматы и вкусы прошлой жизни. Частичка матери навсегда осталась в этом платье, в этой комнате, кресле. Её дух витал здесь и сблизил их друг с другом.

Призраки и тени прошлой жизни.

- В чем дело? - спросила Демельза.

Росс обернулся. Демельза стояла, держась за край стола, с разбитым стаканом у ног. Он попытался вспомнить того худенького и маленького сорванца, который вместе с Гарриком бродил по полям. Но это не помогало. Сорванец исчез навсегда. Не красота вдруг проявилась в Демельзе за одну ночь, это был призыв юности, который уже сам по себе прекрасен.

- Демельза, - произнес он, и даже имя её прозвучало странно. - Я отобрал тебя у отца не для того, чтобы ...

- Неужели так важно, ради чего вы меня забрали?

- Ты не понимаешь, - сказал он. - Уходи. Ступай прочь.

Росс чувствовал необходимость смягчить свои слова, необходимость объясниться. Но даже легкий намек на отступление от своей позиции отбросит в сторону ограничения.

Росс посмотрел на нее, но Демельза молчала. Возможно, в глубине души она смирилась с поражением, но Росс не знал, не мог прочесть в ней этого. Её глаза таили в себе взгляд незнакомки, сменивший нечто привычное. Они смотрели на него с вызовом, в котором росли боль и враждебность.

- Я иду спать. - сказал Росс. - Ты тоже ложись и попытайся понять.

Росс взял свечу и задул другие в подсвечнике. Он бросил на нее взгляд и выдавил улыбку.

- Доброй ночи, дорогая.

Демельза не произнесла ни слова и не шевельнулась. Когда за ним закрылась дверь, и она осталась в безмолвной комнате лишь в обществе расстроенного мотылька, Демельза повернулась и взяла свечу для себя, задув остальные, которые оставил Росс.

***

Уже в спальне Росса охватила волна осуждения своей непредвиденной ярости. В какого же скопца и затворника он превращается? Казалось, даже тень отца восстала и прошептала ему:

- Юный ханжа!

- Боги! - взмолился он. Что за кодекс чести он выработал для себя, что вынужден подчиняться этим праведным разграничениям? Можно растратить всю юность, лавируя между моральными обязательствами. Хрупкой и изящной Элизабет, худощавой и распутной Маргарет, Демельзой с

её расцветшим девичеством. Пылким ребенком, катавшимся в пыли вместе со своей собакой, девочкой, погонявшей волов, женщиной... Разве имеет еще что-нибудь значение? Он ни к кому более не привязан; определенно, не к Элизабет. Она больше для него ничего не значит. Это чувство - не слепая погоня за удовольствиями, чтобы утопить в них боль, как это произошло в ночь бала. Господи, да он никогда еще не был столь пьян от такого малого количества бренди. Это старое шелковое платье, частичка былой любви.

Росс в смятении присел на кровать и попытался собраться с мыслями. Он попытался вспомнить события сегодняшнего дня. День начался с разочарования, им же и закончился. "Говоря начистоту, мистер Полдарк, я склонен согласиться со своим коллегой, мистером Холсом. Безусловно, несчастье для заключенного, если он страдает этим заболеванием". Ну кто еще, кроме остолопа, мог ждать, что судьи вынесут иной приговор, а не просто стоворятся друг с другом. "Мы должны поддерживать друг друга ради блага нашего дела, общества и сословия". А вот он это упустил. Нельзя со свидетельской скамьи публично обвинять людей своего сословия, не говоря уже о тирадах в их адрес перед лицом толпы зевак в суде.

Но на этом всё не заканчивалось. Да, у него были собственные нормы поведения, хоть и никто их не признавал. Для юных дворян округи укладывать в постель своих служанок не было событием из ряда вон выходящим. Всё в дело в том, что они не похищали их в малолетнем возрасте. Но теперь она совершеннолетняя и уже способна не только разбираться в себе, но и читать его мысли, прежде чем он сам их распознает. Так что с ним не так? Не осталось искорки юмора, чтобы подсластить жизнь? Неужели каждый шаг нужно воспринимать предельно серьезно и взвешивать всё до малейшей детали? Любовь - улада сердца и души; все поэты воспевают её легкомыслие, и лишь мрачный шут заключает её в оковы догм и совести.

Сегодня стояла нестерпимая духота. Жара нечасто держалась после заката.

Ему хотя бы удалось заработать признательность Джинни. Эти годы покажутся ей длиннее, чем Джиму. Преодолеют ли их они? "Ну что за сентиментальный дурак. Отступник. Принял борьбу с белыми за сражение с краснокожими. Предатель своего сословия"... "Полно медлить. Счастье хрупко. Поцелуй меня, голубка" [11]... "Красота - всего лишь цветок, который пожрут морщины" [12].

"Расстраиваться из-за работника, страдающего сильным кашлем - не очень-то разумно, как многие скажут. В конце концов, человек должен стойко переносить невзгоды. Когда в прошлом году моя призовая кобыла подхватила сепсис..."

"Все пути приводят к встрече; Это скажут дед и внук" [11].

Росс поднялся и подошел проверить, распахнуто ли северное окно. Ох уж эти софизмы поэтов. Сегодня ему не удавалось мыслить ясно. Были ли сладкоречивые певцы лучшими советчиками? Да, окно настезь распахнуто. Росс раздвинул шторы и выглянул наружу. В свои двадцать семь лет он выработал определенную линию поведения; не отбросил ли он ее в сторону при первом же испытании? Раздался стук в дверь.

- Входи, - произнес он.

Росс обернулся. Это была Демельза со свечой в руке. Она не проронила ни слова. Дверь за ней захлопнулась. Она не сняла платья, а её глаза сияли, как фонари.

- В чем дело? - спросил он.

- Платье.

- Что с ним?

- Оно расстегивается сзади.

- И что с того?

- Я не могу достать до крючков.

На мгновение Росс нахмурился.

Она медленно подошла к нему, повернулась и неловко поставила свечу на стол.

- Простите.

Росс стал расстегивать платье. Демельза почувствовала его дыхание у своей шеи.

Из тех шрамов, что он разглядел, когда они возвращались домой с ярмарки в Редрате, остался лишь один небольшой рубец.

Росс прикоснулся к прохладной коже ее спины. Внезапно его руки скользнули под платье, сомкнувшись на талии. Демельза прислонила голову к его плечу, и Росс целовал её, пока в глазах не потемнело.

И в этот самый миг своего торжества, Демельзе оставалось признаться в своей лжи. Она не могла умереть с нечистой совестью.

- Я соврала, - прошептала она, вновь расплакавшись. - Я соврала насчет крючков. О, Росс, оставь меня, если ненавидишь. Я солгала... Солгала....

Росс не ответил, так как теперь ничто не имело значения, ни ложь, ни поэты, ни принципы и никакие доводы ума или сердца.

Он выпустил её и зажег еще одну свечу.

Глава седьмая

Демельза проснулась на рассвете. Она зевнула, поначалу не осознавая произошедшую перемену. Затем она заметила, что стропила над головой тянутся по-иному...

Трубка и серебряная табакерка на каминной полке, овальное заплесневелое зеркало над ней. Его спальня. Она повернулась и посмотрела на голову мужчины с копной темно-каштановых волос на подушке.

Демельза неподвижно лежала с закрытыми глазами, пока в её сознании проносились сцены, развернувшиеся в этой комнате накануне, и лишь её учащенное, судорожное дыхание выдавало, что она не спит.

Птицы пробуждались ото сна. Еще один теплый безветренный день. Зяблики под крышей звонко заливались, издавая звуки, похожие на капающую в пруд воду.

Демельза тихо подтянулась к краю постели и выскользнула из нее, боясь разбудить Росса. Подойдя к окну, она посмотрела вдаль, за наружные постройки, на море. Прилив почти достиг

высшей точки. Туман серой пеленой окутывал цепочку утесов. Накатывающиеся волны чертили темные борозды на серебристой поверхности моря.

Ее платье, то самое, лежало скомканным на полу. Демельза схватила его и обернула вокруг себя, словно устыдилась собственной наготы. И тихо на цыпочках прокралась в свою спальню. Пока она одевалась, серый проем окна медленно окрашивался светом.

В доме не раздавалось ни звука. Она всегда вставала первой, часто даже ходила к самому краю долины за цветами, пока Джуд и Пруды с кряхтением просыпались. Сегодня она должна первой выйти из дома.

Она босиком спустилась по узким ступенькам, миновала прихожую. Потом распахнула переднюю дверь. За домом, может, и рокотал старый хмурый старик - море, но здесь, в долине, царило душистое тепло, которое земля сохранила за короткую летнюю ночь. Она вышла наружу, и её встретил теплый воздух. Она вдохнула его полной грудью. В отдельных уголках неба застыли тонкие перистые облака, словно их после себя оставил небрежный взмах метлы.

Росистая трава не показалась холодной её босым ногам. Она прошла по саду к ручью, присела на деревянные мостки, прислонилась спиной к поручням и погрузила ноги в журчащий ручей. Кусты боярышника, которые росли вдоль его берегов, расцвели, но цветки уже потеряли свою белизну, окрасились в розовый и опали, так что весь ручей был полон мерно относимыми водой крохотными лепестками, похожими на свадебные конфетти.

Спина и поясница ныли; но пугающие отголоски прошлой ночи померкли при воспоминании о её торжестве. Она не испытывала укоров совести от того, каким образом достигла этого торжества, поскольку страсть к жизни и её смыслу поглощала остальные чувства. Еще вчера это казалось невозможным. Сегодня стало явью. И ничто не сможет испортить ей этот миг, ничто.

Через пару минут поднимется солнце, осветив край долины, за которым всего несколько часов назад закатилось. Демельза подняла ноги, мгновение посидела на мосту, нагнулась и набрала в пригоршню воды, окатив лицо и шею. Затем она поднялась и с внезапным приливом надежды направилась к яблоне. Дрозд и его черный брат спорили из-за соседних веток. Листва коснулась её волос, брызнув на ухо и шею росой. Она склонилась и стала собирать россыпь колокольчиков, которые росли под деревом редким ковром. Но не успела она собрать несколько штук, как тут же прервала свое занятие и села, прислонившись к обросшему лишайником стволу, откинула голову назад и прижала к груди душистые стебельки колокольчиков.

Так она и сидела, неподвижно выгнув в истоме шею и задрав юбки, ее нагих ног нежно касались трава и листья. Внезапно на землю опустился зяблик и завел свою песню рядом с её рукой - "фьють-фьюить". Демельза уже было собралась подпеть ему, но знала, что сподобится лишь на кваканье.

На лист рядом с её лицом опустилась и большая муха. На её голове виднелись две большие коричневые выпуклости, со столь близкого расстояния они казались огромными, словно из дебрей забытого мира только что вырвалось доисторическое животное. Сперва она стояла на четырех лапках, потирая двумя задними свои крылышки, и вновь опустившись на четыре задние, уже потеряла две передние, как льстивый торговец.

вернуться

У.Шекспир "Двенадцатая ночь или что угодно", акт 2, сцена 3, пер. М.А.Лозинского.

вернуться

12

Из стихотворения Томаса Нэша "Прощай, прощай, земное блаженство".

вернуться

11

У.Шекспир "Двенадцатая ночь или что угодно", акт 2, сцена 3, пер. М.А.Лозинского.

- Бзз! Бзз! - прожужжала Демельза.

Со внезапным жужжаньем муха сорвалась и почти мгновенно вернулась на то же место, принявшись потирать голову, словно мылась в ванной.

Над её головой паутина поблескивала капельками росы. Выводивший трели черный дрозд внезапно умолк, покачался мгновение на ветке, распутив хвост, что твой веер, и улетел. Два последних лепестка темно-розового цветка яблони сорвались от его движения и плавно опустились на землю. Зяблик стал клевать один из них.

Демельза протянула руку и издала воркующий звук, но зяблика провести не удалось, и он отпорхнул на безопасное расстояние. Где-то в поле промычала корова. Еще по-прежнему царило раннее утро, в которое не вторглись люди, и щебетанье птиц раздавалось на фоне тишины безмятежно дремавшего мира.

На головой низко пролетел грач, его взъерошенное оперение блеснуло золотом, а крылья с шумом рассекали воздух. Поднялось солнце и залило светом долину, бросая среди деревьев росистые безмолвные тени и лучики длинного тусклого света.

Глава восьмая

Росс проснулся поздно. Уже наступило семь часов, когда он пробудился.

Поднявшись, он почувствовал мерзкий привкус во рту. В трактире "Бойцовый петух" подавали скверное пойло.

Демельза... Жесткий старый шелк платья... Крючки. Что на нее нашло? Он был пьян, но от спиртного ли? Издержки духа и стыда растрата - Вот сладострастие в действии... Утолено, - влечёт оно презренье [14] - как же так вышло? Прошлой ночью этот сонет не пришел ему на ум. Поэты злостным образом его подвели. Странное дело.

По крайней мере, издержки духа были налицо.

А перешептывавшиеся кумушки трех деревень всего лишь предсказывали правду. Однако не это имело значение. А лишь Демельза и он сам. Кого он обнаружит этим утром? Приветливую

работницу, которую всегда видел днем, или укутанную в шелка незнакомку из грез летней ночи?

Она наконец добилась своего и, кажется, сама испугалась этого.

Венцом тщетности было сожалеть о полученном удовольствии, и Росс не намеревался так поступать. Дело сделано. Это в корне изменит их отношения; вторгнется в их зарождающуюся дружбу, исказит каждый шаг и представления, окрасит всё в иной смысл.

Его отказ в гостиной был единственно верным решением. Пожалуй, даже здравым, но как тесно сплетены ханжество и сдержанность в сознании циника?

Этим утром в голове Росса роились одни вопросы и ни одного ответа.

С какой бы стороны он ни смотрел, в воспоминаниях прошлой ночи оставалось нечто неприятное. В том не было вины Демельзы или его собственной, это скорее вытекало из истории их отношений. Не ерунда ли всё это? Что сказал бы отец? "Высокопарная чепуха, чтобы оправдать опрометчивый поступок".

Он кое-как нацепил на себя одежду. На какое-то время он решил отставить в сторону размышления о последствиях. Росс спустился вниз и начал обливаться водой, время от времени бросая взгляды на далекую цепочку утесов, где виднелась Уил-Лежер.

Затем вновь оделся и съел завтрак, поданный скрюченной и бубнившей себе под нос Пруди. Этим утром она была похожа на рыбака, выживающего его расположение, и не огрызалась. Закончив, Росс послал за Джудом.

- Где Демельза?

- Не знаю. Кажись, бродит где-то неподалеку. Я видал, как час назад она вышла из дома.

- Детишки Мартинов здесь?

- На турнепсовом поле.

- Пожалуй, Пруди с Демельзой могут к ним присоединиться, когда будут готовы. Этим утром я не пойду на шахту. Подсоблю тебе с Джеком в заготовке сена. Сейчас самая пора.

Джуд проворчал что-то и засеменял из комнаты. Посидев несколько минут, Росс отправился в библиотеку и с полчаса занимался делами шахты. Затем он взял косу из сарая и наточил её на точильном камне. В работе - лекарство от уныния ночной поры. Издержки духа и стыда растрата... До кульминации прошлой ночи он заметил, что день начался с разочарования, им же и закончился. Вернувшееся к нему этим утром прежнее самообладание подсказывало, что эта точка зрения в сущности оставалась верной. Жизнь научила его тому, что удовлетворение желаний влечет за собой разочарование, и главное заблуждение мужской половины человечества как раз и состоит в том, что они считают иначе.

Первые правила этого урока он усвоил еще десять лет назад. Но тогда он еще не был сластолюбцем и не мог судить. В отличие от своего отца, который будучи сластолюбцем и циником, не отвергал любовь и принимал её такой, как есть. Различие между ними проистекало скорее не из бесстрастной натуры Росса (она была совсем не такой), а из его завышенных ожиданий.

Чувство отчуждения от всего мира и одиночество никогда еще не были так сильны, как в это утро. Он гадал, есть ли в жизни смысл, если всех остальных, как и его, терзает разочарование. Так было не всегда. Детство его прошло довольно счастливо в той беспечной манере, что присуща всем детям. Наслаждался Росс и аскетизмом и опасностью военной службы. И лишь только стоило ему вернуться домой, как злобная рука разочарования сжала его в своих тисках, выбивая из-под ног почву, когда он пытался найти смысл жизни, обращая в пепел всё, к чему прикасался.

Росс закинул косу на плечо и побрел на луг, который находился на северо-восточной окраине долины, за яблоневым садом, и простирался до самой Уил-Грейс. Огромное поле, которое не окружали стены или колючая изгородь. Сена на нем было в достатке, побольше, чем в прошлом году. Последние солнечные недели подсушили и позолотили его. Росс снял сюртук и повесил его камень в углу поля. Он был без головного убора и чувствовал тепло восходящего солнца на волосах и шее. Неудивительно, что в прежние времена люди радовались солнцу. В особенности в Англии, где прячущееся и переменчивое солнце всегда приветствовали в краю туманов, туч и морозящего дождя.

Росс начал косить. Слегка нагнувшись вперед и поворачиваясь, он делал широкие полукруглые взмахи. Трава неохотно поддавалась. Её длинные стебельки подгибались и медленно опускались на землю. Вместе с травой попадались полоски фиолетовых скабиоз, ромашек, кервеля и желтых лютиков, которые расцвели в ненужном месте и разделили участь травы.

Появился Джек Кобблдик, поднявшийся на поле своей размашистой походкой, за ним и Джуд, и они проработали всё утро, пока солнце не поднялось высоко, направив на них свои лучи. Время от времени один из них останавливался, чтобы поточить косу. Разговаривали они неохотно, словно желали оставить свои мысли нетронутыми, при себе. Большую часть утра компанию им составляли два жаворонка, которые точками мелькали высоко в небе и то пели, то, нырнув, спускались к земле и вновь заливались трелью.

В полдень они сделали перерыв и, усевшись в кружок посреди скошенной травы, подкрепились пирожками с зайчатиной и ячменным печеньем, запив пахтой. При этом Джек Кобблдик заметил таким же тихим и растянутым голосом, как и его походка, что на лугу погода так сушит, что заставляет тебя пить жидкости больше, чем можешь в себе удержать. Он также слышал, что в Мингузе собираются закатить пир на весь мир, весь первосортный народец и прочее. В прошлое утро он столкнулся с Джо Триггом, и тот заявил - какой стыд, мол, что Джим Картер мается в тюрьме, в то время как Ник Вайгас вылез сухим из воды, и что почти все в округе думают так же. Джима отправили в бодминскую тюрьму, которая, как поговаривали, одна из самых лучших в Уэст-Кантри, и лихорадка там свирепствует не так, как в лансестонских или плимутских блокшивах. Капитан Росс случаем не знает, правда ли это? На что Росс ответил утвердительно.

Бытует мнение, продолжил Кобблдик, что не выступи тогда Росс в суде и не дай отповедь судьям, так Джима бы сослали в ссылку на семь лет, и ходят слухи, что судьи после на себе волосы рвали от злости.

Джуд заметил, что знавал человека, которого сослали в бодминскую тюрьму ни за что, ни про что. В первый же день он подхватил там лихорадку, а на второй - умер.

вернуться

У. Шекспир, Сонет 129, пер. С.Я. Маршака.

На что Кобблдик отвечал, будь среди господ побольше таких людей, как Тот Кого Все Мы Знаем, то не царила бы такая нищета, не закрывались бы шахты и бедняки не молили о хлебе.

Говорят, что в Лансестоне, сказал Джуд, свирепствовала такая лихорадка, что за одну ночь свалила тюремщика с его женой, так что еще до рассвета оба окочурились.

Гриты и Нэнфаны подбивали народ, чтобы выгнать Ника Вайгаса из округа, протянул Кобблдик, да только Заки Мартин отговорил. Не стоит, мол, поступать таким образом, не бывало, мол, чтоб зло злом искореняли.

Джуд же заявил, что не сомневается, что третий ребенок Джима Картера родится сиротой.

После этого они поднялись и продолжили работу. Росс вскоре опередил своих спутников, подгоняемый вперед своими личными потребностями. Вскоре солнце опустилось, и остановившись передохнуть на несколько минут, Росс заметил, что они почти закончили. Его руки и спина ныли от работы, но ему удалось выжать из себя часть своей неудовлетворенности. Размеренные взмахи косой, мерное продвижение вдоль кромки поля, косьба травы и медленное приближение к центру помогли ему изгнать гнетущих бесов разочарования. Задул легкий северный ветерок, и зной превратился в приятное тепло. Росс несколько раз глубоко вдохнул, смахнул с бровей пот и посмотрел на спутников. Затем он заметил крошечную фигурку одного из детей Мартинов, направляющуюся к нему со стороны дома.

Это оказалась Мэгги Мартин, шестилетнее жизнерадостное дитя с фамильными рыжими волосами.

- Если позволите сээр, - пропищала она нараспев, - там вас леди пришла повидать.

Росс приподнял ребенка подбородок.

- Что за леди, милая?

- Миссис Полдарк, сээр. Из Тренвита.

Прошло немало времени, с тех пор Верити его навещала. Это может стать началом возобновления их прерванной дружбы. Никогда еще он в ней так не нуждался.

- Спасибо, Мэг. Я скоро приду.

Росс взял свой сюртук и с косой через плечо спустился с холма к дому. Похоже, что в этот раз она приехала верхом.

Росс оставил косу у дверей, и размахивая сюртуком, вошел в гостиную. В кресле сидела девушка. И сердце Росса екнуло.

Элизабет была одета в длинную коричневую амазонку с прекрасным гентским кружевом воротника и манжет. Копну блестящих волос венчала обшитая кружевами фетровая треуголка, которая подчеркивала овал лица.

Она протянула руку с улыбкой, вызвавшей в нем боль прошлых воспоминаний. Настоящая леди, и очень красивая.

- Ну, Росс, думаю, мы целый месяц не виделись, и раз уж я проезжала мимо...

- Не нужно извиняться за то, что приехала, - сказал он. - А только за то, что не сделала этого раньше.

Она вспыхнула, и во взгляде промелькнула тень удовольствия. Материнство не отразилось на ее хрупкости и привлекательности. При каждой встрече Росс удивлялся снова и снова.

- Сегодня жарко для прогулки верхом, - сказал он. - Давай я принесу чего-нибудь выпить.

- Спасибо, не надо, мне не жарко, - вид у нее был свежий. - Сначала расскажи, как ты, чем занимаешься. Мы так редко тебя видим.

Осознав, что у него мокрая рубашка и взъерошенные волосы, Росс рассказал, чем до этого занимался. Она чувствовала себя слегка не в своей тарелке. Он заметил, как пару раз она бросила взгляд на комнату, словно ощущая чужое присутствие или удивляясь, что несмотря на убогую обстановку, в комнате уютно. Ее взгляд переместился на сиденье у окна, на котором стояла чаша с лесной ветреницей и листьями папоротника.

- Верити сказала, - продолжила она, - что тебе не удалось добиться смягчения приговора для своего слуги. Мне очень жаль.

Росс кивнул.

- Жаль, да. Отец Джорджа Уорлеггана председательствовал в суде. Мы расстались, испытывая взаимную неприязнь.

Она взглянула на него из-под ресниц.

- Джордж будет сожалеть. Возможно, если бы ты к нему обратился, всё можно было бы устроить. Хотя парня поймали с поличным, не так ли?

- Как дядя? - сменил тему Росс, чувствуя, что его мнение по делу Картера может ее оскорбить.

- Лучше ему не становится. Том Чоук регулярно пускает ему кровь, но это помогает лишь на время. Мы так надеялись, что прекрасная погода снова поставит его на ноги.

- А Джеффри Чарльз?

- У него все отлично, спасибо. В прошлом месяце мы испугались, что он подхватил корь, после того как избежал основной эпидемии, но оказалось, у него всего лишь зубки резались.

Она говорила спокойно, но было в ее голосе что-то такое, что слегка его удивило. Никогда прежде он не замечал такой собственнической интонации.

В такой вот приятно-милой манере они поболтали еще несколько минут. Элизабет спросила об успехах в шахте, и Росс начал объяснять все технические детали, которые, как он подозревал, она вряд ли понимала; он с уверенностью мог сказать, что ей было не так интересно, как она хотела показать. Она говорила о предстоящей свадьбе Рут, принимая как должное, что его тоже пригласили, и он не желал ее поправлять. Фрэнсис хотел, чтобы осенью она отправилась в Лондон, но, по ее мнению, Джеффри Чарльз еще слишком мал для путешествий. Похоже, Фрэнсис не понимает, что сына нельзя оставлять. Фрэнсис думал и так далее... Фрэнсис считал...

При этих словах ее спокойное лицо омрачилось, и, натянув перчатки, она сказала:

- Мне хотелось бы, чтобы ты почаще виделся с Фрэнсисом, Росс.

Росс вежливо согласился, что да, жаль, что у него нет побольше свободного времени, чтобы навестить кузена.

- Нет, я вовсе не имею в виду обычный визит, Росс. Мне бы очень хотелось, чтобы вы работали вместе. Твое влияние на него...

- Мое влияние? - удивленно переспросил он.

- Оно бы его остепенило. Думаю, помогло бы его остепенить, - она подняла полные боли глаза, затем отвела взгляд. - Ты думаешь, как странно, что я так говорю. Но видишь ли, я беспокоюсь. Мы оба очень дружны с Джорджем Уорлеганом, гостили у него в Труро и Кардью. Джордж так добр. Но он очень богат, и для него азартные игры - всего лишь приятное развлечение. Для нас же, для Фрэнсиса, это не так. Когда играешь на ставки, которые не можешь себе позволить... Кажется, Фрэнсис одержим игрой. Для него это глоток свежего воздуха. Выигрывает он мало, а проигрывает много. Чарльз слишком болен, чтобы его остановить, и всем управляет Фрэнсис. Так больше продолжаться не может. Как тебе известно, Грамблер терпит убытки.

- Не забывай, - сказал Росс, - что когда-то я тоже проигрался в карты. Возможно, мое влияние было бы не таким хорошим, как тебе кажется.

- Мне не следовало об этом говорить. Я не собиралась. У меня нет права обременять тебя своими проблемами.

- Для меня это настоящий комплимент.

- Но когда ты упомянул Фрэнсиса... И нашу старую дружбу... Ты всегда был таким понимающим.

Росс видел, что она действительно страдает, и отвернулся к окну, чтобы дать ей время прийти в себя. Ему хотелось оправдать ее доверие; он бы многое отдал за то, чтобы что-нибудь посоветовать и стереть с ее лица эту боль. Чувство обиды, что она вышла за другого, исчезло. Она ведь пришла к нему.

- Я думала, стоит ли рассказывать Чарльзу, - продолжила Элизабет. - Я так боюсь, что из-за этого ему станет еще хуже... и совсем нам не поможет.

Росс покачал головой.

- Дело не в этом. Позволь мне сначала поговорить с Фрэнсисом. Бог знает, вероятно, я не преуспею там, где... где другие потерпели неудачу. И все-таки мне до сих пор непонятно...

- Что?

Но она поняла его невысказанную вслух мысль.

- Он во многом разумен, но повлиять на него я не могу. Кажется, он воспринимает мои советы, как вмешательство.

- Значит, он так же воспримет и мои советы. Но я попытаюсь.

Она посмотрела на него.

- У тебя сильная воля, Росс. Когда-то я это знала. То, что мужчине не нравится выслушивать от своей... жены, он может выслушать от своего кузена. У тебя дар убеждать. Думаю, если бы ты захотел, то смог бы очень сильно повлиять на Фрэнсиса.

- Так тому и быть.

Она поднялась.

- Прости, я не собиралась столько говорить. Не могу описать, насколько сильно я ценю то, как ты меня встретил.

Росс улыбнулся.

- Возможно, ты обещаешь приходить почаще.

- С удовольствием. Прежде мне нравилось навещать тебя, но потом я почувствовала, что не вправе больше приходить.

- Больше не поддавайся этому чувству.

Из прихожей послышались шаги, и вошла Демельза, неся в руках только что собранные колокольчики.

И остановилась как вкопанная, когда увидела, что помешала. Она была одета в домотканное простенькое голубое платье из льна с открытой шеей и небольшим узорчатым поясом. Выглядела дикой и неопрятной - весь день, постыдно избегая Пруды и репу, она лежала в траве на другом лугу, на возвышенности к западу от дома, внимательно наблюдая за Россом и мужчинами, работающими на противоположном холме. Она лежала там, вдыхая запах земли и вглядываясь через траву, словно подросток, и, наконец, перевернулась и заснула в ласковом тепле заходящего солнца. Ее волосы взъерошились, а платье всё было в траве и земле.

Она ответила на взгляд Росса и пристально посмотрела на Элизабет. Потом пробормотала извинения и развернулась, чтобы уйти.

- Это Демельза, та, о которой я тебе говорил, - сказал Росс. - А это госпожа Элизабет Полдарк.

Две женщины, подумал он. Сотворены из одного и того же вещества? Глина и фарфор

"О Боже, так между ними что-то происходит", - подумала Элизабет.

- Росс часто мне о вас говорил, моя дорогая, - произнесла она вслух.

Демельза подумала: "Она опоздала на один день, всего на день. Как она прекрасна, как я ее ненавижу".

Затем вновь взглянула на Росса и тут впервые ей в голову пришла мысль, словно предательский удар ножом, что то вожделение, с каким Росс смотрел на нее прошлой ночью, являлось лишь отблеском пустой страсти. Весь день она была слишком поглощена своими чувствами, не имея времени, чтобы подумать еще и о том, что чувствует он. Теперь всё читалось в его взгляде.

- Благодарю вас, мэм, - ответила она, снедаемая страхом и ненавистью до кончиков пальцев. - Я могу что-нибудь сделать для вас, сэр?

Росс посмотрел на Элизабет.

- Может, передумаешь и выпьешь чаю? Он будет готов через несколько минут.

- Мне пора уходить. Всё равно спасибо. Какие милые колокольчики ты собрала.

- Они вам нравятся? - спросила Демельза. - Возьмите их, если хотите.

- Так любезно с твоей стороны! - серые глаза Элизабет вновь пробежались по комнате. "Это все она; эти занавески. Полагаю, у Пруди бы не хватило ума так их повесить; и бархат на скамье, Россу бы никогда это и в голову не пришло", - думала Элизабет. - Я приехала на лошади и, к сожалению, не смогу их держать в руках. Оставь их себе, дорогая, но спасибо за столь милое предложение.

- Я их свяжу и прикреплю к седлу, - сказала Демельза.

- Боюсь, они завянут. Видишь, они уже поникли. С колокольчиками всегда так, - Элизабет взяла перчатки и хлыст. "Больше я не смогу сюда приезжать. Слишком поздно после всего, что произошло. Слишком поздно сюда приезжать", - думала она. - Ты должен навестить дядю, Росс. Он часто о тебе спрашивает. И дня без этого не проходит.

- Я приеду на следующей неделе, - сказал он.

Они направились к двери, и Росс помог ей сесть на лошадь, что она и сделала с присущей ей грацией. Демельза с ними не пошла, но смотрела из окна невидящим взглядом.

Она стройнее, чем я, думала Демельза, даже после родов. Кожа, как слоновая кость; никогда не работала. Она леди, а Росс - джентльмен, ну а я шлюха. Но не прошлой ночью, нет (в памяти ярко вспыхнули воспоминания). Я не могу быть шлюхой: я женщина Росса. Надеюсь, она растолстеет. Очень на это надеюсь и горячо молюсь, что она растолстеет, подхватит оспу, из носа у нее потечет, а зубы выпадут.

- Ты исполнишь свое обещание насчет Фрэнсиса? - спросила Элизабет Росса.

- Конечно. Я сделаю всё, что могу... Хотя, кажется, немного.

- Приезжай повидать Чарльза. На обед - в самый раз. В любой день. До свидания.

- До свидания, - сказал он.

Со времени его возвращения они впервые были полностью друг с другом согласны; оба это осознавали, не зная, что это понятно им обоим - к согласию они пришли слишком поздно, и теперь ничего не изменить.

Росс смотрел, как она медленно едет по долине. Видел, как заблестели волосы, поймав косой лучик солнца. В тенистой долине птицы затянули вечернюю песню.

Он устал, сильно устал, и хотел отдохнуть. Но когда приехала Элизабет, его с таким трудом приобретенное душевное спокойствие улетучилось.

Он повернулся и, тяжело ступая, направился через кухню в дом. Пруди готовила ужин.

Услышав ее жалобу, он что-то буркнул и пошел на конюшню.

Несколько минут он занимался делами фермы; закончив, вернулся в дом и прошел в гостиную.

Демельза по-прежнему стояла у окна. В руках она держала колокольчики. Казалось, он ее и не заметил, а просто медленно прошел к своему любимому креслу, снял сюртук и сел, да так и сидел какое-то время, хмуро уставившись на противоположную стену. Потом откинулся назад.

- Я устал, - сказал он.

Она отвернулась от окна, и тихо, словно он спал, подошла к креслу. Опустилась на коврик у его ног. И лениво, но с каким-то удовлетворением, начала перекидывать колокольчики из одной кучки на полу в другую.

Книга третья

Июнь-декабрь 1787 года

Глава первая

Росс и Демельза поженились двадцать четвертого июня 1787 года. Церемонию провел преподобный мистер Оджерс, она прошла тихо и в присутствии лишь необходимого числа свидетелей. В регистрационной книге невеста записала, что ей восемнадцать лет, что на девять месяцев опережало истинный день рождения. Россу исполнилось двадцать семь.

Он принял решение на ней жениться через два дня после того, как они первый раз спали вместе. Не то чтобы он ее полюбил, просто это казалось очевидным выходом. Учитывая то, с чего она начинала, Демельза была вполне подходящей парой для обедневшего сельского сквайра. Она уже доказала свою полезность в доме и на ферме, как никто другой, и выросла в его жизнь так сильно, что он даже представить себе не мог.

Конечно, принадлежа к старинному роду, он мог выйти в свет и после безумного ухода за дочерью какого-нибудь нувориша устроить себе комфортабельную и скучную жизнь на приданое невесты. Но подобную авантюру он не рассматривал всерьез. С чувством немного горькой радости Росс понимал, что этот брак окончательно проклянет его в глазах людей его сословия. Пока мужчина спит со своей кухаркой, это лишь вызывает кривотолки, но когда он на ней женится, то и сам становится в глазах общества неприемлемой фигурой.

Он не поехал в Тренвит на обед, как обещал. За неделю до свадьбы Росс специально отправился к Фрэнсису в Грамблер и поведал ему новости. Фрэнсис, похоже, скорее испытал облегчение, нежели был шокирован. Возможно, он постоянно жил в подспудном страхе, что однажды кузен сбросит свою личину цивилизованного человека и заберет Элизабет силой. Росс был вполне доволен, что новости не были приняты в штыки, и почти до того мгновения, как собрался уже уезжать, не вспоминал об обещании, которое дал Элизабет. Однако он его выполнил, и расстались они в менее дружелюбной манере, чем могли бы.

Памятуя о давней дружбе с Верити, Росс предпочел бы, чтобы она присутствовала на свадьбе, но узнал от Фрэнсиса, что доктор велел ей две недели оставаться в постели. Так что Росс отложил пригласительное письмо и вместо этого написал другое, более длинное, с объяснением обстоятельств и приглашая ее приехать их навестить, как только ей станет

лучше. Верити была знакома с Демельзой лишь шапочно, в течение двух лет она почти с ней не виделась, и Росс решил, что она не сможет понять, что за микроб старческого слабоумия вселился в его голову.

Даже если и так, в ответе она не сказала ничего подобного.

"Дорогой Росс,

Благодарю тебя за то, что так полно объяснил причины твоей женитьбы. Я - последний человек, который стал бы критиковать твой выбор, но мне бы хотелось быть первой, кто пожелает тебе счастья. Я молюсь за вас обоих. Когда я буду здорова, и папе станет лучше, я приеду с вами повидаться.

С любовью,

Верити".

Визит в церковь Сола изменил не только фамилию бывшей кухарки. Джуд и Пруди поначалу приняли в штыки и с негодованием (насколько они осмеливались его показать) тот факт, что малявку, которая явилась сюда беспризорной оборванкой, уж точно ниже их самих по положению, теперь следует именовать хозяйкой. Они бы дулись гораздо дольше, если бы на месте Демельзы был кто угодно другой. Но в конце концов она то ли с ними поговорила, то ли просто загипнотизировала, внушив, что поскольку она - их протее, то ее повышение некоторым образом прославляет и их. И вообще, как Пруди заметила Джуду наедине, всё лучше, чем исполнять указания какой-нибудь расфуфыренной прошмандовки с отвислыми кудряшками.

В этом году Демельза больше не виделась с отцом. Через несколько дней после объявления о свадьбе она убедила Росса послать Джуда в Иллаган с сообщением, что через две недели они поженятся. Когда пришел Джуд, Карн был на шахте, так что он передал всё маленькой толстухе в черном. После этого настала тишина. Демельза тревожилась, что отец явится на свадьбу и устроит сцену, но всё прошло спокойно. Том Карн признал поражение.

Десятого июля человек по имени Джоуп Ишбел, один из старейших и хитроумнейших шахтеров края, наткнулся в Уил-Лежер на жилу красной меди. Одновременно с этим открытием в большом количестве хлынула вода, и работы приостановили, пока не было куплено оборудование для откачки. Штольня со стороны утеса продвигалась слабо, но должно было пройти еще какое-то время, прежде чем нужное место осушат. Опытные шахтеры сочли воду хорошим знаком.

Новости о находке передали Россу, он открыл бочонок бренди и принес большие кружки на шахту. Здесь царило возбуждение, с высоты шахты они наблюдали, как люди взбираются на холм за поселком Меллин, что в миле от шахты, чтобы с высоты разглядеть, по какому поводу переполох.

Находка оказалась как нельзя более кстати, поскольку второе собрание акционеров назначили через неделю, и Росс знал, что придется просить еще пятьдесят фунтов с каждого. Открытие Джоупа Ишбела вооружило его весьма осязаемыми результатами, потому что даже при бедном качестве руды, которую Ишбел поднял на поверхность, можно было ожидать получить на несколько фунтов с тонны больше, чем от обычной руды. Доход становился больше. Если жила окажется обширной, это означало существенную прибыль на вложенный капитал.

Он не замедлил на это указать на собрании, состоявшемся в душной конторе мистера Пирса в

Труро, и это оказало такой большой эффект, что все без возражений проголосовали за дальнейшие платежи.

Тогда Росс впервые увиделся с мистером Трenegлосом после того, как его сын женился на Рут Тиг, и старик вопреки обыкновению был приветлив и расточал похвалы. За обедом они сидели вместе, и Росс опасался, что неминуемо придется выслушивать извинения за нарушение добрососедского этикета, поскольку его не пригласили на свадьбу. Он знал, что вина лежит не на Трenegлосе, и перевел разговор на другую тему.

Мистер Ренфрю создал неловкий момент, когда высокомерно и в подпитии провозгласил тост за счастливую пару, не говоря уже о женихе, который находится среди них.

Воцарилась напряженная тишина, в потом мистер Пирс сказал:

- В самом деле. Не стоит об этом забывать.

А доктор Чоук прибавил:

- Это было бы чрезвычайным упущением.

А мистер Трenegлос, который, к счастью, уловил нить беседы, немедленно вскочил на ноги и провозгласил:

- Это моя привилегия, джентльмены. И я это делаю с большим удовольствием. Наш дорогой друг, черт меня подери, недавно сам вступил в брак. Вот мой тост: за капитана Полдарка и его юную жену. Пусть они будут счастливы.

Все встали и выпили.

- Было бы нехорошо, если бы никто об этом не упомянул, - сказал мистер Трenegлос, когда усаживался обратно, даже не совсем себе под нос.

Похоже, Росс смутился меньше всех.

***

Она уже вросла в его жизнь, так думал Росс. А означало это, что она вросла в жизнь дома, всегда предугадывала его желания - с готовностью, но без суеты, была хорошей служанкой и приятным компаньоном.

В новых условиях это не особо изменилось. Официально они стали равными, но на самом деле она оставалась у него в подчинении. Она делала, что он велит, по-прежнему с той же готовностью и не задавая вопросов, при этом сияя и словно освещая всё вокруг. Если бы Росс не пожелал на ней жениться, Демельза бы и не побеспокоилась, но его решение сделать их союз постоянным и законным, оказать ей честь, дав свою фамилию, стало для нее чем-то вроде золотой короны, венчающей счастье. Те несколько неприятных минут, когда заходила Элизабет, были почти позабыты и отброшены.

И теперь она вращалась в его жизнь немного по-другому. Для Росса уже не было дороги назад, даже если бы он и захотел, однако он не хотел. Теперь не осталось никаких сомнений - он находил ее желанной. События показали, что это не было заблуждением лишь одной летней ночи. Но Росс вовсе не был уверен, что желает именно ее, что это не просто естественная потребность мужчины, повстречавшего на своем пути женщину.

Демельзу, похоже, совсем не тревожили подобные душевные терзания. Если раньше она быстро росла и развивалась, то теперь за одну ночь расцвела.

В то лето она была так счастлива, что это не могли не заметить другие, и через некоторое время созданная ей атмосфера распространилась на весь дом.

Она постепенно осваивала дополнительные свободы, предоставленные браком. Первой попыткой в этом направлении стало мягкое предложение Россу, что, может, когда-нибудь будет неплохо убрать контору шахты из библиотеки, поскольку люди топчут ее цветники своими сапожищами. Она удивилась больше всех, когда неделей спустя увидела вереницу мужчин, выносящих документы в одну из деревянных хижин на утесе.

Даже по прошествии нескольких недель Демельзе приходилось прокрадываться в библиотеку со странным чувством вины. И ей понадобились все запасы храбрости, чтобы сидеть там, пытаясь извлечь мелодии из оставленного за ненадобностью спинета, если кто-нибудь находился в пределах слышимости.

Но ее жизнелюбие было столь необузданным, что постепенно преодолело барьеры, созданные традициями и привычкой подчиняться. Демельза начала брэнчать на спинете не таясь, тихо напевая песни собственного сочинения. Однажды она поехала вместе с Россом и привезла с собой несколько листов со стихами, которые выучила наизусть, а потом мурлыкала под собственные мелодии на спинете, пытаясь попасть в ритм.

Словно бы подыгрывая счастью Демельзы, лето выдалось самым теплым за многие годы, с длинными неделями солнечной и спокойной погоды и малым числом дождливых дней. После зимних эпидемий все приветствовали ясную погоду, и многие семьи провели это лето в таком изобилии, что им давно и не снилось.

Работы на Уил-Лежер продвигались медленно, но верно. Штольня всё ближе подходила к выработке, и были предприняты все возможные усилия, чтобы избежать больших расходов на насосы. Конные ворота разместили рядом, поднятую ими воду хитроумным образом зажимали в узкий проток, а потом выпускали, так что она вращала колесо, с помощью которого тоже приводился в действие насос, откачивающий еще больше воды. Теперь уже начали добывать медь. Вскоре ее наберется достаточно, чтобы послать груз в Труро на один из аукционов.

***

Она уже выросла в мою жизнь, думал он.

Теперь Россу часто хотелось отделить от Демельзы ту ее сущность, что стала частью него самого. Он прекрасно знал дневную Демельзу, с которой работал и чьи дружеские беседы вот уже больше года доставляли ему истинное удовольствие. К этой Демельзе он испытывал доверие и привязанность, так же как и она к нему. Наполовину служанка, наполовину сестра, родственная по духу и послушная, прямодушная и предсказуемая, результат воспитания нескольких последних лет. Та Демельза, которая учится читать, собирает дрова для камина, ходит с ним за покупками, копается в саду и никогда не жалуется на свою судьбу.

Но другая ее сущность всё еще оставалась чужой. Хотя Росс и являлся мужем и повелителем для обеих, эта была непредсказуемой, обладала таинственной красотой освещенного свечами лица и девичьего тела - и именно она могла удовлетворить его животную страсть и плотские желания. В первые дни он испытывал к этой сущности определенную долю презрения. Но время шло. Презрение исчезло - однако незнакомка никуда не делась.

Две неразделимые личности, незнакомка и друг. Его обескураживало, когда днем, во время обычных и случайных встреч, вдруг проскакивали черты той девушки - словно она каким-то образом могла проявлять себя - что отдалась ему и в то же время никогда по настоящему ему не принадлежала. Но еще более странно было ночью, заглянув в опьяненные темные глаза незнакомки, увидеть приветливую неопрятную девчужку, помогавшую ему ухаживать за лошадьми или нарезающую что-нибудь к ужину. В такие мгновения он смущался и не чувствовал себя вполне счастливым, словно втапывал в грязь нечто хорошее, что ему принадлежало по праву.

Росс хотел разделить эти две сущности. Он чувствовал, что, если ему это удастся, он станет счастливее. Но шли недели, и казалось, всё происходит с точностью до наоборот. Личности Демельзы становились всё более неотделимыми.

И в первую неделю августа свершилось их окончательное слияние.

Глава вторая

В этом году сардины поздно приплыли к берегу. Их задержка встревожила многих, поскольку от этих рыбешек сейчас зависело не только благополучие людей, но и их жизни. На Силли и крайнем юге торговля уже шла вовсю, и как всегда находились умники и пессимисты, с готовностью предсказывающие, что в этом году косяки минуют северный берег и поплывут напрямик в Ирландию.

Вздохом облегчения встретили новость об улове сардин у берегов Сент-Айвс, но вблизи Сола первый косяк появился только шестого августа во второй половине дня.

Наблюдатель, смотрящий на море со скалы, как он делал это на протяжении многих недель, заметил знакомую темно-красную тень далеко в море и, закричав в свой старый оловянный рупор, воодушевил всю деревню. Рыболовные лодки тут же спустили на воду, в каждой из ведущих лодок сидело по семь человек, и по четверо - в следовавших за ними.

К вечеру стало понятно, что улов обеих команд оказался гораздо выше обычного, новость об этом распространилась моментально. Работающие на жатве мужчины сразу побросали инструменты и поспешили к деревне, а вместе с ними - каждый свободный человек из Грамблера и многие шахтеры, идущие со смены.

Джуд в это время был в Грамблере и вернулся к Демельзе с новостями, которые во время вечерней трапезы она рассказала Россу.

- Уж как я рада, - сказала она. - А то в Соле все носы повесили. Вот уж облегчение, и говорят, улов хорош.

Росс проследил взглядом за Демельзой, когда она встала из-за стола и стала снимать нагар со свечей, прежде чем их зажечь. Весь день он пробыл на шахте и наслаждался ужином в сумрачной гостиной, пока в комнату прокрадывался вечер. Этот вечер мало чем отличался от того, два месяца назад, когда он пришел домой победленным и когда всё и началось. Джим Картер по-прежнему находился в тюрьме. В его жизни не произошло особенных изменений - всё та же тщетность усилий.

- Демельза, - сказал он.

- Да?

- В одиннадцать будет отлив. И всходит луна. Что если мы прокатимся на лодке до Сола и посмотрим, как вытягивают сети?

- Это было бы замечательно. Росс.

- Возьмем Джуда в качестве гребца? - поддразнил ее Росс.

- Нет-нет, только мы вдвоем! Давай поедем одни. Только ты и я, Росс, - он почти плясала перед его стулом. - Я сама буду грести. Я не слабее Джуда. Прокатимся и посмотрим, только мы вдвоем.

Росс засмеялся.

- Ты думаешь, я на бал тебя приглашаю? Думаешь, я сам не могу грести до Сола?

- Когда поедем?

- Через час.

- Ура, ура, ура. Я соберу что-нибудь из еды и фляжку с бренди, чтобы не было холодно сидеть и... и плед для меня, и корзинку для рыбы.

Она довольная выбежала из комнаты.

Они направились в бухту Нампары вскоре после девяти. Вечер был теплый и спокойный, с неполной луной высоко в небе. В бухте Нампары они перетащили свою маленькую лодку из пещеры, где она хранилась, по плотному белому песку к краю моря. Демельза забралась в нее, и Росс толкнул лодку к краю шепчущего прибоя и запрыгнул сам, когда та поплыла.

Этим вечером море было довольно спокойным, и легкое суденышко устойчиво держалось на воде, когда вышло в открытое море. Демельза сидела на корме, наблюдая за Россом и оглядываясь, опускала руку за борт, чувствуя, как вода струится сквозь пальцы. На ней была алая косынка, завязанная поверх волос, и теплое меховое пальто, которое принадлежало Россу, когда он был еще мальчишкой, а сейчас как раз было ей в пору.

Они обогнули высокие мрачные утесы между бухтой Нампары и заливом Сол. Силуэты выступающих над морем скал четко вырисовывались на фоне залитого лунным светом неба. Вода с шумом набегала на основания утесов и откатывалась с них. Они миновали два узких залива, окруженных крутыми скалами. Заплыть туда можно было разве что на лодке во время прилива. Для Росса подобные пейзажи не представляли собой ничего удивительного, но Демельза в жизни не видела ничего подобного. До этого она лишь однажды выходила на лодке в море. Они проплыли мимо Скалы Королевы, у которой множество отличных кораблей нашли свою гибель, а затем, обогнув мыс, вышли в залив Сол, прямо к рыбакам, прибывшим сюда первыми.

Рыбаки опустили невод - большую сеть с отличным крепким полотном, к которому сверху крепились поплавки, а снизу грузила - на некотором отдалении от мыса и в полумиле от берега. Этой огромной сетью, перекрывавшей не менее двух акров, рыбаки надеялись поймать много рыбы. Конечно, всегда существовала вероятность, что наблюдатель на мысе, который только и имел возможность следить за передвижениями косяка, ошибется, и невод направят не в ту сторону, или неровности дна не позволят сети лечь как надо, и рыба сможет из нее

ускользнуть. Но поскольку такое случалось редко, можно было смело надеяться на хороший улов. И хотя при спокойной воде невод можно не закидывать заново дней десять, а то и все две недели, никто не полагался на хорошую погоду и не рассчитывал, что есть хотя бы минута времени в запасе.

Ночь выдалась лунная.

Как только начался отлив, лодка, выполняющая роль подручной и везущая сложенные сети, осторожно подгрестила к покачивающимся на воде поплавкам, которые указывали, где установлен вспомогательный невод. Лодка кружила вокруг выбранного места, пока рыбаки опускали и крепили сети. Только они закончили, как тут же начали вытягивать невод.

Именно в это время подплыли Росс и Демельза. Они оказались не единственными наблюдателями. Каждый житель Сола, имевший хоть какую-нибудь лодчонку на плаву, прибыл сюда посмотреть. Те же, у кого не было никакой лодки, или кто оказался слишком слаб, чтобы подплыть поближе, стояли на откосе пляжа, выкрикивая советы и подбадривая рыбаков. Повсюду - и в бухте, и в домах Сола, и вдоль всей покрытой галькой отмели, вплоть до пенящихся у берега вод, горели свечи и фонари. Луна заливала все происходящее призрачным светом.

Чайки кричали и хлопали крыльями совсем низко, прямо над головами. Никто особо не обращал внимания на вновь прибывших. Два или три раза раздались дружеские приветствия. Появление Росса никого здесь не смутило, как могло бы случиться, окажись на его месте другой дворянин.

Росс подплыл поближе, туда, где стоял в своей лодке глава рыбацкой артели, отдавая короткие приказы мужчине, который тянул сеть. Когда стало понятно, что сеть полна, воцарилось тяжелое молчание. Через пару мгновений станет известно, будет ли улов хорошим или скудным, поймали ли они лучшую часть косяка или ту его часть, где рыба слишком мелка для засолки и экспорта или по несчастливой случайности выловили косяк кильки, как это случилось пару лет назад. От того, что произойдет в следующие несколько минут, зависело благополучие половины деревни.

Единственным звуком было бульканье, плеск воды от пятидесяти килей и раскатистый речитатив мужчин, напряженно тянущих сеть:

- Раз... взяли! Два... взяли!

Сеть поднималась всё выше и выше. Глава рыбацкой артели больше не давал советы и стоял, кусая пальцы и наблюдая за первыми признаками жизни в скрытой под водой сети.

Долго ждать не пришлось. Сначала один из зрителей что-то сказал, потом другой. Шепоток распространялся вокруг лодок, усиливаясь до того, что скорее можно было назвать скорее криком облегчения, чем радости.

Вода начала пузыриться, будто в гигантской кастрюле; она кипела, пенилась и бурлила, а потом вдруг исчезла, превратилась в рыбу. Под светом корнуоллской луны снова произошло галилейское чудо. Воды больше не было, только рыба - большая, как селёдка, там кишели тысячи рыбешек, прыгая, извиваясь, сверкая, борясь и пытаясь ускользнуть.

Сеть потяжелела и задергалась, большие лодки накренились, когда мужчины напряглись, чтобы удержать улов. Все разговаривали и кричали, раздавался плеск весел, возбужденные возгласы рыбаков - по сравнению с этим прежний шум казался совсем незначительным.

Сеть закрепили, и теперь рыбаки уже погружали в неё корзины и опрокидывали их, полные рыбы, на дно лодки. Казалось, все помнили о необходимости поспешить, чтобы полностью захватить удачу, словно шторм ждал их за вершиной ближайшего утеса. Две большие плоскодонные лодки, как баржи, подошли рядом, и мужчины, перегибаясь за борт, энергично начали их наполнять. Прочие небольшие лодки быстро окружили сеть, чтобы поучаствовать в улове.

Иногда казалось, что лунный свет превращает рыбу в кучки монет, а Россу виделось, что шестьдесят или восемьдесят темнолицых человекоподобных пигмеев черпают из бездонного мешка с серебром.

Вскоре рыбаки уже по щиколотку стояли в сардинах, потом по колено. Лодки отплыли и осторожно погребли к берегу, их борта не более чем на два дюйма возвышались на водой. Активность на берегу не уступала: повсюду сияли фонари, рыбу лопатами перегружали в тачки и поспешно везли к засолочным погребам для отбора и осмотра. Тем не менее, работа вокруг сети продолжалась посреди пружинящих сверкающих рыбешек.

На другой стороне залива вытащили еще один улов, но поскромнее. Росс и Демельза ели пироги, отхлебывали бренди из одной фляжки и вполголоса обсуждали увиденное.

- Сейчас домой? - чуть погодя спросил Росс.

- Давай побудем еще немного, - предложила Демельза, - ночь такая теплая. Так здорово побыть здесь.

Росс осторожно погрузил весла и выровнял нос лодки перпендикулярно легким волнам. Их отнесло от остальных лодок, и оказалось довольно приятно наблюдать этот вид со стороны.

К своему удивлению, Росс обнаружил, что счастлив. Не просто счастлив от счастья Демельзы, но счастлив сам. Он не мог понять почему. Это ощущение только что в нем зародилось.

Они ждали и наблюдали, пока сеть не очистили и рыбаки не собрались закинуть её еще раз. Потом подождали, чтобы увидеть, будет ли второй улов таким же большим, как и первый. Всякий раз, когда они уже собирались отплыть, их удерживало что-нибудь новое. Время пролетело незаметно, пока луна на своем пути вниз не опустилась к кромке береговой линии, посеребрив воду.

Наконец, Росс медленно налег на весла, и лодка начала двигаться. Когда они прошли рядом с остальными, Пэлли Роджерс узнал их и крикнул:

- Спокойной ночи!

Некоторые другие отрывались от работы, потные от трудов, и тоже что-то желали.

- Хороший улов, да, Пэлли? - спросил Росс.

- Да, неплохой. Больше четвертушки от миллиона рыбешек поймали, так я думаю.

- Я очень рад. Будет совсем не то, что прошлой зимой.

- Доброй ночи, сэр.

- Доброй ночи.

- Доброй ночи, сэр.

- Доброй ночи...

Он погребли дальше, и шум голосов и прочей человеческой суеты постепенно стих, оставшись лишь на маленьком пятачке - тихий уверенный гул в бескрайней ночи. Они гребли к открытому морю, в сторону крутых утесов и мокрых черных скал.

- Сегодня вечером все счастливы, - сказал Росс, словно сам себе.

Лицо Демельзы белело у кормы.

- Они тебя любят, - тихо произнесла она. - Все тебя любят.

- Маленькая глупышка, - буркнул он.

- Нет, это правда. Я знаю, потому что я одна из них. Ты со своим отцом - не как прочие. Но главным образом ты. Ты... Ты... - она запнулась. - Ты наполовину джентльмен, а наполовину такой же, как они. А еще ты пытался помочь Джиму Картеру и даешь людям пищу...

- И женился на тебе.

Они подплыли к тени утесов.

- Нет, дело не в этом, - мудро заявила Демельза. - Может, это им как раз и не понравилось. Но они всё равно тебя любят.

- Ты слишком сонная, чтобы говорить разумно, - ответил Росс. - Прикрой голову и можешь подремать, пока мы не прибудем домой.

Демельза не подчинилась, а сидела и смотрела на темную границу, где встречаются тень от края земли и мерцающая вода. Девушка предпочла бы находиться в другом месте и сделать широкий крюк, лишь бы только оставаться в дружественном свете луны, поскольку тень намного удлинилась со времени их выхода в море. Она смотрела в давящую темноту пустынных бухт, мимо которых они проплывали. В эти места не заглядывал ни один человек. Бухты казались пустыми и холодными. Демельза представляла живущие там нечестивые создания, призраки мертвых, предметы, прибившиеся с моря. Она вздрогнула и отвернулась.

- Сделай еще глоток бренди, - сказал Росс.

- Нет, - она покачала головой, - нет, мне не холодно. Росс.

Через пару минут они повернули к бухте Нампары. Лодка скользнула по ряби воды у края берега и заскрежетала по песку. Росс сошел и, когда Демельза последовала за ним, поймал ее за талию и перенес на берег, поцеловав перед тем, как опустить на ноги.

Спрятав лодку в пещеру и убрав весла туда, где случайные бродяги не смогли бы их найти, он вернулся к Демельзе, которая ждала его прямо над верхней отметкой прилива. Не сделав ни шагу, оба наблюдали за тем, как заходит луна. Когда та приблизилась к воде, то, зажата между небом и морем, стала искажать очертания и терять цвет, как перезрелый апельсин. Серебряный меч, отражающийся в море, стал темнеть и уменьшаться, пока совсем не исчез, оставив только старую луну, мрачную и раздутую, погружающуюся в туман.

Тогда, не говоря друг другу ни слова, они повернулись и последовали по песку и гальке,

пересекли ручей по камням, и прошли вместе рука об руку полмили до дома.

Демельза притихла. Росс никогда не делал того, что сделал сегодня вечером, никогда не целовал ее кроме как в порыве страсти. Всё было по-другому. Девушка знала, что сегодня они стали близки, как никогда раньше. Впервые наравне. Он не был Россом Полдарком, джентльменом и фермером из Нампары, а она его служанкой, на которой он женился лишь потому, что это лучше, чем оставаться в одиночестве. Они были просто мужчиной и женщиной с равными правами. Она старше своих лет, а он - моложе, идя домой рука об руку, сквозь косые тени незнакомой темноты.

Я счастлив, снова подумал Росс, со мной что-то произошло, с нами, изменив нашу маленькую любовную интрижку. Сохрани это чувство, держись за него. Не возвращайся к прежнему.

Домой их сопровождал только звук бурлящего ручейка, бегущего рядом. Дом приветствовал их своей белизной. Деревья стояли молчаливые и темные, а в небе порхали мотыльки.

Входная дверь скрипнула, когда закрылась, и с видом заговорщиков пара поднялась по лестнице. Добравшись до комнаты, они засмеялись, затаив дыхание, подумав о том, что могли разбудить Джуда и Пруди этим легким шумом.

Демельза зажгла свечи и закрыла окна, чтобы не впустить мотыльков, сняла тяжелое пальто и встряхнула волосами. О да, сегодня вечером она была прекрасна. Росс обнял ее, хихикая, как мальчишка, она засмеялась в ответ, при свечах ее рот и зубы влажно блестели.

На этом его улыбка померкла, и он ее поцеловал.

- Росс, - сказала она. - Дорогой Росс.

- Я тебя люблю, я твой слуга. Демельза, посмотри на меня. Если я что-то сделал не так в прошлом, позволь мне всё исправить.

Так он обнаружил, что то, что он наполовину презирал, не было презренным, то, что он воспринимал как удовлетворение аппетита - приятное, но банальное приключение в разочаровании, обладало своенравными и неуловимыми глубинами, о которых он и не подозревал раньше, и несло осознание красоты в его сердце.

Глава третья

Сентябрь того года омрачила смерть Чарльза. Старик жалобно кряхтел всё лето, и доктор уже с полдюжины раз ставил на нем крест. И однажды Чарльз рухнул в обморок сразу после того, как Чоук сделал самый благоприятный прогноз в этом году, и умер, прежде чем того успели повторно вызвать.

Росс пришел на похороны, но ни Элизабет, ни Верити там не оказалось, обе болели. Похороны привлекли много как деревенских, так и шахтеров, и местное дворянство, поскольку Чарльза считали крупнейшим землевладельцем округа, и в целом он всем нравился.

Службу провел кузен Уильям-Альфред и, сам страдая от утраты, произнес проповедь, которая по общему мнению стала чем-то выдающимся. Темой он избрал "Человека Божиего".

- Что значит эта фраза? - спросил он.

- Она означает взрастить в себе те качества, что так явно проявлялись в Христе: правдивость и честность, чистоту сердца, смирение, милость и любовь. У сколь многих из нас есть эти качества? Можем ли мы заглянуть в свои сердца и увидеть, что там есть эти качества, необходимые, чтобы сделать нас божьими мужчинами и женщинами?

Такое время, когда мы оплакиваем уход великого и достойного человека это время для самоконтроля и подтверждения своей самоотверженности. Справедливо сказать, что с потерей нашего дорогого друга Чарльза Полдарка мы отмечаем уход божьего человека.

Он всегда двигался вперед, никогда не говорил злого слова. От него привыкли ожидать только доброту и любезность воистину благовоспитанного человека, который не знал дурного и не видел его в других. Непокколебимое, бескорыстное превосходство человека, чье существование являлось образцом для всех.

После того как Уильям-Альфред проговорил в этом ключе пять минут, Росс услышал всхлипывание на скамье рядом и увидел, что миссис Хеншоу не скрываясь вытирает нос. Капитан Хеншоу тоже часто моргал своими синими глазами, а некоторые другие тихо плакали.

Да, это оказалась красивая проповедь, которая брала за живое и воскрешала в памяти картины величия и умиротворенности. Но говорилось ли в ней о желчном обыденном старике, которого он знал, или предмет проповеди относился к истории какого-то святого из прошлого?

А может, хоронили двух человек под одним и тем же именем? Один, возможно, являлся таким людям как Росс, в то время как другой предназначался для людей с глубоким пониманием, таких как Уильям-Альфред.

Росс попытался вспомнить Чарльза таким, каким он был до болезни, Чарльза с его любовью к петушиным боям и аппетитом, вечным метеоризмом и пристрастием к джину, случайной щедростью и скарденностью, грехами и добродетелями как и у большинства мужчин.

Где-то здесь таилась какая-то ошибка. Что ж, это был особый случай... Но самого Чарльза, несомненно, это бы позабавило. Или он пролил бы слезу вместе с остальными за покойного?

Уильям-Альфред подходил к концу.

- Друзья мои, мы, возможно, далеки от примера, явленного перед нами. Но в доме Отца моего обителей много, и там найдется место для всех, кто верит. Равенство жизни, равенство возможностей - не для сего мира. Блаженны смиренные и кроткие, ибо они узрят Бога.

И Он в своей бесконечной мудрости взвесит всех нас. Блаженны нищие, ибо они попадут на небеса из-за своей бедности. Блаженны богатые, они попадут на небеса из-за подаяния своего. И в жизни иной да сплотится народ и удовлетворятся нужды его и воздастся ему по заслугам и да едины будут все в божественной милости своей - хвалить и прославлять Господа. Аминь.

Послышался визг виол, когда три музыканта около ступеней алтаря приготовились заиграть, хор откашлялся, а мистера Тренигласа разбудил сын.

Росс принял приглашение вернуться в Тренвит, надеясь, что сможет увидеться с Верити, но ни она, ни Элизабет не спустились. Он не остался дольше, чем потребовалось, чтобы выпить пару бокалов канарского, а затем принес свои извинения Фрэнсису и ушел домой.

Росс пожалел, что не отправился домой прямо из церкви. В отношении к нему некоторых скорбящих чувствовалась определенная болезненная отстраненность. Несмотря на

собственные мысли во время женитьбы, он оказался не готов к этому, хотя следовало бы посмеяться над собой и над ними.

Рут Трэнгелос, урожденная Тиг. Миссис Тиг. Миссис Чайновет. Полли Чоук. Крякающие гусыни со своей мишурой социальных различий и мнимым кодексом этики! Даже Уильям-Альфред и его жена были немного сдержаны.

Несомненно, для них его брак выглядел слишком похожим на простое признание истинности старого скандала. Конечно, Уильям-Альфред в своей благожелательной манере воспринимал семью весьма серьезно. Джошуа по праву называл его совестью семьи. Тот любил получать советы, сомнений нет.

Старый мистер Уорлеган вел себя очень отстраненно, но это вполне понятно. Его озлобил эпизод в зале суда. Как, возможно, и отказ Росса вести дела шахты через их руки. Джордж Уорлеган был намного осторожнее в манерах, чтобы показать свои чувства.

Ну и ладно. Всё их неодобрение не стоит и плевка. Пусть варятся в собственном соку. Когда он добрался до своей земли, раздражение стало его покидать в предвкушении встречи с Демельзой.

***

Только Росс огорчился, когда, вернувшись домой, узнал, что Демельза ушла в Меллин, взяв еды для Джинни и маленькое платьице, что сшила для родившегося неделю назад малыша. У Бенджамина Росса возникли проблемы с зубами, а в последний месяц появились судороги.

Росс недавно видел своего тезку двух с половиной лет от роду и был поражен совпадением, что нож Рубена оставил шрам на лице ребенка, похожий на его собственный. Он спрашивал себя, заметят ли сходство, когда мальчишка вырастет.

Он решил пройти в Меллин в надежде встретить Демельзу на обратном пути.

И повстречал жену в двухстах метрах от коттеджей. Как и всегда, особое удовольствие ему доставило увидеть, как её лицо осветилось, и она вприпрыжку побежала навстречу.

- Росс! Как замечательно. Я и не ожидала, что ты уже вернулся.

- Так себе развлечение, - произнес он, обвивая её руку, - уверен, Чарльз бы заскучал.

- Тсс! - Демельза неодобрительно затрясла головой. - Не стоит шутить о таких вещах. Кто там был? Расскажи.

Росс рассказал, несколько торопливо, но и в самом деле наслаждаясь её интересом.

- Это всё. Скучное сборище. Моей жене следовало бы присутствовать, чтобы несколько его оживить.

- А разве... разве Элизабет там не было?

- Нет. И Верити тоже. Они неважно себя чувствовали. Чувство утраты, полагаю. Фрэнсис остался один, чтобы принять соболезнования. А твои больные?

- Мои больные?

- Джинни и младенец.
- Ааа, с ними всё хорошо. Превосходная малышка. С Джинни всё хорошо, но она в печали. Вялая, и ей не хватает Джима.
- А маленький Бенджи Росс и его зубы? Что там с мальчишкой? Они что, выросли у него из ушей?
- Намного лучше, любовь моя. Я принесла чуть-чуть масла валерианы и сказала Джинни, сказала Джинни... Как там это слово?
- Проинструктировала?
- Нет.
- Прописала?
- Да. Прописала его как лекарство. Так много капель, и часто. А Джинни открыла свои голубые глаза и говорит: "Да, мэм" и "Нет, мэм", будто я настоящая леди.
- Так и есть.
- Так и есть, - Демельза сжала руку мужа, - я и забыла, Росс, кого бы ты ни полюбил, ты бы сделал из нее леди.
- Чепуха, - ответил Росс. - Это исключительно твое проклятье. В этом месяце были вести от Джима?
- Не в этом. Ты слышал, что они узнали в том месяце.
- Да, что с ним всё хорошо. Я в этом сомневаюсь, но просто замечательно и отлично, если это их подбадривает.
- Как думаешь, ты мог бы попросить кого-нибудь с ним повидаться?
- Я уже так и сделал. Но ответа нет. Да, бодминская тюрьма лучшая из имеющихся, хотя что это за утешение.
- Росс, я думала...
- Что?
- Ты говорил, мне следует нанять кого-нибудь еще для помощи по дому, чтобы у меня было больше времени. Что ж, я думаю о Джинни Картер.
- Чтоооо? Чтобы три младенца ползали по дому?
- Нет-нет. Миссис Мартин присмотрит за Бенджи и Мэри - они могут играть с ее детьми. Джинни будет брать только кроху, а та весь день проспит в люльке на солнышке. И никаких хлопот.
- Что же сказала Джинни?
- Я еще ее не спрашивала. Думала сначала узнать, что ты скажешь.

- Решите это между собой, дорогая. Я не возражаю.

Они добрались до вершины холма рядом с Уил-Грейс, и Демельза оторвалась от него, чтобы сорвать ежевику. Две ягоды она запихнула себе в рот, предложив Россу остальные. Он рассеянно взял одну.

- Я тоже кое о чем думал... В этом году хороший вкус. Я тоже думал. Теперь, когда не стало Чарльза, Верити очень нуждается в отдыхе. Мне доставит удовольствие, если она погостит недельку-другую, чтобы прийти в себя после ухода за больным.

Они спустились с холма. Росс ждал, что жена заговорит, но этого не произошло, и Росс опустил глаза. Оживление покинуло её лицо, как и часть румянца.

- Ну и?

- Она не придет...

- Почему ты так говоришь?

- Вся твоя семья - они меня ненавидят.

- Никто в моей семье тебя не ненавидит. Они тебя не знают. Могут не одобрять. Но Верити - другая.

- Как это возможно, если она одна из них?

- Она другая. Ты просто её не знаешь.

На оставшемся пути воцарилось молчание. В дверях они разделились, но Росс понимал, что обсуждение не завершено. Сейчас он уже знал Демельзу достаточно хорошо, чтобы убедиться - ничто, кроме четкого ответа, её не удовлетворит. Конечно, когда он вышел, чтоб идти в шахту, она побежала за ним.

- Росс.

- Что?

Росс остановился.

- Они думают, твоя семья думает, что ты сумасшедший, раз женился на мне. Не порть наше первое лето, попросив одного из них здесь погостить. Ты сказал, сейчас я леди. Но это не так. Еще нет. Я не умею правильно говорить, не умею правильно есть и всегда пачкаюсь, а когда раздосадована, то ругаюсь. Может быть, я научусь. Если ты будешь учить меня, то научусь. Я постоянно буду стараться. Может, в следующем году.

- Верити не такая, - повторил Росс. - Она видит глубже. Мы с ней очень похожи.

- О да, - сказала Демельза почти плача, - но она женщина. Ты думаешь, что я мила, потому что ты мужчина. Не то чтобы я с подозрением к ней относилась, но она увидит все мои недостатки и расскажет тебе, и тогда ты никогда не будешь думать обо мне как прежде.

- Прогуляемся вверх по полю, - спокойно попросил Росс.

Демельза заглянула ему в глаза, пытаясь прочесть их выражение. Спустя пару мгновений она

пошла рядом, и они поднялись по полю. В воротах Росс остановился и оперся о них.

- Прежде чем я нашел тебя, - произнес он, - когда вернулся домой из Америки, всё казалось мне черным. Ты знаешь почему. Потому что я надеялся жениться на Элизабет, а вернувшись, обнаружил, что у неё другие планы. Той зимой только Верити спасла меня от...

Я был глуп, что принял это так близко к сердцу - ничто в действительности этого не стоило, но в то время я не мог с этим бороться, и Верити приезжала и заставляла меня двигаться вперед. Она приезжала три-четыре раза в неделю на протяжении всей той зимы. Я никогда не смогу этого забыть.

Она дала мне что-то, за что держаться. За такое трудно отплатить. Последние три года я позорнейшим образом пренебрегал ей, возможно, когда она больше всего во мне нуждалась. Она предпочла затвориться, ни с кем не встречаться. Я уже в ней так не нуждался, Чарльз был болен, и она считала, что ее главная обязанность - ухаживать за ним. Но это не может продолжаться, теперь, когда Чарльз мертв.

Фрэнсис сказал, что она и в самом деле больна. Для разнообразия ей нужно уехать из этого дома. Самое меньшее, что я могу сделать, это пригласить её сюда.

Демельза угрюмо шелестела сухими стеблями ячменя под ногами.

- Но почему она нуждается в тебе? Если она больна, ей нужен доктор, вот и всё. Да и в Тренвите за ней будет лучший уход.

- Ты помнишь, когда впервые сюда пришла? Человека, который сюда приходил. Капитана Блейми.

Ее зрачки расширились, когда она взглянула на Росса.

- Нет.

- Они с Верити любили друг друга. Но Чарльз и Фрэнсис обнаружили, что он уже прежде был женат, и имелись сильнейшие возражения против его бракосочетания с Верити. Ей запретили с ним видеться, и потому они встречались здесь тайно. Однажды Чарльз и Фрэнсис обнаружили их здесь, произошла страшная ссора, капитан Блейми уехал домой в Фалмут, и с тех пор Верити его не видела.

- Ох, - задумчиво отозвалась Демельза.

- Понимаешь, он больна душой. Она, возможно, больна и чем-то еще, но могу ли я отказать ей в помощи, которую она дала мне? Сменить обстановку, сбежать от размышлений, и битва уже почти выиграна. Ты могла бы помочь ей, если бы попробовала.

- Я?

- Ты. У неё так мало интереса к жизни, а ты так им полна. В тебе есть вкус к жизни, а в ней - нет. Мы должны помочь ей вместе, моя дорогая. И потому я хочу, чтобы ты помогала мне охотно. Без ворчания.

Она положила свою руку поверх его.

- Иногда, - сказала Демельза, - я сержусь, а затем чувствую себя мелочной и гадкой. Конечно, я

сделаю это, Росс. Всё, что скажешь.

Глава четвертая

А ночью Демельза молилась, чтобы Верити не приезжала.

Когда доставили ответ, и она узнала, что двоюродная сестра мужа приняла приглашение и надеется поправиться к следующим выходным, ее сердце перевернулось и ухнуло в пятки.

Она пыталась скрыть панику от Росса и смириться с его радостной уверенностью. В оставшиеся до конца недели дни её страхи нашли выход в безумии летней уборки, так что все комнаты отдраили, а Пруды каждое утро испускала дикие стоны при виде Демельзы.

Но никакие труды не могли предотвратить приближение субботы, а с ней и приезда Верити. Демельза могла только надеяться, что у тетушки Агаты случится приступ или она сама вовремя свалится с корью.

Верити приехала вскоре после полудня, в сопровождении Бартла с двумя чемоданами, привязанными у него за спиной.

Росса, который не видел кухню уже несколько месяцев, потрясли произошедшие изменения. Щеки ввалились, здоровый загар исчез. Верити выглядела на сорок вместо двадцати девяти. Жизнерадостное сияние и блеск острого ума покинули взор. Только голос остался прежним, да непослушные волосы.

Колени Демельзы, дрожавшие поутру, теперь одеревенели в неподвижности. Как и её губы. Она стояла у двери в простом розовом платье, стараясь не выглядеть как палка, пока Росс помог кухне спуститься с лошади и поцеловал ее.

- Росс, как же приятно снова тебя видеть! Это так мило с твоей стороны, меня пригласить. Как же ты отлично выглядишь! Жизнь тебе благоволит, - она повернулась и улыбнулась Демельзе. - Я хотела бы присутствовать на вашей свадьбе, моя дорогая. Это одно из моих самых больших разочарований.

Демельза позволила поцеловать свою холодную щеку и встала в сторонке, чтобы посмотреть, как Верити и Росс входят в дом. Спустя нескольких мгновений она проследовала за ними в гостиную. Это не моя комната, думала она, не моя и не Росса, кто-то забрал её у нас. Посреди нашего яркого лета.

Верити стащила плащ. Демельза с интересом отметила, что под ним она одета очень просто. Кухина не обладала красотой Элизабет, была уже в возрасте и вполне обыденной. А губы - как у Росса, а иногда и тон голоса.

- ...в конце концов, - продолжала Верити, - я не думаю, что отец возражал так уж сильно. Он очень устал, - она вздохнула, - если бы он не ушел так внезапно, мы бы вас пригласили. Что ж, теперь все кончено, и мне хочется лишь покоя.

Она слегка улыбнулась.

- Боюсь, что я буду не самым веселым гостем, но последнее, чего я хочу, так это доставить тебе или Демельзе какие-либо проблемы. Делайте всё, как и раньше, а уж я впишусь. Вот чего я

хочу.

Демельза весь мозг сломала, готовя утром фразы, которые скажет при встрече. Она стиснула пальцы и выдала:

- Вы хотели бы чего-нибудь выпить теперь, после поездки?

- Мне рекомендовано употреблять молоко по утрам и портер вечером. А я ненавижу и то, и другое! Но молоко я пила перед отъездом, так что благодарю, откажусь, ничего пить не буду.

- Непохоже, что ты больна, - заявил Росс. - Что беспокоит тебя кроме усталости? Что сказал Чоук?

- Целый месяц он пускал мне кровь, а на следующий заявил, что я страдаю от анемии. Затем дал зелье, от которого мне стало плохо и рвало. Сомневаюсь, что он знает хотя бы столько же, сколько старухи на ярмарке.

- Я знавала одну такую старуху, - импульсивно вмешалась Демельза и остановилась.

Оба подождали, пока она продолжит.

- Неважно, - сказала Демельза, - пойду посмотрю, готова ли ваша комната.

Она спрашивала себя, столь же очевидна ли для них надуманность этого предлога, как для неё. Но, по крайней мере, они не возражали, и потому Демельза с благодарностью ускользнула и направилась к старой спальне Джошуа, которая теперь станет спальней Верити.

Там она откинула покрывало, повернулась и уставилась на два чемодана, будто пытаясь увидеть их содержимое. Она спрашивала себя, как же продержаться следующую неделю.

***

Весь этот вечер и весь следующий день над ними довлела некая скованность, как осенний туман скрывает знакомый пейзаж, виной тому оказалась Демельза, но ничего не могла с этим поделать. Она превратилась в чужака: двое составляли компанию, а трое - нет.

У Росса и Верити накопилось многое, о чем друг другу рассказать, и Росс оставался дома дольше, чем обычно. Всякий раз, когда Демельза входила в гостиную, их разговор прерывался. Не то чтобы у них имелись от нее какие-то секреты, но сама тема была вне сферы её интересов и продолжать означало бы исключить ее из беседы.

Во время еды оказалось затруднительным найти тему, в которой Демельза могла принять участие. Их было так много: жизнь Элизабет и Фрэнсиса, развитие Джеффри Чарльза, новости об общих друзьях, о которых Демельза никогда не слышала.

Рут Тренеглос расцвела как хозяйка Мингуза. Миссис Чайновет, мать Элизабет, беспокоили глаза, и врачи посоветовали операцию. Один из младших детей кузена Уильяма-Альфреда умер от кори. Новая книга Генри Филдинга пользуется бешеным успехом. На эти и многие другие темы было приятно пообщаться с Россом, но они ничего не значили для его жены.

Верити, восприимчивая, как никто другой, извинилась бы и уехала на третий день, если бы была уверена, что сдержанность Демельзы - результат неприязни и ревности. Но Верити думала, что причина в чем-то другом, и ненавидела саму идею отъезда, зная, что может

никогда не вернуться.

Верити была в той же степени неприятна мысль, что она встает между Россом и его молодой женой, но если она уедет теперь, её имя будет навсегда связано с этим визитом, и супруги никогда не будут упоминать о ней между собой. Верити жалела, что приехала.

Потому она осталась и надеялась, что дело пойдет на лад, хотя и не знала, как этого добиться.

Её первым порывом было оставаться в постели по утрам и не вставать, пока она не уверится, что Росс ушел из дома, а тогда она случайно столкнется с Демельзой и поговорит с ней или поможет в работе. Если дело вообще можно решить, то это должно быть решено между ними, когда Росса нет рядом. Верити надеялась, что они подружатся без всяких слов. Пару раз проведя утро в такой манере, Верити поняла, что это якобы случайное поведение выглядит слишком преднамеренным.

Демельза пыталась вести себя любезно, но думала и говорила, словно прикрывшись щитом. Попытка переступить через чувство собственной слабости могла легко быть ошибочно принята за покровительство.

В четверг утром Демельза ушла с рассветом. Верити нарушила свой ритуал вставания и поднялась в одиннадцать. Стоял прекрасный день, но пасмурный, и в камине гостиной горел небольшой огонь, привлекая, как обычно, Табиту Бетию.

Верити села на скамью, поежилась и пошевелила поленья, чтобы те разгорелись. Она чувствовала себя старой и уставшей, а зеркало в комнате отразило легкую желтизну кожи. Но в эти дни её не сильно заботило, выглядит она старой или нет...

Но она всегда была такой вялой, полный боли, не могла сделать и половины той работы, что год назад. Она забилась глубже в угол скамейки. Приятнее всего было сидеть как сейчас - головой к бархатным шторам, чувствуя в ногах тепло от огня, не имея никаких дел и никого, о ком думать...

Проспав всю ночь и проснувшись не более трех часов назад, она снова заснула, протянув ногу к огню, рука свесилась с деревянного подлокотника, Табита свернулась в ногах, тихо мурлыча.

Вошла Демельза с охапкой буковых листьев и веток шиповника.

Верити встрепелась.

- Ох, прошу прощения, - сказала Демельза, уже собравшись выйти.

- Входите, - смущенно проговорила Верити. - У меня нет привычки спать в такой час. Поговорите со мной и помогите проснуться.

- Вы не чувствуете сквозняк из этого окна? - Демельза сдержанно улыбнулась и положила охапку цветов на стул, - вам следовало бы его закрыть.

- Нет- нет, пожалуйста. Я не считаю, что морской воздух вреден. Пусть будет так.

Демельза закрыла окно и пригладила рукой взъерошенные волосы.

- Росс никогда не простит мне, если вы простудитесь. Эти мальвы мертвы, их бутоны поникли, я их похороню.

Она взяла кувшин и вынесла его из комнаты, вернувшись со свеженалитой водой. Демельза начала устанавливать буковые листья. Верити наблюдала.

- Вам всегда нравились цветы, правда? Я помню, Росс однажды мне говорил.

- Когда же он это говорил? - Демельза подняла взгляд.

- Много лет назад, - Верити улыбнулась. - Вскоре после того, как вы впервые здесь появились. Я восхищалась расставленными здесь цветами, и он сказал, что вы каждый день приносите свежие.

Демельза слегка покраснела. "Всё равно, тебе следует быть осторожной", - сказала она себе, а вслух ответила:

- Я не каждый цветок, который хорошо выглядит, приношу в комнату. Некоторые выглядят симпатично, но довольно противно воняют, когда сорвешь.

Демельза воткнула пару веток шиповника.

Буковые листья только слегка подернулись желтым и оттеняли оранжево-красный цвет ягод шиповника.

- Я сегодня проникла в чужие владения, выбирая эти. На земли Бодруганов, - Демельза выпрямилась, чтобы взглянуть на эффект. - А иногда цветы не любят друг друга, и неважно, как ты пытаешься их уговорить, они не станут делить один кувшин.

Верити поежилась. Она должна рискнуть и пойти в любовную атаку.

- Я должна поблагодарить вас, моя дорогая, за то, что вы сделали для Росса.

Демельза слегка напряглась, словно трос при первом намеке на натяжение.

- Скорее, это он сделал для меня.

- Да, возможно, вы права, - согласилась Верити, в ее голосе появился намек на прежнюю Верити. - Я знаю, он воспитал вас и всё такое. Но вы... похоже, вы заставили его влюбиться, и это... изменило всю его жизнь.

Их взгляды встретились: у Демельзы оборонительно-враждебный, но также и озадаченный. Ей показалось, что за этими словами прячется противоречие, но она не могла разобрать, в чем оно заключается.

- Не знаю, что вы имеете в виду.

Теперь они наконец-то добрались до сути.

- Вы должны знать, - произнесла Верити, - что когда он приехал домой, то был влюблен в Элизабет - жену моего брата.

- Это я знаю. Нет никакой нужды мне это говорить. Я знаю это не хуже вас, - Демельза повернулась, чтобы выйти из комнаты.

Верити поднялась, эти слова нужно было произнести стоя.

- Может быть, я неудачно себя вела с тех пор как сюда приехала. Я хочу, чтобы вы поняли... С тех пор как он вернулся, с тех пор как Росс вернулся и обнаружил, что Элизабет помолвлена с моим братом, я боялась, что он... что он не сможет с этим справиться, как справился бы обычный человек. Мы в этом несколько необычны, многие в нашей семье. В нас нет такого, чтобы идти на компромисс с событиями.

Ведь, если часть тебя вырвана, то остальное - ничто. Остальное - ничто... - она снова обрела голос и после секундной паузы продолжила: - Я боялась, он станет хандрить всю оставшуюся жизнь, не обретет настоящего счастья, как мог бы... Мы всегда были ближе, чем просто кузены. Видите ли, я очень его люблю.

Демельза уставилась на неё.

- Когда я услышала, - продолжила Верити, - что он женился на вас, я подумала, что это подмена. Что-нибудь для утешения. И я была рада даже этому. Даже подмена гораздо лучше серой и унылой жизни. Я утешилась чувством, что у него будет спутник - кто-нибудь, чтобы растить детей и состариться рядом. Остальное на самом деле уже не так важно.

Верити опять сделала паузу, и Демельза собиралась заговорить, но передумала. Между ними на полу лежала увядшая мальва.

- Но с тех пор, как я сюда приехала, - возобновила монолог Верити, - я увидела, что это не подмена. Всё реально. Вот за что я хочу вас поблагодарить. Вам так повезло. Я не знаю, как вам это удалось. И ему очень повезло. Он потерял самое главное в своей жизни - и нашел это снова в другом человеке.

Вот что имеет значение. Самое главное в жизни - это иметь кого-то, кто тебя любит и... и любить в ответ. Люди, которые не испытывают такого чувства и не испытывали - в это не верят, но это правда. Пока ты не почувствовал этого, то лишен и всего остального...

Ее голос опять потерял силу, и она остановилась, чтобы откашляться.

- Я пришла сюда не с ненавистью к вам и не покровительствовать. Росс так переменялся, и это дело ваших рук. Вы думаете, меня заботит, откуда вы пришли или каково ваше воспитание, или как вы делаете реверанс? Вовсе нет.

Демельза вновь уставилась на цветы.

- Я всегда хотела знать, как делать реверанс, - сказала она тихо. - Всегда хотела знать. Я хочу, чтобы ты меня научила, Верити.

Верити снова села, отчаянно устав от сказанного. Сдерживая слезы, она посмотрела на свои башмаки.

- Дорогая, я и сама в нем не очень, - ответила она, запинаясь.

- Я принесу еще цветов, - сказала Демельза и выбежала из комнаты.

***

Росс провел большую часть дня на шахте, и когда в пять пришел домой на обед, Демельза ушла в Сол с Пруды купить фитили, свечи и немного рыбы на завтрашний обед. Она должна была вернуться поздно, учитывая, что собиралась посмотреть еще и на улов сардин, так что Росс и

Верити обедали наедине.

О Демельзе не упоминали. Верити рассказала, что Фрэнсис всё еще три-четыре ночи в неделю проводит в Труро, играя в вист и фараон. Это еще зимой было плохо, а в течение лета стало просто непростительным.

- Я думаю, - сказал Верити, - мы своеобразная семья. Фрэнсис почти получил всё, что хочет, и теперь действует так, будто не может на что-то решиться, но должен спешить к игорным столам и погружаться дальше в долги. Что в нас такого, Росс, что доставляет нам такие неудобства в жизни?

- Ты очерняешь нас, моя дорогая. Просто, как и большинство семей, мы никогда не счастливы все одновременно.

- Он капризничает и раздражителен, - пожаловалась Верити. - Намного хуже, чем я. Не терпит никакого вмешательства в свои дела и быстро впадает в гнев. Еще и недели не прошло, как они и тетюшкой Агатой переругивались через обеденный стол, а миссис Табб слушала с открытым ртом.

- Тётушка Агата победила?

- Ха, конечно. Но какой это ужасный пример для слуг.

- А Элизабет?

- Иногда она может переубедить его, а иногда нет. Я не думаю, что они очень хорошо ладят. Возможно, мне не стоит так говорить, но это мое впечатление.

- Почему так?

- Не знаю. Она привязана к ребенку, и Фрэнсис его любит. Говорят, каким-то образом дети укрепляют брак. Тем не менее, мне кажется, что они не так хорошо ладят, с тех пор как родился Джеффри Чарльз.

- Они больше никого не ожидают?

- Пока нет. Элизабет хворала последние месяцы.

На какое-то время воцарилось молчание.

- Росс, я заглядывала в старую библиотеку. В её еще не разобранный части есть всякое старье, которое может еще пригодиться. И почему ты не принесешь спинет твоей матери? Он хорошо встанет в том углу и украсит комнату.

- Его не отремонтировать, и здесь нет никого, кто играл бы.

- Его можно отремонтировать. И Пруды сказала мне, что Демельза всегда на нем бренчит. Кроме того, у вас могут быть дети.

Росс быстро взглянул на неё.

- Да. Может, я подумаю над этим.

Демельза вернулась в семь, полная новостей о новом улове.

- Косяк рыбы вынесло на берег приливом, и народ ходил по колено в воде и ловил сардины корзинами. Потом сардины подплыли ближе к берегу и извивались на песке. Не такой большой улов, как прошлый, хотя жаль, что нет луны, тогда мы могли бы соблазниться и посмотреть на это снова.

Она наконец-то кажется менее сдержанной, подумал Росс, и был благодарен за это улучшение. Он остро чувствовал дискомфорт в течение последних нескольких дней, и дважды уже находился на грани того, чтобы что-то сказать им обоим, но теперь был рад, что не сказал. Если они уживутся как две кошки в одной корзине, без внешнего вмешательства, то всё еще может быть хорошо.

Имелся один вопрос, который он намеревался задать Демельзе, но забыл это сделать, пока они не оказались в постели и он подумал, что Демельза заснула. Росс отметил в памяти, чтобы спросить в другой день, и сам было задремал, когда жена зашевелилась рядом и села. Он сразу понял, что она не спала.

- Росс, - тихо спросила она, - расскажи мне о Верити. О Верити и капитане... капитане как-его-там. Что случилось? Они поссорились? И почему остальные прекратили их отношения?

- Я уже тебе говорил, - сказал Росс. - Фрэнсис с её отцом были против. Ложись спать, дитя.

- Нет- нет. Пожалуйста. Росс, я хочу знать. Я много об этом думала. Ты никогда не рассказывал, что произошло на самом деле.

Росс протянул руку и притянул ее к себе.

- Сейчас не время. Я думал, моя семья тебя не интересуется.

- Сейчас другое дело - они и моя семья тоже. Расскажи.

Росс вздохнул и зевнул.

- Меня совсем не радует потворствовать твоим прихотям в это время ночи. Ты более непоследовательна, чем большинство женщин. Случилось это так, любовь моя: Фрэнсис встретил капитана Блейми в Труро и пригласил его на свадьбу Элизабет. Там Блейми познакомился с Верити, и между ними возникла привязанность.

Он без удовольствия поведал печальную историю. Она закончилась и осталась в прошлом; все показали себя не с лучшей стороны, и рассказ всколыхнул воспоминания о несчастье, ярости и самокритике тех дней. С тех пор о том случае никто не упоминал: о той идиотской истории с дуэлью, разыгравшейся без надлежащих официальных процедур в пылу обычной драки... Приём у Рут Тиг, на который он собирался... Всё наложилось одно на другое и смешалось в тот период несчастья и непонимания. И лишь женитьба стряхнула это оцепенение и, казалось, позволила ему начать новую жизнь с чистого листа.

- ... вот так всё и закончилось, - сказал он. - Капитан Блейми уехал, и с тех пор мы о нем ничего не слышали.

Наступило долгое молчание, и он подумал, что возможно, Демельза спокойно уснула во время рассказа.

Но потом она пошевелилась и расстроено вздохнула.

- Росс, тебе должно быть очень-очень стыдно...

Он удивился.

- О чем это ты?

Она выскользнула из-под его руки и резко села в кровати.

- Росс, как ты мог!

- Не надо говорить загадками, - сказал он. - Ты во сне болтаешь или наяву?

- Ты позволил им вот так расстаться. Верити уехала домой. Да это же разбило ей сердце.

Он начал злиться.

- Думаешь, я в восторге от этой истории? Ты знаешь, как я отношусь к Верити. Мне вовсе не доставило радости видеть, что ее любовь растоптали так же, как и мою.

- Нет, но ты должен был их остановить! Должен был принять ее сторону, а не их.

- Ничью сторону я не принимал! Ты не знаешь, о чем говоришь. Ложись спать.

- Остаться в стороне означало принять сторону Фрэнсиса и отца Верити. Разве непонятно? Ты должен был помешать дуэли и поддержать влюбленных, а не потворствовать тому, чтобы их отношения уничтожили. Если бы ты помог Верити, им бы никогда не пришлось расставаться и... и...

- Ну, конечно, - ответил Росс, - тебе кажется, что всё так просто. Но ты не знаешь этих людей, и в то время тебя там не было, так что, как ты понимаешь, твое суждение, вероятно, ошибочно.

С его сарказмом Демельза еще не научилась справляться. На ощупь найдя его руку, она прижалась к ней щекой.

- Не надо надо мной подтрунивать, Росс. Я правда хотела узнать. Разница в том, что ты смотришь на это дело с мужской точки зрения, а я с женской. Я понимаю чувства Верити. Я знаю, что она испытала. Любить и быть любимой. А потом остаться в полном одиночестве...

Неподвижная поначалу рука Росса начала медленно гладить ее лицо.

- Я уже говорил, что ты самая непостоянная из всех женщин? Так вот, это было преуменьшением. Когда я предложил Верити к нам приехать, ты чуть ли не рыдала. Спустя полнедели после ее приезда ты шипела как гусыня. А теперь, в такой неподходящий момент, ты решила встать на сторону Верити в этом давно забытом споре и упрекнуть меня в ошибках. Ложись спать, пока я не надрал тебе уши!

Демельза прижалась губами к его руке.

- Ты никогда не бил меня, когда я этого заслуживала, а сейчас я не виновата, так что мне не страшно.

- В этом-то и состоит разница между общением с мужчиной и общением с женщиной.

- Но даже добрый мужчина, - возразила Демельза, - может быть жесток, сам того не зная.

- А женщина, - ответил Росс, снова укладывая ее в постель, - никогда не понимает, когда тема закрыта.

Она тихо лежала рядом, зная, что последнее слово может остаться за ней, но промолчала.

Глава пятая

Увидев вечером в спальне вазу со свежими листьями орешника, Верити поняла, что утренний разговор по душам привел к тому, что Демельза наконец-то перестала защищаться. Но придя к такому поспешному выводу, она недооценила девушку. Возможно, Демельзе не хватало утонченности, но приняв решение, она от него уже не отступала. И она не боялась ошибиться.

Неожиданно для самой себя Верити оказалась в центре внимания. Натянутые отношения за сутки безо всяких дополнительных слов переросли в дружбу. Не зная причин, Росс лишь удивленно за этим наблюдал. Трапезы, перестав быть главными испытаниями дня, изобиловали разговорами. Необходимость искать темы просто испарилась. Если Верити или Росс говорили о незнакомом Демельзе человеке, она тут же забрасывала их вопросами, и они ей отвечали. Если разговор заходил о ком-то из местных, Демельза сама охотно объясняла Верити. И смех в Нампаре слышался чаще, чем за многие годы; иногда казалось, что он вызван не остроумной беседой, а испытываемым всеми чувством облегчения. Смеялись над лысой макушкой и налитыми кровью бульдожьими глазами Джуда, над красным носом и домашними тапочками Пруди, над облезлой шерстью Табиты Бетии и неуклюжим дружелюбием огромного Гаррика. Смеялись друг над другом, а иногда и просто так.

Временами, обычно в отсутствие Росса, Демельза и Верити обсуждали, как получше обустроить дом, или обходили библиотеку и другие неиспользуемые комнаты в поисках случайных кусков дамаста и бархата, которыми намеревались украсить или подлатать мебель. Поначалу Верити боялась своими советами подорвать новообетенную дружбу, но потом вошла во вкус, обнаружив, что Демельза сама этого хочет. В начале второй недели Росс пришел домой и увидел, что спинет снова стоит в углу, как при жизни матери, а обе женщины копаются внутри инструмента, пытаясь его починить. Верити подняла голову, и на бледных щеках появился румянец; она убрала с глаз прядь волос, и затаив дыхание, рассказала, что под басовыми струнами они нашли мышинное гнездо.

- Наше мягкосердечие не позволило их убить, поэтому я смела выводок в ведро, а Демельза отнесла его к пустоши на другой стороне ручья.

- Таких можно найти под плугом, - появляясь сзади, сказала еще более взъерошенная Демельза. - Такие малютки. Голенькие, розовые, тощие и слишком маленькие, чтобы убежать.

- Поддерживаете вредителей, - сказал Росс. - Кто притащил сюда этот спинет?

- Мы, - ответила Верити. - Демельза сама его поднимала.

- Какие же вы дурёхи, - заметил Росс. - Почему не позвали Джуда и Кобблдика?

- Джуд, - сказала Демельза, - не так силён, как мы, да, Верити?

- Не так силён как ты, - ответила та. - У тебя упрямая жена, Росс.

- Пустая трата времени - говорить мне очевидное, - ответил он, но ушёл довольный. Верити

выглядела гораздо лучше, чем неделю назад. А Демельза в меру сил выполняла то, о чем он просил. На это он и надеялся.

***

Той ночью Росс проснулся перед рассветом и увидел, что Демельза сидит в постели. Был один из тех редких дождливых периодов замечательного лета и осени, и он слышал, как по окнам шлепают и пузырятся капли дождя.

- В чем дело? - сонно спросил он. - Что-то случилось?

- Просто не спится, - ответила она.

- Сидя в кровати не уснешь. Болит что-нибудь?

- У меня? Нет. Я размышляла.

- Плохая привычка. Сделай глоток бренди, и всё пройдет.

- Я размышляла, Росс. Где сейчас капитан Блейми? Всё еще в Фалмуте?

- Откуда мне знать? Я три года его не видел. И зачем досаждаю тебе этими вопросами посреди ночи?

- Росс, - она нетерпеливо повернулась к нему в полутьме. - Я хочу, чтобы ты для меня кое-что сделал. Съезди в Фалмут и проверь, там ли он еще, узнай, любит ли он еще Верити...

От изумления он приподнял голову.

- Начать всё сначала? Разбудить ее боль, когда она только начала всё забывать? Да я скорее дьявола разбужу!

- Она ничего не забыла, Росс. И до сих пор не оправилась. Где-то внутри у нее всё та же боль, как незаживающая рана.

- Не лезь в это дело, - спокойно предупредил он. - Тебя оно не касается.

- Очень даже касается. Я полюбила Верити...

- Тогда выкажи свою любовь и не вмешивайся. Ты не понимаешь, что это лишь причинило бы ей ненужную боль.

- Нет, если бы они снова стали встречаться, Росс.

- А как насчет препятствий, которые в тот раз помешали их отношениям? Они растворились в воздухе?

- Одно исчезло.

- Что ты имеешь в виду?

- Отца Верити.

- Клянусь Богом! - Росс расслабился на подушке, стараясь не рассмеяться над ее наглостью. -

Тебе следовало бы сообразить, что я говорил не о людях.

- Это из-за того, что он пил? Знаю, это плохо. Но ты же сказал, что он бросил.

- На время. Несомненно, он опять принялся за старое. И если так, то я бы не стал его за это винить.

- Тогда почему бы не поехать и не проверить? Пожалуйста, Росс. Ради меня.

- Ни ради кого, - с раздражением ответил он. - Меньше всего этого бы хотела Верити. От этой привязанности лучше избавиться. Как бы я себя чувствовал, если бы благодаря моим уловкам они бы сошлись, и он стал бы обращаться с ней, как со своей первой женой?

- Он бы не поступил так, если бы любил ее. И Верити всё еще испытывает к нему чувства. Я бы не перестала тебя любить, если бы ты кого-то убил.

- Ну, так уж случилось, что я убил нескольких человек. Вне сомнения, таких же хороших людей, как я сам. Но не женщин и не в пьяном угаре.

- Даже если бы это случилось, я бы спокойно восприняла этот факт, при условии, что ты бы меня любил. И Верити рискнула бы, как три года назад, если бы ей не помешали. Росс, я не могу видеть, как глубоко внутри она несчастна, а ведь мы могли бы ей помочь. Ты же хотел ей помочь. Мы могли бы всё устроить, ни о чем ей не рассказывая. Мы бы потом решили, как это сделать.

- Повторяю раз и навсегда, - устало произнес он. - Я не желаю иметь с этим дела. Нельзя играть в любишь-не любишь с чувствами людей. Я слишком люблю Верити, чтобы снова причинять ей боль.

В темноте она медленно выдохнула и на какое-то время воцарилась тишина.

- Значит, - сказала она, - не слишком-то ты любишь Верити, если боишься даже поехать в Фалмут и узнать.

Он закипел от гнева.

- Чёрт тебя побери, невоспитанная ты дурёха! Мы будем здесь до утра спорить. Из-за тебя я должен лишиться покоя? - он взял ее за плечи и снова уложил на подушку. Она охнула и притихла.

Наступила тишина. Очертания мокрых окон были едва видны. Спустя какое-то время Россу стало не по себе от ее молчания, он повернулся и посмотрел на ее лицо в полутьме. Демельза выглядела бледной и покусывала нижнюю губу.

- Что случилось? - спросил он. - Теперь-то в чем дело?

- Думаю, - ответила она, - в общем... мне немного больно.

Он сел.

- Почему ты ничего не сказала! Вместо того, чтобы сидеть и болтать. Где болит?

- В... где-то внутри. Точно не знаю. Немного неприятно. Волноваться не о чем.

Росс встал с постели и нащупал бутылку бренди. Через некоторое время он вернулся с кружкой.

- Выпей это. Всё, до дна. Просто согреешься, только и всего.

- Мне не холодно, Росс, - чопорно ответила она и вздрогнула. - Фу, слишком крепкий на мой вкус. Думаю, если добавить воды, будет гораздо приятнее.

- Ты слишком много разговариваешь, - сказал он. - От этого любой заболевает. Будь я проклят, если это не из-за того, что ты двигала спинет. - Его тревога возросла. - Ты что, совсем рассудка лишилась?

- Тогда мне так не казалось.

- Покажется, если я узнаю, что ты снова прикасалась к этой штуковине. Где болит? Дай посмотрю.

- Нет, Росс. Говорю тебе, ничего там нет. Не там, нет. Выше. Оставь меня в покое. Возвращайся в постель и давай уже спать.

- Скоро пора вставать, - заметил он, но сделал, как она велела. Какое-то время они лежали молча, наблюдая, как в комнате понемногу становится светлее. Затем она проскользнула в его объятия.

- Лучше? - спросил он.

- Да, лучше. Бренди разжег во мне огонь. Возможно, скоро я опьянею и начну тебя изводить.

- Не вижу особой разницы. Я вот думаю, может, ты съела что-нибудь несвежее. Свинину мы засолили сами, и если...

- Мне кажется, что дело все-таки в спинете. Но сейчас я в порядке. И я сонная...

- Не настолько уж и сонная, чтобы послушать, что я скажу. Я не жду, что ты будешь себя беречь, чтобы кому-то угодить. Но в следующий раз, когда у тебя возникнет желание и настроение позабавиться, вспомни о своем эгоистичном мужчине, с кем делишь счастье.

- Да, - сказала она. - Я правда запомню, Росс.

- Что-то слишком легко обещаешь. Ты забудешь. Ты меня слушаешь?

- Да, Росс.

- Ну, тогда я кое-что тебе пообещаю. Прошлой ночью мы говорили о наказаниях. Так вот, из любви к тебе и из чистейшего эгоизма я тебе обещаю, что в следующий раз, когда ты выкинешь подобную глупость, я крепко тебя выпорю.

- Но я не буду так больше делать. Сказала же, что не буду.

- Мое обещание тоже остается в силе. В качестве дополнительной предосторожности.

Он ее поцеловал.

Демельза распахнула глаза.

- Ты хочешь, чтобы я уснула?

- Конечно. И сию же секунду.

- Отлично.

В комнате стало тихо. По мутному стеклу продолжал стучать дождь.

***

Две недели пребывания Верити подошли к концу, и Демельза убедила ее остаться еще на одну. Верити, казалось, забросила обязанности в Тренвите и нашла здесь своё, как она надеялась, отдохновение. Прогресс в состоянии ее здоровья был очевиден. Миссис Табб придется справляться самой еще недельку. Тренвит может катиться ко всем чертям.

В течение этой недели Росс на два дня ездил в Труро на первый аукцион по продаже меди, в котором участвовала и шахта Уил-Лежер. Медь, что они намеревались продать, разделили на два лота, и оба за пятьсот десять гиней купил агент, действующий в интересах "Медеплавильной компании Южного Уэльса".

На следующий день Верити сказала Россу:

- Росс, я ничего не смыслю в ваших делах, но когда вам заплатят те деньги, не перепадет ли часть тебе? У тебя появится немного свободных денег? Может, гиней десять или двадцать?

Росс уставился на нее.

- Желаете приобрести лотерейных билетов?

- Лотерея - это твой собственный дом, - сказала она, - с того времени, как ты вернулся, ты сотворил чудо с мебелью из библиотеки, старыми лоскутами ткани и так далее, но помимо этих штор, как я вижу, ты на самом деле мало что купил.

Росс осмотрел гостиную с тактично замаскированной убогостью.

- Не подумай, что критикую, - сказала Верити, - я знаю, как вы ограничены в средствах. Я просто подумала, что ты мог бы сейчас выделить немного денег, чтобы кое-что обновить. Это хорошее вложение.

Медная компания заплатит по векселю в конце месяца. Потом последует встреча акционеров шахты. Прибыль, несомненно, распределят: обычно происходит именно так.

- Да, - ответил он, - лично у меня нет пристрастия к модным вещам, но пока ты здесь, то, вероятно, могла бы посоветовать нам что-то при покупках. Конечно, если достаточно поправились, чтобы выдержать поездку.

Верити выглянула в окно.

- Росс, мне пришло в голову, что мы с Демельзой могли бы съездить в город одни. Тогда бы мы не отнимали у тебя время.

- Что, ехать в Труро без сопровождения? - воскликнул он. - Даже не думай.

- О, Джуд мог бы проводить нас до города, если бы ты смог обойтись без него. А потом он мог

бы где-нибудь подождать и вернуться с нами.

Повисла тишина. Росс подошел и встал рядом с ней у окна. Последние несколько дождливых дней освежили долину. Некоторые деревья подернулись желтизной, но на вязах не было и признаков пожелтевших листьев.

- Сад всё же нужно обновить, - сказал он, - несмотря на все усилия Демельзы.

- Сады всегда к осени в беспорядке, - сказала Верити, - но вам следует заказать кусты шиповника и калуфер. И я дам вам отросток руты. Она очень красивая.

Росс положил руки ей на плечи.

- Сколько ты хочешь на эту поездку?

Глава шестая

Вот таким образом в первую среду октября Демельза и Верити, сопровождаемые, или, скорее, преследуемые (не в связи с этикетом, а потому что дорога была слишком узкой, чтобы ехать по трое в ряд) заинтересованным, но недовольным Джудом, въехали в Труро, чтобы сделать кое-какие покупки.

Джуд радовался отлучке на день, но уловил угрозу Росса по поводу того, что произойдет, если на обратном пути обе дамы обнаружат его пьяным в лоскуты. Он считал, что грубо и бессмысленно угрожать выпороть его за преступление, которое он не имел никакого намерения совершать.

Демельза посещала Труро только в четвертый раз.

Внутренне она испытывала сильное волнение, однако, как только путешествие началось, старалась внешне оставаться спокойной. Поскольку кроме домашних платьев у нее не было другой одежды, Верити одолжила ей серый костюм для верховой езды, который оказался как раз впору. Ничто другое не помогло бы Демельзе настолько почувствовать себя леди и вести себя с подобающим достоинством. Когда они тронулись в путь, она наблюдала за Верити и старалась повторить ее посадку в седле и идеально прямую осанку.

В этот день в городе проходила ярмарка скота, и как только они въехали, стадо молодых бычков загородило всю узкую улочку, и Демельза едва сдерживала Брюнетку, которая совершенно не переносила этих животных. Джуд ехал слишком далеко, чтобы прийти на помощь, но Верити отгородила ее лошадь от стада. На них глазели зеваки, но Брюнетка уже успокоилась, и они тронулись дальше.

- Глупое старое животное, - сказала Демельза, задыхаясь. - Когда-нибудь она выкинет меня из седла.

Они пересекли мост.

- О, какая шумная толпа, ярмарка мне нравится. Куда мы пойдём?

Близилось время чеканки монет, и в конце главной улицы возвышались груды олова, ожидающего того дня, когда правительство поставит на него свои штампы. Весом около полутора центнеров каждая, эти груды остались без присмотра, тускло поблескивая на солнце.

Вокруг околачивались люди; в канаве стояли нищие, на открытом рынке на Мидл-Роу процветала торговля, мужчины и женщины кучковались на улице, обсуждая повседневные дела.

- Где же конюшни? - спросила Демельза. - Мы не можем оставить лошадей здесь, среди всего этого народа.

- Они там, в глубине, - сказала Верити. - Джуд отведет коней в обход. Встретимся в четыре, Джуд.

Сильный дождь, что прошел несколько дней назад, прибил пыль, не оставляя после себя много грязи, поэтому прогулка по улице не была неприятна, маленькие ручейки по краям озорно журчали, присоединяясь к более крупным потокам. Верити остановилась, чтобы заплатить один шиллинг шесть пенсов за дюжину сладких апельсинов, а затем они вместе пошли по Кэнвин-Стрит, где располагались самые лучшие магазинчики. Здесь толпились покупатели и уличные торговцы, хотя толпа была не настолько плотной, как на рынке.

Верити встретила пару своих знакомых, но, к облегчению Демельзы, не остановилась, чтобы поговорить. Вскоре она забрела в маленькую мрачную лавку, заставленную почти под потолок антикварной мебелью и коврами, написанными маслом картинами и изделиями из бронзы. Из полумрака вдруг возник человек с рябым от оспы лицом и в завитом парике, поприветствовав покупателей. То ли из-за несчастного случая, то ли из-за болезни, один его глаз имел неправильную форму и придавал физиономии двуликий вид, как будто одна часть отделена от остальной и смотрит на то, что посетитель не видит. Зачарованная, Демельза уставилась на него.

Верити поинтересовалась маленьким столиком, и они направились в заднюю комнату, заставленную новой и подержанной мебелью. Верити попросила Демельзу выбрать тот, что ей понравится, и после удачного торга вопрос был решен. Купили и другие вещи. Коротышка-торговец кинулся вниз за особенной индийской ширмой, которую намеревался продать.

- Сколько денег он нам дал? - спросила Демельза шепотом, пока они ждали.

- Сорок гиней, - Верити защелкнула кошелек.

- Сорок! Ого! Мы богаты! Мы... не забудь про ковер.

- Не здесь. Если мы купим ковер местного производства, то денег точно хватит, - Верити взглянула в темный угол. - Не могу понять, как вы в Нампаре следите за временем. Вам нужны часы.

- О, ориентируемся по солнцу и дневному свету. Это никогда не подводит. А еще у Росса есть отцовские карманные часы, когда он не забывает их заводить.

Снова появился владелец магазина.

- У вас есть две пары подходящих часов, - отметила Верити, - зажгите еще одну свечу, чтобы могли их осмотреть. В какую они цену?

***

Выйдя на улицу, дамы немного прищурились от солнечного света. Трудно было сказать, кому из них эти занятия нравились больше.

- Теперь тебе нужно постельное белье, шторы для двух комнат, глиняная и стеклянная посуда,
- сказала Верити.

- Я выбрала эти часы, - сказала Демельза, - потому что они такие прелестные. Они тикали так же великолепно, как и другие, но когда начали отбивать время, мне это так понравилось. Жжж-бом-бом-бом, словно старый друг, говорящий тебе доброе утро. А где продается белье, Верити?

На миг Верити задумалась.

- Думаю, перед этим, - ответила она, - мы купим тебе платье. Моя портниха всего в нескольких шагах отсюда.

Демельза приподняла брови.

- Это не мебель.

- Но это украшение. Разве можно украсить дом, не обращая внимания на его хозяйку?

- Правильно ли так тратить деньги без его согласия?

- Думаю, его согласие можно принимать как само собой разумеющееся.

Демельза провела кончиком красного язычка по губам, но ничего не сказала.

Они подошли к двери и полукруглому окну размером в четыре фута, в котором демонстрировалось кружево.

- Это здесь, - сказала Верити.

Ее младшая спутница посмотрела на нее неуверенно.

- Поможешь выбрать?

Внутри они увидели маленькую пухленькую женщину в очках в стальной оправе. Госпожа Полдарк! Такая честь после стольких лет. Должно быть, пять. Нет-нет, возможно, меньше, но действительно долго. Верити покраснела и упомянула про болезнь отца. Да, сказала швея, она слышала, что мистер Полдарк давно сильно болен. Она надеялась... Боже... Нет, она не слышала; очень печально! Но как приятно снова увидеть старую клиентку.

- Я здесь не ради себя, а ради своей кухни, миссис Полдарк из Нампары. По моему совету она пришла купить у вас пару новых нарядов, и я уверена, что вы окажете ей такое же внимание, какое всегда оказывали мне.

Хозяйка лавки моргнула и улыбнулась Демельзе, потом поправила очки и сделала реверанс. Демельза подавила желание поклониться в ответ.

- Здравствуйте, - сказала она.

- Мы бы хотели, - сказала Верити, - взглянуть на имеющиеся у вас новые ткани, а потом обсудить простое утреннее платье и костюм для верховой езды, наподобие того, что на ней сейчас.

- Конечно, да. Пожалуйста, присаживайтесь, мэм. И вы тоже, мэм. Туда, стул чистый. Я позову

дочь.

Прошло некоторое время.

- Да, - сказала Верити, - мы возьмем четыре ярда батиста на сорочку к костюму для верховой езды.

- Тот, по два шиллинга шесть пенсов за ярд, мэм?

- Нет, по три и шесть. А еще нам понадобится пол-ярда муслина в рубчик для оборок. И пара темных перчаток для верховой езды. Какую шляпку выберем, кузина? С пером?

- Это слишком дорого, - сказала Демельза.

- С пером. Изящно и не вычурно. Теперь необходимо подобрать чулки...

Прошло некоторое время.

- А на вторую половину дня, - сказала Верити, - я всё думала об этом фасоне. Выглядит изящно и ничуть не претенциозно. Обручи не должны быть большими. Платье, подумала я, будет из бледно-сиреневого шелка со слегка собранной в рюш нижней юбкой и лифом в яблочно-зеленый цветочек. Рукава, что скажете, чуть выше локтя и немного расклешенные, с кремовым кружевом. Ммм, белая кружевная косынка и, конечно, небольшая бутоньерка на груди.

- Да, госпожа Полдарк, будет выглядеть чудесно. А шляпка?

- О, она мне не понадобится, - вмешалась Демельза.

- Однажды непременно понадобится, - заметила Верити, - пожалуй, черная соломенная шляпка, возможно, с легким оттенком алого подойдет. Можете подобрать нам что-то в подобном стиле?

- О, конечно. Я и сама хотела предложить нечто подобное. Завтра моя дочь займется вашим заказом в первую очередь. Спасибо. Для нас большая честь принимать вас у себя, надеюсь, вы останетесь нашими постоянными покупателями. Доброго дня, мэм. Доброго дня, мэм.

Прошло чуть менее двух часов к тому времени, как они вышли из лавки. Обе раскраснелись и выглядели виноватыми, словно поучаствовали в каком-то не совсем приличном развлечении.

Солнце покинуло узкую улочку и сверкало красным в отражениях окон первого этажа с противоположной стороны. Толпа совсем не уменьшилась, а из находящейся неподалеку винной лавки доносились пьяные песни.

Верити выглядела немного задумчивой, пока они, переходя улицу, пробирались среди мусора.

- У нас уйдет всё время, чтобы закончить дела до четырех. А мы не хотим, чтобы на обратном пути нас застигла темнота. Думаю, нам лучше сегодня забыть про стекло и постельное белье и сразу заняться ковром.

Демельза взглянула на Верити.

- Ты много потратила на меня своих гиней?

- Не слишком, дорогая моя... И кроме того, Росс никогда не заметит, новое белье или нет.

***

Джуда они обнаружили сильно надрывшимся.

Часть угроз Росса всё же возымела действие даже во время его кутежа, и потому Джуд плашмя не лежал, но за исключением этого себя он побаловал неплохо.

Конюх вытащил его перед постоянным двором "Красный лев". Трое лошадей ждали, стреноженные, а Джуд довольно дружелюбно переругивался с человеком, который только что его вышвырнул.

Когда он увидел приближающихся леди, то низко поклонился на манер испанского гранда, одной рукой цепляясь за опору навеса перед постоянным двором. Но поклон оказался чересчур экстравагантным, и шляпа упала и поплыла вниз по ручейку, что бежал между булыжниками. Джуд выругался, отчего лошади насторожились, и пошел за шляпой, но поскользнулся и тяжело плюхнулся на задницу. Мальчишка вернул ему шляпу, но в награду за беспокойство его лишь обругали. Конюх помог дамам сесть в седло, а затем отправился на помощь Джуду.

К тому времени множество зевак уже глазели на их отъезд. Конюху удалось поставить Джуда на ноги и прикрыть ему лысину и челку мокрой шляпой.

- Вот, дружище, пушай будет на голове. Обе руки тебе пригодятся, чтобы удерживать свою старую клячу.

Джуд мгновенно сорвал шляпу снова, глубоко оскорбившись.

- Ты так решил, - сказал он, - потому что я имел несчастье случайно поскользнуться на коровьей лепешке, а значит, у меня мозги как у неродившегося сосунка, вот что ты подумал, и неудивительно, что ты решил, будто мне надо указывать, когда одеться, а когда раздеться, когда снять и напялить шляпу - как пуганой вороне на джутовом поле, и всё потому, что я имел несчастье поскользнуться на коровьей лепешке. Лучше б ты поползал тут на карачках с метлой и ведром. Дрянное дельце - оставлять улицу прямо перед собственной дверью загаженной коровьими лепешками. Нехорошо. Неправильно. Несправедливо. Нечисто. Дрянное дельце.

- Туда, теперь туда, - говорил конюх.

- Его собственная дверь, - сказал Джуд толпе. - Его парадная дверь. Если б каждый убрался перед своей дверью, то коровьих лепешек не было бы и в помине. Во всем треклятом городе. Помните, что говорится в Писании: "Да не передвинь межевые камни соседа твоего". Подумайте об этом, друзья. "Да не передвинь межевые камни соседа твоего". Подумайте об этом и примените к бедным безгласным тварям. Никогда...

- Помочь тебе с конем? - предложил конюх.

- Никогда в жизни меня так не оскорбляли, - заявил Джуд. - Шляпу мне нахлобучил, как будто я еще несмышлениш. Да еще и мокрую! Мокрое дерьмо со всей Паудер-стрит течет теперь у меня по морде. Достаточно, чтобы я дал дубу. Течет по голове. И всё - подхватил простуду, хрясь! И ты уже копыта отбросил.

Приберитесь у себя на пороге, друзья, вот что я говорю. Гляньте на себя, и никогда не будьте на месте этой жалкой крысы, что оскорбляет своего лучшего клиента, поскользнувшегося на коровьей лепешке, нахлобучивая ему на голову мокрую шляпу, выловленную из вонючего

ручья, что бежит у него прямо перед порогом, чего никогда не должно бы случиться, никогда не должно бы случиться, дорогие друзья, попомните это.

Теперь Джуд обнял конюха за шею.

- Пойдем, мы уезжаем без него, - сказала Верити Демельзе, которая, прикрывая рукой рот, хихикала, как ребенок.

Из постоянного двора вышел еще один слуга, и, вдвоем подхватив Джуда, они подвели его к лошади.

- Бедная заблудшая душа, - произнес Джуд, потрепав конюха по щеке. - Бедная заблудшая горемычная душа. Гляньте на него, друзья. Знаете ли вы, что он заплутал? Что обречен на адово пламя? Знаете ли вы, что плоть сползет с его костей, как жир с гуся? И знаете почему? Я скажу вам почему. Потому что он продал свою душу сатане. Как и все вы. Вы, которые забыли, что говорится в Писании. Язычники! Варвары! Да не передвинь межевые камни соседа твоего. Не передвинь...

В это мгновение двое мужчин подхватили его и перекинули через седло. Когда он стал соскальзывать, конюх перебежал на другую сторону. Своевременный толчок вверх, и Джуд наконец крепко уселся в седле, поддерживаемый мужчинами с двух сторон. Старый слепой Рамут стоял, не шелохнувшись. Затем, сунув одну ногу Джуда глубоко в стремя, Рамуту шлепком дали понять, чтобы он трогался.

На выезде из города, пока он ехал по мосту и на протяжении всего подъема по пыльному холму, Джуд оставался в седле, как приклеенный, обращаясь к прохожим и призывая их покаяться, пока еще не поздно.

***

Освещенные лучами яркого заката, девушки медленно ехали домой под аккомпанемент куплетов и витиеватой брани, дававшей понять, что Джуд еще не выдохся.

Поначалу разговаривали они неохотно, каждая была поглощена собственными мыслями и довольна радостями прошедшего дня. Совместная прогулка позволила им лучше понять друг друга.

Когда солнце зашло за Сент-Агнесс, небо замерцало яркими лимонно-оранжевыми тонами. Поднявшиеся кверху облака оказались вовлечены в яркую игру красок, и, потеряв форму, окрасились в причудливые цвета. Всё это походило на картину второго пришествия, которое совсем недавно во всеуслышание предрекал едущий вдалеке Джуд.

- Верити, - произнесла Демельза. - Насчет этой одежды.

- Да?

- Фунт, одиннадцать шиллингов и шесть пенсов выглядят весьма дороговато для парочки корсетов.

- Они хорошего качества. И послужат тебе изрядно.

- Прежде у меня никогда не было настоящей пары корсетов. Я боялась, что они захотят, чтобы я разделась А мое белье просто ужасно.

- Я одолжу тебе кое-что из моего, когда пойдешь на примерку
- Ты пойдешь вместе со мной?
- Да. Мы можем встретиться где-то на пути.
- А почему бы тебе тогда не остаться в Нампаре? Еще на две недели?
- Дорогая, я весьма польщена и благодарна за твое приглашение. Но я нужна в Тренвите. Быть может, я навещу тебя вновь к весне?

Некоторое время они ехали молча.

- А двадцать девять шиллингов за эту шляпку для верховой езды. И это прелестное сиреневое с зеленым платьем. Боюсь, нам не следовало на них тратить.
- Тебе не следует так себя корить.
- На то есть причина. Мне следовало сказать её тебе раньше.
- Сказать что?

Демельза замаялась.

- Что, может, мои размеры не будут прежними. Тогда я не смогу их носить, и деньги будут выброшены на ветер.

Верити понадобилось мгновение, чтобы уловить смысл сказанного, поскольку Демельза выпалила всё одним духом. Дорога в этом месте сужалась и становилась неровной, поэтому лошади пошли вереницей. Лишь когда они вновь поехали бок о бок, Верити осмелилась спросить:

- Милая, ты имеешь ввиду...?

- Да.

- О, я весьма рада за тебя, - Верити с трудом подбирала слова. - Ты, должно быть, очень счастлива.

- Вообще-то нет, - произнесла Демельза, - особой радости я не испытываю. Мой прежний распорядок нарушен, а в ночь на прошлое воскресенье я бодрствовала всю ночь и чувствовала себя странно. Сегодняшним утром меня вновь тошнило, точь-в-точь как Гаррика, когда тот наглотаётся червей.

Верити рассмеялась.

- И ты волнуешься из парочки платьев! Росс... Росс будет в восторге!

- О, я пока не могу ему признаться. Он слегка странноват в таких делах. Реши он, что я приболела, так заставит меня сиднем сидеть весь день и бездельничать.

Яркое сияние исчезло с небосвода, оставив после себя облака, омытые насыщенным фиолетовым свечением. Скучный сельский пейзаж окутался теплым светом - бесчисленные стада коз на вересковых пустошах, отдельные стога сжатой пшеницы, деревянные верхушки

шахт, серая черепица и обмазанные глиной лачуги; светились и девичьи лица под широкоими шляпками, а ноздри лошадей поблескивали.

Ветерок стих, и вечернюю тишину нарушали лишь звуки езды: клацанье лошадиных зубов об удила, скрип кожаных седел и цоканье копыт. На небе застыл полумесяц, и Демельза поклонилась ему. Верити обернулась и посмотрела назад. Джуд находился от них в четверти мили, а Рамут остановился и пощипывал живую изгородь. Джуд же распевал:

- И лето мы возем домой, что следует за маем....

Они подъехали к Баргусу. В этом мрачном и пустынном месте погребали душегубов и самоубийц. Виселица уже несколько месяцев пустовала, но место считалось нечистым, и обе с облегчением вздохнули, проехав его еще до наступления темноты.

Теперь, когда они вошли в знакомые места, лошади перешли на рысь, но девушки придержали их, чтобы Джуд не остался далеко позади.

- Я слегка побаиваюсь, - произнесла Демельза, словно громко разговаривала сама с собой.

Взглянув на Демельзу, Верити поняла, что та имела в виду не привидения или разбойников.

- Я тебя понимаю, дорогая. После родов вскоре всё пройдет и...

- Нет-нет, - прервала её Демельза. - Я не за себя боюсь, а за Росса. Видишь ли, он любит меня совсем еще недолго. А теперь я стану уродиной на многие месяцы. Вдруг он увидит, как я уткой переваливаюсь по дому, и забудет, что когда-то меня любил.

- Тебе не следует этого опасаться. Росс никогда ничего не забывает. Я полагаю, - Верити всмотрелась в сгущающиеся сумерки, - это черта нашей семьи.

Последние три мили они преодолели в полной тишине. Молодая луна вслед за солнцем опускалась вниз. Вскоре она исчезла, оставив после себя тонкую дымку. Демельза смотрела, как крохотные летучие мыши кружат и мелькают на их пути.

Когда девушки проехали молодые рощицы возле Уил-Мейден и въехали в знакомую долину, то почувствовали облегчение. По обочинам стояли свежесжатые стога - два пшеничных и один овсяный; по утрам, в лучах рассвета, они светились золотом - два ярко, а один тускло. В конце долины мерцали огоньки Нампары.

Росс стоял в дверях, поджидая, чтобы помочь им спуститься с седла и провести в дом.

- А где Джуд? - спросил он. - Он что...?

- Он там, - ответила Демельза. - Всего лишь там, наверху. Моет лицо у ручья.

Глава седьмая

Осень не желала сдавать свои права, словно наслаждалась своим совершенством. Ноябрьские ураганы не срывались, а листья высоких вязов, желтые, коричневые и бледно-алые, мерно плыли по ручью до самого Рождества. Жизнь в Нампаре текла так же размеренно. Они жили вместе, эти несхожие любовники, в гармонии и согласии, работали, засыпали, ели, любили, смеялись и ладили друг с другом, создав вокруг себя прелестный остров забот, на который

внешний мир не делал серьезных попыток покуситься. Рутинность их жизни стала частью каждодневного удовольствия.

Джинни Картер приходила в дом, неся привязанного за спиной голубоглазого рыжеволосого младенца. Если ребенок вел себя тихо, то не мешал ей работать. Они приходили каждое утро в семь, а уже в семь вечера Джинни можно было увидеть идущей со своим узелком через холм обратно в Меллин. О Джиме новостей почти не было. Однажды Джинни показала Россу недавно полученное письмо, полное грамматических ошибок, которое написал один из сокамерников Джима. В нем говорилось, что у Джима всё в порядке и он ее очень любит. Росс знал, что Джинни жила за счет матери, а весь свой заработок отсылала Джиму так часто, как только могла. Правда, неизвестно, какая часть этих денег оседала в карманах тюремщика. Только настойчивость миссис Мартин и материнские заботы остановили Джинни от того, чтобы пройти двадцать шесть миль до Бодвина, переночевать под забором, а на следующий день вернуться обратно.

Росс подумал, что после Рождества сам отправится туда.

Демельза освободилась от большей части повседневной работы, однако по-прежнему постоянно была занята и не находила свободного времени для игры на спинете. Она уже научилась извлекать из инструмента несколько приятных слуху звуков и, как выяснилось, была способна исполнить пару простеньких мелодий, которые знала настолько, что могла спеть. Росс сказал, что в следующем году спинет настроят, и она начнет брать уроки.

Для домочадцев Нампары стало сюрпризом, когда двадцать первого декабря к ним прибыл юный Бартл с запиской от Фрэнсиса, в которой говорилось, что Росса и Демельзу приглашают провести Рождество в Тренвите.

"Не будет никого, кроме нас, - писал Фрэнсис, - дом полностью принадлежит нам. Кузен У.А. в Оксфорде, а мистер и миссис Чайновет отпразднуют Рождество с ее кузеном Дином из Бодмина. Мне грустно от того, что наши семьи не осознают подобным же образом своего кровного родства. К тому же от Верити мы многое слышали о твоей жене (нашей новой кузине) и хотели бы с ней познакомиться. Приходите днем в Сочельник и останьтесь на пару дней".

Росс тщательно обдумал записку, прежде чем ее передать. Послание было написано в приятельском тоне и не создавало впечатления, что писалось под чьим-то давлением, Верити или Элизабет. Росс не желал усугублять трещину в их отношениях, возможно, еще существующую. К тому же казалось досадным отвергать искренний дружеский жест, в особенности от друга детства.

Воззрения Демельзы, естественно, отличались. За этим стояла Элизабет. Элизабет пригласила их, чтобы испытать Демельзу, чтобы посмотреть, какой женой она стала Россу, чтобы создать вокруг Росса атмосферу, на фоне которой он заметит, какую ошибку совершил, женившись на девушке из низшего сословия, чтобы унижить Демельзу своими изящными манерами.

Однако к этому времени Росс начинал понимать все выгоды от поездки. Он совсем не стыдился Демельзы. Тренвитские Полдарки никогда не являлись ярыми поборниками изящных манер, а Демельза обладала своеобразным очарованием, которое не могло дать ни одно воспитание в мире. Лучше зная Элизабет, он даже и не предполагал, что она снизойдет до столь мелочного враждебного поступка, и хотел показать ей, что доволен не совсем обычной заменой.

Но Демельза не находила доводы Росса убедительными.

- Нет, Росс. - покачала она головой. - Ты иди, если должен. А я не пойду. Я не их сорта. Мне и

здесь будет хорошо.

- Или мы пойдем вместе, или останемся, - произнес Росс, - иначе и быть не может. Бартл всё еще ждет ответа, и я должен передать ему свадебный подарок. Пока я поднимусь наверх за кошельком, ты уж надумай стать послушной кузиной.

Демельза посмотрела с вызовом.

- Я не хочу быть послушной кузиной.

- Послушной женой, тогда уж.

- Но это будет ужасно, Росс. Здесь я миссис Полдарк. Я могу заводить часы, когда мне вздумается. Могу дразнить и таскать тебя за волосы, кричать и петь, когда захочу, играть на старом спинете. Я делю с тобой постель, а по утрам, когда просыпаюсь, раздуваюсь от важности, мечтая о серьезных вещах. Но они, они ведь не Верити, ты сам мне говорил. Посмотрят они на меня и скажут: "Боже мой", а потом отправят на кухню к Бартлу и его молодой жене.

Росс бросил на неё косой взгляд.

- Неужели ты думаешь, что они так тебя превосходят?

- Нет, я этого не говорила.

- Ты думаешь, мне следует тебя стыдиться?

В спорах Росс всегда приводил слишком весомые для нее доводы. Демельза понимала, чувствовала, но не могла подобрать слова, чтобы доказать его неправоту.

- О, Росс, они ведь люди твоего круга, - пролепетала она. - А я - нет.

- Родилась ты точно так же, как и они, - возразил Росс. - У нас одинаковые порывы, желания и капризы. Сейчас мой каприз - повести тебя в Тренвит на Рождество. Уже немногим более шести месяцев прошло с тех пор, как ты торжественно поклялась мне повиноваться. А на это что ты скажешь?

- Ничего, Росс. Вот только не хочу я идти в Тренвит.

Росс рассмеялся. В последнее время споры между ними все чаще заканчивались смехом - намеком на то, их товарищеские отношения приобретает большую легкость.

Росс подошел к столу.

- Я коротко отпишу им, поблагодарю за приглашение и сообщу, что ответ мы дадим завтра.

На следующий день, как и во всех важных делах, Демельза неохотно сдалась. Росс написал, что они приедут в Сочельник и проведут Рождество в Тренвите. Но, к сожалению, дела на шахте вынуждают его вернуться домой тем же вечером.

Приглашение приняли, так что повода обижаться не было; но будь оно не от чистого сердца, Росс с Демельзой могли не засиживаться в гостях. Демельза получит возможность встретиться с ними как равная, но долго притворяться благовоспитанной не придется.

Демельза согласилась, потому что несмотря на то, что доводы Росса её не убедили, она редко могла выстоять против его увещеваний. Она охотней бы пошла к цирюльнику на шахте и вырвала шесть зубов.

На самом деле она боялась не Фрэнсиса и не старую тетушку; даже легко схватывая всё на лету, уверенности она набиралась всю осень. Загвоздка, конечно же, заключалась в Элизабет. Элизабет, Элизабет, Элизабет. Это имя звучало в ее голове при каждом шаге, когда в Сочельник они прошли поля за домом и вышли на тропинку вдоль утесов.

Демельза бросала косые взгляды на мужа, которой шагал рядом своей легкой размашистой походкой, в которой не содержалось ни намека на прежнюю хромоту. Она никогда не могла понять, о чем он думает; его сокровенные мысли скрывались за этим странным беспокойным лицом с бледным шрамом на щеке, словно напоминанием о перенесенной душевной травме. Демельза лишь знала, что сейчас Росс счастлив, и источник этого счастья - она. Она понимала, что вместе им хорошо, но не могла предугадать, как долго их счастье продлится; в глубине души осознала, что на крыльях судьбы к ней мчится встреча с женщиной, которую он когда-то горячо любил.

И что ужасней всего, многое будет зависеть от ее собственного поведения в последующие два дня.

День выдался ясным, с побережья дул холодный бриз. По зеленому и спокойному морю гуляла мертвая зыбь. Изредка лениво накатывались длинные волны, и, столкнувшись с сильным юго-восточным ветром, их длинный гребень начинал топорщиться, как короткие перья гагарки, всё больше вспениваясь, пока волна медленно не разбивалась, а зимнее солнце не окрашивало в разноцветную радугу разлетающиеся в стороны тучи брызг.

Всю дорогу к бухте Сола их задерживал Гаррик, который решил, что Демельза не может куда-то пойти без него, и если долго настаивать, то её добрая душа посмотрит на мир его глазами. Каждые несколько ярдов после резкого окрика большая лохматая собака ложилась на землю, где не шелохнувшись смиренно лежала, и единственным признаком жизни был лишь укоряющий взгляд налитых кровью глаз; но стоило сделать несколько шагов, как он поднимался и крадучись ковылял вслед за ними. К счастью, они встретили Марка Дэниэла, который той же дорогой возвращался домой. Марк Дэниэл подобных глупостей не терпел, и позже его заметили на дороге в Нампару, держащим Гаррика за отвислое ухо.

Демельза с Россом прошли пески и гальку бухты Сола, встретив парочку знакомых, которые учтиво пожелали им доброго дня, и начали подниматься на утес с другой стороны бухты. Прежде чем удалиться от берега, они остановились перевести дух и понаблюдать за олушами, которые возле самого берега ныряли за рыбой. Олуши летали над прибоем, их большие распростертые крылья с коричневой кисточкой на конце помогали держаться в воздушном потоке; затем они камнем ныряли, исчезнув в облаке брызг; один раз за десять-двадцать нырков они поднимались, держа в своем изогнутом клюве трепыхающуюся песчанку.

- Будь я песчанкой, - произнесла Демельза, - даже сам вид олуши был бы мне противен. Смотри, как они складывают крылья, когда входят в воду. А когда выныривают без добычи, то разве не выглядят невинно, словно ни в чем не бывало?

- Мы можем угодить под дождь, - произнес Росс, глянув на небо. - Тучи низко нависли.

- Когда-нибудь, прежде чем я умру, мне хочется отправиться в путешествие на корабле. Во Францию, Шербур, Мадрид, а может, и в Америку. Полагаю, в море много разнообразных

смешных птиц побольше олуш. Почему ты никогда не рассказываешь мне про Америку, Росс?

- Прошлое никому не приносило пользы. Лишь настоящее и будущее имеют значение.

- Отец знал человека, побывавшего в Америке. И тот никогда ни о чем другом не говорил. Думаю, половину своих историй он выдумал.

- Фрэнсису повезло, - произнес Росс. - Он провел целое лето, путешествуя по Италии и Европе. Я подумывал тоже отправиться в путешествие. Но затем разразилась война, и я поехал в Америку. А когда вернулся, кроме своего уголка Англии не желал ничего. Странно.

- Я хочу когда-нибудь побывать во Франции.

- Мы можем в любое время отправиться в Роскоф или Шербур на одном из куттеров в Сент-Агнесс. В детстве я часто так путешествовал.

- Я бы охотней поплыла на большем корабле, - ответила Демельза. - Чтобы не бояться, что таможенники перехватят.

Они продолжили свой путь.

У дверей Тренвит-хауса их поджидала Верити. Она, подбежав, поцеловала Росса, а затем Демельзу. Демельза на мгновение прижала её к себе, глубоко вдохнула и вошла в дом.

***

Первые несколько минут оказались испытанием для всех, но смотрины состоялись. К счастью, и Демельза, и семейство Тренвит-хауса находились в наилучшем расположении духа. Фрэнсис мог быть обаятельным, когда хотел, а тетушка Агата, подогретая глотком ямайского рома и облаченная в свой второй по красоте парик, вела себя кротко и учтиво. Элизабет улыбалась, легкий румянец придавал очарования её цветущему лицу. Трехлетний Джеффри Чарльз в бархатном костюмчике вышел вперед и, положив палец в рот, уставился на гостей.

В самом начале тетушка Агата вызвала легкое беспокойство, отрицая, что слышала про брак Росса, и потребовала изложения всех деталей. Затем ей захотелось узнать девичью фамилию Демельзы.

- Как? - переспросила она. - Каркью? Кардью? Карн? Ты сказала, Карн, милочка? Откуда она? Откуда ты, дитя?

- Из Иллагана, - ответила Демельза.

- Откуда? Ох, да это возле имения Бассетов, не так ли? Ну ты знаешь, сэра Фрэнсиса. Говорят, он весьма разумный молодой человек, но слегка помешан на общественных проблемах, - тетушка Агата пощипала волоски на своем подбородке. - Подойди ко мне, бутончик. Я не кусаюсь. Сколько тебе?

Демельза позволила взять себя за руку.

- Восемнадцать. - она взглянула на Росса.

- Хм. Прелестный возраст. Девушки прелестны и милы в этом возрасте, - тетушка Агата тоже взглянула на Росса, её крохотные глазки озорно блеснули в густой сетке морщин. - А знаешь, сколько мне лет?

Демельза покачала головой.

- Девяносто один. В прошлый четверг исполнилось.

- Я и не знал, что вы столь древняя, - заметил Фрэнсис.

- А ты не всё знаешь, мой мальчик. Девяносто один в прошлый четверг. А что ты скажешь, Росс?

- Вы милы в любом возрасте, - шепнул ей на ухо Росс.

Тетушка Агата довольно ухмыльнулась.

- Ты всегда был сорванцом. Как твой отец. Пять, пять поколений Полдарков я повидала. Нет, шесть. Первой была бабуля Тренвит. Я хорошо её помню. Она происходила из семьи Роу. Известные пресвитерианцы. Ее отец Оуэн был приятелем Кромвеля; поговаривали, что он из тех пятидесяти девяти, что подписали смертный приговор королю Карлу. Они потеряли все свои земли в Реставрацию. Я хорошо ее помню. Она умерла, когда мне было десять. Обычно она рассказывала мне истории про эпидемию чумы. Хотя при ней чумы не случилось.

- Однажды у нас в Иллагане тоже свирепствовала чума, мэм, - вставила Демельза.

- Затем шла Анна-Мария, моя мать, которая стала Полдарк. Она была единственным ребенком. Я уже находилась в преклонном возрасте, когда она умерла. Она вышла замуж за Чарльза Вивиана Полдарка. Он был сущим бродягой. До того, как встретить матушку, уволился с флота из-за увечий, которые получил в сражении при Ла-Хогге. Тогда ему было двадцать пять. Это его портрет, бутончик. Тот, что с небольшой бородкой.

Демельза послушно посмотрела.

- Затем был Клод Генри, мой брат, женившийся на Матильде Эллен Питер из рода Тревилей. Он умер на десять лет раньше матери. Его изводили рвота и расстройство желудка. Он был твоим дедушкой, Росс. Вы с Фрэнсисом - пятое поколение, а крошка Джеффри - шестое. Шесть поколений, а я вот еще жива.

Руку Демельзы наконец отпустили, и она подошла поздороваться с малюткой. Джеффри Чарльз был пухленьким мальчуганом со столь гладким лицом, что трудно было себе представить, как оно растягивается в широкой улыбке. Красивый ребенок, как и следовало ожидать при таких родителях.

Встреча Росса с Элизабет спустя шесть месяцев не оказалась такой спокойной и бесстрастной, как он надеялся или ожидал. Росс полагал, что окажется неуязвимым, словно его брак и любовь к Демельзе были лекарством от вскипания крови, и что эта преднамеренная встреча лишь подтвердит, что он исцелился. Но как он обнаружил, Демельза не лекарство, а сама по себе лихорадка. Теперь же, с самых первых мгновений встречи, Росс гадал, не оказалась ли Демельза проницательней, когда отказывалась от приглашения.

Встреча Демельзы с Элизабет оставила у него неприятный осадок; хоть их отношение друг к другу внешне и выглядело дружелюбным, но внутренне оставалось настороженным. Росс не знал, обманули ли кого их приветствия, но его точно не провели. Им не хватало естественности.

Но Демельзе с Верити понадобилось время, чтобы сойтись. С женщинами так всегда: как ни

обаятельны они по отдельности, при первой встрече с соперницей они подсознательно испытывают и исследуют друг друга.

Элизабет предоставила им лучшую спальню, окна которой выходили на юго-запад, в сторону леса.

- Прекрасный дом, - сказала Демельза, сбрасывая с плеч плащ. Пройдя первое суровое испытание, она почувствовала себя лучше. - Никогда не видела ничего подобного. Этот зал прямо как в церкви. А эта спальня? Взгляни на птиц на шторах, похожи на дроздов, только пятнышки не того цвета. И все эти картины внизу. В темноте я бы их испугалась. И они все из твоей семьи, Росс?

- Так мне говорили.

- Никак не могу взять в толк, почему людям нравится видеть вокруг столько покойников. Когда я умру, Росс, то не хочу висеть, пока не высохну, как простыня на веревке. Не хочу вечно глазеть на всех людей, которых я вообще не знала, пра-правнуков и пра-пра-правнуков. Пусть уж меня лучше выкинут и забудут.

- Уже во второй раз сегодня мы разговариваем о смерти, - заметил Росс. - Тебе нехорошо?

- Нет-нет, я вполне бодр.

- Тогда сделай милость, давай перейдем к более приятной теме. Что это за коробка?

- Вон та? О, это нечто. Я попросила Джуда захватить ее вместе с пеньюаром.

- А что в ней?

- Платье.

- Для тебя?

- Да, Росс.

- Тот костюм для верховой езды, который ты купила в Труро?

- Нет, Росс, другой. Ты же ведь не хочешь, чтобы я выглядела оборванкой перед всеми твоими прабабушками, правда?

- Это то платье из библиотеки, что ты переделала? - засмеялся Росс.

- Нет... Мы с Верити тогда же купили его в Труро.

- И она за него заплатила?

- Нет, Росс. Я взяла из тех денег, что ты дал нам на мебель.

- Обманула, значит, бутончик мой. А выглядишь такой невинной и непорочной.

- А ты украл прозвище, которым меня нарекла тетушка Агата.

- Думаю, мне оно понравится. Но я обнаружил червяка в прекрасном бутоне. Обман и двуличие. Хотя я всё равно рад, что не Верити его оплатила. Дай мне взглянуть.

- Нет, Росс. Нет, Росс! Нет, Росс! - ее голос поднялся до визга, когда Демельза попыталась помешать Россу добраться до коробки. Он положил туда одну руку, но Демельза обхватила его за шею и обняла так крепко, что он не мог пошевелиться. Он поднял жену за локти и поцеловал, а потом дважды легонько шлепнул по заду и опустил обратно.

- Где же твое пристойное поведение, бутончик? Подумают, что я тебя бью.

- И это правда. Это правда, - она выскользнула из его объятий и протанцевала, держа коробку за спиной.

- А теперь спускайся, прошу тебя, Росс! Ты не должен ничего о нем знать! Может, я его и не надену, но хочу попробовать, а обед через час. Спускайся и поговори с тетушкой Агатой, пересчитай волоски на ее подбородке.

- Мы же не на балу, - заметил Росс. - Это всего лишь семейный обед, нет нужды так выделываться.

- О, так ведь это же Сочельник! Я спросила Верити. Она сказала, что будет правильно переодеться.

- Что ж, поступай, как тебе угодно. Но не забудь, что ты должна быть готова к пяти. Кстати, - добавил он словно бы вдогонку, - не слишком утягивай корсет, а то будешь чувствовать себя плохо. Кормят здесь хорошо, а мне известен твой аппетит.

С этими словами он удалился, оставив Демельзу заниматься приготовлениями в одиночестве.

Она решила, что не стоит принимать во внимание последнее предупреждение Росса. Весь день ее одолевали приступы тошноты. Она уж точно не жаждет поглотить обед в Тренвите, беспокоясь лишь о том, как бы не выплеснуть его обратно. Будет совсем уж дурно, если она устроит нынче вечером подобное представление. Просто трагедия. Демельза задумалась о том, как в спешке вскочит из-за стола, побежав к ближайшему клозету.

Она стянула платье через голову, перешагнула через него, оставшись лишь в нижнем белье, и на мгновение застыла в тех вещичках, которые одолжила ей Верити, уставившись на свое отражение в миленьком чистом зеркале над туалетным столиком. Никогда прежде она не видела себя так ясно и полностью. Отражение было не сказать чтобы постыдным, однако она задумалась, как это ей хватало бесстыдства передвигаться по комнате и раздеваться перед Россом, когда она носила собственное исподнее и то, что соорудила Пруды. Больше она никогда его не наденет.

Она слышала, что многие горожанки из высшего общества носили белые чулки и никаких панталон. С этими широкими юбками это просто отвратительно, они заслуживали смерти.

Демельза поежилась. Вскоре она станет уродливой, хоть и будет хорошо одета. По крайней мере, она этого ожидала, удивляясь, как это до сих пор ничего не заметно. Каждое утро она брала кусок бечевки с завязанными узлами и измеряла себя. Поразительно, но она лишь потеряла полдюйма. Может, просто узел соскользнул.

Деревенское воспитание предоставило ей массу сведений о том, как происходит прибавление в семействе, но когда дошло дело до нее самой, то вдруг обнаружились огромные пробелы в знаниях. Мать родила еще шестерых детей, но Демельза мало помнила о том, что случилось до того, как ей исполнилось восемь.

Нужно спросить Верити. Теперь Верити стала привычным прибежищем при любых проблемах, которые осаждали Демельзу. Нужно спросить Верити. Ей не пришло в голову, что в этом деле Верити осведомлена еще меньше, чем она сама.

Глава восьмая

Спустившись в просторную гостиную, Росс обнаружил в ней лишь Элизабет с Джеффри Чарльзом. Они сидели перед камином. Джеффри Чарльз устроился на коленке матери, а Элизабет читала ему сказку.

Росс слушал спокойный выдержанный голос; он наслаждался им. Но она подняла голову, чтобы посмотреть, кто вошел, и умолкла.

- Mamochka, еще. Расскажи мне еще.

- Потерпи немного, дорогой. Я должна отдохнуть. Тут твой дядя Росс, пришел для разнообразия рассказать мне историю.

- Я не знаю историй других, кроме правдивых, - произнес Росс. - И все они печальны.

- Пожалуй, не все, - ответила Элизабет. - Ты теперь должен быть счастлив, с такой привлекательной женой.

Росс замялся, не зная, желал ли обсуждать Демельзу даже с Элизабет.

- Я рад, что она тебе нравится.

- Она сильно изменилась с нашей последней встречи, а это было семь месяцев назад. Я думаю, она еще больше изменится. Тебе следует выводить ее в свет.

- И навлечь на нее презрение дам вроде миссис Тиг? Благодарю, мне и так неплохо.

- Ты слишком чувствителен. Кроме того, может, ей и самой хочется выходить в свет. Женщинам не занимать отваги в подобных делах, а она еще так юна.

- Мне с большим трудом удалось убедить её прийти сюда.

Элизабет улыбнулась, опустив голову к курчавой головке сына.

- Это вполне понятно.

- Почему?

- Ah... это ведь знакомство с семьей, не так ли? А она еще слегка стеснительна в обществе. Возможно, она ожидала наткнуться на враждебность.

- Mamochka, хочу еще. Еще, мама.

- Потерпи немного.

- Mamochka, у этого человека на лице шрам.

- Тише, милый. Ты не должен говорить подобные вещи.

- Но у него шрам. Шрам, мамочка!

- А я всё тер его и тер, а он не сходит, - заверил его Росс.

Получив ответ, Джеффри Чарльз незамедлительно умолк.

- Верити сильно к ней привязалась, - продолжила Элизабет. - Теперь мы должны чаще тебя видеть, Росс, когда лед тронулся.

- А как твои дела? - спросил Росс. - Вижу, малыш Чарльз растет не по дням, а по часам.

Элизабет вытянула свою маленькую обутую в башмачок ножку, и малыш соскользнул с её колена на пол. Там он стоял мгновение, словно готовый убежать, но заметив устремленный на него взгляд Росса, засмутился и спрятал лицо в юбке матери.

- Ну, будет тебе, милый, не будь глупышкой. Это дядя Росс, как дядя Уорлеган, только ближе. Он твой настоящий дядя, и тебе не следует стесняться. Ну же, поднимись и спроси, как он поживает.

Но Джеффри Чарльз не поднял головы.

- Мне слегка нездоровится, но все мы озабочены здоровьем моей бедной матушки, - продолжила Элизабет. - Её сильно беспокоят глаза. Парк, врач из Эксетера, собирается осмотреть её в новом году. Доктор Чоук и доктор Прайс посчитали заболевание серьезным.

- Сочувствую.

- Они говорят, что это рецидивное воспаление глаза. Лечение очень болезненное. Ей повязывают шелковый платок вокруг горла и зажимают, пока она не начинает задыхаться, а кровь приливает к голове. Тогда ей пускают кровь за ушами. Сейчас она в Бодмине вместе с кухней, отдыхает. Я очень беспокоюсь.

- Мой отец не доверял врачам, - нахмурился Росс. - Надеюсь, ты получишь хорошие вести.

Наступило молчание. Элизабет склонилась и прошептала что-то на ушко Джеффри. Мгновение тот не двигался, затем бросил внезапный, очень стеснительный взгляд на Росса, повернулся и выбежал из комнаты.

Элизабет проводила его взглядом.

- У Джеффри переломный возраст, - произнесла она. - Его следует отучить от маленьких капризов.

Однако говорила она это снисходительно.

- А как Фрэнсис?

На её лице промелькнуло до сей поры незнакомое Россу выражение.

- Фрэнсис? Мы неплохо ладим, благодарю, Росс.

- Лето так быстро пролетело, а я всё собирался навестить вас. Фрэнсис наверное тебе сказал, что я с ним однажды переговорил.

- Теперь у тебя собственных забот хватает.

- Не настолько, чтобы закрывать глаза на остальных.

- Пожалуй, этим летом нам удалось удержаться на плаву, - она произнесла это тоном сочетавшимся с выражением её лица. Слово "нам" могло относиться как к финансовому состоянию семьи, так и к терзаниям её души.

- Я не могу его понять, - сказал Росс.

- Мы таковы, какими рождены. Фрэнсис же, похоже, рожден игроком. Если он не станет осторожней, то промотает всё состояние и умрет в нищете.

У каждой семьи, подумалось Россу, есть повесы, которые забывают о бережливости; их кровь передается по наследству вместе со странной примесью импульсивности и порочности. Это единственное разумное объяснение. Хотя Джошуа, даже Джошуа, которому было не занимать эксцентричности и страсти к любовным похождениям, хватило ума остепениться, когда он встретил желанную женщину, и оставаться смиренным, пока смерть их не разделила.

- Где он обычно проводит время?

- По-прежнему у Уорлеганнов. Раньше мы получали удовольствие, пока ставки не стали слишком высоки. С рождения Джеффри я лишь дважды там побывала. А теперь меня не приглашают.

- Но несомненно ...

- Да, конечно, я просила Фрэнсиса взять меня с собой. Но он отговаривается тем, что общество там исключительно мужское. Мне там не понравится, заверяет он.

Она смотрела на складки своего синего платья. Это была новая Элизабет, которая рассуждала так смело и беспристрастно, словно горькие переживания научили её смотреть на жизнь со стороны.

- Росс.

- Да?

- Думаю, остался лишь один выход, если ты готов мне помочь...

- Продолжай.

- Ходят слухи насчет Фрэнсиса. Я понятия не имею, правдивы ли они. Я могла бы спросить у Джорджа Уорлеганна, но не желаю по особым причинам. Ты знаешь, я тебя не принуждаю, но буду крайне признательна, если тебе удастся раскрыть истину.

Росс смотрел на нее. Он поступил неосторожно, придя сюда. Он не мог просто спокойно с ней беседовать, не испытывая прежних чувств.

- Я сделаю всё, что смогу. Буду рад тебе помочь. Но к сожалению, я не возвращаюсь в том же обществе, что и Фрэнсис. Мои интересы...

- Это можно исправить.

Росс бросил на нее быстрый взгляд.

- Каким образом?

- Я могу устроить так, что Джордж Уорлеган тебя пригласит. Ты нравишься Джорджу.

- А как далеко зашли слухи?

- Поговаривают, что Фрэнсис связался с другой женщиной. Я не знаю, насколько они правдивы, но определенно не могу вдруг ни с того ни с сего сопровождать его на карточные вечера. Я не могу... шпионить за ним.

Росс замялся. Осознает ли она, чего просит? Конечно, сама она не желает шпионить за ним, но тогда это фактически станет его задачей, хотя вслух и не названной. Как сможет его вмешательство помочь скрепить брак, основы которого уже зашатались?

- Я не прошу немедленного ответа, - тихо произнесла она. - Повремени. Обдумай. Я понимаю, что прошу немало.

Что-то в её голосе заставило его обернуться, и в это мгновение вошел Фрэнсис. От посиделок в этой просторной приятной гостиной, подумал Росс, я вскоре начну распознавать звуки шагов каждого домочадца, приближающегося к двери.

- Тет-а-тет? - спросил Фрэнсис, выгнув бровь. - И без выпивки, Росс? Какой же нерадушный прием мы предлагаем. Позволь мне сделать тебе эгг-ног [15], дабы развеять зимний холод.

- Росс рассказывал мне об успехах своей шахты, Фрэнсис, - заметила Элизабет.

- Господи помилуй, что за разговоры в Сочельник, - Фрэнсис занялся приготовлением напитка.
- Приходи в январе или, может, даже в феврале, тогда и расскажешь, Росс. Но прошу тебя, не сейчас. Слишком уж унылый выдаться вечер, если станем сверять результаты проб руды.

Росс подметил, что Фрэнсис уже выпил, хотя это и не сильно бросалось в глаза.

Элизабет поднялась.

- Когда кузены столь долго не виделись, - мягко произнесла она, - трудно бывает нащупать тему для разговора. Нам бы не повредило, Фрэнсис, если бы мы чуточку больше думали о Грамблере. Мне надо уложить Джеффри в постель.

С тем она их и оставила.

Фрэнсис вернулся с напитками. На нем был темно-зеленый сюртук с запачканными кружевами на манжетах. Весьма непривычно для опрятного Фрэнсиса. Однако других признаков падения не было заметно. Тщательно расчесанные волосы, аккуратно повязанный галстук, изящные манеры. Лицо его слегка обрюзгло, это его старило, и взгляд стал рассеянным.

- Элизабет ужасно серьезно воспринимает жизнь, - заметил он. - Пфф! как бы сказал мой старик.

- Меня всегда восхищала твоя изящная манера речи, - отозвался Росс.

Фрэнсис поднял взгляд и ухмыльнулся.

- Без обид. Мы слишком долго не виделись. Что толку гневаться в этом мире? Если станем расстраиваться по любому поводу, то лишь добавим дурной крови для пиявок. Отведай.

Росс отхлебнул.

- Мне нет причин расстраиваться. Прошлое остается прошлым, и я всем вполне доволен.

- Ты и должен быть доволен, - заявил Фрэнсис, оторвавшись от кружки. - Мне нравится твоя жена. Из рассказов Верити я уже и так знал, что она мне понравится. Она ходит, как резвый жеребенок. Да и в конце концов, раз характер у нее славный, так ли важно, родилась она в Уиндзорском замке или на Стиппи-Стаппи-Лейн.

- У нас с тобой много общего, - заметил Росс.

- Раньше я тоже так считал, - Фрэнсис замялся. - Ты имеешь в виду чувства или обстоятельства?

- Чувства. В обстоятельствах ты меня определенно превосходишь. Дом и наследство наших общих предков; жена, если позволишь, желанная для обоих, деньги, чтобы прожигать их за карточным столом и на петушиных боях, сын и наследник...

- Остановись, - сказал Фрэнсис, - или заставишь меня расплакаться от зависти к своей счастливой судьбе.

- Я даже подумать не мог, что тебе может грозить опасность, Фрэнсис.

Фрэнсис нахмурился и отставил кружку.

- Нет, ни в коем случае. Людям присуще судить других по неведению. Они воспринимают это...

- Тогда просвети меня.

Фрэнсис мгновение смотрел на него.

- Излить тебе свое раздражение в канун Рождества? Боже упаси. Поверь, тебе это покажется утомительным. Как истории тетушки Агаты про её почки. Приканчивай кружку, хлебнем еще.

- Благодарю, - ответил Росс. - По правде говоря, Фрэнсис...

- По правде говоря, Росс, - передразнил его Фрэнсис из тени буфета. - Это всё, что ты можешь сказать? Прелестная жена, красива как ангел, даже больше ангел, чем жена. Дом наших предков, увешанный их удивительными портретами, о да, я видел, как Демельза пялилась на них. Красивый сын, воспитываемый подобающим образом - почитай отца своего и мать свою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе. И наконец, деньги, чтобы прожигать их за карточным столом и на петушиных боях. Прожигать. Мне нравится это слово. Величественно звучит. Сразу приходит на ум принц Уэльский, просаживающий пару тысяч гиней в "Уайтс" [16].

- Это понятие относительное, - спокойно заметил Росс. - Как и многое другое. Для сельского сквайра, живущего в западной глуши, растратить пятьдесят гиней - то же самое, что для Георга две тысячи.

Вернувшись, Фрэнсис рассмеялся.

- Ты говоришь это по собственному опыту. Я и забыл. Ты так долго ведешь себя благоразумно, что я и подзабыл.

вернуться

15

Эгг-ног - традиционный рождественский напиток из сырых куриных яиц, молока и алкоголя.

вернуться

16

"Уайтс" - самый эксклюзивный в Великобритании мужской клуб, основанный в 1693 году итальянцем Франческо Бьянко. Фамилия основателя переводится как "Белый" (White), в честь чего закрытый клуб и получил такое название.

- Верно, - ответил Росс, - позволь напомнить, что нам угрожала несоизмеримо большая пропасть не только в денежном отношении, но и потому что у нас за спиной не стоял щедрый парламент, чтобы оплатить наши долги в размере ста шестидесяти тысяч фунтов или выделить десять тысяч фунтов на удовлетворение прихотей.

- Ты весьма сведущ в придворной жизни.

- Новости быстро разлетаются, касаются они принца или сельского сквайра.

Фрэнсис покраснел.

- Что ты хочешь этим сказать?

Росс поднял свою кружку.

- Только то, что напиток приятно согревает.

- Тебя может разочаровать, - произнес Фрэнсис, - но мне не интересны сплетни, раздуваемые рябыми старушенциями у камельков. Я иду своей дорогой, они же вольны подлизывать за мною грязь. Никому из нас не избежать сплетен. Взгляни на самого себя, Росс.

- Ты неправильно меня понял, - ответил Росс. - Меня не интересуют сплетни и сказки праздных клуш. Но внутри долговой тюрьмы сыро и воняет. Тебе не повредит об это помнить, пока еще не слишком поздно.

Фрэнсис разжег длинную трубку и некоторое время молча курил. Затем он закинул дымящийся уголек в камин и отложил щипцы.

- Элизабет, должно быть, нашептала тебе целую историю.

- Мне не нужны её заверения, когда история и так известна всей округе.

- О, округа знает мои дела почище меня самого. Может, подкинешь мне совет. Не стать ли мне методистом, чтобы спасти свою душу?

- Мой милый друг, - произнес Росс, - ты мне нравишься, и я принимаю близко к сердцу твое благополучие. Но хоть мне и будет больно, можешь прямиком катиться в преисподнюю. Удача может дать тебе земли и семью, но здравый смысл подарить не может. Если желаешь лишиться всего, что имеешь, пожалуйста, бросай всё на ветер и будь проклят.

Фрэнсис на мгновение недоверчиво на него покосился, положил трубку и похлопал по плечу.

- Сказано в духе Полдарков. Мы всегда были семейкой не из приятных. Давай проклинать друг друга и ругаться, но всё любя. А потом надеремся вместе. Ты да я, и к черту кредиторов!

Росс поднял пустую кружку и выразительно посмотрел на донышко. Добрая душа Фрэнсиса в ответ на этот вопросительный взгляд разразилась смехом. Разочарование, с какой стороны оно бы не подкралось, ожесточило Фрэнсиса; но не коснулось глубинной сущности человека, которого Росс знал и любил.

В это мгновение вошел Бартл с двумя канделябрами в руках. Желтые огоньки вспыхнули на сквозняке, и комнату внезапно озарил свет. Прялка Элизабет стояла в углу, поблескивая катушками. Рядом с диваном валялась на спине полотняная кукла; соломенная набивка торчала из ее живота. На стуле стояла плетенная корзина с вышивкой и рамка с наполовину законченной работой. Сияние свечей согревало и создавало дружескую атмосферу; задернутые шторы добавляли чувство уюта и безмолвного благоденствия.

В комнате повсюду ощущалось женское присутствие, и несколько минут разговор шел на исключительно мужские темы, объединив обоих благодаря узам широкого, глубокого и более терпимого понимания. Их сплотили свобода и взаимопонимание, присущие их полу, кровные узы и память о былой дружбе.

В эту минуту Россу показалось, что половина волнений Элизабет вытекает из вечного женского страха перед чувством незащищенности. Да, Фрэнсис пил. Фрэнсис ставил и проигрывал. Фрэнсиса видели с другой женщиной. Нелицеприятная история. Но и не редкая. Однако от Росса ускользало, что для Элизабет в этой истории крылась частичка трагедии. Но было неразумно терять чувство здравого смысла. Другие мужчины тоже пили и играли. Долги были в моде. Другие мужчины часто восхищались красотой, не принадлежащей им по праву брака, и обделяли вниманием красоту, им принадлежащую. Из этого не следовало, что Фрэнсис катится прямиком в преисподнюю.

В любом случае это было Рождество - день, в который принято собираться всей семьей, а не сеять новые раздоры.

Не следовало заходить дальше. Оставь всё как есть. Росс подумал о Демельзе наверху, надевающей лучшее платье, полной юности и счастья. Он надеялся, что она не переусердствует. К счастью, за устройством праздника следит Верити. Мысль о Демельзе согрела и осветила его, точно также, как внесенные канделябры осветили комнату.

К черту чужие заботы. Рождество - не подходящее для них время. В январе можно к ним вернуться, если они по-прежнему будут приносить муки и беспокойство.

Глава девятая

Обед начался в пять и продолжался до семи сорока. Праздничный пир был под стать своей эпохе, дому и времени года. Начали с горохового супа, за ним последовали: жаренный лебедь

под сладким соусом, потроха, бараний бифштекс, пирог с куропатками и четыре бекаса. На десерт подавали сливовый пудинг с коньячным соусом, сладкие пироги, заварной крем и печенье. Запивалось всё кларетом, портвейном, мадерой и домашним элем.

Росс чувствовал, что не доставало одной детали - Чарльза. Его непомерного брюха, отрывок к месту и не к месту, грубоватого добродушного юмора. Сейчас оставшаяся от этого здоровяка оболочка и заурядная, но не лишенная добродетели душа тлеют, воссоединяясь с землей, которая давала им жизнь и пропитание. Добродушная и комичная натура Чарльза вскоре будет питать заросли сорняков, бурно разросшиеся в церковном дворе. Но в доме, вдали от которого за все свои шестьдесят шесть лет он провел лишь несколько ночей, по-прежнему оставался незримый след его присутствия, более ощутимый для Росса, нежели присутствие портретов сорока шести предков.

Росс скорее испытывал не сожаление, а чувство неловкости от того, что Чарльза не было рядом.

Для столь маленького общества столовая была слишком мрачной и холодной. Поэтому они устроились в зимней гостиной, которая располагалась в западном крыле, неподалеку от кухни, и до потолка была обшита панелями. Подходящая сцена для появления Демельзы.

Верити зашла в большую гостиную и объявила, что обед подан. Здесь же находилась и Элизабет, и они вчетвером вышли из комнаты, весело переговариваясь друг с другом. Вскоре после этого спустилась Демельза.

Она надела платье, заказанное Верити, из бледно-сиреневого шелка с рукавами до локтей, с кринолином и слегка приподнятое спереди, являя взору цветастый яблочно-зеленый корсаж и нижнюю юбку.

Чего Росс не мог в ней понять, так это её поведения и манер. Естественно, она была довольна собой, ведь еще никогда не выглядела прелестней. Этим вечером своей причудливой красотой она даже соперничала с Элизабет, которая в подобного рода сравнениях чертами и цветом лица превосходила любую женщину. Несколько невольных сравнений раскрыли яркие стороны привлекательности Демельзы: красивые темные глаза, аккуратно причесанные и подвязанные волосы, бледно-оливковую кожу с теплым свечением. Верити откровенно ею гордилась.

А вот за столом она явно не переела. На взгляд Росса, она переусердствовала с приличными манерами, лишь пригубив множество блюд. Она превзошла в этом Элизабет, которая всегда отличалась скромным аппетитом; человек мнительный мог решить, что она насмехается над хозяйкой. Росс был удивлен. Похоже, сегодня она превзошла саму себя.

По обыкновению разговорчивая за трапезой, полная вопросов и мыслей, за праздничным обедом она почти не принимала участия в разговоре, отказалась от глинтвейна, которым угощались остальные, и пила лишь домашний эль. Но скучающей она не выглядела, проявляя к беседе живой интерес, когда Элизабет заводила речь о неизвестных ей людях или рассказывала смешные истории про Джеффри Чарльза. Если с ней заговаривали, отвечала она любезно и непринужденно, безо всякого жеманства. Случайные расспросы тетушки Агаты, похоже, её не смущали; она переводила взгляд на Росса, который сидел рядом со старушкой и громко повторял для нее ответы. Это возложило на него ответственность подбирать нужные слова.

Затем разговор перекинулся на достоверность слухов об очередном покушении на жизнь короля. Последний подобный слух, когда Маргарет Николсон попыталась убить его ножом

возле дамбы, определенно был достоверен. Фрэнсис отпустил пару ироничных замечаний по поводу доброго качества материи, употребляемой в королевских камзолах. Элизабет же добавила, будто слышала, что придворной прислуге уже двенадцать месяцев как не платили жалованья.

Коснулись они и Франции с пышностью её королевского двора. Фрэнсис заметил, что его удивляет, как еще никто не точит нож на Людовика, который заслуживает этого больше, чем Фермер Георг [17]. Французская королева пыталась излечить все свои болезни месмеризмом.

Верити призналась, что попыталась бы излечить им свою простуду, поскольку врачи прописали ей выпивать стакан морской воды в день, а она же не могла его проглотить. Доктор Чоук же считал причиной любой простуды вредный воздух; сырое мясо, нанизанное на вертел, портилось за сорок минут, в то время как то же мясо, замоченное в соленой воде, длительное время сохранялось свежим. На что Росс заметил, что Чоук - просто старая клуша. Фрэнсис же заметил, что высказывание Росса не лишено оснований, поскольку Полли оставалась бесплодной. Затем Элизабет перевела разговор на больные глаза матери.

За время обеда Фрэнсис успел выпить десять бокалов портвейна, но на нем это почти не отразилось. Разительный контраст, подумалось Россу, с былыми днями, когда Фрэнсис первым валился под стол. "Слабоват парень на спиртное", - ворчал Чарльз. Росс посмотрел на Элизабет, но она выглядела безмятежно.

В семь сорок пять дамы вышли и оставили мужчин наедине пить бренди и курить трубки за усеянным крошками и опустошенным столом. Оставшись вдвоем, они повели деловой разговор, но не прошло и нескольких минут, как в дверях показалась миссис Табб.

- Прошу прощения, сэр, но только что прибыли гости.

- Кто?

- Мистер Уорлеган и мистер и миссис Джон Трэнгелосы, сэр.

Росс почувствовал легкий укол досады от непредвиденного сюрприза. Сегодня ему не хотелось встречаться с процветающим Джорджем. К тому же он понимал, что Рут не пришла бы, знай она, что они с Демельзой здесь.

Но изумление Фрэнсиса было неподдельным.

- Мать честная, значит, они пришли в гости в канун Рождества? Куда ты их отвела, Эмили?

- Они в большой гостиной, сэр. Госпожа Элизабет сказала им, что вы скоро придете и примете их, и они не собираются долго засиживаться.

- Конечно. Мы придем сию же минуту, - Фрэнсис помахал своим бокалом. - Сию же минуту.

Когда миссис Табб вышла, Фрэнсис разжег трубку.

- Кто бы мог представить, что сегодня зайвится старина Джордж. Я думал, он проводит Рождество в Кардю. Совпадение? И Джон с Рут. Помнишь, как мы поколачивали Джона с Ричардом, Росс?

Росс помнил.

- Джордж Уорлеган, - произнес Фрэнсис. - Великий человек. Он отхватит половину Корнуолла, пока не сойдет в могилу. Он со своим кузеном уже заполучил более половины моего состояния, - он рассмеялся. - Им хочется и вторую, да вот только не получают. Есть вещи, которые не ставят на кон.

- Его кузен?

- Кэри Уорлеган, банкир.

- Милое имя. Я слышал, его прозвали ростовщиком.

- Цыц! Ты оскорбляешь семью.

- На мой взгляд, эта семейка становится слишком докучливой. Я предпочитаю более простое общество.

- За ними будущее, Росс. А не за отжившими свое семьями вроде Чайновых или Полдарков.

- Сомнению я подвергаю не их силу, а то, как они ее применяют. Если у человека есть власть, то пусть улучшит свое благосостояние, а не прибирает к рукам чужое.

- Это, пожалуй, справедливо в отношении кузена Кэри, но едва ли применимо к Джорджу.

- Допивай бокал и пошли, - сказал Росс, тревожась, как Демельза встретится с гостями.

- Знаешь, немного странно, - произнес Фрэнсис. - Философы бы наверняка подыскали этому научное название. Но мне всё представляется обычными предрассудками.

- Что?

- Ох, - замялся Фрэнсис. - Даже не знаю. Ну когда мы завидуем другим оттого, что у них есть то, чего у нас нет. Хотя на самом деле, может статься так, что у них этого вовсе нет. Я ясно выразился? Видимо, нет. Лучше пойдем, встретим Джорджа.

Они поднялись из-за остатков трапезы и вышли в прихожую. Миновав ее, они услышали громкий смех в большой гостиной.

- Превратили мой дом в балаган, - заявил Фрэнсис. - У этого Джоржда, что, совсем нет манер?

- Даю руку на отсечение, - произнес Росс, - это Джон, повелитель гончих.

Войдя в гостиную, они обнаружили, что Росс оказался прав. Джон Тренигглос сидел за прялкой Элизабет и пытался ее крутить. Это казалось делом нехитрым, но требовало сноровки, которой Джону Тренигглосу не доставало.

Некоторое время он неплохо справлялся, но затем, нажимая на педаль, сбивался с ритма, и пряжа, внезапно натянувшись, останавливалась. Пока колесо жужжало, в комнате царил молчание, прерываемое лишь обменом репликами между Тренигглосом и Уорлеганом. Но каждый раз, стоило Джорджу сбиться с ритма, как раздавался громогласный смех.

Тренигглос был сильным, неуклюжим мужчиной лет тридцати с соломенными волосами, глубоко посаженными глазами и веснушчатым лицом. Он был известен как превосходный наездник, первоклассный стрелок, лучший борец-любитель в двух графствах, болван в любой забаве, требовавшей умственных усилий, и в некотором роде задира. Этим вечером, несмотря

на то, что Трenegлос находился в гостях, на нем были старый коричневый бархатный сюртук для верховой езды и грубые плисовые бриджи. Он часто хвастался, что никогда ничего кроме бриджей для верховой езды не носил, даже в постели.

Росс удивился, не заметив в комнате Демельзы.

- Ты проиграл, - сказал Джордж Уорлеган. - Проиграл. Пять гиней мои. Эй, Фрэнсис.

- Еще одна попытка, черт побери. Эта была пробная. Меня не одолеет смехотворная штуковина вроде этой.

- Где Демельза? - спросил Росс стоявшую у двери Верити.

- Наверху. Она пожелала немного побыть в одиночестве, и я спустилась.

- Вы его сломаете, Джон, - улыбаясь, молвила Элизабет. - Вы слишком сильно давите.

- Джон! - воскликнула его жена. - Немедленно поднимайся!

Но Джон угощался добрым бренди и не замечал жены. Он снова заставил колесо вращаться, и на этот раз показалось, что ему удалось раскрыть секрет. Однако он попытался увеличить скорость в неподходящий момент, и натянутая пряжа вновь дернулась назад, а колесо остановилось. Джордж издал торжественный вопль, Джон Трenegлос же с возмущением поднялся.

- Еще три попытки, и я бы овладел этой заразой. Вот, старина, держи свои деньги. Добытое нечестным путем так и липнет к твоим рукам.

- Джон так увлекся, - произнесла его жена. - Я перепугалась за ваше колесо. Думаю, мы все слегка перебрали, а остальное уже довершило рождественское настроение.

Если Джон Трenegлос интереса к моде не проявлял, то несправедливо было бы утверждать то же самое относительно новоиспеченной миссис Трenegлос. Рут Тиг, серенькая девочка на пасхальном благотворительном балу, с тех пор далеко продвинулась. Тогда на балу, стоило Россу на нее взглянуть, как чутье ему подсказало, что в ней таится нечто большее. Сегодня на ней было платье без кринолина в цветочек из спиталфилдского шелка с серебряными блестками у талии и на плечах. Неподходящий наряд для прогулок по сельской местности, но не приходилось сомневаться, что её гардероб битком набит. Теперь Джону предстоят и другие расходы, кроме охоты. И Джон уже не будет столь своеволен.

- Здравствуйтесь, здравствуйтесь, капитан Полдарк, - иронично протянул Трenegлос. - Судя по вашему поведению, вы скоро станете новым Робинзоном Крузо.

- Ох, но ведь у него уже есть свой Пятница, дорогой, - мягко заметила Рут.

- Кто? Ты что, Джуда имеешь в виду? - спросил Трenegлос, пытаясь смягчить едкое замечание жены. - Эту лысую обезьяну. Он мне как-то раз надерзил. Не будь он вашим слугой, я бы его поколотил. А как дела с шахтой? Мой старикан так и прыгает от радости и всё про добычу меди твердит.

- Ничего выдающегося, - ответил Росс, - но пока что радуется по мере разработки.

- Боже, - вздохнул Джордж. - Мы что, должны про дела говорить? Элизабет, вынесите свою

арфу. Споем песню.

- У меня нет голоса, - ответила Элизабет с присущей ей милой улыбкой. - Если вы не против мне подпевать...

вернуться

17

Короля Георга III прозвали "Фермер Георг" за то, что больше уделял внимания вещам приземленным.

- Мы все будем подпевать, - почтительно произнес Джордж. - Это замечательным образом украсит наш вечер.

Самоуверенная грубость Джона Трenegлоса, чьи корни уходили к Роберту, графу де Мортену, была не для Джорджа. Казалось невероятным, что лишь одно поколение отделяло грубого и угловатого старика, который сидел в своей лачуге в простой одежде, жевал табак и едва мог нацарапать собственное имя, от этого благовоспитанного молодого человека, одетого в сшитый по последней моде облегающий розовый сюртук с темно-желтыми отворотами. Внука кузнеца во внешности выдавали лишь полные, твердые и резко очерченные губы и короткая шея над массивными плечами.

- Демельза не спускается? - тихо спросил Росс Верити. - Не испугалась ли она гостей?

- Нет, не думаю, что она знает об их присутствии.

- Может, сыграем партию-другую в фараон? - предложил Фрэнсис. - Мне чертовски не везло в субботу. Фортуна ведь не может всегда быть неблагоприятной.

Но на него тут же накричали. Элизабет должна сыграть на арфе. Они приехали специально, чтобы послушать Элизабет. Джордж уже выдвигал арфу из угла, а Джон нес стул, на котором Элизабет обычно сидела. Возражающую, хотя и с улыбкой, Элизабет наконец уговорили. И в это самое мгновение вошла Демельза.

Демельза чувствовала себя лучше. Она только что освободилась от еды и эля. Сей факт, конечно, был неприятен, но как и старым римским сенаторам, после этого ей полегчало. Проклятая тошнота ушла вместе с едой, и теперь всё стало прекрасно.

Когда вошла Демельза, воцарилось секундное молчание. Это было заметно, потому что до этого гости шумели. Затем Элизабет сказала:

- Эта наша новая кухня, Демельза. Жена Росса.

Демельзу застал врасплох наплыв новых гостей, с которыми ей теперь придется знакомиться. Рут она помнила по её визиту к Россу, а старшего сына сквайра Трenegлоса, одного из самых значительных людей в округе, Демельза видела вместе с Россом, когда тот дважды выезжал на охоту. Когда она в последний раз видела обоих, то была длинноногой неряхой-посудомойкой, на которую они едва бы удосужились взглянуть дважды. Хотя, может, Рут и взглянула бы. Перед ними и Джорджем Уорлеганом, которого, судя по одежде, она посчитала по меньшей мере сыном лорда, Демельза робела. Но она быстро усвоила, что все люди, даже столь

благородные, имели удивительную склонность принимать тебя по твоей же собственной оценке.

- Дьявол вас заберет, Росс, - вырвалось у Трениггоса. - Где вы прятали этот прелестный цветок? Весьма неблагодарно с вашей стороны скрывать его от нас. Ваш покорный слуга, мэм.

Поскольку отвечать словами "ваша покорная слуга, сэр" было определено неправильно и к тому же недалеко от истины, Демельза ограничилась приятной улыбкой. Она позволила представить себя остальным двум гостям, затем взяла бокал портвейна у Верити и отпила половину, пока гости на нее не смотрели.

- Так значит, это ваша жена, Росс, - ласково произнесла Рут. Идите сюда, присядьте со мной, милочка. Расскажите о себе. В июне про вас говорила вся округа.

- Да, - согласилась Демельза. - Людям ужасно нравится сплетничать, разве не так, мэм?

Джон захохотал и хлопнул себя по ляжке.

- Вы не ошиблись, мэм. Предлагаю тост: счастливого всем Рождества, и да будут прокляты сплетни!

- Ты пьян, Джон, - строго заявила Рут. - Ты не сможешь сесть на лошадь, если мы незамедлительно не отбудем.

- Сперва мы должны послушать, как Элизабет нам сыграет, - сказал Джордж, обменявшись доверительным взглядом с Элизабет.

- Вы поёте, миссис Полдарк? - спросил Джон.

- Я? - удивилась Демельза. - Нет. Лишь когда счастлива.

- А разве сегодня мы все не счастливы? - напирал Джон. - Сочельник. Вы обязаны спеть для нас, мэм.

- Она поет, Росс? - удивился Фрэнсис.

Росс взглянул на Демельзу, которая решительно покачала головой.

- Нет, - ответил Росс.

Но отказ не возымел никакого действия. Кто-то же должен им спеть, и похоже, этим кем-то станет Демельза.

Девушка поспешно осушила бокал, и его вновь наполнили.

- Я сама научилась пению, - объявила она. - То есть я не знаю ноты. Пусть сперва сыграет хоз... э... Элизабет. Быть может, потом...

Пальчики Элизабет мягко пробежались по струнам арфы. Тихий журчащий звук мерно сопровождал беседу.

- Если напоете мне немного, - сказала она, - то думаю, мне удастся подобрать мелодию.

- Нет-нет, - возразила Демельза, попятившись. - Сперва вы. Сперва вы сыграйте.

Элизабет начала играть, и всё общество мгновенно смолкло, даже находящийся навеселе Джон и основательно набравшийся Фрэнсис. Они ведь были корнуолльцами и ценили музыку.

Сперва она сыграла отрывок из Генделя, затем коротенькую сонатину Крумпахольца. Комнату наполнили дрожащие звуки арфы, и кроме них раздавалось лишь потрескивание горящих в камине дров. Сияние свечей озарило юный профиль Элизабет и её тонкие руки, перебирающие струны арфы. Свет ярким венцом засиял на её волосах. Позади неё стоял Джордж Уорлеган, плотный, вежливый и суровый, сцепив руки за спиной, и не мигая смотрел на Элизабет.

Верити опустилась на стул; рядом с ней лежал на полу поднос с бокалами. Она сидела на фоне мориновых портьер, обхватив колени руками и приподняв голову, из-под кружевной накидки проглядывала полоска кожи. Выражение её лица напоминало юную Верити четырехлетней давности. Фрэнсис развалился в кресле, полуприкрыв глаза, но всё же слушал. Рядом с ним методично шамкала губами тетушка Агата; с уголка её рта свисала струйка струны; она тоже слушала, но ничего не слышала. Разительно отличаясь от пожилой дамы пышностью своего наряда, Рут Трэнелос, тем не менее, странно походила на неё манерой поведения. Её нельзя было назвать красавицей, но вероятно, в свое время из-за нее тоже могли бы драться на дуэли.

Рядом с ней сидела Демельза, которая только что осушила бокал портвейна и чувствовала себя лучше с каждой минутой. Позади нее, слегка отстранившись, стоял Росс, время от времени обводя собравшихся беспокойным взглядом. Джон Трэнелос наполовину прислушивался к музыке, наполовину жадно разглядывал Демельзу, которая, похоже, откровенно его очаровала.

Музыка смолкла, и Элизабет, откинувшись назад, улыбнулась Россу. Раздавшиеся аплодисменты оказались тише, чем можно было представить десять минут назад. Мелодия арфы, похоже, затронула что-то в глубине души, а не просто развеселила. Она пела не о рождественском веселье, а о любви и скорби, о человеческой жизни, с её странным началом и неизбежным концом.

- Великолепно! - заявил Джордж. - Мы с лихвой вознаграждены за проделанный столь далекий путь. Элизабет, вы затронули струны моего сердца.

- Элизабет, - попросила Верити. - Сыграйте мне еще раз канцонетту. Мне она нравится.

- Она не так хороша, если не подпевать.

- Нет-нет, и так хорошо. Сыграйте ее, как играли в воскресенье вечером.

Вновь воцарилось молчание. Элизабет сыграла отрывок из Моцарта и затем канцонетту Гайдна.

Наступила тишина, прежде чем кто заговорил.

- Это моя любимая, - произнесла Верити. - Никак не могу наслушаться.

- Они все мои любимые, - заметил Джордж. - Вы сыграли ангельски. Еще одну, молю вас.

- Нет, - улыбнулась Элизабет. - Теперь черед Демельзы. Теперь она для нас поет.

- После этого я не вправе вам отказать, - отозвалась Демельза, на которую подействовали крепкое вино и последний отрывок. - А я молила Господа, чтобы вы обо мне забыли.

Все рассмеялись.

- Мы должны услышать вашу песню, а потом уйдем, - заявила Рут, взглянув на мужа. - Пожалуйста, миссис Полдарк, преодолите свое смущение и усладите наш слух вашим умением. Мы все в предвкушении.

Демельза встретилась глазами с Рут и заметила в них вызов. Она его приняла. Портвейн придал Демельзе храбрости.

- Что ж ...

Со смешанными чувствами Росс смотрел, как она подошла к арфе и заняла освобожденное Элизабет место. Демельза не умела играть на инструменте, но именно чутье убедило её решиться. Остальные собрались вокруг, чтобы слушать, таким образом избавив её от необходимости стоять, не зная куда деть руки. Но десять минут назад, когда она должна была спеть, все находились в приподнятом настроении и были готовы к ней присоединиться. Изящная и утонченная манера игры Элизабет изменила атмосферу. Контраста не избежать.

Демельза устроилась поудобней, выпрямила спину и потянула пальцем струну. Раздавшийся звук оказался приятным и успокаивающим. Прямая противоположность Элизабет - золотое сияние сменилось темной земной короной.

Демельза взглянула на Росса, и в глазах у нее блеснули лукавые искорки. Она начала петь.

Её слегка хриловатый нежный голос, почти контральто, но слегка ниже на ноту, не стремился захватить своей силой; вместо этого он старался доверительно донести свою песнь до каждого.

Для любимого я нежную розу сорву

Ту, что колыхается на ветру

Сердце мое - полно любви

И ищет пути

Поведать, о чем и так уж знаешь ты.

Пусть колют пальцы мне шипы

Кровью алой окрасятся они

Как раненое и одинокое сердце мое,

Которое твоим лишь быть суждено.

К устам я палец приложу

Замру и тебя подожду.

Сердце мое обречено на стон

Пока не сольется с твоим в унисон

Наступило секундное молчание, после которого Демельза кашлянула, чтобы показать, что песня закончилась. Раздался одобрителный ропот, у кого просто из вежливости, а у кого-то от всего сердца.

- Прелестно, - произнес Фрэнсис, полузакрыв глаза.
- Мне понравилось, - вздохнул Джон Трenegлос. - Ей-богу.
- Я боялась, вам не понравится, - блеснула улыбкой Демельза. - Ей-богу.
- Остроумный ответ, мэм, - заметил Трenegлос. Он начинал понимать, почему Росс рискнул навлечь на себя гнев общества, женившись на служанке.
- У вас есть еще?
- Песни или ответы, сэр? - улыбнулась Демельза.
- Я прежде не слышала этот отрывок, - молвила Элизабет. - Он меня очаровал.
- Песни, милая, - сказал Трenegлос, поднявшись на ноги. - Я знаю, что ответов вам не занимать.
- Джон, - сказала его жена. - Нам пора.
- Но мне здесь хорошо. Спасибо, Верити. Отлично выдержанный портвейн, Фрэнсис. Где ты его раздобыл?
- У Тренкромов. Хотя последняя партия качеством похуже. Придется обменять.
- На днях я прикупил неплохой портвейн, - вставил Джордж. - К несчастью, уже обложенный налогом, и он обошелся мне почти в три гинеи за тринадцать кварт.

Фрэнсис насмешливо выгнул бровь. Джордж был хорошим другом и нетребовательным кредитором, но не мог удержаться, чтобы не упомянуть в разговоре стоимость своих покупок. Это был почти единственный признак, напоминавший о его происхождении.

- Как вы справляетесь со слугами, Элизабет? - певуче протянула Рут. - Мне приходится с ними несладко. Матушка сегодня утром заметила, что их желаниям нет предела. Нынешняя молодежь, говорит она, только и думает, как возвыситься над своим положением.
- Еще одну песню, Демельза, пожалуйста, - прервала их Верити. - Как называлась та, которую ты не хотела сыграть, когда я у тебя оставалась? Помнишь, рыбацкая песня.
- Мне они все нравятся, - оживился Джон. - Дьявол, я и не подозревал, что мы в столь одаренном обществе.

Демельза осушила наполненный бокал. Её пальцы пробежались по струнам арфы, издав изумительный звук.

- У меня еще одна есть, - мягко произнесла она. Мгновение она смотрела из-под опущенных век сначала на Росса, а затем на Трenegлоса. От выпитого вина глаза её светились.

Она запела тихим, но ясным голосом.

Я подозревал, она мила,

Подозревал, женой чужой была.

Меня отец предупреждал,

Закон чтоб я не нарушал

Я видел, что она дерзка,

Что любовь тут не близка

Милейшая шалунья

Каких прежде не видывал я

Без тайных порывов души

Воззвал я к пламени свечи

В любви, как на войне, все средства хороши

Но благие порывы меня подвели

Слова отцовские впустую прошли

Милейшая шалунья

Каких прежде не видывал я

Здесь она остановилась и на мгновение открыла глаза, бросив взгляд на Джона Тренеглоса, прежде чем пропеть последний куплет.

Гнездышко уютное согрело нас вокруг

И дома не застал вернувшийся супруг

А юность наша была так сладка

И юность эта так коротка

Спешит кукушка теперь домой

Блужданья эти утомляют порой

Милейшая шалунья

Каких прежде не видывал я

Джон Тренеглос восторженно заревел и хлопнул себя по ляжкам. Демельза подлила себе портвейна.

- Bravo! - воскликнул Джордж. - Мне нравится эта песня. Звучит легко и приятно. Прекрасное исполнение!

Рут поднялась со своего места.

- Пойдем, Джон. Уже рассветет, пока мы до дома доберемся.

- Вздор, дорогая, - Джон потянул за цепочку брегета, но часы не желали выползть из его глубокого кармана. - Кто-нибудь знает, который час? Сейчас не должно быть и десяти.

- Вам не понравилась моя песня, мэм? - спросила Демельза у Рут.

Губы Рут слегка разжались.

- Отнюдь. Я нашла её весьма поучительной.

- Половина десятого, - сообщил Уорлеган.

- В самом деле, мэм? - спросила Демельза. - Я удивлена, что вас нужно просвещать в подобных делах.

Кончик носа Рут побелел. Сомнительно, что Демельза поняла всю подоплеку своего замечания. Но после пяти больших бокалов портвейна она не была расположена взвешивать все достоинства и недостатки своей остроты, прежде чем ее произнести. Демельза почувствовала, что сзади подошел Росс и коснулся рукой ее плеча.

- Я совсем не то имела в виду, - с невидящим взглядом ответила Рут. - Позвольте мне поздравить вас, Росс, со столь искушенной в искусстве развлечения женой.

- Вообще-то неискушенной, - ответил Росс, сжав руку Демельзы, - но она быстро учится.

- Выбор преподавателя многое значит, не так ли?

- Да, - согласилась Демельза. - Росс столь добр, что способен даже хмурую глупышку превратить в блестящую красавицу.

Рут потрепала её по плечу. Она наконец получила желанный удобный случай.

- Не думаю, что вы можете судить об этом лучше остальных, моя дорогая.

Демельза посмотрела на нее и кивнула.

- Нет. Пожалуй, мне стоило сказать - всех, кроме самых хмурых.

Прежде чем обмен колкостями принял серьезный оборот, вмешалась Верити. Гости постепенно расходились. Даже Джон наконец оторвался от стула. Все медленно вышли в прихожую.

На фоне смеха и прощальных разговоров все надели плащи, а Рут сменила свои изящные туфельки на туфли с пряжкой для верховой езды. Её сшитый по последней моде плащ вызывал восхищение. Однако прошло еще добрых полчаса, прежде чем закончился обмен душевными прощаниями и новогодними пожеланиями, и ни одна шутка не осталась без ответа. Наконец, под стук и цокот копыт гости выехали на дорогу, а большая дверь захлопнулась. Полдарки вновь остались одни.

Глава десятая

Подводя итог, можно сказать, что это был вечер Демельзы. Свои смотрины она прошла с исключительным успехом. Тот факт, что успеху своему она частично была обязана тошноте за обеденным столом, а частично пяти бокалам портвейна в самый ответственный момент вечера, знала лишь она и держала это при себе.

Через два часа, когда Росс с Демельзой, пожелав доброй ночи родственникам, поднялись по широкой увешанной портретами лестнице, Росс размышлял над новой стороной характера своей супруги. В течение всего вечера его удивление сменялось восхищением: обаяние Демельзы, почти красота в новом, модном платье; впечатление, которое она произвела; спокойное, непритязательное и полное достоинства поведение за обедом, когда от нее ожидали беспокойного, неловкого, шумного и даже голодного. Еще одним неожиданным открытием, которое Демельза так же прекрасно преподнесла, не уронив своего достоинства, оказались игривые песенки, которые она спела своим низким, хрипловатым голосом с присущей ему легкой певучестью. Демельза, флиртующая с Джоном Трэнгелосом под носом у Рут, да и под носом у самого Росса.

После того как гости ушли, Демельзе уже не хватало выдержки и такта держаться подальше от портвейна. Хотя, пока они играли в мушку, правила которой девушка не знала, Росс заметил, как она скользила по комнате, исподтишка налив себе пару бокалов. Теперь Демельза степенно поднималась вместе с ним по лестнице, держась прямо и невозмутимо в своем сиреновом с зеленым шелковым платьем, из которого выглядывали её точеная стройная шея и плечи - белоснежные, как сердцевина бутона.

Демельза больше, чем когда-либо, была от него далека. Сегодня Росс увидел её в новом свете. В обществе, нормы поведения и представители которого Россу были прекрасно известны, а для Демельзы оказались в новинку, она показала себя с лучшей стороны, и за ней не признали недостатков. Теперь он не жалел, что пришел. Ему вспомнились слова Элизабет: "Ты должен почаще выводить её в свет". Теперь выкажи она желание, даже это не представлялось уже невозможным. Для них могут открыться двери в новую жизнь. Он чувствовал себя польщенным, восхищенным и даже гордым раскрывающимся характером своей молодой жены.

Когда они подошли к двери, его юная жена икнула. Она тоже испытывала доселе неведомое чувство. Она чувствовала себя кувшином забродившего сидра, полного пузырьков и воздуха, легкого и искрящегося, и так же не желала спать, как и Росс. Она окинула взглядом красивую комнату с её сливочно-розовыми тисненными обоями и парчовыми портьерами.

- Росс, отчего эти птицы так пестры? Дрозды ведь не так пестры, как эти? Если им так хотелось нарисовать на обоях птиц, то отчего же они не окрасили их в настоящие цвета? Ни у одной птиц не бывает розовых пятен. И ни одна птица не бывает такой пестрой.

Она прижалась к Россу, который стоял, прислонившись к только что закрытой двери, и он погладил её по щеке.

- Ты пьяна, дитя.

- А вот и нет, - она восстановила равновесие и с холодным достоинством прошла в комнату, грузно опустившись в кресло перед камином, и скинула туфли. Росс зажег от принесенной свечи остальные в подсвечниках, и спустя мгновение они вспыхнули, ярко озарив комнату.

Демельза растянулась в кресле, заложив руки за спину, а ноги вытянув к камину, пока Росс медленно раздевался. Время от времени они обменивались фразами, вместе посмеялись над рассказом Росса о проделках Трэнгелоса у прялки; Демельза расспрашивала его о Рут, о Тигах, о Джордже Уорлегане. Их голоса звучали тихо, тепло и доверительно. Между ними царил близость, присущая лишь искренним партнерам.

Теперь в доме их окружала тишина. Хоть им и не хотелось спать, приятное тепло и чувство уюта незаметно клонило их ко сну. Росс испытывал мгновение совершенного удовольствия. Он

получал любовь и столь же щедро её отдавал. В этот миг их отношения были идеальны.

Росс в халате Фрэнсиса присел на стул возле кресла и протянул руки к пламени камина.

Оба хранили молчание.

Но вскоре довольствие Демельзы вылилось в извечный вопрос.

- Как тебе мое сегодняшнее поведение, Росс? - спросила она. - Подобало ли оно поведению миссис Полдарк?

- Ты вела себя из рук вон плохо, - ответил он, - и это оказалось успехом.

- Не издевайся. Как по-твоему, я была хорошей женой?

- Посредственной. Весьма посредственной.

- Я хорошо спела?

- Просто вдохновенно.

Вновь наступило молчание.

- Росс.

- Да, мой бутончик.

- Опять бутончик, - заворчала Демельза. - Сегодня меня звали то бутончиком, то цветком. Надеюсь, через несколько лет меня не станут звать стручком.

Росс тихо, но долго смеялся.

- Росс, - позвала она вновь, когда он закончил.

- Да?

- Если я была хорошей женой, то ты должен мне кое-что пообещать.

- Хорошо, - ответил он.

- Ты должен пообещать, что до... до Пасхи съездишь в Фалмут, найдешь капитана Блейми и узнаешь, любит ли он по-прежнему Верити.

На мгновение воцарилось молчание.

- А как же понять, кого он любит? - насмешливо протянул Росс. Ему доставляло большое удовольствие с ней спорить.

- Спроси. Ты ведь был его другом. Он не станет лгать в таком деле.

- А что потом?

- Если он по-прежнему любит её, то устроим им встречу.

- А что потом?

- А потом нам уже не придется ничего делать.
- А ты очень настойчива, да?
- Только потому, что ты слишком упрям.
- Мы не можем распоряжаться чужими судьбами.

Демельза икнула.

- Ты бессердечен, - продолжила она. - Я не могу в тебе этого понять. Ты любишь меня, но ты бессердечен.
- Я крайне привязан к Верити, но ...
- Ох уж эти твои "но"! В тебе нет веры, Росс. Вам, мужчинам, не понять. Ничегошеньки ты не знаешь о Верити! Не знаешь.
- А ты знаешь?
- Мне это не нужно. Я знаю себя.
- Допустим, что в мире не все женщины похожи на тебя.
- Том-ти-пом! - сказала Демельза. - Тебе не испугать меня своими заумными словами. Я-то знаю, что Верити не была рождена старой девой, чтобы мести, скрести и присматривать за чужим домом или детьми. Уж лучше она рискнет выйти замуж за человека, который не умеет пить, - она нагнулась и принялась стягивать чулки.

Росс посмотрел на нее.

- Любовь моя, а ты, похоже, после свадьбы целой философией обзавелась.
- Нет, не обзавелась, вернее еще не обзавелась, - ответила Демельза, - но я знаю, что такое любовь.

С замечанием Демельзы беседа приняла новый оборот.

- Да, - серьезно ответил Росс. - Как и я.

Наступило длительное молчание.

- Если любишь кого-то, - нарушила молчание Демельза, - то не считаешь рубцы на спине. Важно, любят ли тебя взамен. Если чувство взаимно, то ранить могут лишь твою плоть. Сердца твоего не ранят.

Она скатала чулки в клубок, вновь откинулась в кресле и, поигрывая пальцами, протянула ноги к огню. Росс поднял кочергу и стал ворошить угли и поленья, пока не вспыхнуло пламя.

- Так ты поедешь в Фалмут, встретиться с ним? - спросила она.
- Я над этим поразмыслю, - ответил Росс. - Поразмыслю.

Зайдя так далеко, она уже не желала давить. Еще один и менее возвышенный урок, который

она извлекла из замужества, состоял в том, что если она слишком долго и крайне незаметно обхаживала Росса, то в конце концов всегда добивалась желаемого.

Когда ухо стало острее улавливать звуки, им показалось, что тишина в доме не так совершенна, какой казалась совсем недавно. Она превратилась в легкий скрип старых половиц и черепицы, хранивших историю Полдарков и Тренвитов, чьи забытые лица висели в опустевшем зале, чьи забытые страсти и надежды когда-то жили и бурлили в этом доме. Джеффри Тренвит, построивший этот дом с великими вдохновением и надеждами; Клод, принимавший активное участие в Корнском восстании; Хамфри в своем елизаветинском воротничке; Чарльз Вивиен Полдарк, вернувшийся с моря с ранением; рыжеволосая Анна-Мария; пресвитерианин Джон; смешанные убеждения и вероисповедания; поколения детей, полные радостей жизни, которые выросли, учились и умирали. Выразительное молчание старого дома было намного сильнее пустого молчания его молодежи.

Панели помнили шелест истлевшего шелка, половицы по-прежнему скрипели от прикосновения забытых шагов. В какой-то миг что-то встало между сидевшими возле камина мужчиной и женщиной. Они ощущали это, и оно разделило их, оставив наедине со своими мыслями.

Но даже сила прошлого не могла надолго разрушить их союз. Благодаря их глубинной сути, странная тишина перестала быть препятствием и стала посредником. Время их пугало. Но затем вновь стало их товарищем.

- Ты спишь? - спросил Росс.

- Нет, - ответила Демельза.

Она шевельнулась и коснулась пальцем его руки.

Росс медленно приподнялся и склонился к ней, взял в ладони ее лицо, поцеловал её глаза, губы, лоб. Со странной расслабленностью тигрицы она позволяла ему делать всё, что он желал.

И вскоре лепестки раскрылись, обнажив белую сердцевину бутона.

Лишь тогда она протянула руки к его лицу и вернула поцелуй.

Глава одиннадцатая

На следующий день они после раннего обеда отправились домой, возвращаясь тем же путем, что и пришли - по скалистой дороге вдоль Сола и бухты Нампары. Попрощавшись с родственниками, они вновь остались одни, шагая по вересковым пустошам.

Некоторое время они продолжали разговор прошлой ночи, отрывочный и доверительный, вместе смеялись и умолкали. Утром прошел дождь, сильный и без ветра, но прекратился, пока они обедали, и небо прояснилось. Теперь тучи опять сгущались. В воздухе витало тяжелое напряжение.

Демельза так радовалась тому, что не без триумфа прошла свое испытание, что, взяв Росса под руку, начала напевать. Чтобы не отставать от него, она делала большие шаги, но время от времени ей приходилось идти вприпрыжку, чтобы наверстать расстояние. Шажки вприпрыжку Демельза подстраивала под свою песню, так что голос в унисон с её ногами уносился ввысь.

Еще до заката хмурый день рассеялся на горизонте, и землю с морем затопили лучи света. От неожиданного тепла волны потеряли привычный порядок и, перекатываясь, неслись нестройной лавиной с поблескивавшими на солнце гребнями.

Я как никогда близка к нему, подумала Демельза. Как же наивна я была в то первое июньское утро, полагая, что всё определено. Даже той августовской ночи, когда приплыли сардины, даже ей не сравниться. Всё прошлое лето я твердила себе, что всё как никогда решено. Я была уверена. Но прошедшая ночь была другой. После семи часов в обществе Элизабет он по-прежнему желал меня. После всех разговоров, где она как кошка не сводила с него глаз, он вернулся ко мне. Быть может, она не столь плоха. Может, совсем и не кошка. Пожалуй, мне даже жаль её. Отчего Фрэнсис выглядел таким унылым? Пожалуй, мне ее жаль. Милая Верити мне помогла. Надеюсь, мой ребенок не родится с такими же выпученными рыбьими глазами, как у Джеффри Чарльза.

Надеюсь я похудею, а не располнею. Надеюсь, всё будет хорошо. Надеюсь, меня больше не будет так тошнить. Рут Тренигос хуже Элизабет. Ей не понравилось, как я заигрывала с ее помешанным на охоте мужем. Слово мне есть до него дело. Хотя мне бы не хотелось встретиться с ним одной посреди темной аллеи. Думаю, ее зависть вызывает другое. Возможно, она желала, чтобы Росс на ней женился. Как бы то ни было, я иду домой, к лысому Джуду и толстой Пруды, рыжеволосой Джинни и долговязому Кобблдику, иду домой, чтобы растолстеть и стать уродиной. И мне всё равно. Верити права. Он привяжется ко мне. Не потому что обязан, а потому что сам этого хочет. Нельзя забывать о Верити. Я всё устрою мудро, как змея. Как бы мне хотелось пойти на один из карточных вечеров Джорджа Уорлеганна. Интересно, побываю ли я там когда-нибудь? Интересно, не забыла ли Пруды покормить телят? Не подгорел ли у нее кекс? Пойдет ли дождь? Господи, надеюсь, меня не будет тошнить.

Они уже добрались до Сола, прошли галечную отмель и поднялись на холм на другой стороне.

- Ты не устала? - спросил Росс, поскольку она начала отставать.

- Нет-нет.

В первый раз он задал ей этот вопрос.

Солнце уже зашло, и небосвод потемнел. После небольшого волнения море успокоилось и накатывалось длинными, зелеными полосками, которые, пенясь, разбивались о берег.

И Росс вновь испытывал счастье, но чувство было новым и не столь быстротечным. Его наполнило странное ощущение озарения. Ему казалось, что вся его жизнь медленно текла к это мгновению отдельными нитями целых двадцать лет. Его безмятежное и босоное детство на хендронских песках, рождение Демельзы в нищете шахтерской лачуги, поляны Виргинии и стоптанные ярмарочные площадки Редрата, та смесь порывов, что побудила Элизабет выйти за Фрэнсиса, простая жизненная философия Демельзы - всё вылилось в закономерный исход, мгновение озарения, осмысления и совершенства. Один римский поэт именно этими словами описал вечность: охватить всю жизнь сразу, во всей ее полноте, здесь и сейчас, прошлое, настоящее и будущее.

Если можно было остановить жизнь на некоторое время, подумалось Россу, то я бы остановил ее здесь. Не в то мгновение, когда доберусь до дома, и не в тот миг, когда вышел из Тренвита, а в эту самую секунду, когда дошел до вершины холма за Солом, где сумерки поглотили землю, а рядом со мной, напевая песни, шагает Демельза.

Теперь Росс понимал, что отвлекало его всю жизнь. Жизнь была круговоротом трудностей,

которые следовало преодолеть, и препятствий, которые надлежало пройти. Но в этот вечерний час рождественского дня 1787 года его не беспокоило грядущее, лишь настоящее. Он подумал: меня не мучают голод или жажда, похоть или зависть; не гложут смятение и скука, честолюбие и сожаления. Впереди меня ждут радушный и теплый дом, уютные кресла, спокойствие и добрый друг. И, Господи, не дай мне это потерять.

В сгущающихся сумерках они обошли бухту Нампары и начали подниматься по последнему на пути к дому небольшому холму с журчащим рядом ручьем.

Демельза запела озорным и звонким голосом:

- Жили-были старик со старухой, и были они бедны, твидли, дидли, дудли, ди.

mir-knigi.org